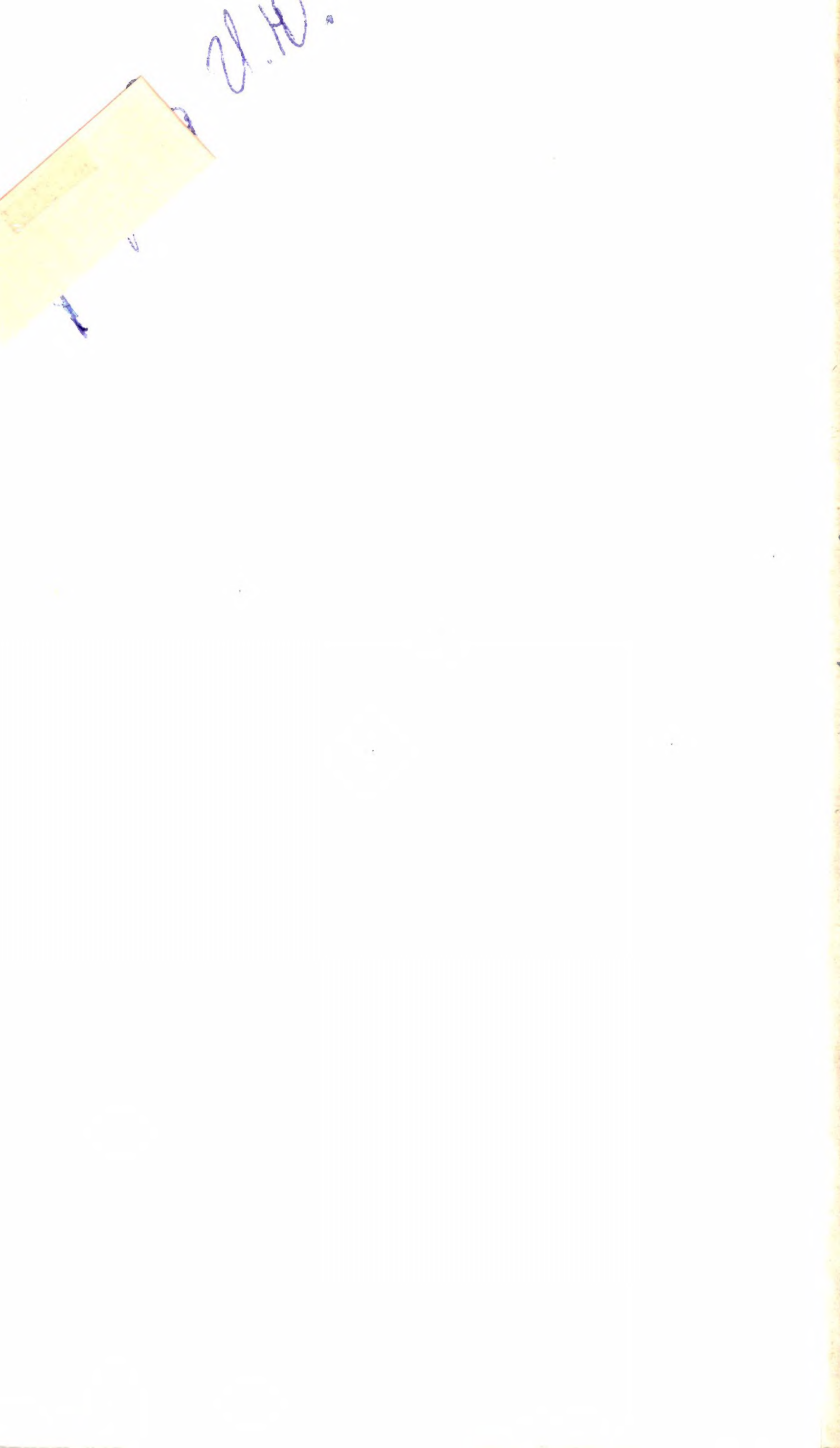
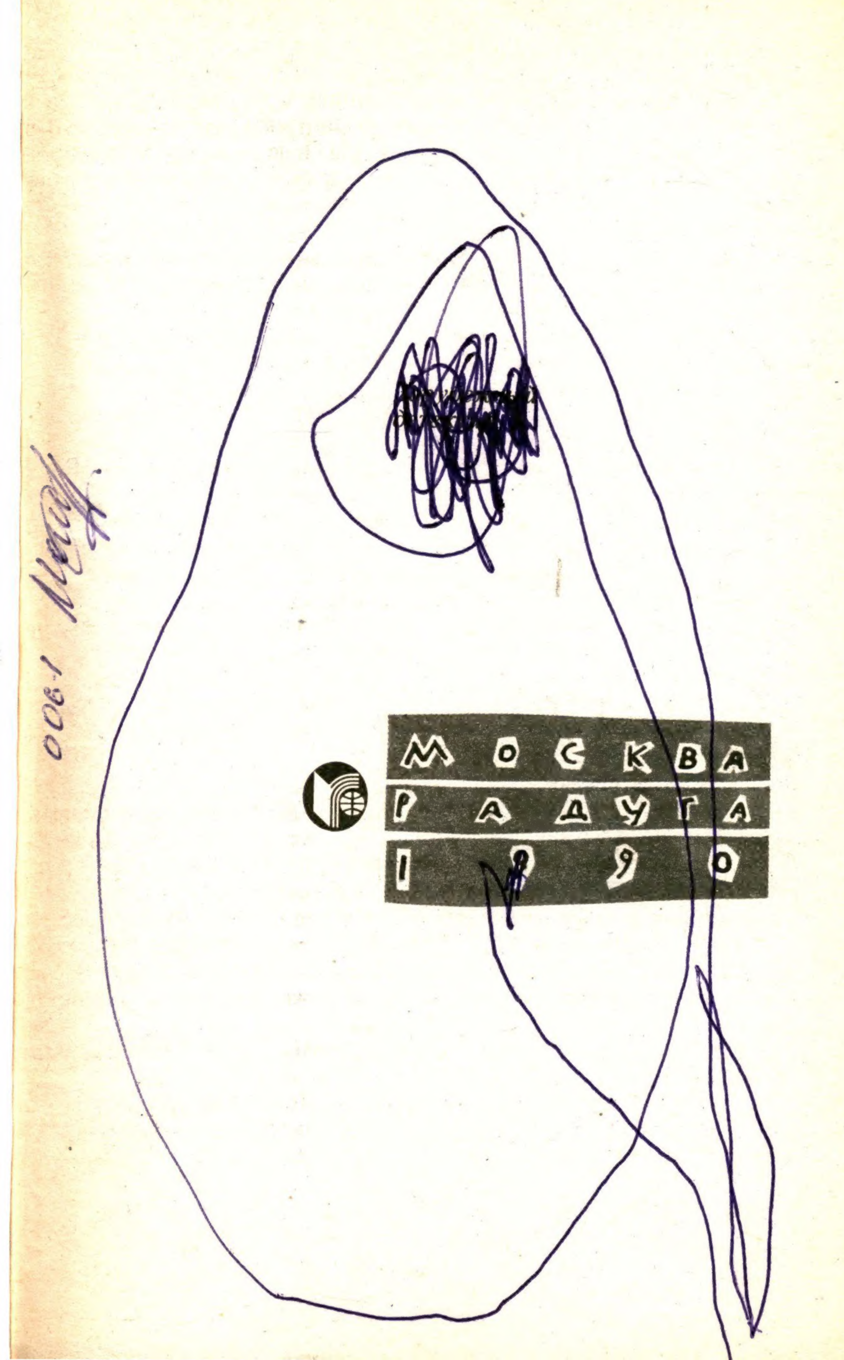

ИОАННА ХМЕЛЕВСКАЯ
ПРОКЛЯТОЕ НАСЛЕДСТВО

АГАТА КРИСТИ
ПЯТЬ ПОРОСЯТ

РАДУГА

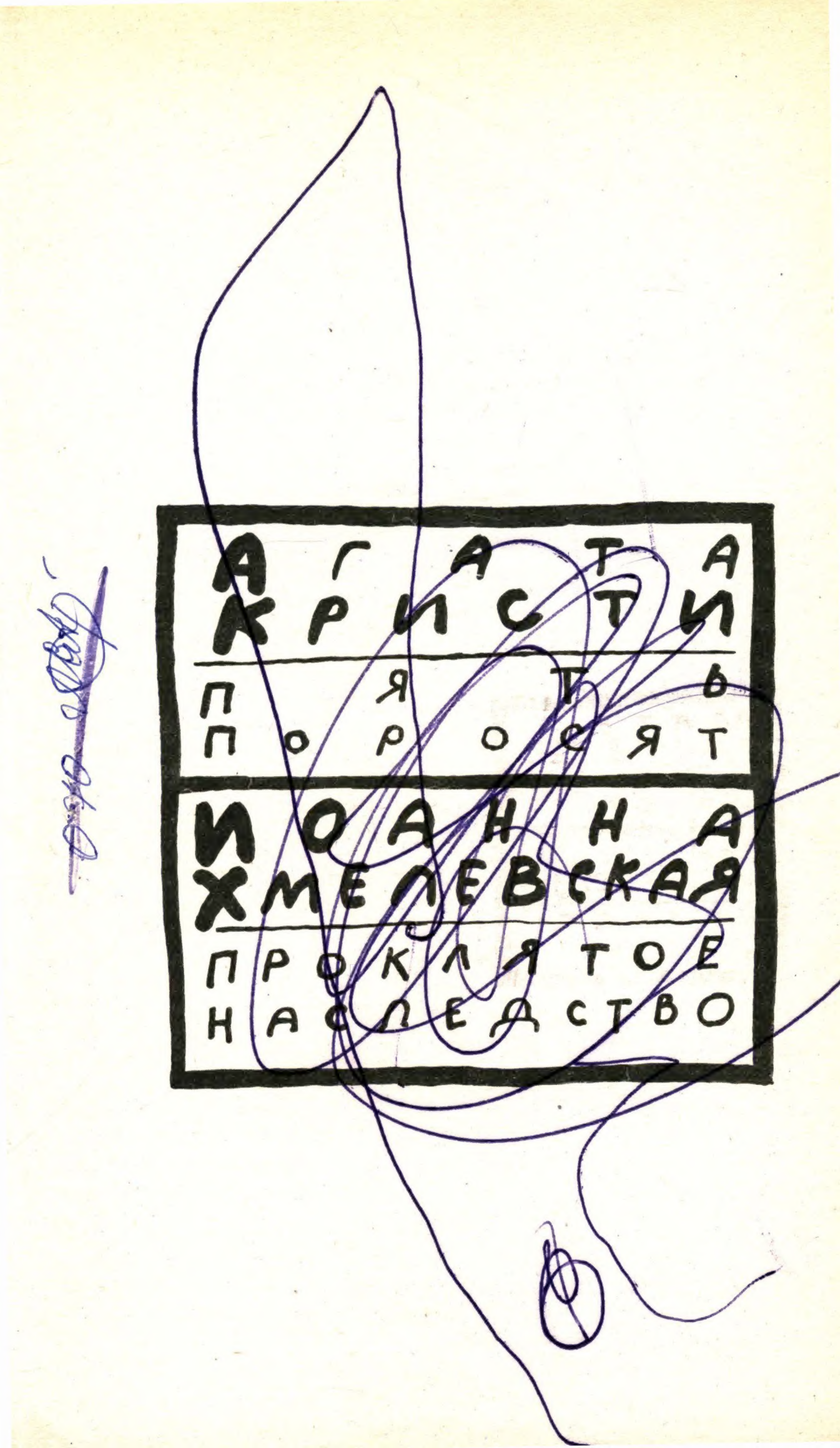

МОСКВА
РАДУГА
1990

AGATHA CHRISTIE

FIVE LITTLE PIGS

JOANNA CHMIELEWSKA

UPIORNY LEGAT

АГАТА КРИСТИ
ПЯТЬ ПОРОСЯТ
ИОАННА ХМЕЛЕВСКАЯ
ПРОКЛЯТОЕ НАСЛЕДСТВО

ББК 84.4
К82

Перевод Н. ЕМЕЛЬЯННИКОВОЙ, И. КОЛТАШЕВОЙ,
В. СЕЛИВАНОВОЙ
Редакторы С. БЕЛОВ и Л. ЕРМИЛОВА

К82 **Агата Кристи.** Пять поросят. **Иоанна Хмелевская.** Проклятое наследство: Романы. Пер. с разн. яз. – М.: Радуга, 1990. – 400 с.

В настоящий том включен не переводившийся ранее на русский язык роман законодательницы детективного жанра Агаты Кристи "Пять поросят", а также один из романов польской писательницы Иоанны Хмелевской, известной своими ироничными, остросюжетными детективами. В приложении публикуются своды правил, по которым строится классический детектив, разработанные С. С. Ван Дайном (США) и Р. Ноксом (Англия), а также "Присяга Детективного Клуба", основанного английскими мастерами детектива в 1928 г.

К $\frac{4703000000 - 431}{030(01) - 90}$ без объявления ББК 84.4

ISBN 5-05-002708-X

Агата Кристи

Пять поросят

Agatha Christie

FIVE LITTLE PIGS

London
1942

Перевод с английского Н. ЕМЕЛЬЯННИКОВОЙ
Редактор С. БЕЛОВ

ПРОЛОГ

КАРЛА ЛЕМАРШАН

Эркюль Пуаро с интересом и вниманием смотрел на молодую женщину, которая вошла к нему в кабинет.

В письме, которое она ему написала, ничего особенного не было. Никакого намека на то, чем вызвана просьба ее принять. Письмо было коротким и деловым. Только твердость почерка свидетельствовала о молодости Карлы Лемаршан. И вот она явилась собственной персоной – высокая, стройная молодая женщина лет двадцати с небольшим. Из тех, на кого приятно взглянуть и второй раз. Хорошо одета, в дорогом элегантном костюме, с роскошной горжеткой. Голова чуть вскинута, высокий лоб, приятная линия носа, решительный подбородок. И удивительная жизнерадостность. Пожалуй, жизнерадостность привлекала в ней даже больше, чем красота.

Перед ее приходом Эркюль Пуаро чувствовал себя дряхлым стариком, теперь он помолодел, оживился, собрался!

Встав ей навстречу, он почувствовал на себе изучающий взгляд темно-серых глаз. Она разглядывала его всерьез, по-деловому.

Карла Лемаршан села, взяла предложенную ей сигарету. Зажгла ее и минуту-другую курила, по-прежнему не спуская с него серьезных задумчивых глаз.

– Решение принято, не так ли? – мягко спросил ее Пуаро.

– Извините? – встрепенулась она.

Голос у нее был приятный, с небольшой, но приятной хрипотцой.

– Вы пытаетесь решить, проходимец я или именно тот, который вам нужен?

– Да, что-то в этом духе, – улыбнулась она. – Видите ли, мсье Пуаро, вы... вы выглядите совсем не таким, каким я вас себе представляла.

– Старик? Старше, чем вы думали?

– И это тоже. – Она помолчала. – Как видите, я откровенна. Мне хотелось бы... Понимаете, мне нужен лучший из лучших...

– Не беспокойтесь, – заверил ее Эркюль Пуаро. – Я и есть лучший из лучших!

– Скромностью вы не отличаетесь, – улыбнулась Карла. – Тем не менее я готова поверить вам на слово.

– Вы ведь явились сюда не затем, чтобы нанять человека физически сильного, – рассуждал Пуаро. – Я не измеряю следы, не подбираю окурки от сигарет и не разглядываю, как помята трава. Я сижу в кресле и думаю. Вот где, – он постучал себя по яйцеобразной голове, – происходят главные события!

– Я знаю, – кивнула Карла Лемаршан. – Поэтому и пришла к вам. Я хочу, чтобы вы сотворили чудо.

– Это уже интересно, – отозвался Эркюль Пуаро и выжидательно посмотрел на нее.

Карла Лемаршан глубоко вздохнула.

– Меня зовут не Карла, – сказала она, – а Кэролайн. Так же, как и мою мать. Меня назвали в ее честь. – Она помолчала. – И хотя я всегда носила фамилию Лемаршан, на самом деле моя фамилия Крейл.

На секунду Эркюль Пуаро задумался, наморщив лоб.

– Крейл... Что-то мне припоминается.

– Мой отец был художником, причем довольно известным, – сказала она. – Некоторые считают его великим. Я придерживаюсь того же мнения.

– Эмиас Крейл? – спросил Эркюль Пуаро.

– Да. – Опять помолчав, она продолжала: – А мою мать, Кэролайн Крейл, судили за его убийство!

– Ага! – воскликнул Эркюль Пуаро. – Припоминаю, но довольно смутно. Я был в ту пору за границей. Это ведь случилось давно?

– Шестнадцать лет назад, – сказала Карла.

Она побледнела, а глаза ее горели, как угли.

– Понимаете? Ее судили и признали виновной... И не повесили только потому, что нашлись смягчающие обстоятельства. Смертная казнь была заменена пожизненным заключением. Но через год она умерла. Умерла. Все кончено...

– И что же? – тихо спросил Пуаро.

Молодая женщина по имени Карла Лемаршан стиснула руки и заговорила медленно, чуть запинаясь, но твердо и решительно:

– Вы должны правильно понять, зачем я пришла к вам. Когда все это произошло, мне было пять лет. Я была слишком мала. Я, конечно, помню и маму и отца, помню, что меня вдруг увезли куда-то в деревню. Помню свиней и славную толстую жену фермера... Помню, что все были очень добры ко мне... Помню, как странно, украдкой они все поглядывали на меня. Я, разумеется, понимала – дети обычно это чувствуют: что-то случилось, но что именно, понятия не имела. А потом меня посадили на теплоход – это было чудес-

но, – мы плыли долго-долго, и я очутилась в Канаде, где меня встретил дядя Саймон. С ним и с тетей Луизой я жила в Монреале, а когда спрашивала про маму с папой, мне говорили, что они скоро приедут. А потом... Потом я их словно забыла – я как бы осознала, что их нет в живых, хотя мне вроде бы никто об этом не говорил. Потому что к тому времени – как бы поточнее сказать – я перестала про них вспоминать. Я была счастлива. Дядя Саймон и тетя Луиза меня любили, я ходила в школу, у меня было много друзей, и я даже забыла, что когда-то у меня была другая фамилия, не Лемаршан. Тетя Луиза сказала мне, что в Канаде у меня будет новая фамилия: Лемаршан, меня это ничуть не удивило, и, как я уже сказала, я просто не вспоминала, что когда-то меня звали по-другому.

И, вскинув подбородок, Карла Лемаршан добавила:

– Посмотрите на меня. Встретив меня, вы вполне можете сказать: "Вот идет женщина, которая не знает забот!" Я богата, у меня отличное здоровье, я недурна собой и умею радоваться жизни. В двадцать лет я была уверена, что на свете нет девушки, с которой мне хотелось бы поменяться местами.

Но я уже начала задавать вопросы. О маме и об отце. Кто они были, чем занимались? И в конце концов мне суждено было узнать...

Словом, мне сказали правду. Когда мне исполнился двадцать один год. Пришлось сказать, потому что, во-первых, я стала совершеннолетней и вступила в права наследования. А во-вторых, было письмо. Письмо, которое, умирая, оставила мне мама.

Выражение лица у нее смягчилось. Глаза перестали быть горящими углями, они потемнели, затуманились, стали влажными.

– Вот когда я узнала правду, – продолжала она. – О том, что мою мать обвинили в убийстве. Это было... ужасно. – Она помолчала. – Есть еще одно обстоятельство, о котором я должна вам сказать. Я собиралась выйти замуж. Но нам сказали, что мы должны подождать, что нам нельзя пожениться, пока мне не исполнится двадцать один год. Когда мне рассказали, я поняла почему.

Пуаро зашевелился.

– А какова была реакция вашего жениха? – спросил он.

– Джона? Джон не обратил внимания. Он сказал, что ему все равно, что существуем мы, Джон и Карла, и прошлое нас не касается. – Она подалась вперед. – Мы до сих пор не зарегистрировали наш брак. Но это не важно. Важно другое. И для меня, и для Джона тоже... Дело вовсе не в прошлом, а в будущем. – Она стиснула кулаки. – Мы хотим иметь детей.

Мы оба хотим детей. Но мы не хотим, чтобы наши дети росли в страхе.

– Разве вам не известно, что среди предков любого человека могут отыскаться убийцы и насильники? – спросил Пуаро.

– Вы меня не поняли. Нет, ваши слова, конечно, справедливы. Но обычно человек об этом не знает. А мы знаем. Причем знаем не о каких-то там дальних родственниках, а о моей матери. И порой я замечаю на себе взгляд Джона. Он длится всего лишь секунду, но мне и этого довольно. Предположим, мы поженимся, в один прекрасный день поссоримся, и я увижу, что он смотрит на меня и думает...

– Как погиб ваш отец? – перебил ее Эркюль Пуаро.

– Его отравили, – четко и твердо ответила Карла.

– Понятно, – отозвался Пуаро.

Наступило молчание.

– Слава богу, вы человек разумный и понимаете, почему это так важно, – спокойно и сухо констатировала молодая женщина. – Вы не сделали попытки успокоить меня и подыскать слова утешения.

– Я вас хорошо понимаю, – отозвался Пуаро. – Не понимаю только, зачем я понадобился вам.

– Я хочу выйти замуж за Джона, – сказала Карла Лемаршан. – И обязательно выйду! И рожу ему самое меньшее двух девочек и двух мальчиков. А вы должны сделать так, чтобы это осуществилось.

– Вы имеете в виду... Вы хотите, чтобы я поговорил с вашим женихом? О нет, глупости! Вы имеете в виду нечто совсем иное. Скажите мне, что вы придумали.

– Послушайте, мсье Пуаро, и поймите меня правильно: я прошу вас взять на себя расследование дела об убийстве.

– Расследование...

– Да, именно об этом я говорю. Убийство – это убийство, независимо от того, произошло ли оно вчера или шестнадцать лет назад.

– Но, моя дорогая юная леди...

– Подождите, мсье Пуаро. Вы не дослушали меня до конца. Имеется еще одно важное обстоятельство.

– Какое?

– Моя мать была невиновна, – сказала Карла Лемаршан.

Эркюль Пуаро почесал себе нос.

– Естественно... Я понимаю, что... – забормотал он.

– Нет, это не только мое мнение. Вот ее письмо. Она написала его перед смертью. Его должны были отдать мне в день совершеннолетия. Она написала это письмо по одной причине: чтобы у меня не было никаких сомнений. Об этом она и пишет. Что она не совершала никакого преступления, что

она невиновна, что у меня не должно быть на этот счет никаких сомнений.

Эркюль Пуаро задумчиво разглядывал полное энергии молодое лицо, с которого на него смотрели серьезные глаза.

– Tout de même...* – медленно начал он.

– Нет, мама не была такой! – улыбнулась Карла. – Вы считаете, что это ложь, ложь во спасение? – Она опять подалась вперед. – Но, мсье Пуаро, есть вещи, в которых дети неплохо разбираются. Я помню свою мать – конечно, это всего лишь отдельные впечатления, но я хорошо помню, какой она была. Она никогда не лгала, даже из самых добрых побуждений. Если будет больно, она говорила, что будет больно. Ну, например, у зубного врача или когда предстояло вытащить занозу из пальца. Она была так устроена, что не умела лгать. Насколько мне помнится, особой привязанности к ней я не испытывала, но я ей верила. И до сих пор верю! Она не из тех людей, кто, зная, что умирает, будет умышленно лгать.

Медленно, почти нехотя, Эркюль Пуаро наклонил голову в знак согласия.

– Вот почему я не боюсь выйти замуж за Джона, – продолжала Карла. – Я-то уверена, что она невиновна. Но он не уверен, хотя понимает, что я, естественно, должна считать свою мать невиновной. Это следует доказать, мсье Пуаро. И сделать это можете только вы!

– Допустим, что вы правы, мадемуазель, – в раздумье сказал Эркюль Пуаро, – но ведь прошло шестнадцать лет!

– Я понимаю, что это нелегко, – откликнулась Карла Лемаршан. – Но, кроме вас, этого сделать некому!

Глаза Эркюля Пуаро чуть блеснули.

– Не кажется ли вам, что вы мне льстите?

– Я про вас слышала, – сказала Карла. – Слышала про ваши удачи. Про ваше умение. Вас ведь интересует психология, верно? Материальных улик нет – исчезли окурки от сигарет, следы и помятая трава. Их отыскать нельзя. Зато вы можете изучить факты, приведенные в деле, и, быть может, поговорить с людьми, имевшими к этому какое-то отношение – они все живы, – а потом, как вы только что сказали, вы можете сидеть в кресле и думать. И поймете, что́ в действительности произошло...

Эркюль Пуаро встал. Подкрутив усы, он сказал:

– Мадемуазель, благодарю вас за оказанную честь! Я оправдаю ваше доверие. Я займусь расследованием вашего дела. Я изучу события шестнадцатилетней давности и отыщу истину.

*Тем не менее... (*франц.*)

Карла встала. Глаза ее сияли.

– Спасибо, – только и сказала она.

Эркюль Пуаро вскинул указательный палец.

– Одну минуту. Я сказал, что отыщу истину, но я буду, понимаете ли, беспристрастным. Я не разделяю вашей уверенности в невиновности вашей матери. Если она виновна, eh bien*, что тогда?

– Я ее дочь, – гордо вскинула голову Карла. – Мне нужна только правда!

– Тогда en avant**. Хотя, пожалуй, мне следует сказать нечто противоположное. En arrière...***

*Итак, хорошо (*франц.*).

**Вперед (*франц.*).

***Назад... (*франц.*)

КНИГА I

ГЛАВА I

ЗАЩИТНИК

– Помню ли я дело Крейл? – переспросил сэр Монтегю Деплич. – Разумеется. Отлично помню. Очень привлекательная женщина. Но крайне неуравновешенная. Никакого умения владеть собой. – И, глянув на Пуаро исподлобья, поинтересовался: – А что заставило вас спросить меня об этом?

– Меня интересует это дело.

– Не очень-то это тактично с вашей стороны, мой дорогой, – заметил Деплич, оскаливая зубы в своей знаменитой "волчьей ухмылке", которая приводила в ужас свидетелей. – Одно из тех дел, где я не одержал победы. Мне не удалось ее спасти.

– Я знаю.

Сэр Монтегю пожал плечами.

– Разумеется, в ту пору у меня еще не было такого опыта, как теперь, – сказал он. – Тем не менее я полагаю, что сделал все, что было в человеческих силах. Без содействия со стороны подсудимого много не сделаешь. Нам удалось заменить смертную казнь пожизненным заключением. Подали апелляцию. Нам на помощь пришли множество уважаемых жен и матерей, подписавших прошение. К ней было проявлено большое участие.

Вытянув длинные ноги, он откинулся на спинку кресла. Лицо его обрело многозначительное и благоразумное выражение.

– Если бы она его застрелила или нанесла ножевое ранение, я мог бы настаивать на непредумышленном убийстве. Но яд – нет, тут ничего не поделаешь. Такую задачу решить не под силу.

– Какую же версию выдвигала защита? – спросил Эркюль Пуаро.

Ответ он знал заранее, ибо уже прочел газеты того времени, но не видел беды прикинуться несведущим.

– Самоубийство. Единственное, за что мы могли ухватиться. Но наша версия не сработала. Крейл был не из тех, кто способен на самоубийство. Вы его никогда не видели? Нет? Яркая личность. Живой, шумный, большой любитель женщин и пива. Убедить присяжных, что такой человек спо-

собен втихомолку покончить с собой, довольно трудно. Не вписывается в схему. Нет, боюсь, я с самого начала проигрывал дело. И она нас не захотела поддержать! Как только она уселась в свидетельское кресло, я сразу понял, что нас ждет поражение. В ней не было желания бороться. А уж коли ты не заставишь клиента давать показания, присяжные тут же делают собственные выводы.

– Именно это вы и имели в виду, – спросил Пуаро, – когда упомянули, что без содействия со стороны подсудимого много не сделаешь?

– Совершенно верно, мой дорогой. Мы же не чудотворцы. Половина удачи в том, какое впечатление обвиняемый производит на присяжных. Мне известно много случаев, когда решение присяжных идет вразрез с напутствием судьи: "Он это сделал, и все!" Или: "Он на такое не способен!" А Кэролайн Крейл даже не сделала и попытки бороться.

– А почему?

– Меня не спрашивайте, – пожал плечами сэр Монтегю. – Прежде всего, она любила своего мужа. А потому, когда пришла в себя и поняла, что натворила, не сумела собраться с духом. По-моему, она так и не вышла из шокового состояния.

– Значит, вы тоже считаете ее виновной?

Деплич удивился.

– Я полагал, что это не требует доказательств, – сказал он.

– Она хоть раз призналась вам в своей вине?

Деплич был потрясен.

– Нет. Разумеется, нет. У нас свой моральный кодекс. Мы всегда исходим из того, что клиент невиновен. Если вас так интересует это дело, жаль, что уже нельзя поговорить со стариком Мейхью. Контора Мейхью занималась подготовкой для меня документов по этому делу. Старик Мейхью мог бы рассказать вам куда больше меня, но он ушел в мир иной. Есть, правда, молодой Джордж Мейхью, но он в ту пору был еще совсем мальчишкой. Прошло ведь немало времени.

– Да, знаю. Мне повезло, что вы так много помните. Память у вас необыкновенная.

Деплечу это понравилось.

– Главное, хочешь не хочешь, запоминается. В особенности когда это преступление, за которое предусмотрена смертная казнь. Кроме того, пресса широко разрекламировала дело Крейлов. Оно ведь вызвало большой интерес. Замешанная в этой истории девица была потрясающе интересной. Лакомый кусочек, скажу я вам.

– Прошу прощения за настойчивость, – извинился Пуаро, – но разрешите спросить еще раз: у вас не было никаких сомнений в вине Кэролайн Крейл?

Деплич пожал плечами.

– Откровенно говоря, сомневаться не приходилось. Да, она его убила.

– А какие были против нее улики?

– Весьма существенные. Прежде всего мотив преступления. В течение нескольких лет они с Крейлом жили как кошка с собакой. Бесконечные ссоры. Он то и дело влезал в истории с женщинами. Уж такой он был человек. Она-то, в общем, держалась молодцом. Делала скидку на его темперамент – а он и вправду был первоклассным художником. Его картины теперь стоят бешеных денег. Мне такая живопись не по сердцу, сплошное уродство, но выписано, следует признать, превосходно.

Так вот, время от времени между ними были скандалы из-за женщин. Миссис Крейл тоже не была кроткой овечкой, которая страдает молча. Они часто ссорились, но в конце концов он всегда возвращался к ней. Эти его романы кончались ничем. Однако последний роман разительно отличался от предыдущих. В нем была замешана совсем юная девица. Ей было всего двадцать лет.

Звали ее Эльза Грир. Единственная дочь какого-то фабриканта из Йоркшира. У нее были деньги и характер, и она знала, чего хочет. А хотела она Эмиаса Крейла. Она заставила его написать ее портрет – обычно он не писал портретов дам из общества, "Такая-то в розовом шелке и жемчугах", он писал портреты личностей. Да я и не уверен, что большинство женщин мечтали быть им увековеченными – он был беспощаден! Но эту Грир он принялся писать, а кончил тем, что влюбился в нее без памяти. Ему было под сорок, и он уже много лет был женат. Он как раз созрел для того, чтобы свалять дурака из-за какой-нибудь девчонки. Ею и оказалась Эльза Грир. Он был от нее без ума и собирался развестись с женой и жениться на Эльзе.

Кэролайн Крейл была против развода. Она ему угрожала. Двое людей слышали, как она говорила, что, если он не расстанется с девчонкой, она его убьет. И она не шутила! Накануне они пили чай у соседа. Тот, между прочим, увлекался сбором трав и приготовлением из них лекарственных настоек. Среди запатентованных им настоек был кониум, или болиголов крапчатый. И там шел разговор об этом кониуме и о его ядовитых свойствах.

На следующий день он заметил, что половина содержимого бутылки исчезла. Сказал всем об этом. И в спальне миссис Крейл на дне одного из ящиков бюро нашли флакон с остатками кониума.

Эркюль Пуаро заерзал в кресле.

– Его мог положить туда кто-нибудь другой.

– Да, но она призналась полиции, что сама взяла яд. Глупо, конечно, но в ту минуту при ней не было адвоката, который мог бы посоветовать ей, что говорить, а что нет. Когда ее спросили, она откровенно призналась, что взяла яд.

– Для чего?

– Чтобы покончить с собой, сказала она. Почему флакон оказался почти пустым или как получилось, что на нем были отпечатки только ее пальцев, она объяснить не сумела. Предположила, что Эмиас Крейл сам покончил с собой. Но если он взял флакон, спрятанный у нее в спальне, тогда почему на флаконе нет отпечатков его пальцев, а?

– Яд ему подлили в пиво, не так ли?

– Да. Она взяла из холодильника бутылку с пивом и сама отнесла ее в сад, где он писал. Налила пиво в стакан и стояла рядом, пока он пил. Все в это время ушли обедать, он был в саду один. Он часто не приходил к обеду. А спустя некоторое время она и гувернантка нашли его на том же месте мертвым. Она утверждала, что в пиве, которое ему дала, ничего не было. Мы же в качестве защиты выдвинули версию, что он вдруг почувствовал себя виноватым – его одолели угрызения совести, – сам подлил себе в пиво яд. Все это, разумеется, было притянуто за уши – не такой он человек! А самое неприятное было с отпечатками пальцев.

– На бутылке обнаружили отпечатки ее пальцев?

– Нет. Обнаружили отпечатки только его пальцев, причем фальшивые. Когда гувернантка побежала вызывать врача, она осталась возле него. В эту минуту она, должно быть, вытерла бутылку и стакан и прижала к ним его пальцы. Хотела сделать вид, что никогда не дотрагивалась ни до бутылки, ни до стакана. Когда такое объяснение не сработало, старик Рудольф, который был прокурором на процессе, неплохо повеселился, доказав с полной очевидностью, что человек не может держать бутылку, когда у него пальцы находятся в таком положении! Разумеется, мы изо всех сил старались доказать обратное, что его пальцы были сжаты в конвульсиях, когда он умирал, но, честно говоря, наши доводы были малоубедительны.

– Кониум мог оказаться в бутылке и до того, как она отнесла ее в сад, – заметил Эркюль Пуаро.

– В бутылке вообще не было яда. Только в стакане.

Он помолчал, выражение его красивого с крупными чертами лица вдруг изменилось, он резко повернул голову.

– Подождите, Пуаро, на что вы намекаете? – спросил он.

– Если Кэролайн Крейл была невиновна, – ответил Пуаро, – каким образом кониум мог попасть в пиво? Защита на суде утверждала, что его туда налил сам Эмиас Крейл. Но вы говорите, что это вряд ли было возможно – не такой он был

человек, – и я с вами согласен. Значит, если Кэролайн Крейл этого не сделала, то мог сделать кто-то другой.

– О господи, Пуаро, к чему толочь воду в ступе? Со всем этим давным-давно покончено. Она это сделала, не сомневаюсь. Если бы вы ее видели в ту пору, у вас не осталось бы и капли сомнения. У нее на лице прямо было написано, что она виновата. Мне даже показалось, что приговор принес ей облегчение. Она не боялась. Была совершенно спокойна. Ей хотелось одного: чтобы суд поскорее кончился. Мужественная женщина...

– И тем не менее, – сказал Эркюль Пуаро, – перед смертью она написала письмо с просьбой передать его дочери, в котором торжественно клялась в собственной невиновности.

– Очень возможно, – согласился сэр Монтегю Деплич. – Мы с вами на ее месте, возможно, поступили бы точно так же.

– Ее дочь утверждает, что она не способна на ложь.

– Ее дочь утверждает... Ха! Откуда ей об этом судить? Дорогой мой Пуаро, во время процесса ее дочь была совсем малышкой. Сколько ей было? Четыре-пять? Ей дали другое имя и увезли из Англии к каким-то родственникам. Что может она знать или помнить?

– Дети иногда неплохо разбираются в людях.

– Возможно. Но это не тот случай. Дочь, естественно, не может поверить, что ее мать совершила убийство. Пусть не верит. Вреда от этого никому нет.

– Но, к сожалению, она требует доказательств.

– Доказательств того, что Кэролайн Крейл не убила своего мужа?

– Да.

– Боюсь, – вздохнул Деплич, – ей не суждено их раздобыть.

– Вы так думаете?

Знаменитый адвокат окинул своего собеседника задумчивым взором.

– Я всегда считал вас честным человеком, Пуаро. Что вы делаете? Хотите заработать деньги, играя на естественной любви дочери к матери?

– Вы не видели дочь. Она человек незаурядный. С очень сильным характером.

– Представляю, какой может быть дочь Эмиаса и Кэролайн Крейл. Чего же она хочет?

– Правды.

– Хм... Боюсь, что до правды будет трудно докопаться. Ей-богу, Пуаро, по-моему, тут нет никаких сомнений. Она его убила.

– Извините меня, мой друг, но я должен убедиться в этом лично.

– Не знаю, как вы сумеете это сделать. Можно, конечно, прочитать в газетах все отчеты с судебного процесса. Прокурором был Хамфри Рудольф. Его уже нет в живых. Дайте вспомнить, кто ему помогал? Молодой Фогг, по-моему. Да, Фогг. Поговорите с ним. Кроме того, существуют люди, которые в ту пору были в доме у Крейлов. Не думаю, что им придутся по душе ваши расспросы, когда вы приметесь копать все заново, но вытянуть из них кое-что вам, пожалуй, удастся. Вы ведь умеете внушать доверие.

– А, да, люди, причастные к этому делу. Это очень важно. Может, вы их помните?

Деплич задумался.

– Подождите – много лет прошло все-таки с тех пор. В этом деле было, так сказать, замешано пятеро – слуг я не считаю, это все пожилые, преданные семье, насмерть перепуганные люди. Они были вне подозрения.

– Значит, пятеро, говорите вы? Расскажите-ка про них.

– Филип Блейк, закадычный друг Крейла, знал его всю жизнь. В ту пору он жил у них. Жив-здоров. Время от времени встречаю его на площадке для гольфа. Живет в Сент-Джордж-Хилле. Биржевой маклер. Играет на бирже, и довольно удачно. Преуспевает, последнее время начал полнеть.

– Так. Кто следующий?

– Старший брат Блейка. Деревенский сквайр. Домосед.

В голове у Пуаро звякнул колокольчик. Звякнул и умолк. Хватит каждый раз вспоминать детские стишки. Последнее время это стало у него прямо каким-то наваждением. Нет, колокольчик не умолк:

"Первый поросенок пошел на базар. Второй поросенок забился в амбар..."

– Значит, он остался дома, да? – пробормотал он.

– Это тот самый, про которого я уже говорил, он возился с настойками и травами, химик, что ли. Такое у него было хобби. Как его звали? У него было имя, которое часто встречается в романах... Ага, вспомнил. Мередит. Мередит Блейк. Не знаю, жив он или нет.

– Кто следующий?

– Следующая! Причина всех бед. Третья сторона треугольника. Эльза Грир.

– "Третий поросенок устроил пир горой...", – пробормотал Пуаро.

Деплич уставился на него.

– Она и вправду наелась досыта, – сказал он. – Оказалась очень деятельной. С тех пор трижды выходила замуж. Разводилась с невероятной легкостью. Сейчас она леди Диттишем. Откройте любой номер "Татлера" – обязательно о ней прочтете.

– А кто еще двое?

– Гувернантка, но я не помню ее фамилии. Славная, услужливая женщина. Томпсон, Джонс, что-то вроде этого. И девочка, сводная сестра Кэролайн Крейл. Ей было лет пятнадцать. Сделалась знаменитостью. Занимается археологией, все время в экспедициях. Ее фамилия – Уоррен. Анджела Уоррен. Очень серьезная молодая женщина, я встретил ее на днях.

– Значит, она не тот поросенок, что, плача, побежал домой?

Сэр Монтегю Деплич окинул Пуаро каким-то странным взглядом.

– Ей есть от чего плакать, – сухо отозвался он. – У нее обезображено лицо. Глубокий шрам с одной стороны. Она... Да что говорить? Вы сами обо всем узнаете.

Пуаро встал.

– Благодарю вас, – сказал он. – Вы были крайне любезны. Если миссис Крейл *не* убила своего мужа...

– Убила, старина, убила, – оборвал его Деплич. – Поверьте мне на слово.

Не обращая на него внимания, Пуаро продолжал:

– ...тогда вполне логично предположить, что это сделал кто-то из этих пятерых.

– Пожалуй, – с сомнением произнес Деплич, – только не пойму зачем. Не было причин! По правде говоря, я убежден, что никто из них этого не делал. Выбросьте эту мысль из головы, старина!

Но Эркюль Пуаро только улыбнулся и покачал головой.

ГЛАВА II

ОБВИНИТЕЛЬ

– Безусловно, виновна, – коротко ответил мистер Фогг.

Эркюль Пуаро задумчиво разглядывал худую, чисто выбритую физиономию Фогга.

Квентин Фогг был совсем не похож на Монтегю Деплича. В Дepличе были сила и магнетизм, держался он властно и вселял в собеседника страх. А в суде производил впечатление быстрой и эффектной сменой тона. Красивый, любезный, обаятельный – и вдруг чуть ли не сказочное превращение – губы растянуты, зубы оскалены в ухмылке – он жаждет крови.

Квентин Фогг, худой, бледный, до удивления лишенный тех качеств, какие составляют понятие "личность", вопросы свои обычно задавал тихим, ровным голосом, но настойчиво

и твердо. Если Деплича можно было сравнить с рапирой, то Фогга – со сверлом. От него веяло скукой. Он так и не сумел добиться славы, но зато считался первоклассным юристом. И дела, которые вел, обычно выигрывал.

Эркюль Пуаро задумчиво разглядывал его.

– Значит, вот какое впечатление произвело на вас это дело?

Фогг кивнул.

– Если бы вы видели ее, когда она давала показания! Старый Хампи Рудольф, а он был прокурором на этом процессе, превратил ее в котлету. В котлету!

Он помолчал и вдруг неожиданно добавил:

– Но в целом процесс шел чересчур уж гладко.

– Не уверен, что правильно вас понимаю, – сказал Эркюль Пуаро.

Фогг свел свои тонко очерченные брови. Провел рукой по чисто выбритой верхней губе.

– Как бы это вам объяснить? – сказал он. – Тут сугубо английская точка зрения. Пожалуй, скорей всего подобную ситуацию можно сравнить с поговоркой: "Стрелять по сидящей птице". Понятно?

– Это и впрямь сугубо английская точка зрения, и тем не менее я вас понял. В уголовном суде, как на игровом поле Итона или на охоте, англичанин предпочитает не лишить своего противника или жертву надежды на успех.

– Именно. Так вот, в данном случае у обвиняемой не было никакой надежды. Хампи Рудольф играл с ней, как кошка с мышью. Началось все с допроса ее Депличем. Она сидела послушная, как ребенок среди взрослых, и давала на вопросы Деплича ответы, которые выучила наизусть. Спокойно, четко формулируя мысли – и совершенно неубедительно! Ее научили, что отвечать, она и отвечала. Деплич ничуть не был виноват. Старый фигляр сыграл свою роль отлично – но в сцене, где требуются два актера, один не в силах отдуваться и за другого. Она не желала ему подыгрывать. И это произвело на присяжных отвратительное впечатление. А затем встал старый Хампи. Надеюсь, вы его встречали? Его смерть – огромная для нас потеря. Закинув полу своей мантии через плечо, он стоял, покачиваясь, и не спешил. А потом вдруг задавал вопрос, да не в бровь, а в глаз!

Как я уже сказал, он сделал из нее котлету. Заходил то с одной стороны, то с другой, и всякий раз она садилась в галошу. Он заставил ее признать абсурдность ее собственных показаний, вынудил противоречить самой себе, и она вязла все глубже и глубже. А закончил он, как обычно, очень убедительно и веско: "Я утверждаю, миссис Крейл, что ваше объяснение кражи кониума желанием покончить с собой –

ложь от начала до конца. Я утверждаю, что вы украли яд с намерением отравить вашего мужа, который собирался бросить вас ради другой женщины, и что вы умышленно его отравили". И она посмотрела на него – такая милая с виду женщина, стройная, изящная – и сказала совершенно ровным голосом: "О нет, нет, я этого не делала". Прозвучало это крайне неубедительно. Я заметил, как заерзал в своем кресле Деплич. Он сразу понял, что все кончено.

Помолчав минуту, Фогг продолжал:

– И тем не менее я чувствовал в ее поведении нечто странное. В некотором отношении оно было на удивление рациональным. А что еще ей оставалось делать, как не взывать к благородству – к тому самому благородству, которое наряду с нашим пристрастием к жестокой охоте заставляет иностранцев видеть в нас таких притворщиков! Присяжные да и все присутствующие в суде чувствовали, что у нее нет ни единого шанса. Она не умела даже постоять за себя. И, уж конечно, не была способна сражаться с такой грубой скотиной, как старый Хампи. Это еле слышное, неубедительное: "О нет, нет, я этого не делала" – было просто жалким.

Однако это было лучшее из того, что она могла предпринять. Присяжные заседали всего полчаса. Их приговор: виновна, но заслуживает снисхождения.

По правде говоря, она производила очень хорошее впечатление по сравнению с другой женщиной, замешанной в этом деле. С молодой девицей. Присяжные с самого начала ей не симпатизировали, но она не обращала на них внимания. Очень интересная, жесткая, современная, в глазах женщин, присутствующих в суде, она была олицетворением разрушительницы семьи. Семья в опасности, когда рядом бродят такие сексапильные девицы, которым совершенно наплевать на права жен и матерей. Она себя не щадила, должен признать. На вопросы отвечала честно. Удивительно честно. Она влюбилась в Эмиаса Крейла, он – в нее, и никаких угрызений совести, уводя его от жены и ребенка, она не испытывала.

Я даже восхищался ею. Она была очень неглупа. Деплич устроил ей перекрестный допрос, но она его выдержала с честью. Тем не менее суд ей не симпатизировал. И судье она не нравилась. Вел процесс Эйвис. Сам в молодости любил погулять, но, когда надевал мантию, преследовал за малейшее нарушение морали. Напутствием, которое он давал присяжным по делу Кэролайн Крейл, был призыв к милосердию. Факты он отрицать не посмел, но раза два прозрачно намекнул на то, что подсудимую спровоцировали на совершение преступления.

– Но он не поддержал версию защиты о самоубийстве?

Фогг покачал головой.

– Эта версия ни на чем не была основана. Нет, я вовсе не хочу сказать, что Деплич не постарался выжать из нее все, что мог. Он произнес проникновенную речь. Расписал трогательную историю человека, наделенного темпераментом и щедрой душой, любителя удовольствий, внезапно охваченного страстью к красивой молодой девушке и хоть и терзаемого угрызениями совести, но неспособного устоять. Поведал о том, как Крейл осознал свою ошибку, и, испытывая отвращение к себе, покаялся в том, что был грешен по отношению к жене и ребенку, и решил покончить с собой! С честью выйти из замкнутого круга. Это была, повторяю, очень трогательная речь. Вы видели перед собой несчастного, раздираемого противоречиями человека: страсть и присущая ему от рождения благопристойность. Эффект от этой речи был потрясающим. Только, когда речь была завершена и чары нарушены, вам никак не удавалось в своем сознании связать эту мифическую фигуру с подлинным Эмиасом Крейлом. Ведь он был совсем другим. И Деплич не сумел найти своим словам подтверждения. Крейл, я бы сказал, скорей относился к тем людям, которые начисто лишены даже зачатков совести. Это был безжалостный, хладнокровный, всегда довольный собой себялюбец. Нравственным он был лишь в своем творчестве. Он не взялся бы, я убежден, написать на скорую руку какую-нибудь картину с сентиментальным сюжетом, сколько бы ему за нее ни предлагали. Но это был человек настоящий, который любил жизнь и умел пожить. Покончить с собой? Только не он!

– Быть может, защита выбрала не совсем убедительный вариант?

– А что еще им оставалось? – пожал плечами Фогг. – Не сидеть же сложа руки и твердить, что присяжным в данном случае делать нечего, ибо прокурор еще не доказал вину обвиняемой! Слишком уж много было улик. Яд у нее в руках был – она призналась, что украла его. В наличии имелись мотив для совершения преступления, средство и удобный случай – словом, все.

– А нельзя ли было попытаться доказать, что все это с определенным умыслом подстроено?

Фогг не стал увиливать от ответа.

– Она сама многое признала. И потом, такая версия смотрится чересчур надуманной. Вы хотите сказать, что его убил кто-то другой, сделав так, чтобы вина пала именно на нее?

– Вы считаете такую позицию несостоятельной?

– Боюсь, что да, – задумчиво ответил Фогг. – Вы предполагаете, что существует некий Икс? Где же нам его искать?

– Совершенно очевидно, среди тех людей, которые ее окружали. Таких было пятеро. И каждый из них *мог* иметь

к этому делу самое непосредственное отношение.

– Пятеро? Дайте-ка припомнить. Был среди них такой нескладный малый, который варил травы. Опасное увлечение, но человек приятный. Правда, какой-то малопонятный. Нет, мне он этим Иксом не представляется. Затем сама девица – она могла бы прихлопнуть Кэролайн, но не Эмиаса. Биржевой маклер – закадычный друг Крейла. В детективных романах он мог бы сойти за убийцу, но в жизни нет. Вот и все. Ах да, была еще младшая сестра, но про нее всерьез и говорить не стоит. Значит, четверо.

– Вы забыли гувернантку, – напомнил Эркюль Пуаро.

– Да, верно. Несчастные существа эти гувернантки, никто про них и не помнит. Средних лет, некрасивая, но с образованием. Психолог, наверное, стал бы утверждать, что она испытывала тайную страсть к Крейлу и поэтому убила его. Старая дева с подавленными инстинктами! Нет, не верю. Насколько мне помнится, она вовсе не производила впечатление невропатки.

– С тех пор прошло много лет.

– Пятнадцать или шестнадцать... Да, немало. Можно ли требовать, чтобы я все помнил?

– Как раз наоборот, – возразил Эркюль Пуаро, – я просто поражен, до чего вы все хорошо помните. Вы что, все это себе представляете? Когда рассказываете, у вас перед глазами всплывает картина, верно?

– Да, – задумчиво подтвердил Фогг, – я действительно все это вижу, причем довольно отчетливо.

– Меня очень интересует, мой друг, можете ли вы мне объяснить почему?

– Почему? – задумался Фогг. Его худое умное лицо оживилось. – И вправду, почему?

– Что вы видите отчетливо? – спросил Пуаро. – Свидетелей? Защитника? Судью? Обвиняемую, когда она дает показания?

– Как вы сумели догадаться? – восхитился Фогг. – Да, именно ее я вижу... Забавная штука – любовь. В ней жила любовь. Не знаю, была ли она красивой... Она была не первой молодости, выглядела утомленной – круги под глазами. Но она была средоточием его драмы. Она была в центре внимания. И тем не менее половину времени она отсутствовала. Была где-то в другом мире, далеко-далеко, хоть и сидела в зале суда, молчаливая, внимательная, с легкой вежливой улыбкой на губах. Она вся была в полутонах – свет и тень вместе. И при этом производила впечатление более живой, чем другая – эта девица с ее идеальной фигурой, с безупречным лицом и присущей юности дерзостью. Я восхищался Эльзой Грир – она была неглупой, умела постоять за себя,

не боялась своих мучителей и ни разу не дрогнула! А Кэролайн Крейл я не восхищался, потому что она не умела бороться, потому что ушла в себя, в свой мир полутонов. Она не потерпела поражения, потому что ни разу не попыталась вступить в сражение. Я уверен только в одном, – помолчав, продолжал он. – Она любила человека, которого убила. Любила так, что умерла вместе с ним...

Мистер Фогг снова умолк и протер стекла своих очков.

– Боже мой, – вздохнул он, – какие, однако, странные вещи я говорю. В ту пору я был совсем молод и полон честолюбивых устремлений. Подобные события запоминаются. Я считаю, что Кэролайн Крейл была женщиной необыкновенной. Я ее никогда не забуду. Нет, я ее не забуду никогда...

ГЛАВА III

МОЛОДОЙ ЮРИСКОНСУЛЬТ

Джордж Мейхью был осторожен и немногословен.

Дело он, разумеется, помнит, но не совсем отчетливо. Им занимался его отец, ему самому в ту пору было всего девятнадцать.

Да, процесс этот произвел большое впечатление. Крейл ведь был известным художником. Картины у него превосходные. Две из них и сейчас висят в Тейтовской галерее. Хотя, разумеется, это ничего не значит.

Пусть мсье Пуаро его извинит, но он не совсем понимает, что именно интересует мсье Пуаро. А, дочь! В самом деле? В Канаде? А он всегда считал, что в Новой Зеландии.

Джордж Мейхью чуть-чуть расслабился. Помягчел.

Да, для девушки это оказалось потрясением. Он ей глубоко сочувствует. Наверное, было бы куда лучше, если бы она так и не узнала всей правды. Но что толку теперь об этом говорить!

Она хочет знать? Что именно? Ведь об этом процессе много писали. Ему же лично почти ничего не известно.

Нет, он считает, что в вине миссис Крейл сомневаться не приходится. Хотя ее отчасти можно понять. Эти художники – с ними всегда нелегко. А у Крейла, насколько он помнит, вечно были романы то с одной, то с другой.

И она сама тоже, по-видимому, была женщиной с характером. Не могла примириться с тем, что ей становилось известно. В наши дни она бы просто развелась с ним, и все.

– По-моему, – осторожно добавил он, – в этом деле была замешана леди Диттишем.

Он не ошибается, заверил его Пуаро.

— Газеты время от времени вспоминают о том деле, — сказал Мейхью. — Леди Диттишем не раз участвовала в бракоразводных процессах. Очень богатая женщина, как вам, наверное, известно. До этого она была замужем за известным путешественником. Она постоянно на виду. По-видимому, из тех женщин, которые любят, когда о них говорят.

— Или чрезмерно обожают знаменитостей, — предположил Пуаро.

Мысль эта не пришлась Джорджу Мейхью по вкусу. Он воспринял ее без особой радости.

— Пожалуй, да, в этом есть доля правды.

И надолго задумался над этой мыслью.

— Ваша фирма много лет представляла интересы миссис Крейл? — спросил Пуаро.

— Нет, — покачал головой Джордж Мейхью. — "Джонатан и Джонатан" были юрисконсультами семьи Крейл. Но когда случилась беда, мистер Джонатан счел для себя неудобным действовать в интересах миссис Крейл и поэтому договорился с нами — с моим отцом — взять на себя обязанности по делу. Вам бы следовало, мсье Пуаро, попытаться встретиться со старым мистером Джонатаном. Он отошел от дел — ему больше семидесяти, — но он хорошо знал всех членов семьи Крейл и сумеет рассказать вам гораздо больше меня. Я, по правде говоря, мало что знаю. В ту пору я был мальчишкой. Не помню даже, присутствовал ли я на процессе.

Пуаро встал, а Джордж Мейхью, поднимаясь, добавил:

— Советую вам поговорить и с нашим старшим клерком Эдмундсом. Он и тогда служил у нас и очень интересовался процессом.

Эдмундс говорил медленно. Глаза его были настороже. Он не спеша оглядел Пуаро с головы до ног и уж потом позволил себе раскрыть рот.

— Да, дело Крейл я помню, — сказал он. И сурово добавил: — Неприглядная была история.

В его хитром взгляде читался явный вопрос.

— Прошло слишком много времени, чтобы заново раскапывать все подробности, — сказал он.

— Приговор суда не всегда означает конец дела.

— Верно, — кивнул квадратной головой Эдмундс.

— У миссис Крейл осталась дочь, — продолжал Пуаро.

— Да, ребенок был. Ее отправили за границу к родственникам, верно?

— Дочь убеждена в невиновности матери, — сказал Пуаро.

— Вот как? — кустистые брови мистера Эдмундса взмыли вверх.

— Можете ли вы сказать что-либо в защиту ее убеждения?

Эдмундс задумался. Затем медленно покачал головой.

– Честно говоря, нет. Мне очень нравилась миссис Крейл. Что бы она там ни натворила, прежде всего это была леди. Не то что та, другая. Дерзкая, развязная девчонка! Прет, как танк! Выскочка из отребья – и это сразу бросалось в глаза! А миссис Крейл была благородной дамой.

– И тем не менее оказалась убийцей?

Эдмундс нахмурился. Но ответил более охотно, нежели прежде:

– Именно этот вопрос задавал я себе день изо дня. Она сидела на скамье подсудимых и спокойно, сдержанно отвечала на вопросы. "Не могу поверить", – твердил себе я. Но сомневаться не приходилось, мистер Пуаро, если вы понимаете, о чем я говорю. Не мог же этот болиголов оказаться в пиве, которое выпил мистер Крейл, случайно. Его туда подлили. И если не миссис Крейл, то кто?

– Вот об этом я и спрашиваю, – сказал Пуаро. – Кто?

И снова в его лицо впились хитрые глаза.

– Вот, значит, в чем ваша мысль, – догадался мистер Эдмундс.

– А вы сами что думаете?

Клерк ответил не сразу:

– Никаких сомнений на этот счет вроде не существовало.

– Вы бывали в суде, когда слушалось дело? – спросил Пуаро.

– Каждый день.

– И слышали показания свидетелей?

– Да.

– Не приметили ли вы в них какую-либо неискренность или неестественность?

– Не лгал ли кто-либо из них, хотите вы знать? – напрямую спросил Эдмундс. – Не было ли у кого-либо из них причины желать смерти мистера Крейла? Извините меня, мистер Пуаро, но уж больно это смахивает на мелодраму.

– Тем не менее подумайте над этим, – попросил Пуаро.

Он вглядывался в хитроватое лицо, в прищуренные задумчивые глаза. Медленно, с сожалением Эдмундс покачал головой.

– Эта мисс Грир, – начал он, – она, конечно, разозлилась и горела желанием отомстить. Отвечая на вопросы, она позволяла себе лишнее, но ей мистер Крейл был нужен живым. От мертвого ей было мало проку. Да, она хотела, чтобы миссис Крейл повесили, но только потому, что смерть вытащила у нее из-под носа лакомый кусок. Она была как тигрица, которой помешали совершить прыжок! Но ей, повторяю, мистер Крейл нужен был живым. Мистер Филип Блейк тоже был на-

строен против миссис Крейл с самого начала. А потому нападал на нее при всяком удобном случае. Но, так сказать, посвоему, а вообще он был другом мистера Крейла, вел себя честно. Его брат, мистер Мередит Блейк, был плохим свидетелем, отвечал невпопад, путался, был не уверен. Много я перевидал таких свидетелей. Впечатление такое, будто они лгут, а на самом деле говорят чистую правду. Пуще всего мистер Мередит Блейк боялся сказать что-нибудь лишнее. А потому из него вытянули больше, чем он хотел сказать. Он из тех робких джентльменов, которые при подобных обстоятельствах сразу начинают волноваться. Вот гувернантка, та не смущалась. Слов на ветер не бросала и отвечала по существу. Слушая ее, нельзя было понять, на чьей она стороне. Отлично соображала и за словом в карман не лезла. – Он помолчал. – Я уверен, что она знала куда больше, чем сказала.

– Я тоже, – согласился Эркюль Пуаро.

Он еще раз пристально взглянул на морщинистое хитроватое лицо своего собеседника. Оно было вежливо-бесстрастным. Интересно, подумал Пуаро, не снизошел ли мистер Альфред Эдмундс до намека?

ГЛАВА IV

СТАРЫЙ ЮРИСКОНСУЛЬТ

Мистер Кэлеб Джонатан жил в Эссексе. После вежливого обмена письмами Пуаро получил приглашение, чуть ли не королевское по тону, отобедать и переночевать. Старый джентльмен, несомненно, был большим оригиналом. После пресного Джорджа Мейхью мистер Джонатан напоминал стакан выдержанного портвейна его собственного разлива.

У него были собственные методы подхода к интересующей собеседника теме, а поэтому только ближе к полуночи, попивая ароматный марочный коньяк, мистер Джонатан наконец расслабился. На восточный манер он по достоинству оценил тактичность Эркюля Пуаро, который не торопил его. Вот теперь, на досуге, он был готов подробно поговорить о семье Крейлов.

– Наша фирма знала не одно поколение этой семьи. Я лично был знаком с Эмиасом Крейлом и его отцом, Ричардом Крейлом. Помню я и Инока Крейла, деда. Все они были деревенские сквайры, думали больше о лошадях, чем о людях. Держались в седле прямо, любили женщин, и мысли их не обременяли. К мыслям они относились с подозрением. Зато жена Ричарда Крейла была до отказа набита идеями –

больше идей, чем здравого смысла. Она писала стихи, любила музыку – даже играла на арфе. Она была не крепкого здоровья и очень живописно смотрелась у себя на диване. Она была поклонницей Кингсли и поэтому назвала своего сына Эмиасом. Отцу это имя не нравилось, но перечить он не стал.

Эмиасу Крейлу качества, унаследованные от столь разных родителей, пошли только на пользу. От болезненной матери он унаследовал художественный дар, а от отца – энергию и невероятный эгоизм. Все Крейлы были себялюбцы. Никогда и ни при каких обстоятельствах они не признавали иной точки зрения, кроме собственной.

Постучав тонким пальцем по ручке кресла, старик окинул Пуаро хитрым взглядом.

– Поправьте меня, если я не прав, мсье Пуаро, но, по-моему, вы интересуетесь... характером, так сказать?

– Во всех моих расследованиях, – ответил Пуаро, – это меня интересует больше всего.

– Я вас понимаю. Вам хочется залезть в шкуру преступника. Очень интересно и увлекательно. Наша фирма никогда не занималась уголовной практикой, а поэтому мы не сочли себя достаточно компетентными действовать в интересах миссис Крейл, хотя это было бы вполне уместно. Мейхью вполне же отвечали требованиям. Они готовили документы для Деплича – возможно, им не хватило широты, – он требовал больших затрат и умел производить яркое впечатление. Однако у них недостало ума сообразить, что Кэролайн никогда не будет вести себя так, как от нее требовалось. Она не умела притворяться.

– А что она собой представляла? – спросил Пуаро. – Вот это мне больше всего хотелось бы знать.

– Да, да, сейчас. Почему она совершила то, что совершила? Вот самый главный вопрос. Видите ли, я знал ее еще до замужества. Кэролайн Сполдинг – это очень несчастное существо, хотя от природы очень жизнерадостное. Ее мать рано овдовела, и Кэролайн была к ней очень привязана. Затем мать вышла замуж снова, родился ребенок, появление которого Кэролайн восприняла крайне болезненно. С неистовой, по-юношески пылкой ревностью.

– Она ревновала?

– Страстно. И произошел весьма прискорбный инцидент. Бедное дитя, она впоследствии горько раскаивалась в случившемся. Но, как вам известно, мсье Пуаро, подобные эпизоды случаются в нашей жизни. Человек не всегда умеет сдерживаться. Это приходит потом, со зрелостью.

– Так что же произошло? – спросил Пуаро.

– Она швырнула в малышку пресс-папье. Ребенок ослеп на один глаз и получил увечье на всю жизнь. – Мистер Джона-

тан вздохнул. – Можете себе представить, каков был эффект от единственного заданного на этот счет вопроса во время суда. – Он покачал головой. – Создалось впечатление, что Кэролайн Крейл была женщиной с необузданным темпераментом. Что ни в коей мере не соответствует истине. Нет, не соответствует. – И еще раз вздохнув, заключил: – Кэролайн Сполдинг часто приезжала гостить в Олдербери. Она хорошо ездила верхом, была умна. Ричарду Крейлу она очень нравилась. Она ухаживала за миссис Крейл и делала это умело и заботливо, а потому миссис Крейл тоже к ней благоволила. Дома она не была счастлива, зато в Олдербери ее встречало тепло. Она подружилась и с Дианой Крейл, сестрой Эмиаса. В Олдербери часто приезжали из соседней усадьбы братья Филип и Мередит Блейки. Филип всегда был мерзким негодяем и стяжателем. Мне он никогда не нравился. Но я слышал, что он умеет рассказывать забавные истории и считается верным другом. Мередит был, как говаривали в мое время, сентиментально-чувствительным. Увлекался ботаникой и бабочками, наблюдал за птицами и животными. Теперь это называется "изучать природу". О боже, все эти молодые люди были разочарованием для своих родителей. Никто из них не занимался тем, чем положено: охотой, стрельбой, рыбной ловлей. Мередит очень любил наблюдать за птицами и животными, а не стрелять в них. Филип явно предпочитал деревне город и занялся добыванием денег. Диана вышла замуж за человека, который не считался джентльменом. Он был офицером, но только во время войны. А Эмиас, сильный, красивый, энергичный, сделался художником! Что и свело, я убежден, Ричарда Крейла в могилу.

Со временем Эмиас женился на Кэролайн Сполдинг. Они всегда спорили и ссорились, но брак этот был, несомненно, по любви. Они безумно любили друг друга. И по прошествии лет продолжали любить. Но Эмиас, как и все Крейлы, был жестоким эгоистом. Он любил Кэролайн, но никогда с ней не считался. Он поступал так, как ему хотелось. По-моему, он любил ее настолько, насколько вообще был способен любить; прежде всего для него существовало его искусство. И никогда ни одной женщине не удалось взять верх над искусством. У него были многочисленные романы – это его вдохновляло, – но, как только женщины ему надоедали, он безжалостно их бросал. Он не был ни сентиментальным, ни романтиком. И сластолюбцем тоже не был. Единственной женщиной, которая его немного интересовала, была его жена. И поскольку она это знала, то многое ему прощала. Он был отличным художником, она это понимала и почитала его талант. Он же бегал за женщинами, но всегда возвращался домой, чтобы, вдохновившись очередным романом, написать новую картину.

Так бы они и жили, если бы не появилась Эльза Грир. Эльза Грир... – И мистер Джонатан покачал головой.

– Что – Эльза Грир? – спросил Пуаро.

И вдруг мистер Джонатан вздохнул:

– Бедное, бедное дитя!

– Вот какое у вас к ней отношение? – удивился Пуаро.

– Быть может, это из-за того, что я уже старик, но, по-моему, мсье Пуаро, в молодости есть какая-то незащищенность, и это трогает до слез. Молодость так ранима и в то же время безжалостна и самоуверенна. Она так великодушна и так требовательна.

Он встал и подошел к книжному шкафу. Вынув оттуда томик, он перелистнул страницы и начал читать:

...Если искренне ты любишь
И думаешь о браке – завтра утром
Ты с посланной моею дай мне знать,
Где и когда обряд свершить ты хочешь, –
И я сложу всю жизнь к твоим ногам
И за тобой пойду на край Вселенной*.

Словами Джульетты говорит сама молодость. Никакого умалчивания, никакой скрытности, никакой так называемой девичьей скромности. Только отвага, настойчивость, кипучая молодая энергия. Шекспир понимал молодых. Джульетта находит Ромео. Дездемона требует Отелло. Эти молодые, они не ведают сомнений, страха, гордости.

– Значит, Эльза Грир представляется вам в образе Джульетты? – задумчиво спросил Пуаро.

– Да. Она была дитя удачи – юная, красивая, богатая. Она нашла своего Ромео и предъявила на него права. Пусть он не был юным, ее Ромео, пусть не был свободен. Эльза Грир не знала условностей, она была современной женщиной, девиз которой: "Живем ведь только раз!"

Он вздохнул, откинулся на спинку кресла и снова тихонько постучал по ручке.

– Джульетта-хищница. Молодая, безжалостная, но ранимая! Она смело ставит на кон все, что у нее есть, и выигрывает... Но в последнюю минуту является смерть, жизнерадостная, веселая, пылкая Эльза тоже умирает. Остается мстительная, холодная, жестокая женщина, всей душой ненавидящая ту, которая ей помешала. Боже милостивый, – голос его изменился, – простите меня за этот маленький экскурс в мелодраму. Идущая напролом молодая женщина! Нет, ничего ин-

*У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт II, сцена II. *Перевод Т. Щепкиной-Куперник. – Здесь и далее примечания переводчиков.*

тересного в ней нет. Бледно-розовая юность, страстная, уязвимая и так далее. Если это убрать, то что остается? Заурядная молодая женщина в поисках героя, чтобы возвести его на пьедестал.

– Не будь Эмиас Крейл знаменитым художником... – начал Пуаро.

– Именно, именно, – поспешил согласиться мистер Джонатан. – Вы попали в самую точку. Нынешние Эльзы обожают героев. Мужчина должен чего-то добиться, быть кем-то... Кэролайн Крейл мог бы понравиться и банковский клерк, и страховой агент. Кэролайн любила в Эмиасе мужчину, а не художника. Кэролайн Крейл не шла напролом – в отличие от Эльзы Грир, которая шла... Но Эльза была молодой, красивой и, на мой взгляд, трогательной.

Эркюль Пуаро ложился спать в задумчивости. Его мысли были заняты проблемой личности.

Клерку Эдмундсу Эльза Грир представлялась дерзкой, развязной девчонкой, не более того.

Старому мистеру Джонатану – вечной Джульеттой.

А Кэролайн Крейл?

Каждый видел ее по-своему. Монтегю Деплич презирал ее за нежелание бороться. Молодому Фоггу она казалась воплощением романтики, Эдмундс видел в ней леди. Мистер Джонатан назвал ее очень несчастным существом.

Какой показалась бы она ему, Эркюлю Пуаро?

От ответа на этот вопрос зависел успех его расследования.

Пока никто из тех, с кем он беседовал, не высказал сомнения, что, какой бы она им ни казалась, Кэролайн Крейл была убийцей.

ГЛАВА V

СТАРШИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ ОФИЦЕР

Старший полицейский офицер в отставке Хейл задумчиво попыхивал трубкой.

– Забавное занятие вы для себя придумали, мсье Пуаро.

– Возможно, не совсем обычное, – осторожно согласился Пуаро.

– Столько лет прошло, – продолжал сомневаться Хейл.

Пуаро знал, что ему не раз придется услышать эту фразу.

– Это, конечно, затрудняет расследование, – мягко заметил он.

– Рыться в прошлом, – размышлял его собеседник, – дело стоящее, если есть определенная цель...

– Цель есть.

— Какая?

— Приятно пуститься на розыски правды ради правды. Мне такое дело нравится. И не забудьте про дочь.

— Да, — кивнул Хейл, — ее я, конечно, понимаю. Но, извините меня, мсье Пуаро, вы человек изобретательный. Могли бы придумать для нее какое-нибудь объяснение.

— Вы ее не знаете, — возразил Пуаро.

— Оставьте! Человек с вашим опытом!

Пуаро выпрямился.

— Вполне возможно, mon cher*, что я умею красиво и убедительно лгать — вы, по-видимому, в этом уверены, — но я отнюдь не считаю, что должен этим заниматься. У меня свои принципы.

— Извините, мсье Пуаро. Я вовсе не хотел вас обидеть. Я предлагал это только из добрых побуждений, так сказать.

— Так ли?

— Девушке, которая собирается выйти замуж, неприятно вдруг узнать, что ее мать совершила убийство. На вашем месте я бы постарался убедить ее, что это было самоубийство. Скажите, что Деплич действовал не лучшим образом. Скажите, что вы лично не сомневаетесь, что Крейл сам отравился.

— Но все дело в том, что я очень сомневаюсь! Я ни на минуту не верю, что Крейл отравился. А вы-то сами считаете это возможным?

Хейл медленно покачал головой.

— Видите? Нет, я должен отыскать истину, а не правдоподобную, пусть и очень правдоподобную ложь.

Хейл посмотрел на Пуаро. Его квадратное красное лицо еще больше побагровело и даже сделалось еще более квадратным.

— Вы говорите о правде, — сказал он. — Мы же считаем, что в деле Крейл пришли к правде.

— Ваше заявление свидетельствует о многом, — быстро откликнулся Пуаро. — Я знаю, что вы честный, знающий свое дело человек. А теперь ответьте мне на такой вопрос: были ли у вас какие-либо сомнения по поводу вины миссис Крейл?

— Никогда, мсье Пуаро, — быстро и четко ответил полицейский. — Все обстоятельства указывали прямо на нее, и в поддержку этой версии работал каждый обнаруженный нами факт.

— Вы можете в общих чертах суммировать выдвинутые против нее обвинения?

— Могу. Когда я получил ваше письмо, я проглядел дело заново. — Он взял в руки маленькую записную книжку. — И выписал все заслуживающие внимания факты.

*Мой дорогой (*франц.*).

— Спасибо, друг мой. Я весь внимание.

Хейл откашлялся. В голосе его зазвучали официальные интонации.

— ”В два сорок пять дня восемнадцатого сентября инспектору Конвею позвонил доктор Эндрю Фоссет, — начал он. — Доктор Фоссет сделал заявление о внезапной кончине мистера Эмиаса Крейла из Олдербери, добавив, что в силу обстоятельств, сопутствующих смерти, а также утверждения, высказанного неким мистером Блейком, находящимся в доме в качестве гостя, в дело должна вмешаться полиция.

Инспектор Конвей в сопровождении сержанта и полицейского врача тотчас выехал в Олдербери. Там был доктор Фоссет, который и провел их туда, где лежал труп мистера Крейла.

Мистер Крейл писал очередную картину в небольшом саду, известном под названием Оружейный сад, поскольку он выходил к морю и в нем стояла укрытая в бойнице миниатюрная старинная пушка. Сад находился на расстоянии четырех минут ходу от дома. Мистер Крейл не пришел домой к обеду, объяснив это тем, что ему нужна определенная игра света на камне, а позже, мол, солнце начнет садиться. И поэтому остался один в Оружейном саду, в чем, по словам присутствующих, ничего необычного не было. Мистер Крейл не придавал значения часам приема пищи. Иногда ему приносили в сад сандвич, но большей частью он предпочитал, чтобы его не беспокоили. Последними, кто видел его живым, были: мисс Эльза Грир (гость в доме) и мистер Мередит Блейк (ближайший сосед). Эти двое вернулись из сада в дом и вместе с остальными домочадцами сели обедать. После обеда на террасе был подан кофе. Миссис Крейл выпила кофе и сказала, что ”пойдет посмотрит, что там поделывает Эмиас”. Мисс Сесили Уильямс, гувернантка, встала и пошла вместе с ней. Ей нужно было найти кофту ее воспитанницы, мисс Анджелы Уоррен, сестры миссис Крейл, которую мисс Анджела куда-то задевала, а потому мисс Уильямс решила, что девочка могла оставить ее на берегу.

Они отправились в путь. Дорожка вела вниз среди деревьев, мимо калитки в Оружейный сад, на берег моря.

Мисс Уильямс начала было спускаться к морю, а миссис Крейл вошла в Оружейный сад. Почти сразу же миссис Крейл вскрикнула, и мисс Уильямс бросилась назад. Мистер Крейл полулежал, откинувшись на спинку скамьи, и был мертв.

По настоятельной просьбе миссис Крейл мисс Уильямс кинулась в дом, чтобы по телефону вызвать врача. Однако по дороге она встретила мистера Мередита Блейка и, поручив ему сделать то, что надлежало ей, сама вернулась к миссис Крейл, полагая, что кто-нибудь должен быть при ней.

2–1616

Доктор Фоссет прибыл к месту действия через пятнадцать минут. Он тотчас понял, что мистер Крейл умер уже некоторое время назад, примерно между часом и двумя часами дня. Ничто не указывало на причину смерти. Мистер Крейл не был ранен, и поза его была вполне естественной. Тем не менее доктор Фоссет, который был осведомлен о состоянии здоровья мистера Крейла и знал, что он не страдает никаким заболеванием, не был склонен воспринять случившееся как скоропостижную кончину. Именно в эту минуту мистер Филип Блейк и сделал доктору Фоссету свое заявление".

Хейл помолчал, а потом, глубоко вздохнув, перешел к, так сказать, второй главе своего повествования.

– "В дальнейшем мистер Блейк повторил свое заявление инспектору Конвею. Оно заключалось в следующем. Утром того дня ему позвонил его брат мистер Мередит Блейк, который жил в Хэндкросс-Мэнор, в полутора милях от дома Крейлов. Мистер Мередит Блейк был химиком-любителем или, лучше сказать, травником. Войдя в то утро в свою лабораторию, мистер Мередит Блейк был удивлен, увидев, что бутылка с настойкой из болиголова была наполовину пустой, хотя накануне была полной. Обеспокоенный и напуганный, он позвонил брату, чтобы получить у него совет, как действовать дальше. Мистер Филип Блейк настоятельно посоветовал брату сейчас же явиться в Олдербери, где они подробно обговорят случившееся. И пошел ему навстречу, так что в дом они вернулись вместе. Они не приняли решения, как им следует поступить, придя к выводу, что побеседуют еще раз после обеда.

В результате дальнейших расспросов инспектор Конвей установил следующее. Накануне днем пять человек из Олдербери были приглашены в Хэндкросс-Мэнор к чаю. Это были мистер и миссис Крейл, мисс Анджела Уоррен, мисс Эльза Грир и мистер Филип Блейк. Пока они были там, мистер Мередит Блейк подробно рассказал им про свое увлечение и показал небольшую лабораторию, где продемонстрировал некоторые весьма специфического назначения настойки, среди которых был и кониум, основным компонентом которого является болиголов крапчатый. Мистер Блейк рассказал о его свойствах, заметив, что в настоящее время его изъяли из аптек, и похвастался тем, что обнаружил большую эффективность этого средства при употреблении в малых дозах для лечения коклюша и астмы. Потом он упомянул о его фатальных свойствах и даже прочел своим гостям отрывок из книги какого-то греческого автора, где описывалось действие этого яда".

Хейл снова помолчал, набил трубку свежим табаком и перешел к главе третьей.

– «Полковник Фрир, начальник полиции, поручил это дело мне. После вскрытия сомнений не осталось. Кониум, насколько мне известно, после смерти человека ни в чем внешне не проявляется, но врачи знали, что искать, а потому обнаружили его в значительном количестве. Доктор считал, что его дали за два-три часа до наступления смерти. Перед мистером Крейлом на столе стояли пустой стакан и пустая бутылка из-под пива. Были отданы на анализ остатки содержимого и из стакана, и из бутылки. В бутылке кониума не обнаружили, зато в стакане он был. Я провел расследование и выяснил, что, хотя ящик с пивом и стаканы хранились в небольшом сарае в Оружейном саду на случай, если мистеру Крейлу захочется во время работы пить, именно в это утро миссис Крейл принесла из дома бутылку пива со льда. Когда она пришла, мистер Крейл писал, а мисс Грир ему позировала, сидя на каменной ограде сада.

Миссис Крейл откупорила бутылку, вылила ее содержимое в стакан и дала стакан мужу, который стоял перед мольбертом. Он выпил пиво, как обычно, одним глотком. Потом, скривившись, поставил стакан на стол и сказал: "Сегодня мне все кажется противным на вкус!" На что мисс Грир засмеялась: "Гурман!" Мистер Крейл отозвался: "Хорошо хоть холодное"».

Хейл замолчал.

– В котором часу это было? – спросил Пуаро.

– Примерно в четверть двенадцатого. Мистер Крейл продолжал писать. По словам мисс Грир, он через некоторое время пожаловался, что у него немеют конечности – наверное, из-за ревматизма. Но он был не из тех, кто любит говорить про болезни, и, по-видимому, постеснялся признаться, что плохо себя чувствует. Он довольно раздраженно заявил, что хотел бы остаться один, а все остальные пусть идут обедать, – впрочем, такое заявление не было для него чем-то необычным.

Пуаро кивнул.

– Итак, Крейл остался один в Оружейном саду, – продолжал Хейл. – А оставшись один, сел и расслабился. Начался паралич мышц. И поскольку быстрой помощи не было, последовала смерть.

Пуаро снова кивнул.

– Я действовал, как положено. Никаких затруднений в установлении фактов я не испытывал. Накануне имела место ссора между миссис Крейл и мисс Грир, которая крайне нагло позволила себе заявить, как она переставит мебель, когда будет там жить. Миссис Крейл возмутилась: "О чем вы говорите? Что значит «когда вы будете здесь жить»?" – "Не притворяйтесь, будто вы не понимаете, о чем я говорю, Кэролайн.

Вы как страус, который прячет голову в песок. Вам прекрасно известно, что мы с Эмиасом любим друг друга и собираемся пожениться". – "Ничего подобного я не слышала", – сказала миссис Крейл. Тогда мисс Грир сказала: "Что ж, теперь услышали". Тогда миссис Крейл повернулась к мужу, который в эту минуту вошел в комнату, и спросила: "Эмиас, действительно ли ты собираешься жениться на Эльзе?"

– И что же ответил мистер Крейл? – с любопытством спросил Пуаро.

– По-видимому, он обратился к мисс Грир и закричал на нее: "Какого черта ты болтаешь ерунду? Неужто у тебя не хватает ума держать язык за зубами?" – "Я считала, что Кэролайн должна знать правду", – ответила мисс Грир. "Это правда, Эмиас?" – спросила у мужа миссис Крейл.

Он, не глядя на нее, отвернулся и что-то пробормотал.

"Скажи. Я хочу знать", – настаивала она. На что он ответил: "Правда, правда, только я не хочу сейчас об этом говорить". И вышел из комнаты. А мисс Грир сказала: "Вот видите!" – и продолжала рассуждать на тот счет, что непорядочно со стороны миссис Крейл вести себя как собака на сене. Что все они должны вести себя как люди разумные. И что она лично надеется, что Кэролайн и Эмиас навсегда останутся друзьями.

– И что на это ответила миссис Крейл? – полюбопытствовал Пуаро.

– По словам свидетелей, она рассмеялась. "Только через мой труп, Эльза", – сказала она и пошла к дверям. А мисс Грир вдогонку ей крикнула: "Что вы имеете в виду?" Миссис Крейл оглянулась и сказала: "Я скорей убью Эмиаса, чем отдам его вам". – Хейл помолчал. – Изобличающее заявление, а?

– Да, – в раздумье согласился Пуаро. – И кто все это слышал?

– В комнате были мисс Уильямс и Филип Блейк. Они чувствовали себя крайне неловко.

– Их показания совпадают?

– Почти. Я еще ни разу не видел, чтобы двое свидетелей описывали какое-нибудь событие совершенно одинаково. Вам это известно не хуже меня, мсье Пуаро.

Пуаро кивнул. И сказал задумчиво:

– Да, было бы интересно посмотреть... – И замолчал.

– Я провел в доме обыск, – продолжал Хейл. – В спальне миссис Крейл в нижнем ящике был найден небольшой флакон из-под жасминовых духов, завернутый в шерстяной чулок. Пустой. Я снял с него отпечатки пальцев. Они принадлежали только миссис Крейл. При анализе в нем были обнаружены остатки почти выдохшегося жасминового масла и свежего раствора кониума.

Я предупредил миссис Крейл о правилах дачи показаний и показал ей флакон. Она отвечала охотно. Она была, сказала она, в очень плохом настроении. Выслушав от мистера Мередита Блейка описание свойств настойки, она осталась в лаборатории, вылила жасминовые духи, которые у нее были при себе, и наполнила флакон настойкой кониума. Я спросил ее, зачем она это сделала, и она ответила: "Есть вещи, о которых мне не хотелось бы говорить, но со мной вдруг случилась беда. Мой муж собирался оставить меня ради другой женщины. Если бы это произошло, я предпочла бы умереть. Вот почему я взяла яд".

Хейл умолк.

– Что ж, это звучит правдоподобно, – сказал Пуаро.

– Может быть, мсье Пуаро. Но это не совпадает с тем, что она говорила раньше. На следующее утро случился очередной скандал. Часть его слышал мистер Филип Блейк. Мисс Грир – другую часть. Скандал разразился в библиотеке между мистером и миссис Крейл. Мистер Блейк был в холле и слышал кое-какие подробности. Мисс Грир сидела на террасе возле открытого окна библиотеки и слышала гораздо больше.

– И что же они слышали?

– Мистер Блейк слышал, как миссис Крейл сказала: "Ты и твои женщины! Я готова тебя убить. Когда-нибудь я тебя прикончу".

– Никакого упоминания о самоубийстве?

– Нет. Никаких слов вроде: "Если ты это сделаешь, я покончу с собой". Мисс Грир засвидетельствовала примерно то же самое. По ее словам, мистер Крейл сказал: "Постарайся относиться к этому разумно, Кэролайн. Я тебя люблю и всегда буду заботиться о вас – о тебе и о ребенке. Но я хочу жениться на Эльзе. Мы всегда были готовы предоставить друг другу свободу". На что миссис Крейл ответила: "Хорошо, но не говори потом, что я тебя не предупредила". – "О чем ты?" – спросил он. И она сказала: "О том, что люблю тебя и не собираюсь от тебя отказаться. Я скорей тебя убью, чем отдам другой женщине".

Пуаро чуть шевельнул рукой.

– Мне представляется, – пробормотал он, – что мисс Грир вела себя крайне неразумно, настаивая на браке. Миссис Крейл вполне могла отказать мужу в разводе.

– И на этот счет у нас есть свидетельские показания, – сказал Хейл. – Миссис Крейл, по-видимому, кое в чем призналась мистеру Мередиту Блейку. Он был старым и верным другом. Он расстроился и решил переговорить с мистером Крейлом на этот счет. Произошло это, могу я сказать, накануне днем. Мистер Блейк весьма деликатно попенял своему приятелю, заметив, что он будет огорчен, если брак мистера

и миссис Крейл так катастрофически распадется. Он также указал на то, что мисс Грир еще очень молода и что для такой молодой женщины крайне неприятно быть замешанной в бракоразводном процессе. На что мистер Крейл ответил, усмехнувшись (бесчувственный он был человек): "Да Эльза вовсе об этом и не помышляет. Она и не собирается участвовать в бракоразводном процессе. Мы это устроим, как обычно".

– Следовательно, мисс Грир вела себя недостойно, затеяв подобный разговор, – заметил Пуаро.

– Вы же знаете, что такое женщины! – сказал старший полицейский офицер Хейл. – Как они готовы схватить друг друга за горло! Так или иначе, ситуация создалась нелегкая. Не могу понять, почему мистер Крейл это допустил. По словам мистера Мередита Блейка, он хотел завершить картину. Вам это что-нибудь говорит?

– Да, друг мой, полагаю, да.

– А мне нет. Человек сам искал себе неприятностей.

– Возможно, он всерьез рассердился на молодую женщину за то, что она чересчур распустила язык.

– О да. Мередит Блейк тоже так сказал. Если он хотел закончить картину, не понимаю, почему бы ему было не взять несколько фотографий и не поработать с ними. Я знаю одного малого – он делает акварели-пейзажи, – он так и работает.

Пуаро покачал головой.

– Нет, я вполне могу понять Крейла. Поймите, друг мой, что в ту пору картина была для него важнее всего на свете. Как бы он ни хотел жениться на этой девушке, картина была для него прежде всего. Вот почему он надеялся, что во время ее пребывания у них в доме ничего не обнаружится. Девушка, конечно, придерживалась совсем иной точки зрения. У женщин всегда на первом месте любовь.

– Мне ли об этом не знать? – почему-то с чувством отозвался старший полицейский офицер Хейл.

– Мужчины, – продолжал Пуаро, – а в особенности люди искусства, устроены по-другому.

– Искусства! – с презрением воскликнул старший полицейский чин. – Вечно эти разговоры про искусство! Никогда я его не понимал и не пойму! Вы бы видели картину, которую писал Крейл. Вся какая-то перекошенная. Девушка на ней выглядит так, будто у нее болят зубы, а бойницы все кажутся кривыми. Неприятная картина! Я потом долго не мог ее забыть. Мне она даже по ночам снилась. Более того, она каким-то образом повлияла на мое зрение – бойницы, стены и все прочее виделись мне именно такими, какими они были на картине. Да и женщины тоже!

– Сами того не ведая, – улыбнулся Пуаро, – вы сейчас воздали должное величию Эмиаса Крейла.

– Чепуха! Почему это художник не может нарисовать такое, на что приятно посмотреть? Зачем лезть из себя в поисках уродства?

– Некоторые из нас, mon cher, видят красоту в самых необычных вещах.

– Девушка эта ведь была хороша, – сказал Хейл. – Намазана, конечно, и ходила почти голая. Нынче девицы вообще потеряли всякий стыд. А то ведь было, если помните, шестнадцать лет назад. В наши дни, конечно, никто не обратил бы внимания на ее одежду. Но тогда – я просто был шокирован. Брюки и полотняная рубашка, распахнутая на груди, а под ними – ничего...

– Вы неплохо запомнили подробности, – лукаво заметил Пуаро.

Старший полицейский офицер Хейл покраснел.

– Я просто излагаю вам то впечатление, которое произвела на меня картина, – сурово ответил он.

– Я понимаю, – успокоил его Пуаро. И продолжал: – Значит, получается, что главными свидетелями против миссис Крейл были Филип Блейк и Эльза Грир.

– Да. Эти двое просто исходили злостью. Но обвинение привлекло в качестве свидетеля гувернантку, и ее показания получились даже более существенными, нежели показания Блейка и мисс Грир. Она была, как вы понимаете, целиком на стороне миссис Крейл. Готова была сражаться за нее до конца. Но, как женщина честная, говорила правду, не стараясь что-либо скрыть.

– А Мередит Блейк?

– Бедный джентльмен был очень расстроен случившимся. И правильно! Он винил себя за то, что приготовил эту ядовитую настойку, – и коронер тоже винил его в этом. Кониум входит в список ядовитых веществ № 1. Мистеру Блейку было выражено порицание в самой резкой форме. Он дружил и с мистером и с миссис Крейл, а потому случившееся переживал особенно болезненно, не говоря уж о том, что ему, как человеку, постоянно живущему в деревне, такая популярность была совершенно ни к чему.

– А младшая сестра миссис Крейл давала показания?

– Нет. В этом не было необходимости. Она не слышала, как миссис Крейл угрожала своему мужу, а сообщить нам нечто такое, чего бы мы не узнали от остальных свидетелей, она не могла. Она видела, как миссис Крейл подошла к холодильнику и вынула оттуда бутылку с пивом. Защита, разумеется, могла вызвать ее в качестве свидетеля для подтверждения того, что миссис Крейл отнесла бутылку прямо в сад, не открыв ее. Но это уже не имело значения, поскольку мы и не утверждали, что кониум был в бутылке.

– Как же она сумела подлить его в стакан, если при этом присутствовали еще два человека?

– Ну, во-первых, они не следили за ней. Мистер Крейл писал – он смотрел попеременно то на холст, то на натурщицу. А мисс Грир позировала ему, сидя спиной к миссис Крейл, и взгляд ее был обращен на мистера Крейла.

Пуаро кивнул.

– Никто не смотрел на миссис Крейл, а яд, как оказалось, у нее был в пипетке от авторучки, которую заправляют чернилами. Мы нашли пипетку раздавленной на дорожке, ведущей к дому.

– У вас, я смотрю, есть ответ на все, – пробормотал Пуаро.

– А как же, мсье Пуаро! Не будучи предвзятым, должен констатировать, что миссис Крейл угрожала убить мужа, и она украла яд из лаборатории. Пустой флакон был найден у нее в комнате, и на нем нашли отпечатки только ее пальцев. Она умышленно отнесла ему пиво – весьма странно, если припомнить, что перед этим они поругались и не разговаривали друг с другом...

– Очень любопытно. Я на это обратил внимание.

– Да. Тоже доказательство в некотором роде. Почему это она вдруг проявила к нему такую благожелательность? Он жалуется на странный привкус – а кониум и в самом деле имеет неприятный привкус. Она находит его мертвым и отсылает гувернантку к телефону. Почему? Для того чтобы вытереть бутылку и стакан и прижать к нему его пальцы. И после этого она рассказывает, что он раскаялся и покончил с собой. Очень правдоподобно!

– Да, задумано было, конечно, человеком, лишенным фантазии.

– Если хотите знать мое мнение, то она даже не взяла на себя труд как следует поразмыслить. Слишком была поглощена ненавистью и ревностью. Думала только о том, как бы с ним расправиться. А потом, когда все было кончено, когда она увидела его мертвым, тогда, по-моему, она вдруг пришла в себя и сообразила, что совершила убийство, за которое ей грозит смертная казнь. И в полном отчаянии схватилась за первую пришедшую ей в голову мысль, выдвинув версию о самоубийстве.

– Что ж, все, что вы говорите, звучит очень убедительно, – заметил Пуаро. – Она могла мыслить именно так.

– Это убийство можно было квалифицировать и как преднамеренное убийство, и как неумышленное, – сказал Хейл. – Нельзя поверить, что она продумала все от начала до конца. Думаю, что она совершила его под влиянием минуты.

– Пожалуй... – пробормотал Пуаро.

Хейл посмотрел на него с любопытством.

– Удалось ли мне убедить вас, мсье Пуаро, – спросил он, – что в этом деле существует полная ясность?

– Почти. Но не совсем. Есть два-три обстоятельства...

– Можете ли вы предложить иное решение, которое звучало бы более убедительно?

– Чем были заняты в то утро все прочие действующие лица? – спросил Пуаро.

– Смею вас уверить, мы тщательно проверили их действия. Все до единого. Алиби ни у кого не оказалось – но, когда смерть вызвана ядом, такое случается довольно часто. Ничто не может помешать убийце дать своей жертве облатку с ядом, объяснив, что она очень способствует работе кишечника, и затем очутиться в другом конце Англии.

– Но вы полагаете, что в данном случае такого произойти не могло?

– Мистер Крейл не жаловался на кишечник. Да и не похоже, чтобы что-либо подобное могло случиться. Мистер Мередит Блейк, правда, любил рекомендовать снадобья собственного приготовления, но не думаю, что мистер Крейл их принимал. А если бы он и решился, то сначала с шутками оповестил бы всех об этом. Кроме того, зачем мистеру Мередиту Блейку было убивать мистера Крейла? Все показания свидетельствовали о том, что они были в очень хороших отношениях. Как и все прочие. Мистер Филип Блейк был самым близким приятелем покойного. Мисс Грир была в него влюблена. Мисс Уильямс, я полагаю, его осуждала, но моральное осуждение вовсе не влечет за собой желание отравить человека. Маленькая мисс Уоррен часто с ним цапалась – она была в переходном возрасте, – но ей предстояло отправиться в школу, и, по-моему, они друг другу очень симпатизировали. В доме к ней относились особенно ласково и участливо. Вы, наверное, знаете почему. Когда она была еще совсем ребенком, ей было нанесено увечье, причем сделала это миссис Крейл в приступе безумной ярости. Что еще раз свидетельствует о том, что она не умела сдерживаться. Рассердиться на ребенка и изувечить его на всю жизнь!

– Это также доказывает, – задумчиво сказал Пуаро, – что Анджела Уоррен имела основание затаить обиду на Кэролайн Крейл.

– Возможно. Но при чем тут Эмиас Крейл? Кстати, миссис Крейл была искренне предана своей младшей сестре, взяла ее к себе, когда умерли ее родители, и, как я уже сказал, относилась к ней с особой любовью, по словам других, чрезмерно ее балуя. И девочка любила миссис Крейл. Во время судебного процесса ее увезли из Лондона, старались, чтобы

она знала о нем как можно меньше – на этом, по-моему, очень настаивала сама миссис Крейл. Но девочка была очень расстроена и требовала, чтобы ей дали возможность повидаться с сестрой в тюрьме. Кэролайн Крейл отказалась. Подобная встреча, сказала она, может на всю жизнь отразиться на психике девочки. И устроила так, чтобы девочку отправили учиться за границу. Мисс Уоррен стала очень известной личностью, – добавил он. – Путешествует по каким-то забытым богом местам и читает лекции в Королевском географическом обществе.

– И никто ей не напоминает про тот процесс?

– Во-первых, у нее другая фамилия. Даже девичьи фамилии у них разные. У них была одна мать, но разные отцы. Девичья фамилия миссис Крейл была Сполдинг.

– А эта мисс Уильямс, она была гувернанткой дочери Крейлов или Анджелы Уоррен?

– Анджелы. У малышки была няня, но мисс Уильямс ежедневно немного с ней занималась.

– А где был ребенок в ту пору?

– Она уехала с няней погостить у бабушки. У леди Трессилиан, вдовы, потерявшей двух малолетних дочерей и потому особенно привязанной к ребенку.

– Понятно, – кивнул Пуаро.

– Что же касается действий всех прочих действующих лиц, – продолжал Хейл, – то я могу изложить их вам.

Мисс Грир после завтрака сидела на террасе возле окна библиотеки. Там, как я уже сказал, она и подслушала ссору между Крейлом и его женой. Потом она вместе с Крейлом прошла в Оружейный сад и просидела там до обеда, раза два пройдясь по саду, чтобы немного размяться.

Филип Блейк после завтрака остался в доме и тоже отчасти слышал ссору. После того как Крейл и мисс Грир ушли, он принялся читать газету. Потом ему позвонил его брат, и он отправился ему навстречу. Они вместе прошли по дорожке, идущей мимо Оружейного сада. Мисс Грир пошла в дом взять пуловер, так как ей стало холодно, а с Крейлом была миссис Крейл, и они обсуждали вопрос об отъезде Анджелы в школу.

– Вполне дружеская беседа?

– Нет, не дружеская. Крейл чуть ли не кричал на нее, насколько я понимаю. Сердился, что его донимают домашними проблемами. По-моему, она хотела обговорить некоторые подробности, раз им предстояло разойтись.

Пуаро кивнул.

– Оба брата обменялись с Эмиасом Крейлом несколькими словами. Затем снова появилась мисс Грир и села на свое место. Крейл взялся за кисть, явно надеясь, что все уйдут.

Намек был понят, и они вернулись в дом. Между прочим, именно тогда, когда они были в Оружейном саду, Эмиас Крейл пожаловался, что пиво теплое, и его жена пообещала ему принести пиво из холодильника.

– Ага!

– Вот именно "ага!". В ту минуту она просто источала мед. Братья вернулись в дом и уселись на террасе. Миссис Крейл и Анджела Уоррен принесли им пива.

Потом Анджела Уоррен отправилась на берег моря купаться, и Филип Блейк пошел с ней.

Мередит Блейк устроился на поляне, где была скамейка. Поляна эта выходила как раз на Оружейный сад. Ему была видна сидевшая на бойнице мисс Грир и слышен разговор между нею и Крейлом. Мистер Мередит сидел и думал о пропавшем кониуме. Он очень беспокоился по этому поводу и не знал, как поступить. Эльза Грир увидела его и помахала ему рукой. Когда позвонили к обеду, он спустился к калитке Оружейного сада, откуда вышла Эльза Грир, и они вместе вернулись в дом. Именно тогда он заметил, что Крейл выглядел, как он сказал, довольно странно, но в ту пору не придал этому значения. Крейл был из тех, кто никогда не болеет, поэтому никому и в голову не пришло, что с ним может что-то случиться. С другой стороны, когда ему не писалось так, как он хотел, у него бывали приступы гнева или, наоборот, он впадал в депрессию. В таких случаях его не трогали и старались как можно меньше с ним общаться. Так и поступили в данном случае мисс Грир и мистер Мередит Блейк.

Что же касается остальных, то слуги были заняты работой по дому и приготовлением обеда. Мисс Уильямс с утра сидела в классной комнате, проверяя тетради Анджелы. А затем тоже уселась на террасе, занимаясь починкой белья. Анджела Уоррен большую часть утра провела в саду – лазала по деревьям, срывала плоды. Вам известно, что такое пятнадцатилетняя девчонка! Сливы, кислые яблоки, недозрелые груши и тому подобное. После этого она вернулась в дом, а потом, как я уже сказал, пошла с Филипом Блейком на море, где перед обедом выкупалась.

Старший полицейский офицер Хейл помолчал.

– А теперь, – воинственно сказал он, – как по-вашему, есть во всей этой истории нечто, вызывающее сомнения?

– Нет, – сказал Пуаро.

– Вот видите!

В этих двух словах слышалось торжество.

– И тем не менее, – продолжал Пуаро, – я намерен добиться для себя полной ясности. Я...

– Что вы собираетесь делать?

– Я хочу посетить этих пятерых и услышать от каждого

из них их собственную версию случившегося.

Старший полицейский офицер Хейл тяжело вздохнул.

– Вы сошли с ума! – сказал он. – Их версии никогда не совпадут. Неужто вам не ясно, что не встретишь и двух людей, кто бы помнил события одинаково. Да еще когда прошло столько времени! Вы услышите пять версий пяти различных убийств!

– На это я и рассчитываю, – ответил Пуаро. – Это будет очень поучительно.

ГЛАВА VI

ПЕРВЫЙ ПОРОСЕНОК ПОШЕЛ НА БАЗАР...

Филип Блейк полностью соответствовал описанию Монтегю Деплича. Преуспевающий и общительный хитрец, склонный к полноте.

Эркюль Пуаро попросил принять его в половине седьмого вечера в воскресенье. Филип Блейк только что закончил партию в гольф и торжествовал победу, выиграв у противника пять фунтов. Он был готов к дружелюбному и откровенному разговору.

Эркюль Пуаро представился и объяснил, что ему нужно. На этот раз он не спешил признаться в истинной причине своего прихода. Речь шла, как понял Блейк, о серии книг, посвященных знаменитым преступлениям.

– Господи, – нахмурился Филип Блейк, – кому это нужно?

Эркюль Пуаро пожал плечами. Сегодня он старался как можно больше выглядеть иностранцем. Пусть к нему относятся свысока, но снисходительно.

– Публика любит такое чтение, – пробормотал он.

– Дикари, – отозвался Филип Блейк. Но сказано это было благодушно – без той брезгливости и отвращения, которые проявил бы более щепетильный человек.

– Такова человеческая натура, – заметил, пожав плечами, Эркюль Пуаро. – Мы с вами, мистер Блейк, знаем жизнь, а потому не испытываем иллюзий насчет наших соплеменников. Большинство из них люди неплохие, но идеализировать их не приходится.

– Я лично давно расстался с иллюзиями, – признался Блейк.

– Зато, говорят, вы рассказываете занимательные истории.

– А! – блеснул глазами Блейк. – Слышали эту?

Пуаро рассмеялся именно там, где следовало. История была не поучительной, но забавной.

Филип Блейк откинулся на спинку кресла, расслабился, глаза щурились от удовольствия.

А Эркюлю Пуаро вдруг пришло в голову, что он выглядит, как довольный жизнью поросенок.

Первый поросенок пошел на базар...

Что представляет собой этот человек, Филип Блейк? Забот он, по-видимому, не ведает. Преуспевает, доволен собой. Никаких укоров, угрызений совести, навязчивых воспоминаний о прошлом. Да, откормленный поросенок, который пошел на базар и накупил много товара...

А когда-то Филип Блейк, наверное, был совсем другим. Видно, красивым в молодости. Глаза, правда, могли бы быть чуть побольше и пошире расставлены – но в остальном вполне приличный молодой человек. Сколько ему сейчас? На вид где-то между пятьюдесятью и шестьюдесятью. Значит, во время смерти Крейла ему было под сорок. Был в ту пору меньше доволен собой, своим положением. Требовал от жизни, наверное, больше, а получал меньше...

Не зная, как приступить к делу, Пуаро пробормотал:

– Вы, разумеется, понимаете мое положение?

– Нет, представьте себе, и не догадываюсь. – Маклер выпрямился, взгляд его снова стал внимательным. – Почему вы? Вы ведь не писатель?

– Ни в коем случае. Я сыщик.

Подобная скромность вовсе не была присуща Эркюлю Пуаро.

– Ну, конечно! Мы все знаем, кто вы. Знаменитый Эркюль Пуаро!

Но в тоне его звучала насмешка. Филип Блейк был слишком англичанином, чтобы всерьез относиться к претензиям иностранца.

Своим приятелям он бы сказал:

– Продувная бестия! Может, на женщин он и производит впечатление, но со мной этот номер не пройдет!

И хотя именно такое ироническое отношение и хотел вызвать у него Эркюль Пуаро, тем не менее он вдруг разозлился.

На этого человека, этого преуспевающего дельца появление Эркюля Пуаро не произвело должного впечатления! Какое безобразие!

– Я искренне польщен, – отнюдь не искренне сказал Пуаро, – что вы меня так хорошо знаете. Мой успех, позвольте заметить, основан на психологии – на вечном "почему?" в поведении человека. Сегодня, мистер Блейк, мир интересует психологический аспект совершенного преступления. А когда-то это был романтический аспект. Знаменитые преступ-

ления пересказывались только под одним углом зрения – в основе их лежала любовная история. В наши дни все изменилось. Люди с интересом читают о том, что доктор Криппен убил свою жену, потому что она была крупной, рослой женщиной, а он – маленьким и невидным, и поэтому у него развился комплекс неполноценности. Они читают об известной преступнице, которая совершила убийство потому, что ее отец не обращал на нее никакого внимания, когда ей было три года. Нынче публику интересует, почему совершено то или иное преступление.

Слегка зевнув, Филип Блейк сказал:

– По-моему, причина большинства преступлений совершенно ясна. Обычно это деньги.

– Нет, дорогой мой сэр, – воскликнул Пуаро, – причина никогда не бывает ясна! В этом-то все дело!

– И именно тут подключаетесь вы?

– И именно тут, как вы изволили выразиться, подключаюсь я! Есть идея изложить ряд совершенных когда-то преступлений с точки зрения психологии. Я специалист в области психологии. Вот почему я и принял на себя эту обязанность.

– Думаю, на весьма выгодных условиях? – ухмыльнулся Филип Блейк.

– Надеюсь. Очень надеюсь.

– Примите мои поздравления. А теперь, быть может, вы объясните, при чем тут я?

– С удовольствием. Речь идет о деле Крейлов, мсье.

Филип Блейк не удивился. Но сделался задумчив.

– Да, конечно, дело Крейл... – произнес он.

– Надеюсь, это не вызывает у вас неприятных чувств, мистер Блейк? – заволновался Эркюль Пуаро.

– Ни в коем случае, – заверил его Филип Блейк. – Зачем негодовать по поводу того, что ты не можешь изменить? Процесс Кэролайн Крейл давно стал достоянием общественности. Любой может обратиться к архивам и изучить его от начала до конца. Возражать бесполезно. Хотя – не боюсь вам признаться – все это мне очень не по душе. Эмиас Крейл был моим близким другом. Очень жаль, что предстоит заново разворошить всю эту неприглядную историю. Но от этого никуда не денешься.

– Вы философ, мистер Блейк.

– Нет. Просто я хорошо понимаю, что лезть на рожон ни к чему. Думаю даже, что вы подойдете к этой проблеме менее предвзято, чем кто-либо другой.

– Надеюсь, что мне удастся написать об этом достаточно деликатно и удержаться от безвкусицы, – сказал Пуаро.

Филип Блейк громко, но невесело гоготнул.

– Забавно слышать это от вас.

– Уверяю вас, мистер Блейк, я в этом весьма заинтересован. Для меня это вопрос не только денег. Я искренне хочу воссоздать прошлое, прочувствовать и увидеть события, которые имели место, понять, что за ними стояло, уяснить мысли и чувства участников драмы.

– Не думаю, что в этой, как вы выражаетесь, драме присутствовали какие-то особые хитросплетения. Дело было совершенно очевидным. Обычная женская ревность, и ничего больше, – заметил Филип Блейк.

– Меня очень интересует, мистер Блейк, ваша реакция на случившееся.

– Реакция! Реакция! – вдруг с жаром повторил Филип Блейк, и лицо его побагровело. – Как вы можете так говорить? Какой могла быть моя реакция, когда убили, отравили моего друга, моего лучшего друга! А ведь если бы я действовал более проворно, то сумел бы его спасти.

– Почему вы так считаете, мистер Блейк?

– Вот почему. Полагаю, вы уже знакомы с обстоятельствами дела? – Пуаро кивнул. – Отлично. В то утро мой брат Мередит позвонил мне. Он попал в переплет. Одна из его адских смесей, к тому же смертельно опасная, пропала. Как же поступил я? Велел ему прийти и обещал обговорить с ним это обстоятельство. Решить, что нам делать. "Решить, что нам делать". До сих пор не могу понять, почему я оказался таким дураком и не сообразил сразу, что промедление смерти подобно. Мне следовало подойти прямо к Эмиасу и предупредить его, сказав: "Кэролайн утащила у Мередита яд, и вам с Эльзой следует быть начеку".

Блейк встал и возбужденно заходил взад и вперед по комнате.

– Господи боже, неужто вы думаете, что я об этом забыл? Я знал. И у меня была возможность спасти Эмиаса, а я отнесся к этому несерьезно, предоставив Мередиту решать, как поступить. Почему у меня не хватило ума сообразить, что Кэролайн не остановят ни угрызения совести, ни сомнения? Она украла этот яд неспроста, украла, чтобы использовать при первой же возможности. Она не станет ждать, пока Мередит обнаружит пропажу. Я знал, что Эмиасу грозит смертельная опасность, и ничего не предпринял.

– Вы напрасно так казнитесь, мсье. У вас не было времени...

– Времени? – перебил его Блейк. – У меня было полно времени. И куча возможностей. Я мог пойти прямо к Эмиасу, как я уже сказал, пусть даже он бы мне не поверил. Эмиас был не из тех, кто легко верит, что им грозит опасность. Он бы только махнул рукой. Кроме того, он никогда бы не согласился с тем, что Кэролайн способна на преступление. А я

мог бы пойти к ней. И сказать: "Я знаю, что ты задумала, что ты собираешься сделать. Предупреждаю тебя, если Эмиас или Эльза умрут от отравления кониумом, тебя повесят". Это бы ее остановило. В конце концов, я мог бы позвонить в полицию. Многое можно было бы сделать, а вместо этого я позволил Мередиту уговорить себя действовать осторожно и не спеша. "Нам необходимо обговорить все как следует, удостовериться, кто взял яд..." Старый дурак – за всю жизнь не принял ни единого быстрого решения! Ему повезло, что он оказался старшим сыном и унаследовал поместье. Если бы ему хоть раз пришлось делать деньги, он бы остался без пенни в кармане.

– А вы не сомневались, кто взял яд? – спросил Пуаро.

– Разумеется, нет. Я сразу понял, что это дело рук Кэролайн. Я ее хорошо знал.

– Очень интересно, – заметил Пуаро. – Мне хотелось бы знать, мистер Блейк, что представляла собой Кэролайн Крейл.

– Она не была оскорбленной невинностью, какой казалась на процессе, – резко сказал Филип Блейк.

– Какой же она была?

Блейк сел на место.

– Вы в самом деле хотите знать? – сурово спросил он.

– Очень.

– Кэролайн была дрянью. Дрянью от начала и до конца. Но с обаянием. Ей была присуща та мягкость, которая действует на людей обманчиво. Она казалась хрупкой и беспомощной, и окружающим всегда хотелось прийти ей на помощь. Если обратиться к истории, у нее много общего с королевой шотландской Марией Стюарт. Всегда добрая, несчастная, привлекательная, а в действительности – холодная, расчетливая интриганка, замыслившая убийство Дарнли и ушедшая от ответа. И Кэролайн была такой же – холодной и расчетливой. И по характеру она была недоброй.

Не знаю, сказали ли вам – на процессе это не было отмечено как существенная деталь, но ее это высвечивает в определенном ракурсе, – что она сделала со своей младшей сестрой? Она была от природы ревнивой. Ее мать вышла замуж вторично, и все внимание и любовь были обращены на маленькую Анджелу. Кэролайн не могла этого выдержать. Она попыталась убить малышку – ударила ее рукояткой кочерги. К счастью, удар оказался несмертельным. Но поступок этот говорит о многом.

– Да, конечно.

– Вот что такое настоящая Кэролайн. Она всегда и везде стремилась быть первой. Быть второй – этого она не могла пережить. В ней был холодный эгоизм, способность совершить убийство.

Она казалась импульсивной, а в действительности была расчетливой. Когда она еще совсем молоденькой гостила в Олдербери, она быстро, но внимательно разглядывала нас и планировала свое будущее. Собственных денег у нее не было. Я в ее расчеты не входил – младший сын, которому предстояло проложить себе дорогу самостоятельно. Забавно, что сейчас я мог бы, пожалуй, купить Мередита и Крейла, будь он жив, со всеми потрохами! Некоторое время она присматривалась к Мередиту, но в конце концов остановила свой выбор на Эмиасе. У Эмиаса будет Олдербери, и, хотя доходов от поместья немного, она поняла, что как художник он необычайно талантлив. И сделала ставку на то, что, прославившись, он сумеет неплохо зарабатывать.

Она не ошиблась. Признание пришло к Эмиасу очень скоро. Он не сделался модным художником – но талант его был признан и картины раскупались. Вам доводилось видеть его картины? У меня есть одна. Пойдемте, я вам покажу.

Он повел Пуаро в столовую и указал на стену слева.

– Вот пожалуйста. Это картина Эмиаса.

Пуаро молча разглядывал картину. Он был поражен, как человек способен преобразить самый обычный предмет волшебной силой таланта. На полированном столе красного дерева стояла ваза с розами. Казалось бы, избитая тема. Как же Эмиасу Крейлу удалось заставить розы полыхать буйным, почти непристойным пламенем? Блики этого пламени, словно наяву, дрожали на полировке стола. Чем объяснить то изумление, которое вызывала картина? Ибо она была изумительной. Пропорции стола, наверное, повергли бы старшего полицейского офицера Хейла в отчаяние. Он принялся бы утверждать, что роз такой формы и такого цвета не бывает. А потом гадал бы, чем ему не пришлись по душе эти розы и по какой причине не понравился круглый стол красного дерева.

– Удивительно, – с легким вздохом пробормотал Пуаро.

Блейк повел его обратно.

– Я сам никогда не разбирался в искусстве. Не понимаю, почему мне хочется смотреть и смотреть на эту картину, не отрывая глаз. Она такая... такая настоящая, – признался он.

Пуаро энергично закивал головой.

Блейк предложил гостю сигарету и закурил сам.

– И этот человек, человек, который написал эти розы, человек, который создал "Женщину, готовящую коктейль", человек, который написал потрясающее "Рождество Христово", этот человек погублен в расцвете лет мстительной, злобной по натуре женщиной!

Он помолчал.

– Вы скажете, что я ожесточен, что я несправедлив к Кэролайн. Да, она обладала обаянием, я это чувствовал. Но я

знал, я всегда знал, что́ она представляет собой в действительности. Эта женщина, мсье Пуаро, была олицетворением зла. Она была беспощадной, безжалостной и хищной.

– Но мне говорили, что миссис Крейл в браке довелось мириться с многочисленными трудностями?

– Да, причем она не стеснялась всем об этом рассказывать. Вечная мученица! Бедняга Эмиас! Его семейная жизнь была сплошным адом – или, скорей, была бы адом, не будь он человеком необычным. Его талант служил ему защитой. Когда он писал, все становилось ему безразличным, он забывал про Кэролайн, про ее придирки, про их ссоры и размолвки, а им не было конца, как вам известно. Не проходило и недели, чтобы не случалось очередного скандала. Ей эти распри доставляли удовольствие. Поднимали настроение, что ли. Давали выход чувствам. Она выкрикивала все обидные слова и оскорбления, что приходили ей на ум, а потом мурлыкала от удовольствия, как гладкая, откормленная кошка. Ему же подобные скандалы обходились дорого. Он жаждал мира, тишины, покоя. Такому человеку, как он, вообще не следовало жениться – он не был создан для семейного очага. У мужчины вроде Крейла могут быть связи, но не семейные узы. Они сковывают его индивидуальность.

– Он вам об этом говорил?

– Он знал, что я его верный друг. И понимал, что я сам все вижу. Он не жаловался. Не таким он был человеком. Порой у него вырывалось: "Будь они прокляты, эти женщины!" Или: "Никогда не женись, старина. Успеешь побывать в аду после смерти".

– Вы знали про его увлечение мисс Грир?

– О да, по крайней мере я видел, как это началось. Он сказал мне, что познакомился с изумительной девушкой. Она совсем не такая, сказал он, каких ему довелось знать прежде. Правда, я не придал большого значения его словам. Эмиас вечно встречал "необыкновенных женщин". Но обычно уже через месяц он смотрел на вас непонимающими глазами и не мог вспомнить, о ком идет речь. Но Эльза Грир действительно была не похожа на других. Я понял это, когда приехал в Олдербери. Она его заарканила, поймала раз и навсегда. Бедняга плясал под ее дудку.

– Вам Эльза Грир тоже не нравилась?

– Не нравилась. Она явно была из хищниц. Она хотела, чтобы Крейл принадлежал ей и душой, и телом. И тем не менее я считаю, она подходила ему больше, чем Кэролайн. Будь она за ним замужем, она бы предоставила ему свободу. Или он бы ей надоел, и она быстро нашла бы кого-нибудь другого. Освободиться от всяких связей с женщинами было бы Эмиасу только на пользу.

– Но он, по-видимому, к этому не стремился?

– Этот глупец вечно впутывался в интрижки, – вздохнул Филип Блейк. – Но в действительности женщины мало что значили в его жизни. Только две оставили в ней след – это Кэролайн и Эльза.

– А ребенка он любил? – спросил Пуаро.

– Анджелу? Мы все любили Анджелу. Отличная девочка! Не капризная, любила всякие проделки. Несчастная женщина была эта ее гувернантка. Эмиас тоже очень любил Анджелу, но порой она позволяла себе слишком многое, и тогда он жутко на нее злился. Тогда вмешивалась Кэролайн, всегда принимая сторону Анджелы, чем окончательно выводила Эмиаса из себя. Он терпеть не мог, когда они выступали против него единым фронтом. В доме вообще было чересчур много ревности. Эмиас ревновал к тому, что у Кэро Анджела обычно была на первом месте и ради нее она была готова на все. А Анджела ревновала Кэро к Эмиасу и бунтовала против его властных манер. Это он принял решение отправить ее осенью в школу, и она была в ярости. Не из-за того, что ей не хотелось ехать в школу, по-моему, она была вовсе не против школы, ее разозлило, что Эмиас решил все сам, даже не поговорив предварительно с ней. И она всячески старалась ему отомстить. Однажды она сунула ему в постель с десяток слизняков. А вообще-то я считаю, Эмиас был прав. Пора ей было узнать, что такое дисциплина. Мисс Уильямс была превосходной гувернанткой, но даже она признавалась, что не в силах справиться с Анджелой.

Он умолк.

– Когда я спросил, любил ли Эмиас ребенка, – сказал Пуаро, – я имел в виду его собственную дочь.

– А, вы говорили про малышку Карлу? Она тоже была всеобщей любимицей. И Эмиас, когда был в настроении, с удовольствием с ней возился. Но его привязанность к девочке ни в коем случае не помешала бы ему жениться на Эльзе, если вы об этом меня спрашиваете. Такого чувства к дочери он не испытывал.

– А Кэролайн Крейл была очень привязана к ребенку?

Что-то вроде судороги исказило лицо Филипа.

– Не могу сказать, что она была плохой матерью. Нет, не могу. Единственное...

– Да, мистер Блейк?

– Единственное, что вызывает у меня чувство боли во всей этой истории, – с горечью отозвался Филип, – это мысль о ребенке. При каких трагических обстоятельствах началась, по существу, ее жизнь! Ее отправили за границу к двоюродной сестре Эмиаса. Я надеюсь, очень надеюсь, что ей и ее мужу удалось утаить от ребенка правду.

Пуаро покачал головой.

– Правда, мистер Блейк, имеет обыкновение обнаруживаться. Даже по прошествии лет.

– Не уверен, – пробормотал маклер.

– В интересах истины, мистер Блейк, – продолжал Пуаро, – я хочу попросить вас кое-что сделать.

– Что именно?

– Я хочу попросить вас подробно описать все события, имевшие место в те дни в Олдербери. То есть я прошу вас в письменной форме изложить ваши воспоминания, связанные как с самим убийством, так и с сопутствующими ему обстоятельствами.

– Но разве можно после стольких лет упомнить все в точности и последовательности?

– Почему же нет?

– Потому что прошло так много времени.

– Именно по прошествии лет в памяти остается самое главное, отсекая все несущественные детали.

– Вы хотите получить общее изложение фактов?

– Ни в коем случае. Мне нужно подробное, добросовестное описание всех событий в том порядке, в каком они происходили, и всех бесед, которые вы в состоянии припомнить.

– А что, если я неправильно их запомнил?

– Постарайтесь изложить их так, как они вам помнятся. Конечно, кое-что вы подзабыли, но этому уж ничем не поможешь.

Блейк с любопытством смотрел на него.

– А зачем все это? В полицейском досье вы найдете значительно более аккуратное изложение фактов.

– Нет, мистер Блейк. Меня интересует психология. Мне не нужны голые факты. Мне нужен ваш собственный отбор фактов. Время и память помогут вам сделать выбор. Возможно, имели место эпизоды или были сказаны слова, которых мне никогда не найти в полицейских досье, ибо вы никогда о них прежде не упоминали, либо не придавая им значения, либо не желая о них говорить.

– Эти мои воспоминания будут опубликованы? – резко спросил Блейк.

– Разумеется, нет. Прочту их только я. Они помогут мне сделать определенные выводы.

– И вы не будете из них ничего цитировать без моего согласия?

– Разумеется, нет.

– Хм, – задумался Филип Блейк, – я очень занят, мсье Пуаро.

– Я прекрасно понимаю, что вам придется затратить на это время и усилия. Я был бы рад договориться о гонораре. В разумных пределах.

Наступило молчание.

– Нет, – вдруг выпалил Филип Блейк, – если я уж возьмусь за это дело, то бесплатно.

– Значит, возьметесь?

– Помните, я не могу поручиться за надежность своей памяти, – предупредил Филип.

– Это вполне понятно.

– В таком случае, – сказал Филип Блейк, – я с удовольствием это сделаю. По-моему, я обязан сделать это... из дружбы к Эмиасу Крейлу.

ГЛАВА VII

ВТОРОЙ ПОРОСЕНОК ЗАБИЛСЯ В АМБАР...

Эркюль Пуаро был не из тех, кто пренебрегает деталями. Он тщательно продумал тактику подхода к Мередиту Блейку. Мередит Блейк, был уверен он, очень отличается от Филипа Блейка, и его нельзя брать штурмом. Тут следовало действовать не спеша.

Эркюль Пуаро знал, что есть только один способ проникнуть в эту крепость. Необходимо запастись рекомендательными письмами. Причем эти письма ни в коем случае не должны быть от его коллег по профессии. К счастью, за годы карьеры Эркюль Пуаро обрел друзей во многих графствах. В том числе и в Девоншире. Он стал вспоминать, кто ему может помочь в Девоншире. И нашел двух людей, которые оказались знакомыми или друзьями мистера Мередита Блейка. В результате чего и явился к нему во всеоружии: одно письмо было написано леди Мэри Литтон-Гор, вдовой благородного происхождения, но с ограниченными средствами, ведущей весьма уединенный образ жизни, а второе – адмиралом в отставке, семья которого продолжала обитать в Девоншире уже в четвертом поколении.

Мередит Блейк принял Пуаро в состоянии некоторого замешательства.

Последнее время, чувствовал он, очень многое в жизни изменилось. Например, когда-то частные сыщики были только частными сыщиками, которым либо поручали охрану подарков на деревенских свадьбах, либо предстояло распутать какое-нибудь грязное дельце.

Но вот что пишет леди Мэри Литтон-Гор: "Эркюль Пуаро – мой старый и близкий друг. Убедительно прошу вас оказать ему посильную помощь". А Мэри Литтон-Гор никак нельзя отнести к тем женщинам, которые имеют дело с частными

сыщиками. И адмирал Кроншо писал: "Отличный малый, превосходно соображает. Буду признателен, если вы сочтете возможным ему помочь. И человек он интересный, может рассказать немало занимательного".

И вот он явился. Странный тип: не так одет, ботинки на пуговичках, немыслимые усы! Явно не в его, Мередита Блейка, вкусе. Сразу видно, что не охотник и не картежник. Иностранец, одним словом.

Посмеиваясь в душе, Эркюль Пуаро с легкостью читал мысли, которые роились в голове у Мередита Блейка.

Он сразу почувствовал, насколько вырос его интерес, как только поезд доставил его в Вест-Кантри. Теперь он собственными глазами увидит те места, где когда-то разыгрались события.

Именно здесь, в Хэндкросс-Мэнор, жили два брата, отсюда они ходили в Олдербери, где шутили, играли в теннис и дружили с юным Эмиасом Крейлом и девушкой по имени Кэролайн. Отсюда Мередит отправился в Олдербери в то роковое утро. Было это шестнадцать лет назад. Эркюль Пуаро с любопытством посмотрел на человека, который в свою очередь вежливо, но не без тревоги взирал на него.

Мередит Блейк был именно такой, каким Пуаро и ожидал его увидеть: очень похож на английского джентльмена из сельской местности, довольно стесненного в средствах и увлекающегося охотой и спортивными играми на свежем воздухе.

Поношенный пиджак из твида, обветренное, но с приятными чертами и выцветшими голубыми глазами лицо, нечетко очерченный рот, неровная щеточка усов. Мередит Блейк, решил Пуаро, совсем не такой, как его брат. Держался он неуверенно, мыслил явно лениво. Казалось, будто с годами ритм его жизни становился все более медлительным, в то время как у его брата, наоборот, ускорялся.

Как Пуаро уже догадался, Мередит Блейк был из тех, кого нельзя подталкивать. Неторопливость английской сельской жизни проникла в его кровь и плоть.

Выглядел он, думал Пуаро, много старше своего брата, хотя, по словам мистера Джонатана, разница между ними составляла всего лишь года два.

Эркюль Пуаро похвалил себя за то, что угадал, с чего начать общение с человеком старой закваски. И казаться англичанином сейчас тоже было незачем. Нет, лучше быть явным иностранцем – и тогда тебя великодушно за это простят. Эти иностранцы плохо разбираются в наших порядках. Например, перед завтраком протягивают руку, чтобы поздороваться. И тем не менее это вполне приличный человек...

Пуаро решил произвести именно такое впечатление. Они

осторожно побеседовали о леди Мэри Литтон-Гор и об адмирале Кроншо. Были упомянуты и другие имена. К счастью, Пуаро был знаком с чьим-то кузеном и встречался с чьей-то золовкой. И заметил, как глаза сквайра потеплели. Этот иностранец, по-видимому, вращается среди приличных людей.

Легко и незаметно Пуаро перешел к цели своего визита. Быстро преодолел неизбежно вызванную неприязнь. Эта книга – увы! – должна быть написана. Мисс Крейл – мисс Лемаршан, как ее зовут теперь, – просит его быть редактором. Факты, к сожалению, явились достоянием общественности. Но можно постараться и сделать так, чтобы исключить из текста душераздирающие подробности. Ранее, добавил Пуаро, ему уже удалось использовать свое влияние, дабы избежать пикантных частностей в мемуарах одного лица.

Мередит Блейк побагровел от гнева. Руки его дрожали, когда он набивал трубку. Чуть заикаясь, он сказал:

– Отвратительно раскапывать то, что случилось шестнадцать лет назад! Почему не оставить все как есть?

Пуаро пожал плечами.

– Я с вами совершенно согласен, – сказал он. – Но что поделать? На такие вещи есть спрос. И любой имеет право восстановить в памяти людей доказанное в суде преступление и прокомментировать его.

– Мне это представляется безобразием.

– Увы, мы живем в далеко не деликатном веке... – пробормотал Пуаро. – Вы были бы поражены, мистер Блейк, если бы узнали, сколько неприятных публикаций мне удалось, скажем, смягчить. Я очень хочу сделать все, что в моих силах, чтобы пощадить чувства мисс Крейл.

– Малышка Карла! Этот ребенок уже превратился во взрослую женщину! Трудно поверить! – бормотал Мередит Блейк.

– Время летит быстро, не так ли?

– Чересчур быстро, – вздохнул Мередит Блейк.

– Как вы убедились из переданного мною письма мисс Крейл, – сказал Пуаро, – она поставила себе задачей узнать все, что можно, о печальных событиях прошлого.

– Зачем? Зачем раскапывать все заново? – сердился Мередит Блейк. – Не лучше ли оставить все как есть?

– Вы это говорите, мистер Блейк, потому что слишком хорошо знаете прошлое. Мисс Крейл же ничего не помнит. То есть она знает о случившемся только из официальных документов.

– Да, я забыл, – поморщился Мередит Блейк. – Бедное дитя. В каком она положении! Какой ужас узнать всю правду! И прочитать эти бездушные, сухие судебные отчеты.

– Истину, – заметил Эркюль Пуаро, – никогда не оце-

нить только из судебных протоколов. Многое остается за пределами этих документов и в то же время имеет большое значение. Это ощущения, чувства, характеры участников состоявшейся драмы, смягчающие вину обстоятельства...

Он умолк, и его собеседник тотчас откликнулся, словно актер в ответ на брошенную ему реплику.

– Смягчающие вину обстоятельства! Вот именно. Если они и существовали когда-либо, то именно в этом случае. Эмиас Крейл был мне старым приятелем – наши семьи уже несколько поколений дружат, – но, честно говоря, его поведение было возмутительным. Конечно, он был художником, и, по-видимому, этим оно объясняется. Он позволял себе бесконечные романы, да и вообще такие поступки, какие не придут в голову приличному человеку.

– Ваше последнее замечание крайне интересно, – сказал Эркюль Пуаро. – Эта ситуация представляется мне исключительно непонятной, ибо воспитанный светский человек никогда не станет хвастаться своими связями с женщинами.

Худое лицо Блейка, с которого так и не сошло выражение недоумения, вдруг оживилось.

– Да, – согласился он, – но дело ведь в том, что Эмиас был человеком необычным! Он был художником, и искусство у него всегда вытесняло все остальное. Я никогда не понимал и сейчас не понимаю эти так называемые художественные натуры. Крейла, правда, я немного понимал – наверное, потому, что знал его всю жизнь. Его родители ничем не отличались от моих родителей. Во многом Крейл был обычным человеком. И только в том, что касалось искусства, он не соглашался с общепринятыми стандартами. Он ни в коем случае не был любителем. Он был первоклассным, поистине первоклассным художником. Его кое-кто считает даже гением. Может, это и справедливо. Но именно поэтому он и был, так сказать, человеком неуравновешенным. Когда он писал картину, все остальное для него не существовало, не имело права ему мешать. Он жил как во сне. Работа завладевала им целиком. И только когда картина была написана, он приходил в себя и начинал жить обычной жизнью.

Он вопросительно взглянул на Пуаро, и тот кивнул головой.

– Я вижу, вы меня понимаете. Вот чем объясняется и возникновение той самой ситуации. Он был влюблен в эту девушку. Хотел на ней жениться. Был готов ради нее оставить жену и ребенка. Но он уже начал писать ее и хотел закончить картину. Все прочее перестало для него существовать. Он никого не видел. И ему даже в голову не приходило, что сложившаяся обстановка была невыносимой для этих двух женщин.

– А они его понимали?

– Отчасти. Эльза, по-моему, понимала. Она восторгалась им как художником. Но положение у нее, естественно, было нелегким. Что же касается Кэролайн...

Он умолк.

– Что же касается Кэролайн... – напомнил Пуаро.

– Кэролайн... Я всегда... Я всегда очень любил Кэролайн. Было время, когда... когда я мечтал жениться на ней. Но это чувство вскоре было в корне пресечено. Тем не менее я навсегда остался, если можно так сказать, преданным ей.

Пуаро в раздумье кивнул головой. Это старомодное выражение, почувствовал он, отражает сущность сидящего перед ним человека. Мередит Блейк был из тех людей, кто охотно и преданно посвящает себя своей романтической привязанности. Он будет беззаветно служить даме сердца, не надеясь на награду. Да, все это очень соответствует его натуре.

– Вас, должно быть, – тщательно подбирая слова, сказал Пуаро, – возмущало подобное отношение к ней?

– Да. Очень. Я даже попытался поговорить с Крейлом по этому поводу.

– Когда же это произошло?

– Накануне случившегося. Они пришли ко мне на чай. Я отозвал Крейла в сторону и... высказался. Помню, я даже сказал, что это несправедливо по отношению к ним обеим.

– А, вы так сказали?

– Да. Видите ли, мне казалось, что он этого не понимает.

– Вполне возможно.

– Я объяснил ему, что это ставит Кэролайн в исключительно трудное положение. Если он намерен жениться на этой девушке, то незачем держать ее у себя в доме, тыча ею Кэролайн в лицо. Сносить подобное оскорбление, сказал я, выше ее сил.

– И что же он ответил? – с любопытством спросил Пуаро.

– "Ничего, проглотит", – с отвращением произнес Мередит Блейк.

Эркюль Пуаро поднял брови.

– Не очень симпатичный ответ, – заметил он.

– По-моему, просто гнусный. Я вышел из себя, сказал, что, если ему наплевать на жену и безразлично, что он заставляет ее страдать, тогда как быть с девушкой? Неужто он не понимает, в какое гадкое положение ставит ее? Он ответил, что и Эльза это проглотит. И затем продолжал: "Ты, Мередит, по-видимому, не понимаешь, что я пишу свою лучшую картину. Это шедевр. И двум ревнивым и сварливым бабам не удастся ее испортить, черт побери!"

Убеждать его было без толку. Я сказал, что он утратил всякое чувство приличия. Работа, сказал я, – это еще не все. И тут он меня перебил: "Для меня – все".

Я никак не мог успокоиться. Заявил, что его отношение к Кэролайн просто позор. Что она с ним несчастна. Он ответил, что знает это и очень сожалеет. Сожалеет! "Я знаю, Мерри, – сказал он, – ты мне не поверишь, но это правда. Из-за меня Кэролайн живет в аду, но она святая и никогда не жалуется. Она, по-моему, знала, на что идет. Я не скрывал от нее, что я законченный эгоист и распущенный малый".

Тогда я стал убеждать его не разрушать свой брак. Ведь следует подумать и о ребенке. Могу понять, сказал я, что такая девушка, как Эльза, способна вывести мужчину из равновесия, но что даже ради нее он обязан покончить с создавшимся положением. Она еще совсем молода. Она вступила с ним в связь, не подумав, чем это может кончиться. Неужто он не в силах окончательно порвать с Эльзой и вернуться к жене?

– И что же он ответил?

– Ничего, – сказал Блейк. – Он вроде бы смутился. Похлопал меня по плечу и сказал: "Хороший ты малый, Мерри, только чересчур чувствительный. Подожди, пока я закончу картину, и тогда ты поймешь, что я был прав". "Черт бы побрал твою картину!" – не смог удержаться я. А он усмехнулся и сказал, что даже стараниями всех психопаток Англии это вряд ли случится. Тогда я сказал, что было бы куда более пристойно скрывать все от Кэролайн, пока картина не будет закончена. Это не его вина, ответил он. Эльза проболталась. Зачем, спросил я. Ей взбрело в голову, ответил он, что иначе не получится так, как она хочет. Она хочет, чтобы все было ясно и определенно. Ну, разумеется, отчасти ее можно понять и оправдать. Как бы дурно она себя ни вела, она по крайней мере хотела быть честной.

– Честность часто только добавляет боли и горя, – заметил Эркюль Пуаро.

Мередит Блейк недоверчиво посмотрел на него. Ему не очень понравилось последнее замечание Пуаро.

– Во всяком случае, это было крайне тяжкое время для всех нас, – вздохнул он.

– И единственный, кто, по-видимому, этого не замечал, был Эмиас Крейл, – сказал Пуаро.

– А почему? Потому что был законченным эгоистом. Помню, как перед тем, как отойти от меня, он усмехнулся и сказал: "Не беспокойся, Мерри. Все вернется на круги своя!"

– Безнадежный оптимист, – пробормотал Пуаро.

– Он был из тех мужчин, которые не относятся к женщинам всерьез. Мне следовало бы предупредить его, что Кэролайн дошла до отчаяния, – признался Мередит Блейк.

– Она сама вам об этом сказала?

– Не то чтобы сказала, но я никогда не забуду ее лица в тот день. Бледное и напряженное от какого-то искусственного

веселья. Она без умолку говорила и смеялась. Но в ее глазах были такие боль и отчаяние, каких я никогда не видел. Благородное создание...

Эркюль Пуаро секунду-другую молча смотрел на него. Неужто человек, сидящий напротив, не понимает несообразности своих слов, отзываясь таким образом о женщине, которая на следующий день намеренно убила своего мужа?

Мередит Блейк разговорился. Он наконец преодолел появившиеся у него поначалу подозрительность и неприязнь к Пуаро. Эркюль Пуаро умел слушать. А для людей вроде Мередита Блейка возможность пережить заново прошлое имела свою привлекательность. Сейчас он рассказывал больше самому себе, нежели своему гостю.

– Мне следовало бы кое-что заподозрить. Именно Кэролайн перевела разговор на мое увлечение. Признаться, я очень интересовался работами старых английских травников. Существует множество трав, которые когда-то использовались в медицине, а теперь исчезли из официальной фармакопеи. А ведь простой отвар способен творить чудеса. Половине больных не нужен даже врач. Французы это понимают – у них есть первоклассные tisanes*. – Он был весь захвачен своим увлечением. – Вот, например, чай из одуванчиков. Чудесная вещь. Или настойка из шиповника – на днях я где-то прочитал, что она становится модной у наших медиков. О да, я получаю массу удовольствия от моих отваров. Собрать растения вовремя, одни высушить, другие вымочить и все такое прочее. Иногда я даже становлюсь суеверным и собираю корни только в полнолуние или в то время, когда советуют старинные книги. В тот день, я помню, я прочел моим гостям целую лекцию о болиголове крапчатом. Он цветет раз в два года. Нужно собрать ягоды, когда они созрели, но до того, как начали желтеть. Из них получается кониум – лекарственная настойка, которой сейчас перестали пользоваться – по-моему, она даже не упоминается в последнем лекарственном справочнике, но я доказал, что она очень полезна при коклюше, а также при астме...

– Вы рассказывали им обо всем этом у себя в лаборатории?

– Да. Я показал им различные настойки, например настойку валерьяны, и объяснил, почему ее так любят кошки, стоит им только раз ее понюхать. Затем они спросили у меня про ядовитый паслен, и я рассказал им про белладонну и атропин. Их это очень заинтересовало.

– Их? Кого вы имеете в виду?

Мередит Блейк удивился – он совсем забыл, что его гость вовсе не присутствовал тогда в его лаборатории.

*Отвары (*франц.*).

– Да всех. Кто же там был? Филип, Эмиас и, разумеется, Кэролайн. Анджела и Эльза Грир.

– Больше никого?

– По-моему, нет. Нет, никого, я уверен. – Блейк с любопытством посмотрел на Пуаро. – А кто еще мог там быть?

– Я подумал было, что гувернантка...

– А, понятно. Нет, ее в тот день с ними не было. Забыл, как ее звали. Славная женщина. Очень серьезно относилась к своим обязанностям. Анджела, по-моему, доставляла ей немало хлопот.

– Чем?

– Вообще-то она была неплохой девчушкой, но порой становилась неуправляемой. Часто вытворяла мелкие пакости. Один раз, когда Эмиас был увлечен работой, она сунула ему за шиворот слизняка. Он вскочил как сумасшедший. Ругал ее на чем свет стоит. Именно после этого случая он и стал настаивать на ее отъезде в частную школу.

– В частную школу?

– Да. Я не хочу сказать, что он ее не любил, просто порой она ему надоедала. И я думаю, всегда думал...

– Да?

– Что он немного ревновал. Кэролайн была у Анджелы в рабынях. Для нее прежде всего существовала Анджела, а потом уж все остальные, и Эмиас, естественно, был очень недоволен. На это, конечно, была причина. Мне не хотелось бы касаться подробностей, но...

– Причина состояла в том, – перебил его Пуаро, – что Кэролайн Крейл не могла простить себе увечье, которое нанесла девочке.

– Ах, вам и это известно? – воскликнул Блейк. – Я не хотел об этом говорить. Зачем ворошить прошлое? Да, именно это, по-моему, было причиной такого отношения к девочке. Кэролайн, по-видимому, считала, что ей не искупить свою вину.

Пуаро задумчиво кивнул.

– А что Анджела? – спросил он. – Она затаила обиду на свою сводную сестру?

– О нет, ни в коем случае! Анджела очень любила Кэролайн. Она никогда не вспоминала о случившемся, я уверен. Просто Кэролайн не могла простить себе свой поступок.

– Анджела не возражала против отъезда в школу?

– Нет. Правда, она злилась на Эмиаса. И Кэролайн приняла ее сторону, но Эмиас не желал менять принятого решения. Несмотря на горячность, Эмиас был во многих отношениях легким человеком, но, когда он по-настоящему упрямился, всем приходилось уступать. И Кэролайн с Анджелой получили хороший нагоняй.

– И когда же ей предстояло отправиться в школу?

– Осенью. Я помню, они уже начали ее собирать. По-моему, не случись трагедии, через несколько дней она бы уехала. Утром того дня шел разговор о том, что ей взять с собой.

– А гувернантка? – спросил Пуаро.

– Что именно вас интересует насчет гувернантки?

– Как она отнеслась к этой идее? Она ведь лишалась работы, не так ли?

– Пожалуй, да. Правда, она давала уроки и маленькой Карле, но той было – сколько? – лет шесть, наверное. У нее была няня. Они бы не стали держать мисс Уильямс ради малышки. Да, правильно – ее фамилия была Уильямс. Забытые вещи всплывают в разговоре...

– Да, конечно. Вы ведь сейчас целиком перенеслись в прошлое. Оживают в памяти целые сцены, слова, жесты, выражения лиц, верно?

– Отчасти да... – задумчиво отозвался Мередит Блейк. – Но в то же время есть и какие-то провалы... Целые куски выпадают. Например, я помню, какой испытал шок, узнав, что Эмиас намерен оставить Кэролайн, но не могу вспомнить, кто мне сказал об этом – он или Эльза. Я помню, как спорил с Эльзой, пытаясь доказать ей, что она поступает мерзко. Но она только холодно рассмеялась мне в лицо и заявила, что я человек старомодный. Я и вправду, наверное, старомоден, но все-таки убежден в своей правоте. У Эмиаса были жена и ребенок – ему следовало быть с ними.

– Но мисс Грир считала такую точку зрения устарелой?

– Да. Не забывайте, что шестнадцать лет назад на развод смотрели не так, как нынче. Однако Эльза была из тех девиц, которые стараются быть суперсовременными. Она считала, что, если муж и жена не слишком счастливы в браке, им лучше развестись. Эмиас и Кэролайн вечно ссорятся, говорила она, а ребенку, мол, куда полезней воспитываться в атмосфере гармонии.

– Однако ее доводы вас не убедили?

Мередит Блейк опять задумался.

– Мне казалось, что она на самом деле не знает, о чем говорит. Она как попугай повторяла чужие мысли, вычитанные ею из книг или услышанные от приятелей. Порой она, как ни странно, вызывала жалость. Такая юная и такая самоуверенная. – Он помолчал. – Есть что-то в молодых, мсье Пуаро, что вызывает к ним жалость.

Эркюль Пуаро с интересом посмотрел на него.

– Я понимаю, о чем вы говорите...

Блейк продолжал, убеждая скорей самого себя, нежели Пуаро:

– Поэтому я и решил поговорить с Крейлом. Он был по-

чти на двадцать лет старше Эльзы. Мне это представлялось неправильным.

– Увы, в таких случаях уговоры бесполезны, – пробормотал Пуаро. – Когда человек отважился на что-то, в особенности если в этом замешана женщина, отговорить его нелегко.

– Совершенно верно, – не без горечи согласился Мередит Блейк. – Мое вмешательство ни к чему не привело. Но, честно говоря, я не очень-то умею убеждать и никогда не умел.

Пуаро окинул его быстрым взглядом. В этой горечи он распознал неудовлетворенность человека, болезненно реагирующего на собственный комплекс неполноценности. И признал справедливость того, что сказал Блейк. Мередит Блейк был не из тех, кто способен уговорить другого отказаться от намеченного. Его попытки действовать из лучших побуждений всегда отвергаются – обычно снисходительно, без раздражения, но оттого не менее решительно. В них отсутствует сила убеждения. Он не способен убеждать.

– У вас по-прежнему есть лаборатория, где вы готовите целебные снадобья и настойки? – спросил Пуаро, пытаясь уйти от болезненной темы.

– Нет, – резко ответил Мередит Блейк и с какой-то болью – лицо его вспыхнуло – принялся объяснять: – Я забросил свое увлечение и ликвидировал лабораторию. После того, что произошло, разве я мог продолжать работу? По правде говоря, большая доля вины за случившееся лежит, можно сказать, на мне.

– Вы слишком впечатлительны, мистер Блейк.

– Разве вы не понимаете? Если бы я не собирал эти проклятые травы, если бы не придавал им такое значение, если бы не хвастался ими и не демонстрировал их своим гостям в тот день... Правда, мне и в голову не приходило... Я никогда не думал, что я мог...

– Я в этом и не сомневаюсь.

– А я болтал и болтал, довольный, что могу поразить гостей своими знаниями. Слепой и тщеславный дурак. Я рассказал им про кониум. Я даже – сущий идиот! – повел их в библиотеку и прочел отрывок из "Федона"*, описывающий смерть Сократа. Прекрасное творение – я всегда им восторгался. С тех пор этот отрывок не выходит у меня из головы.

– На бутылке с кониумом нашли отпечатки чьих-нибудь пальцев? – спросил Пуаро.

– Только ее.

– Кэролайн Крейл?

– Да.

– А ваши?

* Диалог древнегреческого философа Платона.

– Нет. Я не брал бутылку в руки. Только показал на нее.

– Но раньше-то вы наверняка брали ее в руки?

– Конечно, но время от времени я вытирал с бутылок пыль. Я не разрешал слугам входить в лабораторию. И дней за четыре-пять до случившегося я протер все бутылки.

– Вы держали лабораторию под замком?

– Постоянно.

– Когда же Кэролайн Крейл отлила кониум из бутылки?

– Она вышла из лаборатории последней, – неохотно ответил Мередит Блейк. – Я помню, мне даже пришлось позвать ее, и она почти выбежала оттуда. Щеки у нее порозовели, глаза расширились, взгляд был возбужденным. О господи, я прямо вижу ее перед собой.

– Довелось ли вам в тот день с ней беседовать? – спросил Пуаро. – Я имею в виду, обсуждали ли вы с ней ее отношения с мужем?

– Впрямую нет, – тихо проговорил Блейк. – Она выглядела, как я уже вам сказал, очень расстроенной. Улучив минуту, когда мы оказались наедине, я спросил у нее: "Что-нибудь случилось, дорогая?" – "Случилось все..." – ответила она. Если бы вы слышали отчаяние, что было в ее голосе. Эти слова следовало понимать буквально, ибо Эмиас Крейл был для Кэролайн всем. "Все кончено, – сказала она. – И меня больше нет, Мередит". А потом засмеялась, обернувшись к остальным, и вдруг ни с того ни с сего сделалась безумно и неестественно веселой.

Эркюль Пуаро медленно кивнул головой. Он почему-то стал похож на китайского мандарина.

– Да. Понятно, как это было...

Мередит Блейк внезапно стукнул по столу кулаком. Он уже не говорил, а почти кричал.

– И вот что я вам скажу, мсье Пуаро. Когда Кэролайн Крейл на суде сказала, что взяла яд для себя, клянусь, она сказала правду! В ту минуту она не думала об убийстве. Клянусь! Эта мысль возникла у нее потом.

– Вы уверены, что она возникла потом? – спросил Эркюль Пуаро.

Блейк уставился на него.

– Извините, я не совсем понял...

– Я спрашиваю вас, – сказал Пуаро, – уверены ли вы в том, что у Кэролайн Крейл вообще возникала мысль об убийстве? Неужто у вас нет ни капли сомнения, что Кэролайн Крейл не совершала умышленного убийства?

Дыхание Мередита Блейка сделалось неровным.

– Но если нет... если нет... Вы что, полагаете, что имел место несчастный случай?

– Необязательно.

– Тогда я окончательно отказываюсь вас понимать.

– Вот как? Но вы же сами назвали Кэролайн Крейл благородным созданием. Разве благородные создания совершают убийства?

– Она была благородным созданием, но тем не менее между ней и ее мужем бывали весьма бурные ссоры.

– Значит, она не была благородным созданием?

– Была... Как трудно объяснить некоторые вещи!

– Я изо всех сил стараюсь понять.

– Кэролайн часто говорила не задумываясь и порой прибегала к довольно резким выражениям. Она могла сказать: "Я тебя ненавижу. Хорошо бы ты умер". Но это вовсе не означало... вовсе не влекло за собой... действий.

– Значит, по-вашему, совершение убийства было поступком, никак не соответствовавшим характеру миссис Крейл?

– Удивительные вы умеете делать выводы, мсье Пуаро. Могу сказать только... что да, подобный поступок отнюдь не в ее характере. И объяснить его можно только тем, что повод был чрезвычайным. Она обожала мужа. В таких условиях женщина способна на убийство.

– Согласен... – кивнул Пуаро.

– Сначала я был просто огорошен. Не понимал, как такое могло случиться. Ведь настоящая Кэролайн не могла этого совершить.

– Но вы не сомневаетесь – в юридическом смысле, – что Кэролайн Крейл совершила убийство?

Мередит Блейк опять вытаращил глаза.

– Мой дорогой, если не она...

– Если не она?

– Не могу представить иного решения. Несчастный случай? С чего бы?

– Ни с чего, сказал бы я.

– В версию о самоубийстве я тоже не верю. Такая версия была выдвинута, но звучала она крайне неубедительно для всех, кто знал Крейла.

– Понятно.

– Итак, что же остается? – спросил Мередит Блейк.

– Остается возможность, – весьма хладнокровно заявил Пуаро, – что Эмиаса Крейла убил кто-то другой.

– Но это же чепуха!

– Вы так думаете?

– Уверен в этом. Кому нужна была его смерть? Кто мог убить его?

– Вам лучше знать.

– Не можете же вы всерьез утверждать...

– Возможно, я ошибаюсь. Но мне хотелось бы исследовать все варианты. Поразмыслите как следует. И скажите мне ваше мнение.

Мередит с минуту-другую не спускал с Пуаро взгляда. А затем опустил глаза. Прошло еще минуты две, он покачал головой:

– Не могу представить себе ничего другого. А хотелось бы. Если бы была возможность заподозрить кого-нибудь другого, я бы охотно поверил в невиновность Кэролайн. Мне не по душе считать, что это сделала она. Сначала я вообще не мог этому поверить. Но кто еще был там? Филип? Закадычный друг Крейла. Эльза? Глупо. Я? Разве я похож на убийцу? Почтенная гувернантка? Двое старых верных слуг? Можно ли считать, что Анджела способна на такой поступок? Нет, мсье Пуаро, альтернативы не существует. Никто не мог убить Эмиаса Крейла, кроме его жены. Но он сам довел ее до этого. Вот почему, по-моему, это убийство можно считать самоубийством.

– Он погиб по своей вине, хотя и не от своей руки?

– Да. Правда, это несколько фантастично, но есть причина и есть результат.

– А не приходило ли вам в голову, мистер Блейк, что причину преступления почти всегда можно отыскать, изучив личность убитого?

– Нет, не приходило, но я понимаю, о чем вы говорите.

– Только когда вы точно знаете, что представлял собой убитый, вы начинаете отчетливо понимать обстоятельства, в которых было совершено преступление, – сказал Пуаро. А потом добавил: – Именно это я и пытаюсь выяснить. И вы с вашим братом очень мне помогли понять, что за человек был Эмиас Крейл.

Мередит Блейк не обратил внимания на слова Пуаро. Его привлекло только упоминание о его брате.

– Филип? – тотчас спросил он.

– Да.

– Вы с ним тоже беседовали?

– Разумеется.

– Вам следовало сначала обратиться ко мне, – не сдержался Мередит Блейк.

Чуть улыбнувшись, Пуаро протянул руку, словно прося извинения.

– Если исходить из права первородства, то конечно, – согласился он. – Я знаю, что вы – старший брат. Но, поскольку ваш брат живет недалеко от Лондона, мне было проще сначала встретиться с ним.

Мередит Блейк продолжал хмуриться и теребить свои усы.

– Вам следовало сначала обратиться ко мне, – повторил он.

На этот раз Пуаро не стал оправдываться. Он ждал. И Мередит Блейк объяснил:

– У Филипа на этот счет предвзятое мнение.

— Вот как?

— По правде говоря, он ко всему относится и относился с предубеждением. — Он окинул Пуаро быстрым тревожным взглядом. — Он пытался настроить вас против Кэролайн?

— А разве это имеет значение по прошествии стольких лет?

— Понимаю, — тяжело вздохнул Мередит Блейк. — Порой я забываю, что прошло столько лет и что все давным-давно забыто. Кэролайн больше нельзя обидеть. Но тем не менее мне бы не хотелось, чтобы у вас создалось превратное впечатление.

— А вы считаете, что ваш брат способен вызвать у меня превратное впечатление?

— Честно — да. Дело в том, что между ним и Кэролайн всегда существовал, так сказать, антагонизм.

— Почему?

Вопрос Блейку, по-видимому, не понравился.

— Почему? Откуда мне знать почему? Так складывались отношения. Филип при каждом удобном случае цеплялся к ней. Он был очень недоволен, когда Эмиас на ней женился. Больше года не встречался с ними. Тем не менее Эмиас оставался его близким другом. Наверное, причина и была именно в этом. Филип, вероятно, считал, что на свете нет женщины, которая была бы достойна его приятеля. А может, боялся, что под влиянием Кэролайн их дружба разладится.

— Так и случилось?

— Вовсе нет. Эмиас оставался другом Филипа до конца своих дней. Любил посмеяться над ним за любовь к деньгам, за увлеченность биржевыми сделками, за то, что он все больше и больше становится обывателем. Но Филип не обращал внимания. Он только усмехался и говорил, что Эмиасу повезло, что у него оказался хоть один респектабельный друг.

— А как ваш брат относился к роману Эмиаса с Эльзой Грир?

— Мне почему-то непросто ответить на ваш вопрос. Филипа порой нелегко понять. По-моему, он злился на Эмиаса за то, что тот делает из себя дурака из-за этой девицы. И не раз говорил, что ничего из этого не получится и что Эмиасу суждено об этом пожалеть. И в то же время мне кажется — да я в этом и не сомневаюсь, — что он был доволен, видя Кэролайн униженной.

У Пуаро поднялись брови.

— В самом деле?

— Поймите меня правильно, — ответил Блейк. — Я высказываю только свое мнение, не более того. Так вот, мне кажется, что он был этим доволен. Не знаю, испытывал он такое чувство сознательно или бессознательно. У нас с Фили-

пом мало общего, но мы все-таки родные братья и должны понимать друг друга. Обычно братья знают мысли друг друга.

– А после трагедии?

Мередит Блейк покачал головой. Лицо его передернулось судорогой боли.

– Бедняга Фил. Он был искренне потрясен. И долго не мог прийти в себя. Он был очень привязан к Эмиасу. Преклонялся перед его талантом. Мы с Крейлом одного возраста. А Филип на два года моложе и поэтому всегда смотрел на Эмиаса снизу вверх. Да, для него это был настоящий удар. Он был очень зол на Кэролайн.

– И он тоже не испытывал никаких сомнений?

– Ни у кого из нас не было сомнений... – ответил Мередит Блейк.

Наступило молчание. А затем с грустью и раздражением, свойственным человеку безвольному, Блейк сказал:

– Все это забыто... кончено. И вот являетесь вы и начинаете раскапывать все заново...

– Не я. Кэролайн Крейл.

– Кэролайн? – вытаращил глаза Мередит. – Что вы хотите этим сказать?

Не сводя с него взгляда, Пуаро ответил:

– Кэролайн Крейл-младшая.

Лицо Мередита смягчилось.

– Ах да, малышка Карла. Я даже не сразу вас понял.

– Вы решили, что я говорю о самой Кэролайн Крейл? Вы решили, что я говорю о той, кому – как это сказать? – суждено спокойно спать в своей могиле?

– Не нужно, – вздрогнул Мередит Блейк.

– Вам известно, что в последнем в своей жизни письме, адресованном ее дочери, она написала, что невиновна?

Мередит опять вытаращил глаза.

– Кэролайн так написала? – не мог поверить он.

– Да. – Помолчав, Пуаро спросил: – Вас это удивляет?

– И вас бы удивило, если бы вы видели ее на суде. Бедное, загнанное в угол, беззащитное существо. Она даже не пыталась бороться.

– Капитулировала?

– Нет-нет. Ни в коем случае. Скорей, здесь играло роль сознание того, что она убила человека, которого любила, по крайней мере так мне казалось в ту пору.

– А сейчас вы сомневаетесь?

– Написать такую вещь, да еще когда умираешь...

– Быть может, это была ложь во спасение? – подсказал Пуаро.

– Может быть, – с сомнением в голосе согласился Мередит. – Но это не похоже на Кэролайн...

Эркюль Пуаро кивнул. Карла Лемаршан сказала то же самое. Но Карла утверждала это, исходя из детских воспоминаний. А вот Мередит Блейк хорошо знал Кэролайн. Это было первое полученное Пуаро подтверждение того, что мнению Карлы можно доверять.

Мередит Блейк смотрел на него.

– Если... Если Кэролайн была невиновна, тогда все это просто безумие! – медленно сказал он. – Только я не вижу другого решения... – Он резко обратился к Пуаро: – А вы? Что думаете вы?

Молчание.

– Пока, – наконец заговорил Пуаро, – я ничего не думаю. Я только собираю мнения. Хочу знать, что представляла собой Кэролайн Крейл. Каким был Эмиас Крейл. Что представляли собой люди, которые были там в ту пору. Что именно имело место в течение тех двух дней. Вот что мне нужно. Тщательно изучить один за другим все факты. Ваш брат готов мне помочь. Он согласился письменно изложить все события в том порядке, в каком они ему помнятся.

– Большой пользы вам от него не будет, – резко сказал Мередит Блейк. – Филип – человек занятой. Он старается не держать в памяти события, с которыми покончено. Вполне возможно, что он многое перепутает.

– Все запомнить трудно, я понимаю.

– Вот что я вам скажу... – Мередит вдруг умолк, а потом, покраснев, продолжал: – Если хотите, я могу сделать то же самое. Тогда вы сможете, так сказать, сверить наши воспоминания, верно?

– Это было бы замечательно! – с горячностью откликнулся Пуаро. – Какая превосходная мысль!

– Решено, я пишу. У меня где-то лежат старые дневники. Только имейте в виду, – он смущенно засмеялся, – я не большой литератор. И с орфографией я не в ладах. Надеюсь, вы не будете в претензии?

– Меня стиль и орфография мало интересуют. Мне нужен простой пересказ того, что вы помните. Кто что сказал, как кто выглядел, что произошло. И не отбирайте, пожалуйста, только то, что кажется важным вам. Все помогает, так сказать, воссоздать атмосферу.

– Понятно. Должно быть, нелегко представить себе людей и места, которых вы никогда не видели.

Пуаро кивнул.

– Я хотел попросить вас еще кое о чем. Олдербери прилегает к вашему поместью, не так ли? Нельзя ли мне побывать там и собственными глазами увидеть, где произошла трагедия?

– Я могу хоть сейчас проводить вас туда, – ответил Мере-

дит Блейк. – Но, конечно, там многое с тех пор изменилось.

– Дом не был перестроен?

– Нет, слава богу, до этого не додумались. Но теперь там нечто вроде общежития, поместье купила какая-то общественная организация. Орды молодых людей наезжают туда на лето, поэтому все комнаты поделены на клетушки, да и само поместье тоже претерпело большие изменения.

– Вам придется восстановить его в памяти.

– Постараюсь. Как жаль, что вам не довелось его видеть в былые дни. Это было одно из самых красивых поместий в наших местах.

Они вышли и начали спускаться вниз по зеленевшей перед домом лужайке.

– А кто занимался продажей поместья?

– Опекуны маленькой Карлы. Ей досталось все, чем владел Крейл. Он не оставил завещания, поэтому его состояние должно было автоматически делиться поровну между женой и ребенком. Согласно завещанию Кэролайн, ее доля тоже досталась девочке.

– И ничего ее сводной сестре?

– У Анджелы были деньги, оставленные ей ее отцом.

– Понятно, – кивнул Пуаро. И тут же воскликнул: – А куда вы меня ведете? Ведь впереди уже берег моря.

– Должен объяснить вам нашу географию. Впрочем, через минуту вы сами все поймете. Видите бухту? Она называется Кэмел-Крик и вдается в сторону суши. Похоже на устье реки, а на самом деле это море. Чтобы попасть в Олдербери, нужно пойти направо и обогнуть бухту, но куда проще перебраться с одного берега на другой на лодке. На том берегу и стоит Олдербери. Вот здесь бухта сужается и сквозь деревья просматривается дом.

Они дошли до небольшого пляжа. На другом берегу была роща, а за ней на вершине холма среди деревьев виднелся белый дом.

На берегу лежали две лодки. Мередит Блейк, которому попытался было помочь Пуаро, стащил одну из них в воду, и через минуту они уже шли на веслах по направлению к дому.

– В прежние дни мы всегда пользовались именно этим путем, – пояснил Мередит. – А если был ветер или шел дождь, тогда мы добирались на машине. Там мили три, если ехать кружным путем.

Он аккуратно пришвартовался вдоль каменного причала на другой стороне залива, а потом пренебрежительно оглядел размещенные на берегу деревянные домики и бетонные террасы.

– Все это новое. Раньше здесь стоял эллинг для лодок –

ветхий сарай – и больше ничего. Можно было пройтись по пляжу и выкупаться вон там, возле скал.

Он помог Пуаро выбраться из лодки, привязал ее, и они стали подниматься по круто уходящей вверх тропинке.

– Вряд ли мы кого-нибудь встретим, – сказал он. – В апреле здесь если кто и бывает, то только на пасху. А встретим, не обращайте внимания – я со своими соседями в хороших отношениях. Солнце сегодня греет вовсю. Как летом. Вот и тогда стоял чудесный день. Больше было похоже на июль, чем на сентябрь. С неба лучилось яркое солнце, но дул довольно прохладный ветерок.

Тропинка, выйдя из рощи, обогнула нагромождение скал.

– А вон там, – показал Мередит, – Оружейный сад. Мы как раз под ним. Обходим его со стороны моря.

Тропинка опять пошла среди деревьев, а потом, круто свернув, привела к воротам в высокой каменной ограде. Отсюда наверх пролегла зигзагообразная дорожка, но Мередит открыл калитку, и они очутились за оградой.

На мгновенье Пуаро ослепил яркий солнечный свет. Оружейный сад расположился на искусственном плато с бойницами в каменной ограде и пушкой. Сад, казалось, навис над морем. Над садом и позади него росли деревья, но со стороны моря не было ничего, кроме ослепительно голубой воды.

– Привлекательное место, – заметил Мередит. И с презрением кивнул на нечто вроде беседки возле задней стены. – Этого в ту пору, разумеется, не было – только старый сарай, где у Эмиаса хранились краски, пиво в бутылках и несколько садовых стульев. И бетоном все это тоже не было залито. Здесь стояли стол и скамейка – чугунные, но крашеные. Вот и все. Тем не менее больших перемен вроде нет, – завершил он неуверенно.

– Именно здесь все и произошло? – спросил Пуаро.

Мередит кивнул.

– Скамья была вон там, возле сарая. На ней он и лежал, когда его нашли. Правда, он часто писал полулежа. Откидывался на спинку и смотрел, смотрел... А потом вдруг вскакивал и, как безумный, начинал класть мазки один за другим. – Он помолчал. – Поэтому, когда его нашли, он вовсе не казался мертвым. Спит человек, и все. Откинулся на спинку скамьи и задремал. Этот яд вызывает мгновенный паралич. Человек даже боли не чувствует... Я... Я даже рад был этому...

– А кто его нашел? – спросил Пуаро, хотя уже знал ответ.

– Она. Кэролайн. После обеда. Мы с Эльзой, по-моему, последними видели его в живых. Должно быть, яд уже проник в организм. Потому что у него был какой-то странный вид. Я бы предпочел об этом не говорить. Лучше напишу. Мне так легче.

Он резко повернулся и вышел из Оружейного сада. Пуаро, не говоря ни слова, последовал за ним.

Они поднялись вверх по зигзагообразной дорожке. Выше была еще одна лужайка, затененная деревьями, там стояли стол и скамейка.

– И здесь нет больших перемен, – заметил Мередит. – Правда, скамейка не была подделкой под старину, а просто крашеной, чугунной. Сидеть на ней было немного жестко, зато какой вид!

Пуаро согласился. Сквозь кроны деревьев были видны Оружейный сад и залив.

– Перед обедом я некоторое время провел здесь, – сказал Мередит. – Деревья тогда еще не разрослись так, как теперь. Были хорошо видны бойницы. На одной из них сидела Эльза, позируя для картины. Она сидела, повернув голову в сторону. Деревья растут быстрее, чем кажется, – еле приметно передернув плечами, пробормотал он. – А может, просто я сам старею. Пойдемте в дом.

Они продолжали свой путь по дорожке, пока она не привела их прямо к дому. Это был красивый старый дом в стиле эпохи Георгов. К нему уже была сделана пристройка, а на зеленой лужайке перед ним расположились около пятидесяти деревянных домиков.

– Молодые люди спят здесь, а девушки в большом доме, – объяснил Мередит. – Не думаю, что вас здесь что-либо может заинтересовать. Все комнаты поделены перегородками. Вот здесь когда-то была небольшая теплица. А эти люди построили вместо нее крытую галерею. Им, наверное, нравится проводить здесь свой отдых. Но, конечно, жаль, что они не оставили все как было. – Он круто повернулся. – Обратно пойдем другой дорогой. А то мне всюду мерещится прошлое. Кругом одни привидения.

Они вернулись к причалу более длинным и петляющим путем. Оба молчали. Пуаро понимал, в каком настроении пребывает его спутник.

Когда они снова оказались в Хэндкросс-Мэнор, Мередит Блейк вдруг сказал:

– Знаете, я ведь купил ту картину. Ту самую, которую Эмиас писал. Мне претила мысль о том, что ее продадут только из-за ее скандальной репутации и эти негодяи с их склонностью к патологии будут на нее глазеть. Работа в самом деле превосходная. Эмиас говорил, что это его лучшая вещь, и, по-моему, был прав. Практически он ее завершил. Собирался поработать над ней день-другой, не больше. Хотите на нее посмотреть?

– С удовольствием, – поспешил заверить его Эркюль Пуаро.

Блейк провел его через холл, вынул из кармана ключ, отпер дверь, и они очутились в довольно большой комнате, где пахло пылью. Окна были закрыты деревянными ставнями. Блейк распахнул их. Потом с трудом поднял раму, и в комнату ворвался напоенный весенними ароматами воздух.

– Вот так-то лучше, – сказал он.

Он стоял у окна, вдыхая свежий воздух, и Пуаро подошел и встал рядом. Спрашивать, что это за комната, было незачем. Полки были пустыми, но на них еще остались следы от бутылок. Возле одной из стен рядом с раковиной стоял пришедший в негодность химический прибор. На всех вещах лежал толстый слой пыли.

Мередит Блейк смотрел в окно.

– С какой легкостью возвращается прошлое, – сказал он. – Вот именно здесь я стоял, вдыхая запах цветущего жасмина, и разливался соловьем о моих необыкновенных снадобьях и настойках.

Пуаро машинально протянул в окно руку и отломил покрытую листьями ветку жасмина.

Мередит Блейк решительными шагами подошел к стене, на которой висела укутанная от пыли в простыню картина. И дернул простыню за край.

У Пуаро перехватило дыхание. До сих пор ему довелось видеть четыре картины, написанные Эмиасом Крейлом: две в Тейтовской галерее, одну у лондонского торговца картинами и еще натюрморт с розами. А сейчас перед ним была картина, которую художник считал лучшей из своих работ; он еще раз убедился, каким превосходным мастером был Крейл.

Картина была написана в характерной для него манере и казалась покрытой глянцем. На первый взгляд она напоминала плакат – такими кричащими были ее краски. На ней была изображена девушка в ярко-желтой рубашке и темно-синих брюках. Залитая ярким светом солнца, она сидела на серой стене на фоне ярко-голубого моря. Таких обычно изображают на рекламных щитах.

Но первое впечатление было обманчивым. В картине была едва приметная искаженность: чуть больше, чем нужно, блеска и света. Что же касается девушки...

Она была сама жизнь. Здесь было все, что можно ждать от жизни, юности, кипучей энергии. Сияющие лицо и глаза...

Столько жизни! Столько юной страсти! Вот что видел Эмиас Крейл в Эльзе Грир, которая сделала его слепым и глухим по отношению к такому благородному созданию, каким была его жена. Эльза была жизнь, юность.

Идеальное, с тонкой и стройной фигурой существо, голова вскинута, взгляд самонадеянный и торжествующий. Смотрит на вас, разглядывает, ждет...

Эркюль Пуаро вскинул руки.

– Изумительно... Да, изумительно...

– Она была такой молодой, – взволнованно прошептал Мередит Блейк.

Пуаро кивнул.

"Что имеют в виду большинство людей, когда говорят "такая молодая"? – думал он. – Такая невинная, такая трогательная, такая беспомощная? Но молодость – это дерзость, это сила, это энергия – и жестокость! И еще одно – молодость легкоранима".

Вслед за Блейком он пошел к выходу. Интерес Пуаро к Эльзе Грир возрос. Следующий визит он нанесет ей. Что сделали годы с этим пылким, страстным, дерзким существом?

Он еще раз посмотрел на картину.

Эти глаза, они следят за ним... Хотят ему что-то сказать...

Но если он не поймет, что они хотят ему сказать? Сможет ли это сделать сама женщина? Или эти глаза пытаются сказать нечто, чего их владелица не знает?

Такая самонадеянность, такое предвкушение торжества.

Но тут вмешалась Смерть и выхватила жертву из этих жадных, нетерпеливых юных рук...

И свет погас в этих горящих от торжества глазах. Какие теперь глаза у Эльзы Грир?

Он вышел из комнаты, бросив на картину последний взгляд.

"Она была чересчур жизнерадостной", – подумал он.

И ему стало... чуть страшно.

ГЛАВА VIII

ТРЕТИЙ ПОРОСЕНОК УСТРОИЛ ПИР ГОРОЙ...

Окна дома на Брук-стрит украшали ящики с тюльпанами. А когда открылась входная дверь, от стоявшей в холле огромной вазы с цветами поплыл аромат душистой белой сирени.

Пожилой дворецкий принял у Пуаро шляпу и палку. Их тотчас перехватил появившийся откуда-то лакей, а дворецкий почтительно пробормотал:

– Не угодно ли следовать за мной, сэр?

Вслед за ним Пуаро пересек холл и спустился на три ступеньки вниз. Отворилась дверь, дворецкий четко и ясно произнес его имя и фамилию.

Затем дверь закрылась, со стула возле горящего камина поднялся и пошел ему навстречу высокий худощавый человек.

Лорду Диттишему было около сорока. И был он не только пэр Англии, но и поэт. Две его экстравагантные стихотворные пьесы ценой немалых расходов были поставлены на сцене и имели succès d'estime*. У него был довольно выпуклый лоб, острый подбородок, чудесные глаза и удивительно красивый рот.

– Прошу садиться, мсье Пуаро, – сказал он.

Пуаро сел и взял предложенную хозяином сигарету. Лорд Диттишем закрыл коробку, зажег спичку, подождал, пока Пуаро прикурит, и только тогда сел сам и задумчиво посмотрел на гостя.

– Насколько я понимаю, вы пришли повидаться с моей женой, – сказал он.

– Леди Диттишем любезно согласилась меня принять, – подтвердил Пуаро.

– Понятно.

Наступило молчание.

– Вы, надеюсь, не возражаете, лорд Диттишем? – рискнул спросить Пуаро.

Худое сонное лицо вдруг расцвело в улыбке.

– Кто в наши дни, мсье Пуаро, принимает всерьез возражения мужа?

– Значит, вы против?

– Нет, не могу сказать, что я против. Но, должен признаться, я несколько опасаюсь того эффекта, который произведет на мою жену беседа с вами. Позвольте быть предельно откровенным. Много лет назад, когда моя жена была совсем юной, на ее долю выпало тяжкое испытание. Я считал, что она оправилась от потрясения и забыла о случившемся. И вот являетесь вы. Боюсь, ваши вопросы пробудят старые воспоминания.

– Очень жаль, – сочувственно произнес Пуаро.

– Я плохо представляю, каков будет результат.

– Могу заверить вас, лорд Диттишем, что я сделаю все возможное, чтобы не расстроить леди Диттишем. Она, судя по всему, человек хрупкий и нервный.

И вдруг, к удивлению Пуаро, его собеседник расхохотался.

– Кто, Эльза? – спросил он. – Да у Эльзы сил как у лошади.

– В таком случае... – Пуаро дипломатически умолк. Эта ситуация показалась ему любопытной.

– Моя жена, – сказал лорд Диттишем, – способна пережить любое потрясение. Меня интересует, знаете ли вы, почему она согласилась встретиться с вами?

– Из любопытства? – безмятежно предположил Пуаро.

*Умеренный успех (*франц.*).

Что-то похожее на уважение мелькнуло в глазах хозяина дома.

– А, значит, вы это понимаете?

– Разумеется. Женщина не способна отказаться от возможности поговорить с частным детективом. Мужчина пошлет его к черту.

– Есть и женщины, которые могут послать его к черту.

– Но не раньше, чем побеседуют с ним.

– Возможно. – Лорд Диттишем помолчал. – Кому нужна эта книга?

Эркюль Пуаро пожал плечами.

– Одни воскрешают былые мотивы, воссоздают былые интермедии, возрождают былые костюмы. А другие восстанавливают в памяти былые преступления.

Лорд Диттишем презрительно скривился.

– Можете относиться к этому как угодно, но человеческую натуру не изменить. Убийство – это драма. А люди жаждут драмы.

– Это так, – согласился лорд Диттишем.

– Поэтому, как вы понимаете, – сказал Пуаро, – книга будет написана. В мои же обязанности входит присмотреть за тем, чтобы в ней не было грубых ошибок или искажений известных фактов.

– Я всегда считал, что факты являются общественным достоянием.

– Факты, но не их интерпретация.

– Что вы имеете в виду, мсье Пуаро? – резко спросил Диттишем.

– Дорогой лорд Диттишем, разве вам не известно, что существуют многочисленные возможности подхода к историческому факту. Возьмем пример: сколько книг написано о королеве Марии Стюарт, где она представлена то мученицей, то бесчестной и распутной женшиной, то простодушной святой, то убийцей и интриганкой, то жертвой обстоятельств и судьбы! Выбирайте, что хотите.

– А в данном случае? Крейла убила его жена – это по крайней мере доказано. Во время судебного процесса моя жена подверглась незаслуженным оскорблениям. Ей приходилось тайно выбираться из здания суда. Общественное мнение явно было враждебным к ней.

– Англичане, – сказал Пуаро, – люди высокой нравственности.

– Верно, будь они прокляты! – подтвердил лорд Диттишем. И не сводя с Пуаро глаз, спросил: – А вы лично?

– Я, – ответил Пуаро, – веду очень добродетельную жизнь. Но это отнюдь не то же самое, что быть человеком высокой нравственности.

– Порой я задумываюсь, – сказал лорд Диттишем, – что́ на самом деле представляла собой миссис Крейл. Все эти разговоры об оскорбленных чувствах жены. По-моему, за этим кроется нечто иное.

– Об этом может знать ваша жена, – заметил Пуаро.

– Моя жена, – отозвался лорд Диттишем, – ни разу не вспомнила о случившемся.

Пуаро с интересом взглянул на него.

– Я начинаю понимать...

– Что вы начинаете понимать? – резко перебил его Диттишем.

– Творческое воображение поэта... – с поклоном ответил Пуаро.

Лорд Диттишем встал и позвонил в звонок.

– Моя жена вас ждет, – резко сказал он.

Дверь отворилась.

– Вы звонили, милорд?

– Проводите мсье Пуаро к леди Диттишем.

Два пролета лестницы наверх, мягкий ковер, приглушенный свет. Все свидетельствует о деньгах. Меньше о вкусе. Суровая простота в комнате лорда Диттишема. Но в остальной части дома царила роскошь. Все самое лучшее. Не обязательно самое броское. Просто "цена не имеет значения" и отсутствие воображения.

"Устроил пир горой? Да, горой!" – заметил про себя Пуаро.

Комната, куда его ввели, оказалась небольшой. Главная гостиная была на втором этаже. А это была личная гостиная хозяйки дома, которая стояла у камина, когда ей доложили о приходе Пуаро.

Ему опять вспомнилась фраза: *Она умерла молодой...* Мысленно повторяя эти слова, он смотрел на Эльзу Диттишем, которая когда-то была Эльзой Грир.

Он никогда не узнал бы в ней той, что была на картине, которую показал ему Мередит Блейк. Там она была воплощением юности, воплощением энергии. Здесь же юности не было, быть может, не было никогда. Зато теперь он увидел то, чего не увидел в картине Крейла: Эльза была красивой женщиной. Да, навстречу ему шла настоящая красавица. И, разумеется, совсем еще молодая. Сколько ей? Не больше тридцати шести, если, когда случилась трагедия, ей было всего двадцать. Ее темные волосы были безупречно уложены на идеальной головке, черты лица были почти классическими, грим наложен очень умело.

Ему вдруг стало не по себе. Наверное, по вине старого мистера Джонатана, рассуждавшего о Джульетте... Никакой Джульетты здесь нет, впрочем, можно ли представить себе

Джульетту уцелевшей и примирившейся, что нет ее Ромео?.. Разве сущность Джульетты не в том, что ей суждено было умереть юной?

Эльза Грир осталась жива...

Она обращалась к нему, произнося слова ровным, даже монотонным голосом:

– Я так заинтригована, мсье Пуаро. Садитесь, пожалуйста, и скажите, чем я могу быть вам полезна.

"Она вовсе не заинтригована, – подумал он. – Ничто не способно ее заинтриговать".

Большие серые глаза, похожие на мертвые озера.

Пуаро в очередной раз прикинулся иностранцем.

– Я в замешательстве, мадам, в полнейшем замешательстве, – воскликнул он.

– Почему?

– Потому что я понял, что это... это воссоздание былой трагедии может оказаться исключительно болезненным для вас!

Ее это, похоже, позабавило. Да, именно позабавило. Она явно смеялась над его страхами.

– Наверное, это мой муж вас надоумил? Он ведь встретил вас, когда вы приехали? Он ничего не понимает. И никогда не понимал. Я вовсе не такая чувствительная, какой он меня представляет. – Ее по-прежнему забавляла создавшаяся ситуация. – Мой отец был простым рабочим, но сумел выйти в люди и скопить состояние. Для этого нужно быть толстокожим. Я такая же.

"Да, это правда, – подумал Пуаро. – Нужно быть толстокожей, чтобы поселиться в доме Кэролайн Крейл".

– Так чем же я могу вам помочь? – повторила леди Диттишем.

– Вы уверены, мадам, что вам не будет больно обсуждать прошлое?

На секунду она задумалась, и Пуаро вдруг пришло в голову, что леди Диттишем – человек искренний. Она способна солгать из необходимости, но не ради корысти.

– Нет, больно не будет, – задумчиво сказала леди Диттишем. – Признаться, я бы даже не возражала, чтобы стало больно.

– Почему?

– Так глупо никогда ничего не чувствовать... – раздраженно ответила она.

И снова Эркюль Пуаро подумал: "Да, Эльза Грир умерла..."

А вслух сказал:

– В таком случае, леди Диттишем, моя задача становится куда проще.

– Что именно вас интересует? – весело спросила она.

– У вас хорошая память, мадам?

– По-моему, неплохая.

– И вы убеждены, что вам не будет больно вести подробный разговор о тех днях?

– Ничуть. Боль испытываешь, только когда ее причиняют.

– Да, я знаю, некоторые люди мыслят именно так.

– А Эдвард – мой муж – совершенно не способен этого понять, – сказала леди Диттишем. – Он считает, что судебный процесс, например, был для меня тяжким испытанием.

– А разве нет?

– Нет, я даже получила от этого удовольствие, – ответила Эльза Диттишем, и в ее голосе слышался отзвук испытанного когда-то удовлетворения. – Господи, чего только не делал со мной этот негодяй Деплич! – продолжала она. – Это сущий дьявол! Но мне нравилось сражаться с ним. Он так и не сумел со мной справиться.

Она с улыбкой посмотрела на Пуаро.

– Надеюсь, я не разрушила ваших иллюзий? Двадцатилетняя девчонка, я должна была бы умирать от стыда. Но такого не случилось. Мне было наплевать, что обо мне говорили. Я хотела только одного.

– Чего же именно?

– Чтобы ее повесили, разумеется, – ответила Эльза Диттишем.

Он обратил внимание на ее руки – красивые, с длинными острыми ногтями. Руки хищницы.

– Вы считаете меня мстительной? Да, я готова мстить за любую нанесенную мне обиду. Та женщина была просто гадиной. Она знала, что Эмиас меня любит, что он собирается ее бросить, и убила его только из-за того, чтобы он мне не достался.

Она посмотрела Пуаро в глаза.

– Вам такое поведение не кажется недостойным?

– А вы не понимаете, что существует ревность, и не испытываете участия к людям, ею одержимым?

– Нет, не испытываю. Если игра проиграна, значит, проиграна. Не можешь удержать мужа при себе, отпусти его на все четыре стороны. Мне не знакомо чувство собственника.

– Может, вы думали бы иначе, если бы стали женой Крейла.

– Не думаю. Мы не были... – Она вдруг одарила Пуаро улыбкой. Ее улыбка, почувствовал он, немного пугала, потому что никак не была отражением тех чувств, которые она в эту минуту испытывала. – Мне хотелось бы, чтобы вы поняли раз и навсегда, – сказала она, – что Эмиас Крейл не совра-

щал невинной девушки. Все было вовсе не так! Из нас двоих вина лежит на мне. Я встретила его на приеме и влюбилась в него. Я поняла, что хочу, чтобы он принадлежал мне...

Пародия, чудовищная пародия, но —

И я сложу всю жизнь к твоим ногам
И за тобой пойду на край Вселенной*.

— Несмотря на то что он был женат?

— Посторонним вход воспрещен? Чтобы удержаться от поступка, в жизни требуется нечто большее, чем напечатанное в типографии объявление. Если он несчастлив со своей женой и может быть счастлив со мной, то почему нет? Живем ведь только раз.

— Но говорят, он был счастлив в своей семейной жизни.

— Нет, — покачала головой Эльза. — Они жили как кошка с собакой. Она все время придиралась к нему. Она была... О, она была страшной женщиной!

Она встала и закурила сигарету.

— Может, я несправедлива к ней, — чуть улыбнулась она, — но я и вправду считаю ее гадким существом.

— Это была большая трагедия, — задумчиво заметил Пуаро.

— Да, большая трагедия.

И вдруг она резко повернулась, выражение смертельной скуки исчезло, и лицо ее оживилось.

— Меня убили, понимаете? Убили. С тех пор не было ничего, совершенно ничего. — Голос у нее упал. — Пустота! — Она раздраженно махнула рукой. — Я музейный экспонат из аквариума!

— Неужто Эмиас Крейл для вас так много значил?

Она кивнула. Кивнула как-то по-странному доверительно, даже трогательно.

— По-моему, я всегда страдала ограниченностью, — хмуро призналась она. — Наверное, нужно было... заколоться кинжалом, как Джульетта. Но поступить так значило бы признать, что ты уже ни на что не годна, что жизнь с тобой расправилась!

— А вместо этого?

— Стоит только справиться с бедой, как у тебя будет все. Я справилась. Беда ушла. Я решила найти что-то новое.

Да, новое. Пуаро почти видел, как она изо всех сил старается осуществить задуманное. Видел, как она, красивая, богатая и соблазнительная, жадными, хищными руками пыта-

*У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт II, сцена II. *Перевод Т. Щепкиной-Куперник.*

ется отхватить кусок повкуснее, чтобы было чем заполнить пустоту в своей жизни. Ей требовались герои – вот она и вышла замуж за знаменитого авиатора, потом за путешественника, рослого и сильного Арнольда Стивенсона, вероятно, внешне напоминавшего Эмиаса Крейла, а потом снова обратилась к творческой личности – Диттишему!

– Я никогда не была лицемерной, – говорила Эльза Диттишем. – Есть испанская поговорка, которая мне всегда нравилась. Бери, чего хочешь, но плати сполна, говорит бог. Я так и поступала. И всегда была готова платить сполна.

– Но ведь есть вещи, которые нельзя купить, – заметил Пуаро.

Она смерила его внимательным взглядом.

– Я не имею в виду только деньги.

– Конечно, конечно. Я понимаю, что вы имеете в виду, – откликнулся Пуаро. – Но существуют вещи, которые не подлежат продаже.

– Глупости!

Он чуть приметно улыбнулся. В ее голосе послышалась заносчивость фабричной девчонки, которая сумела разбогатеть.

Эркюль Пуаро вдруг испытал прилив жалости. Он взглянул на гладкое, без возраста лицо, усталые глаза и вспомнил девушку на картине Эмиаса Крейла...

– Расскажите мне подробнее про эту книгу, – сказала Эльза Диттишем. – Почему ее решили издать? Чья это была мысль?

– О дорогая леди, обычная цель издателей: потрафить публике, подав вчерашние сенсации под сегодняшним соусом!

– Но не вы ее автор?

– Нет, я только эксперт по преступлениям.

– Вы хотите сказать, что, издавая подобные книги, они с вами консультируются?

– Не всегда. Но на этот раз ко мне действительно обратились.

– Кто именно?

– Мне предстоит – как это сказать? – просмотреть рукопись по просьбе заинтересованной стороны.

– Кто эта заинтересованная сторона?

– Мисс Карла Лемаршан.

– Кто это?

– Дочь Эмиаса и Кэролайн Крейл.

Эльза с минуту смотрела на Пуаро непонимающим взглядом.

– Ах да, конечно, ведь был ребенок, – вспомнила она. – Она, наверное, уже взрослая?

– Да. Ей двадцать один год.

– И какая же она из себя?

– Высокая, темноволосая и, по-моему, красивая. В ней чувствуется личность.

– Хотелось бы посмотреть на нее, – задумчиво сказала Эльза.

– Она может отказаться от встречи с вами.

– Почему? – удивилась Эльза. – Ах да. Но ведь это чепуха. Разве она может что-нибудь помнить? Ей тогда, должно быть, и шести не было.

– Она знает, что ее мать судили за убийство ее отца.

– И она полагает, что это по моей вине?

– Вполне возможно.

Эльза пожала плечами.

– Какая глупость! Если бы Кэролайн вела себя разумно...

– Значит, вы считаете, что на вас нет ответственности?

– Конечно. Мне нечего стыдиться. Я его любила. Я могла бы сделать его счастливым. – Она посмотрела на Пуаро. Ее лицо дрогнуло, и он вдруг увидел девушку с картины. – Если бы я могла заставить вас понять... Если бы вы могли взглянуть на происшедшее с моей точки зрения... Если бы вы знали...

Пуаро наклонился вперед.

– Именно этого я и хочу. Видите ли, мистер Филип Блейк, который присутствовал в доме Крейлов в ту пору, пишет для меня подробный отчет обо всем, что произошло. Мистер Мередит Блейк пообещал сделать то же самое. Если бы и вы...

Эльза Диттишем глубоко вздохнула.

– Эти двое! – с презрением сказала она. – Филип никогда не отличался большим умом. Мередит крутился возле Кэролайн. Он был довольно славный человек. Но из их отчетов вы ничего толком не узнаете.

Он следил за ней, видел, как она оживилась, видел, как мертвая женщина превращается в живую.

– Хотите знать правду? – быстро и чуть ли не с яростью спросила она. – Не для публикации. Только для себя...

– Я обещаю вам ничего не публиковать без вашего согласия.

– Мне хотелось бы написать правду... – Минуту-другую она молчала, думая о чем-то своем. Он видел, как смягчилось ее лицо, помолодело, видел, как она ожила, когда в ее жизнь снова вошло прошлое.

– Вернуться в прошлое, описать его... Объяснить вам, что она собой... – Глаза ее загорелись. Дыхание участилось. – Она убила его. Она убила Эмиаса. Эмиаса, который хотел жить... наслаждаться жизнью. Ненависть не должна быть сильнее люб-

ви, но ее ненависть была сильнее. И моя ненависть к ней... Я ее ненавижу, ненавижу, ненавижу...

Она подошла к нему, наклонилась и схватила его за рукав.

– Вы должны понять, – настойчиво попросила она, – какие чувства мы с Эмиасом испытывали друг к другу. Сейчас я кое-что вам покажу.

Она бросилась к маленькому бюро, открыла потайной ящик.

Потом вернулась к Пуаро. В руках у нее было измятое письмо, на котором даже выцвели чернила. Она сунула его Пуаро, и ему почему-то вдруг вспомнилась когда-то встреченная им маленькая девочка, которая вот так же сунула ему одно из своих сокровищ – ракушку, подобранную где-то на пляже и ревностно хранимую. Точно так же девочка отошла в сторону и стала следить за ним. Гордая, испуганная, она зорко наблюдала за реакцией на ее сокровище.

Он развернул свернутую вчетверо страничку.

"Эльза, дитя мое изумительное! Никогда еще не существовало ничего столь прекрасного. И все же я боюсь – я пожилой человек с отвратительным характером, который не знает, что такое постоянство. Не верь мне, не облекай меня своим доверием – я дурной человек, но хороший художник. Самое лучшее, что есть во мне, принадлежит искусству. Поэтому не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Любимая моя, все равно ты будешь моей. Ради тебя я готов продать душу дьяволу, и ты это знаешь. Я напишу твой портрет, который заставит весь мир ахнуть от изумления. Я схожу с ума по тебе. Я не могу спать, не могу есть. Эльза, Эльза, Эльза, я твой навеки, твой до конца дней моих. Эмиас".

Чернила выцвели, бумага крошится. Но слова живут, вибрируют... Как шестнадцать лет назад.

Он посмотрел на женщину, которой было адресовано это письмо.

Этой женщины больше не существовало.

Перед ним сидела юная влюбленная девушка.

И снова ему пришла на память Джульетта...

ГЛАВА IX

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОРОСЕНОК ЛОЖКИ НЕ ПОЛУЧИЛ НИ ОДНОЙ...

– Могу я спросить зачем, мсье Пуаро?

Эркюль Пуаро не сразу ответил на вопрос. Он чувствовал, как внимательно смотрят на него с морщинистого личика серые с хитринкой глаза.

Он поднялся на верхний этаж скромного дома, принадлежавшего компании "Джиллеспай билдингс", которая явилась на свет божий, чтобы сдавать внаем жилую площадь одиноким женщинам, и постучал в дверь квартиры № 584.

Здесь в крайне ограниченном пространстве, а точнее, в комнате, служившей ей спальней, гостиной, столовой и, поскольку там же стояла газовая плита, кухней, к которой примыкала сидячая ванна и прочие службы, обитала мисс Сесили Уильямс.

Хоть обстановка и была убогой, тем не менее она несла на себе отпечаток личности мисс Уильямс.

Стены были выкрашены светло-серой клеевой краской, и на них было развешано несколько репродукций. Данте, встречающий Беатрису на мосту, картина, когда-то описанная ребенком как "слепая девочка, сидящая на апельсине", и названная почему-то "Надежда". Еще были две акварели с видами Венеции и выполненная сепией копия "Весны" Боттичелли. На комоде стояло множество выцветших фотографий, если судить по прическам – двадцати-тридцатилетней давности.

Ковер на полу был потерт, обивка убогой мебели лоснилась. Эркюлю Пуаро стало ясно, что Сесили Уильямс живет на мизерные средства. Здесь не устроишь пира горой. Этот поросенок "ложки не получил ни одной".

Резким, категорическим и настойчивым голосом мисс Уильямс повторила свой вопрос:

– Вам требуются мои воспоминания о деле Крейлов? А зачем, могу я спросить?

Друзья и сослуживцы Эркюля Пуаро в те минуты, когда он доводил их до белого каления, говорили про него, что он предпочитает ложь правде и будет из кожи лезть вон, чтобы добиться своей цели с помощью тщательно продуманных ложных утверждений, нежели довериться голой правде.

Но в данном случае он не долго думал. Эркюль Пуаро не был выходцем из тех бельгийских или французских семей, где у детей была английская гувернантка, но он среагировал так же просто, как мальчишки, когда их в свое время спрашивали: "Ты чистил зубы нынче утром, Хэролд (Ричард или Энтони)?" На секунду им хотелось соврать, но они тут же спохватывались и робко признавались: "Нет, мисс Уильямс".

Ибо мисс Уильямс обладала тем загадочным свойством, каким должен обладать любой хороший педагог, – авторитетом! Когда мисс Уильямс говорила: "Пойди и помой руки, Джоан" или "Я надеюсь, что ты прочтешь эту главу про поэтов Елизаветинской эпохи и сумеешь ответить мне на вопросы", ее беспрекословно слушались. Мисс Уильямс и в голову не приходило, что ее могут ослушаться.

Поэтому в данном случае Эркюль Пуаро не стал рассказывать о готовящейся книге о былых преступлениях, а просто поведал об обстоятельствах, ради которых Карла Лемаршан прибегла к его услугам.

Маленькая пожилая особа в аккуратном, хотя и поношенном платье выслушала его внимательно.

– Мне очень интересно узнать о судьбе этой девочки, услышать, какой она стала, – сказала она.

– Она стала очаровательной женщиной с весьма твердым характером.

– Отлично, – коротко отозвалась мисс Уильямс.

– А также, могу добавить, весьма настойчивой. Она не из тех, кому легко отказать или от кого легко отделаться.

Бывшая гувернантка задумчиво кивнула головой.

– Есть ли у нее склонность к искусству? – спросила она.

– По-моему, нет.

– И то слава богу, – сухо заметила мисс Уильямс.

Ее тон не позволял сомневаться в отношении мисс Уильямс ко всем художникам без исключения.

– Из вашего повествования я делаю вывод, – добавила она, – что она больше похожа на свою мать, чем на отца.

– Вполне возможно. Вы сможете сказать мне об этом, когда ее увидите. Вам бы хотелось повидаться с ней?

– Сказать по правде, очень. Всегда интересно посмотреть, во что превратился ребенок, которого я когда-то знала.

– Когда вы ее видели в последний раз, она ведь была совсем малышкой?

– Ей было пять с половиной лет. Очаровательный ребенок. Пожалуй, чересчур тихий. Задумчивый. Любила играть одна. Нормальный и неизбалованный ребенок.

– Счастье, что она была такой маленькой, – заметил Пуаро.

– Да, конечно. Будь она старше, потрясение, испытанное из-за этой трагедии, могло иметь очень дурной эффект.

– Тем не менее, – сказал Пуаро, – эта трагедия чем-то все-таки на ней отозвалась. Как бы мало девочка ни понимала или сколько бы ей ни позволялось понимать, существовавшая в доме атмосфера тайны и отговорок, а также тот факт, что девочку вдруг насильно заставили покинуть родные места, могли оказать пагубное влияние на ребенка.

– Вполне возможно, но не обязательно пагубное, как вы предполагаете, – задумчиво ответила мисс Уильямс.

– Прежде чем мы оставим тему Карлы Лемаршан, то есть маленькой Карлы Крейл, мне хотелось бы задать вам один вопрос. Только вы можете на него ответить.

– Да? – Голос ее был ровным, она только спрашивала, и все.

Пуаро отчаянно жестикулировал в надежде быть более убедительным.

– Есть нюанс, который не поддается определению, но мне все время кажется, что, когда я упоминаю о девочке, никто о ней не помнит. В ответ я слышу удивленный возглас, словно тот, с кем я разговариваю, успел забыть, что вообще существовал ребенок. Скажите мне, мадемуазель, не странно ли это? В подобных обстоятельствах ребенок важен даже не сам по себе, он есть лицо, от которого многое зависит. У Эмиаса Крейла, возможно, были причины бросить или не бросить жену. Ибо обычно, когда распадается брак, ребенок играет очень важную роль. Здесь же о ребенке словно забыли. Мне это странно.

– Вы попали в точку, мсье Пуаро, – тотчас откликнулась мисс Уильямс. – Вы совершенно правы. Отчасти именно поэтому я и сказала сейчас, что новая обстановка могла в некотором отношении оказаться для Карлы полезной. С годами она могла бы очень страдать от отсутствия у нее настоящего дома.

Она наклонилась вперед и заговорила медленно и осторожно:

– За годы моей работы я, естественно, часто сталкивалась с различными аспектами проблемы "дети–родители". Дети, большинство детей, я бы сказала, страдают от чрезмерного внимания со стороны родителей. Родители чересчур любят своих детей, чересчур следят за ними. Ребенок же тяготится этой заботой, старается от нее отделаться, освободиться из-под опеки. Ситуация осложняется, когда в семье только один ребенок, которого мать просто терроризирует. Часто это способствует тому, что между мужем и женой возникают трения. Мужу не нравится, что главная забота не о нем, он ищет утешения – или, скорей, лести и внимания – на стороне, и рано или поздно родители разводятся. Самое лучшее для ребенка, я убеждена, – это то, что я называю здоровым отсутствием родительской заботы. Обычно так и бывает в семьях, где много детей и мало денег. На детей не обращают внимания, потому что матери некогда ими заниматься. Они знают, что их любят, и их не беспокоит отсутствие бурных проявлений этой любви.

Но есть и другой аспект проблемы. Бывают супружеские пары, где муж и жена так довольны друг другом, так влюблены друг в друга, что не замечают собственное дитя. В этом случае ребенок начинает обижаться, чувствует, что им пренебрегают. Я ни в коем случае не говорю об отсутствии родительской заботы. Миссис Крейл, например, была, что называется, образцовой матерью, постоянно пеклась о благополучии маленькой Карлы, о ее здоровье, часто играла с ней,

в отношениях с ребенком оставалась доброй и веселой. Но мысленно миссис Крейл была всегда рядом с мужем. Она растворилась в нем, жила ради него. – Мисс Уильямс помолчала минуту, а затем тихо добавила: – В этом, по-моему, и есть оправдание тому, что она в конце концов совершила.

– Вы хотите сказать, – спросил Эркюль Пуаро, – что они были больше похожи на возлюбленных, нежели на мужа и жену?

– Можно сказать и так, – хмуро согласилась мисс Уильямс, которой явно пришлось не по вкусу подобное заключение.

– И он любил ее не меньше, чем она его?

– Они были любящей парой. Но он был мужчина и вел себя как мужчина.

Мисс Уильямс вложила в последнюю фразу отчетливо викторианский подтекст.

– Мужчины... – начала мисс Уильямс, но умолкла. Она произнесла слово "мужчины" с тем выражением, с каким богатый помещик произносит слово "большевики", а настоящий коммунист – "капиталисты".

Старая дева, которая всю жизнь провела в гувернантках, сделалась ярой феминисткой. Послушав ее, можно было не сомневаться, что для мисс Уильямс все мужчины были ее заклятыми врагами.

– Вы не любите мужчин? – спросил Пуаро.

– Все лучшее на свете принадлежит мужчинам, – сухо ответила она. – Надеюсь, так будет не всегда.

Эркюль Пуаро пристально на нее посмотрел. Он ясно представил себе, как мисс Уильямс во имя идеи методично и старательно приковывает себя цепью к поручню, а потом решительно отказывается принимать пищу. Но, тут же перейдя от общего к частному, он спросил:

– Вам не нравился Эмиас Крейл?

– Да, мистер Крейл мне не нравился. И его поведение я не одобряла. Будь я его женой, я бы его бросила. Есть вещи, с которыми женщина не должна мириться.

– А миссис Крейл с ними мирилась?

– Да.

– Вы считали, что она поступала неправильно?

– Да. Женщина должна уважать себя и не позволять другим себя унижать.

– Вы когда-нибудь говорили что-либо подобное миссис Крейл?

– Разумеется, нет. Я не имела на это права. Меня наняли обучать Анджелу, а не давать ненужные советы миссис Крейл. С моей стороны это было бы крайне бестактно.

– Вам нравилась миссис Крейл?

– Очень. – В ее ровном голосе послышались теплота и искренность. – Мне она очень нравилась, и мне было очень ее жаль.

– А ваша ученица Анджела Уоррен?

– Удивительно яркая девочка – одна из самых ярких моих учеников. Умница. Недисциплинированная, вспыльчивая, с ней порой трудно было справиться, но прекрасная душа.

Помолчав, она продолжала:

– Я всегда считала, что она сумеет в жизни чего-то добиться. И оказалась права! Вы читали ее книгу о Сахаре? А какие захоронения она нашла во время раскопок в Фаюме! Да, я горжусь Анджелой. Я не долго пробыла в Олдербери – два с половиной года, – но мне приятно думать, что я стимулировала ее интеллект и привила ей вкус к археологии.

– Кажется, было решено продолжить ее образование в частной школе, – пробормотал Пуаро. – Вам, наверное, это пришлось не по душе?

– Как раз наоборот, мсье Пуаро. Я была совершенно согласна с подобным решением. – Помолчав, она продолжала: – Я вам все объясню. Анджела была очень хорошей девочкой, очень хорошей – душевной и импульсивной, – но в то же время трудным ребенком. Она была в переходном возрасте. В этот период девочка испытывает в себе неуверенность: она еще не женщина, но уже и не ребенок. Анджела могла быть рассудительной и зрелой – взрослой, можно сказать, – а через минуту превращалась в сорванца, проказничала, грубила, теряла самообладание. Девочки в этом возрасте ужасно обидчивы. Они не терпят никаких возражений, злятся, если к ним относятся, как к детям, и стесняются, если с ними обращаются, как со взрослыми. Анджела пребывала в таком состоянии. Она вдруг вспыхивала и обижалась, если ее дразнили, и целыми днями ходила мрачной и хмурой, потом снова делалась веселой, лазила по деревьям, бегала с соседскими мальчишками, никого не желая слушаться.

Мисс Уильямс опять помолчала.

– Для девочки в этом возрасте школа очень полезна. Она дает возможность позаимствовать кое-что у подруг, а строгая дисциплина помогает стать полноправным членом общества. Домашние условия Анджелы никак нельзя было назвать идеальными. Во-первых, миссис Крейл исполняла все ее прихоти. Стоило Анджеле пожаловаться, как она тотчас становилась на ее сторону. В результате Анджела считала, что имеет право претендовать на время и внимание сестры, и именно из-за этого у нее бывали стычки с мистером Крейлом. Тот, естественно, был уверен, что главное внимание должно уде-

ляться ему, и не терпел никаких возражений. На самом деле он очень любил Анджелу – они дружили и пикировались вполне по-приятельски, но порой мистер Крейл обижался на чрезмерную привязанность миссис Крейл к Анджеле. Как все мужчины, он тоже был избалованным ребенком и требовал, чтобы все суетились вокруг него. Потом у них с Анджелой вспыхивала действительно крупная ссора, и опять миссис Крейл принимала сторону Анджелы. Тогда он приходил в ярость. С другой стороны, если она поддерживала его, то неистовствовала Анджела. Именно в таком случае Анджела снова превращалась в маленькую девочку и позволяла себе сделать ему какую-нибудь пакость. Он имел привычку пить свое пиво залпом, и однажды она подсыпала ему в стакан соли. Его вырвало, и он долго не мог успокоиться. А окончательно обострилась ситуация, когда она подложила ему в постель слизняков. Он совершенно не выносил слизняков. Он вышел из себя и заявил, что девочку следует отправить в частную школу. Сказал, что больше не намерен терпеть подобные выходки. Анджела очень расстроилась, хотя не раз сама выражала желание поехать в пансионат, и сочла себя ужасно обиженной. Миссис Крейл не хотела отпускать ее, но на сей раз позволила себя убедить, по-моему, в основном потому, что я всерьез поговорила с ней на эту тему. Я обратила ее внимание на то, что это пойдет Анджеле только на пользу и что девочке не мешает побыть некоторое время вне дома. Поэтому было решено, что осенью она отправится в Хелстон – превосходную школу на южном побережье. Но миссис Крейл все лето была обеспокоена этим обстоятельством. И Анджела продолжала дуться на мистера Крейла, когда вспоминала, что́ ей предстоит. На самом деле ничего серьезного в этом, как вы понимаете, мсье Пуаро, не было, но, естественно, это еще больше осложняло и без того сложную обстановку в доме тем летом.

– Вы имеете в виду сложную в связи с появлением Эльзы Грир? – спросил Пуаро.

– Именно, – резко ответила мисс Уильямс и стиснула губы.

– А какого вы мнения об Эльзе Грир?

– Никакого. Исключительно беспринципная молодая особа.

– Она ведь была совсем юной.

– Она была достаточно взрослой, чтобы все понимать. Ее поведение не заслуживает никакого оправдания.

– По-моему, она была влюблена...

– Влюблена! – фыркнула мисс Уильямс. – Я считаю, мсье Пуаро, что, какие бы чувства человек ни испытывал, он обязан их сдерживать. И владеть собой. Эта девица была совер-

шенно безнравственной особой. Она не желала считаться с тем, что мистер Крейл женат. Ей было чуждо чувство стыда, она действовала хладнокровно и решительно. Возможно, она была дурно воспитана, только этим я могу объяснить ее поведение.

– Смерть мистера Крейла была для нее тяжким потрясением?

– Да. Но винить она могла только себя. Я ни в коем случае не намерена оправдывать убийство, но тем не менее, мсье Пуаро, если когда-либо существовала доведенная до отчаяния женщина, то такой была Кэролайн Крейл. Скажу вам откровенно, что были минуты, когда я сама была готова убить их обоих. Он позволил себе афишировать свою любовницу в присутствии своей жены, быть свидетелем того, как она вынуждена мириться с наглостью этой особы, а мисс Грир и в самом деле была наглой, мсье Пуаро. Эмиас Крейл заслужил то, что с ним случилось. Ни один мужчина не имеет права так относиться к своей жене и оставаться безнаказанным. Его смерть была справедливой карой.

– У вас нет сомнений... – сказал Эркюль Пуаро.

Маленькая сероглазая женщина смело смотрела на него.

– У меня нет сомнений в том, какими должны быть брачные узы. Если их не уважать и не поддерживать, народ вырождается. Миссис Крейл была верной и преданной женой. Ее муж относился к ней с пренебрежением и привел в дом любовницу. Как я уже сказала, он заслужил то, что с ним случилось. Он довел ее до отчаяния, и я не обвиняю ее в случившемся.

– Он вел себя отвратительно, я согласен, но не забудьте, что он был великим художником.

– О да, конечно, – снова фыркнула мисс Уильямс. – В наши дни это стало оправданием. Художник! Оправданием распущенности, пьянства, ссор, измен. А что из себя представляет мистер Крейл как художник? Быть может, еще несколько лет будет модно восхищаться его картинами, но долго им не прожить. Он даже не умел как следует рисовать! Перспектива у него была нарушена. Даже анатомия и та была неправдоподобной. Я немного разбираюсь в том, о чем говорю, мсье Пуаро. Девочкой я изучала искусство во Флоренции, и тем, кто знает и ценит великих мастеров прошлого, работы мистера Крейла представляются просто мазней. Клал краски на холст – и все, ни мысли о внутреннем построении, ни старания выписать натуру. Нет, – покачала она головой, – не просите меня восхищаться работами мистера Крейла.

– Две из них висят в Тейтовской галерее, – напомнил ей Пуаро.

– Возможно. Там, по-моему, есть и одна из скульптур мистера Эпстайна.

Пуаро почувствовал, что мисс Уильямс высказалась до конца. Он решил оставить тему искусства.

– Вы были рядом с миссис Крейл, когда она нашла мистера Крейла мертвым?

– Да. Мы с ней вышли из дому после обеда вместе. Анджела забыла на берегу или в лодке свою кофту. Она вечно теряла вещи. Я рассталась с миссис Крейл у входа в Оружейный сад, но почти тотчас же она позвала меня обратно. Мистер Крейл был мертв уже около часу. Он лежал на скамье возле мольберта.

– Увидев его, она впала в отчаяние?

– Я не совсем понимаю, о чем вы меня спрашиваете, мсье Пуаро.

– Я спрашиваю, как она вела себя в эту минуту?

– По-моему, на нее нашло какое-то оцепенение. Она послала меня вызвать по телефону врача. Мы ведь не сразу поняли, что он умер, а вдруг у него каталептический припадок.

– Это она высказала такое предположение?

– Не помню.

– И вы отправились звонить?

Мисс Уильямс ответила сухо и резко:

– На полпути я встретила мистера Мередита Блейка. Я попросила его выполнить данное мне поручение, а сама вернулась к миссис Крейл. Я подумала, что ей может стать плохо, а мужчины в таком случае помощники никудышные.

– А ей стало плохо?

– Нет, миссис Крейл вполне владела собой, – сухо ответила мисс Уильямс. – В отличие, между прочим, от мисс Грир, которая закатила истерику и вообще вела себя непристойно.

– В чем это проявилось?

– Она пыталась наброситься на миссис Крейл.

– Вы хотите сказать, что, по ее мнению, миссис Крейл была виновна в смерти мистера Крейла?

Секунду-другую мисс Уильямс размышляла.

– Нет, вряд ли она была в этом убеждена. То есть... тогда еще не возникло подозрения. Мисс Грир просто принялась кричать: "Вот что вы наделали, Кэролайн. Вы убили его. Это ваша вина". Она не сказала: "Вы его отравили", но, по-моему, она в этом не сомневалась.

– А миссис Крейл?

Мисс Уильямс тревожно задвигалась в своем кресле.

– Стоит ли лицемерить, мсье Пуаро? Не знаю, что на самом деле испытывала или думала миссис Крейл в ту минуту. То ли она испугалась того, что совершила...

– Так вам казалось?

– Нет, точно не могу сказать. Она была потрясена и, пожалуй, испугана. Да, испугана, я уверена. Что вполне естественно.

– Может, и естественно... – с досадой согласился Пуаро. – Чем же она лично объяснила смерть мужа?

– Самоубийством. Она с самого начала утверждала, что это – самоубийство.

– И продолжала утверждать то же самое, когда разговаривала с вами наедине, или выдвинула какую-либо другую версию?

– Нет. Она старательно уговаривала меня, что он покончил с собой.

В голосе мисс Уильямс явно присутствовало смущение.

– А что ей сказали вы?

– Мсье Пуаро, неужели сейчас это имеет значение?

– Да.

– Не понимаю, для чего...

Но, словно загипнотизированная его молчанием, она неохотно призналась:

– По-моему, я сказала: "Конечно, миссис Крейл. Мы все считаем, что он покончил с собой".

– Вы верите собственным словам?

Подняв голову, мисс Уильямс твердо заявила:

– Нет, не верю. Но, пожалуйста, поймите, мсье Пуаро, что я была целиком на стороне миссис Крейл. Я сочувствовала ей, а не полиции.

– Вы были бы рады, если бы ее оправдали?

– Да, – с вызовом в голосе ответила мисс Уильямс.

– Значит, вам небезразличны чувства ее дочери? – спросил Пуаро.

– Я полностью симпатизирую Карле.

– Не согласились бы вы написать мне подробный отчет о случившейся трагедии?

– Чтобы она прочитала, хотите вы сказать?

– Именно.

– Пожалуйста, – в раздумье согласилась мисс Уильямс. – Значит, она твердо решила разузнать все, как было?

– Да. Хочу предупредить только, что было бы лучше скрыть от нее правду...

– Нет, – перебила его мисс Уильямс. – Я считаю, что лучше смотреть правде в глаза. Подтасовывая факты, от судьбы не уйдешь. Карле довелось пережить потрясение, узнав правду, – теперь она хочет знать, как именно все было. Я считаю, что смелая молодая женщина так и должна поступать. Как только ей станут известны подробности, она сумеет снова забыть обо всем и жить собственной жизнью.

– Возможно, вы и правы, – согласился Пуаро.

— Я в этом убеждена.

— Но тут есть одно обстоятельство. Она не только хочет знать, как все произошло, она хочет убедиться в невиновности своей матери.

— Бедное дитя, — вздохнула мисс Уильямс.

— Вы так полагаете?

— Теперь я понимаю, почему вы сказали, что будет лучше, если она никогда не узнает правды, — откликнулась мисс Уильямс. — Тем не менее я остаюсь при своем мнении. Конечно, желание удостовериться, что мать невиновна, мне представляется вполне естественным, и, хотя ей предстоит убедиться, что ее надежды напрасны, судя по вашим словам, Карла достаточно отважна, чтобы узнать правду и не дрогнуть.

— Вы уверены, что это правда?

— Я вас не понимаю.

— У вас нет никаких сомнений в вине миссис Крейл?

— По-моему, это обстоятельство даже не подлежит сомнению.

— Даже если она сама настаивала на версии о самоубийстве?

— Бедняжке надо же было хоть что-то сказать, — сухо заметила мисс Уильямс.

— Известно ли вам, что перед смертью миссис Крейл написала дочери письмо, в котором торжественно клялась в своей невиновности?

Мисс Уильямс уставилась на Пуаро.

— Она поступила крайне неразумно, — резко заметила она.

— Вы так считаете?

— Да. Боюсь, что вы, как большинство мужчин, человек сентиментальный...

— Мне чужда сентиментальность, — возмущенно перебил ее Пуаро.

— Существует и такая штука, как ложь во спасение. Но к чему лгать перед лицом смерти? Чтобы избавить от боли собственное дитя? Да, так поступают многие женщины. Но миссис Крейл, на мой взгляд, не могла так поступить. Она была отважной и очень искренней женщиной. Я бы не удивилась, если бы она завещала своей дочери не судить ее слишком строго.

— Значит, вы не верите, что Кэролайн Крейл написала правду? — спросил несколько озадаченный Пуаро.

— Не верю.

— И тем не менее утверждаете, что любили ее?

— Я в самом деле ее любила. Я была к ней очень привязана и глубоко ей симпатизировала.

— В таком случае...

Мисс Уильямс окинула его каким-то странным взглядом.

— Вы не совсем понимаете, мсье Пуаро. Поскольку прошло уже так много времени, я могу кое в чем признаться. Видите ли, случайно мне довелось узнать, что Кэролайн Крейл виновна!

— Что?

— Это правда. Не уверена, правильно ли я поступила, но я скрыла это от суда. Поверьте мне, Кэролайн Крейл виновна, я это знаю твердо.

ГЛАВА X

А ПЯТЫЙ, ПЛАЧА, ПОБЕЖАЛ ДОМОЙ...

Окна квартиры Анджелы Уоррен выходили на Риджентс-парк. Здесь в этот весенний день легкий ветерок проникал в открытое окно, и, если бы не рев мчавшихся внизу машин, можно было подумать, что находишься за городом.

Пуаро отвернулся от окна, когда дверь отворилась и в комнату вошла Анджела Уоррен.

Он уже видел ее. Воспользовался возможностью побывать на лекции, которую она читала в Королевском географическом обществе. По его мнению, лекция была превосходной. Быть может, прочитана в несколько сдержанной манере, если принять во внимание желание всех лекторов быть понятыми как можно большим числом публики. Мисс Уоррен отлично знала свой предмет, не запиналась, не повторялась и за словом в карман не лезла. Голос у нее был звонкий и довольно мелодичный. Она не пыталась увлечь аудиторию романтичностью своей профессии или привить слушающим любовь к приключениям. Она кратко и немногословно излагала факты, сопровождая их отменно выполненными слайдами, а потом из этих фактов делала весьма интересные выводы. Сухо, педантично, ясно, четко и на высочайшем уровне.

Эркюль Пуаро всей душой порадовался за нее. Разумная особа!

Теперь, увидев ее вблизи, он понял, что Анджела Уоррен могла бы стать очень красивой женщиной. У нее были правильные, хотя и несколько суровые черты лица, ровно очерченные темные брови, ясные и умные карие глаза, матово-белая кожа. Плечи, правда, были чуть шире, чем следовало, и походка больше похожая на мужскую.

Нет, она никак не была тем поросенком, который, плача, побежал домой... Но на правой щеке, уродуя ее и морща

кожу, был давно заживший шрам, чуть оттягивающий вниз угол правого глаза – никому и в голову бы не пришло, что этим глазом она не видит. Эркюлю Пуаро было совершенно ясно, что она уже настолько привыкла к своему физическому недостатку, что совершенно его не замечает. Кроме того, из тех пятерых, которыми он заинтересовался в ходе расследования, наибольшего успеха и счастья в жизни добились вовсе не те, кто, казалось, поначалу обладал преимуществом. Эльза, на руках у которой были все козыри – юность, красота, богатство, – преуспела меньше всех. Она была похожа на цветок, прихваченный морозом, а потому не успевший распуститься. У Сесили Уильямс вроде не было особых достоинств, которыми можно было бы хвастаться. Тем не менее, на взгляд Пуаро, она не пала духом и не сетовала на неудачи. Мисс Уильямс нравилась ее собственная жизнь – она попрежнему интересовалась людьми и событиями. Она обладала умственным и моральным потенциалом, обеспеченным строгим викторианским воспитанием, которого мы нынче лишены, – она выполняла свой долг на том жизненном посту, который был предопределен ей свыше, и это заковало ее в латы, неуязвимые для камней и стрел зависти, недовольства и жалости. Она жила воспоминаниями, маленькими удовольствиями, которые позволяла себе в силу строжайшей экономии, это помогало ей, сохранившей физическое здоровье и энергию, по-прежнему интересоваться жизнью.

Что же касается Анджелы Уоррен, то в ней, с детства обезображенной и, должно быть, страдающей от этого, Пуаро увидел человека, наделенного силой духа, что воспитала постоянная борьба с собой и обстоятельствами. Недисциплинированная когда-то школьница превратилась в волевую, честолюбивую женщину, наделенную живым умом и огромной энергией. Это была женщина, чувствовал Пуаро, преуспевающая и счастливая. Она получала огромное удовольствие от своей кипучей деятельности.

Правда, она не принадлежала к тому типу женщин, который Пуаро, безусловно, одобрял. Несмотря на ее интеллектуальность, в ней было нечто от femme formidable*, что его как мужчину порядком пугало. Ему больше по вкусу были яркие и экстравагантные особы.

Изложить Анджеле Уоррен цель своего визита не составило никакого труда. Не надо было ничего придумывать. Он просто пересказал свой разговор с Карлой Лемаршан.

Суровое лицо Анджелы Уоррен осветила радостная улыбка.

*Роскошной женщины (*франц.*).

– Малышка Карла? Она здесь? Я бы с удовольствием ее повидала.

– Вы не поддерживали с ней связь?

– Весьма нерегулярно. Я была школьницей в ту пору, когда ее увезли в Канаду, и думала, что через год-другой она меня забудет. А в последнее время вся наша связь заключалась только в том, что время от времени я посылала ей подарки. Я была уверена, что она станет настоящей канадкой и свяжет свое будущее с этой страной. Это было бы ей только на пользу...

– Да, конечно. Новое имя – новое место жительства. Новая жизнь. Но все оказалось не так просто.

И он рассказал Анджеле о помолвке Карлы, о том, что́ ей стало известно в день совершеннолетия, и о причине ее приезда в Англию.

Анджела Уоррен слушала молча, подложив руку под изуродованную щеку. Пока он говорил, ее лицо было бесстрастным. Но когда закончил, сказала:

– Молодец Карла.

Пуаро удивился. Впервые он встретился с такой реакцией.

– Вы одобряете, мисс Уоррен? – спросил он.

– Конечно! И желаю ей всяческого успеха. Если я могу чем-нибудь помочь, я к вашим услугам. Жаль, я сама до этого не додумалась.

– По-вашему, она, возможно, права в своих предположениях?

– Разумеется, права, – твердо отозвалась Анджела Уоррен. – Кэролайн ничего не совершала. Я всегда это знала.

– Вы крайне удивляете меня, мадемуазель, – пробормотал Пуаро. – Все остальные, с кем я беседовал...

– Забудьте про них, – перебила его она. – Я знаю, что косвенных доказательств в избытке. Мое же собственное убеждение основывается на знании – знании моей сестры. Я просто знаю, что Кэро не была способна на убийство.

– Можно ли быть настолько уверенным в другом человеке?

– В большинстве случаев, вероятно, нет. От людей можно ожидать чего угодно. Но в случае с Кэролайн были особые причины, и я тут кое-что знаю лучше других.

Она дотронулась до своей изуродованной щеки.

– Видите? Вы об этом уже, наверное, слышали? – Пуаро кивнул. – Это сделала Кэролайн. Вот почему я так уверена, что она не могла совершить убийство.

– Для многих это вряд ли покажется убедительным.

– Да, я знаю. Для них это, скорее, будет доказывать обратное. И, по-моему, в суде именно это стало подтверждени-

ем того, что Кэролайн обладала бешеным и неукротимым нравом! Из-за того, что она нанесла мне увечье, когда я была ребенком, наши законники сочли, что она вполне способна отравить своего неверного мужа.

– Я, во всяком случае, понимаю вот что, – сказал Пуаро, – внезапная вспышка ярости вовсе не означает, что человек, укравший яд, обязательно должен найти ему применение на следующий день.

– Я не это имела в виду, – замахала руками Анджела Уоррен, – попробую объяснить вам еще раз. Предположим, вы, человек по натуре добрый и приветливый, подвержены чувству ревности. И предположим, в те годы вашей жизни, когда особенно трудно сдерживать себя, вы в приступе ярости совершаете поступок, который мог окончиться убийством. Какое ужасное потрясение, раскаяние и наконец страх испытываете вы! Человек впечатлительный, каким была Кэролайн, не способен забыть этот страх и раскаяние. Не способна была и она. Не думаю, что в ту пору я это понимала, но, оглядываясь, отчетливо вижу, что это было именно так. Кэро постоянно преследовал и мучил тот факт, что она нанесла мне увечье. Раскаяние не давало ей покоя. Его след лежит на всех ее поступках. Этим объясняется и ее отношение ко мне. Для меня она ничего не жалела. В ее глазах первой была я. Половина ее ссор с Эмиасом происходила из-за меня. Я к нему ревновала и делала ему всякие мелкие пакости. Утащила кошачьей настойки, чтобы налить ему в пиво, а один раз сунула ему в постель ежа. Но Кэролайн всегда меня защищала.

Мисс Уоррен, помолчав, снова принялась за рассказ:

– Разумеется, я вела себя отвратительно. Я была ужасно избалована. Но дело вовсе не в этом. Мы ведь говорим с вами о Кэролайн. Та вспышка ярости оставила у нее на всю оставшуюся жизнь отвращение к подобного рода действиям. Кэро всегда следила за собой, жила в постоянном страхе, как бы не случилось чего-либо подобного. И предпринимала придуманные ею самой меры предосторожности. Так, например, она позволяла себе, как ни странно, быть несдержанной на язык. Она решила (и мне представляется, что с точки зрения психологии она была совершенно права), что, выговариваясь, сумеет выплеснуть накопившийся гнев. И из опыта убедилась, что этот метод вполне срабатывает. Вот почему мне доводилось слышать, как Кэро говорила: ”Я бы с удовольствием разорвала его на куски и жарила их в кипящем масле на медленном огне”. А мне или Эмиасу грозила: ”Если будешь действовать мне на нервы, я тебя прикончу”. Она часто ссорилась с людьми и всегда переходила на крик. Она понимала, что легко возбудима, и намеренно давала это-

му возбуждению выход. У них с Эмиасом были фантастические по накалу ссоры.

– Да, об этом многие свидетельствуют, – кивнул Эркюль Пуаро. – Говорят, что они жили как кошка с собакой.

– Именно, – подтвердила Анджела Уоррен. – Что было совершенно несправедливым и сбило с толку присяжных. Конечно, Кэро и Эмиас ссорились! Кричали во весь голос, оскорбляя друг друга последними словами. Но никто не замечал, что они получают от этого удовольствие. Поверьте мне! Им обоим были по душе такие драматические сцены. Большинство людей этого не переносят. Люди предпочитают мир и тишину. Но Эмиас был художником. Он любил кричать, угрожать, грубить. Выпускал, так сказать, пар. Он был из тех мужчин, которые, потеряв запонку, вопят на весь дом. Я понимаю, это звучит странно, но Эмиас и Кэролайн по-своему развлекались такой жизнью с беспрерывными ссорами, а потом примирениями.

Она нетерпеливо дернула рукой.

– Если бы только меня не убрали из зала суда, не выслушав до конца, я бы им все это объяснила. – Она пожала плечами. – Правда, не думаю, что мне бы поверили. И кроме того, тогда я не представляла себе все так ясно, как нынче. Я всегда об этом знала, но всерьез никогда не задумывалась и, уж конечно, не собиралась предавать огласке.

Она посмотрела на Пуаро.

– Вы, разумеется, понимаете, о чем я говорю?

Он энергично закивал головой.

– Конечно, мадемуазель. Есть люди, которым скучно, когда все вокруг с ними согласны. Чтобы жизнь была полноценной, им требуется возражение.

– Именно.

– Позвольте мне спросить вас, мисс Уоррен, а какие чувства испытывали вы в ту пору?

Анджела Уоррен вздохнула.

– В основном смятение и беспомощность. Мне все это казалось кошмаром. Кэролайн вскоре арестовали – дня через три. Я до сих пор помню, как я негодовала, возмущалась и по-детски надеялась, что все это нелепая ошибка, которая тотчас будет исправлена. Кэро же в основном волновалась за меня – она требовала, чтобы меня по возможности держали подальше от всего этого. Она почти сразу заставила мисс Уильямс увезти меня к каким-то родственникам. Полиция не возражала. А затем, когда было решено, что моих показаний не требуется, меня постарались поскорее отправить за границу. Я ужасно не хотела ехать. Но мне объяснили, что этого хочет Кэро и что если я уеду, то тем самым только помогу ей.

Помолчав, она добавила:

– И вот я уехала в Мюнхен. Я была там, когда огласили приговор. Меня ни разу не допустили к Кэро. Она сама не хотела меня видеть. Это был, по-моему, один-единственный случай, когда она отказалась выполнить мое желание.

– Я не разделяю вашего мнения, мисс Уоррен. Посещение горячо любимого человека в тюрьме могло бы произвести тяжкое впечатление на юную чуткую душу.

– Возможно.

Анджела Уоррен встала.

– После вынесения приговора, когда мою сестру признали виновной, она написала мне письмо. Я никогда его никому не показывала. Мне кажется, я должна показать его вам. Оно поможет вам понять, что́ представляла собой Кэролайн. Если хотите, можете показать его и Карле.

Она пошла к дверям, затем, остановившись, сказала:
– Пойдемте со мной. У меня в комнате есть портрет Кэролайн.

Секунду Пуаро стоял, не сводя глаз с портрета.

Написан он был весьма средне. Но Пуаро смотрел на него с любопытством. Разумеется, его мало интересовала художественная ценность портрета.

Он видел чуть удлиненное, овальной формы лицо с округлой линией подбородка. Кроткое, даже робкое выражение лица свидетельствовало о натуре неуверенной в себе, эмоциональной, наделенной душевной красотой. Не было в нем той энергичности и жизненной силы, которая была у ее дочери, той силы и радости жизни, которые Карла Лемаршан, несомненно, унаследовала от своего отца. Женщина на портрете была существом с комплексами. Тем не менее, глядя на нее, Эркюль Пуаро понял, почему одаренный воображением Квентин Фогг был не в состоянии ее забыть.

Появилась Анджела Уоррен – на этот раз с письмом в руке.

– Теперь, когда вы увидели ее, – тихо сказала она, – прочитайте письмо.

Он осторожно развернул письмо и прочел то, что написала Кэролайн Крейл шестнадцать лет назад.

"Моя любимая малышка Анджела!

Тебе скоро станут известны дурные новости, и ты огорчишься, плакать не стоит. Я никогда тебе не лгала, не лгу и сейчас, когда говорю, что я по-настоящему счастлива, ибо испытываю истинную радость и покой, каких не знала до сих пор. Все хорошо, родная, все хорошо. Постарайся забыть прошлое, ни о чем не жалей, живи и будь счастлива. Ты сумеешь добиться многого, я знаю. Все хорошо, моя родная, я ухожу к Эмиасу. Мы будем вместе, я не сомневаюсь. Без него я все

равно не могла бы жить... прошу тебя – из любви ко мне будь счастлива. Я тебе уже сказала, я счастлива. Долги всегда нужно возвращать. Как хорошо, когда на душе покой.

Любящая тебя Кэро".

Эркюль Пуаро прочитал письмо дважды. Затем отдал ей назад.

– Чудесное письмо, мадемуазель, и по-своему необыкновенное. Весьма необыкновенное, – сказал он.

– Кэролайн, – откликнулась Анджела Уоррен, – была необыкновенной женщиной.

– Да, мыслила она оригинально... Вы считаете, что это письмо свидетельствует о ее непричастности к убийству?

– Конечно.

– Прямо об этом в нем ничего не говорится.

– Кэро была уверена, что я не сомневаюсь в ее невиновности.

– Понятно... Но его можно рассматривать и как свидетельство ее виновности: очищаясь покаянием, она обретает покой.

Что совпадало, подумалось ему, и с ее поведением в зале суда. В эту минуту, пожалуй, он всерьез засомневался, правильно ли поступил, взявшись за расследование этого дела. До сих пор все безоговорочно свидетельствовало о вине Кэролайн Крейл. А теперь даже ее собственное письмо служило уликой против нее.

На другой стороне весов пока покоилась только твердая уверенность Анджелы Уоррен. Анджела, не сомневался он, хорошо знала Кэролайн, но ее уверенность могла быть всего лишь фанатичной преданностью подростка, обожавшего свою горячо любимую сестру.

Словно прочитав его мысли, Анджела Уоррен сказала:

– Нет, мсье Пуаро, я знаю, что Кэролайн невиновна.

– Самому господу известно, – живо откликнулся Пуаро, – как мне не хотелось бы уверять вас в противном. Но будем практичны. Вы говорите, что ваша сестра невиновна. Что же тогда, по-вашему, произошло?

– Я понимаю, что согласиться с этим трудно, – кивнула Анджела. – Думаю, Эмиас покончил с собой, как и утверждала Кэролайн.

– Похоже ли это на него?

– Нет, не похоже.

– Но в данном случае вы не утверждаете, как в случае с Кэролайн, что этого быть не может?

– Нет, потому что большинство людей совершают весьма странные поступки, порой совершенно несовместимые с их характером. Но я допускаю, что если хорошо знать этих людей, то можно найти объяснение их поступкам.

— Вы хорошо знали мужа своей сестры?

— Хорошо, но не так, как знала его Кэро. Мне трудно поверить в то, что Эмиас был способен убить себя, но я считаю, что он мог совершить подобный поступок. И, наверное, совершил.

— Других объяснений вы не допускаете?

Анджела покачала головой, но вопрос чем-то ее заинтересовал.

— Мне понятно, о чем вы спрашиваете... О такой возможности я, честно говоря, никогда не задумывалась. Вы хотите сказать, что его мог убить кто-то другой? Что это было умышленное хладнокровное убийство...

— Могло такое случиться или нет?

— Да, могло... Но вряд ли это похоже на истину.

— Менее похоже, чем версия о самоубийстве?

— Трудно сказать... Вроде не было основания кого-либо подозревать. Да и сейчас эта мысль представляется мне абсурдной.

— Тем не менее давайте рассмотрим эту версию. Кто из лиц, причастных к этому делу, наиболее подходит к роли убийцы?

— Дайте подумать. Я его не убивала. И Эльза, разумеется, тоже. Когда он умер, она обезумела от ярости. Кто еще там был? Мередит Блейк? Он всегда благоговел перед Кэролайн, ходил за ней, как кот за любимой хозяйкой. Пожалуй, это можно было бы рассматривать как мотив. Допустим, он хотел убрать Эмиаса с пути, чтобы самому потом жениться на Кэролайн. Но он мог добиться этого, способствуя уходу Эмиаса к Эльзе, а потом выступив в роли утешителя. Кроме того, мне трудно представить себе Мередита в роли убийцы. Слишком мягок и осторожен. Кто еще был там?

— Мисс Уильямс? Филип Блейк? — подсказал Пуаро.

На мрачном лице Анджелы на секунду появилась улыбка.

— Мисс Уильямс? Чтобы гувернантка совершила убийство — в такое и поверить нельзя. Мисс Уильямс была человеком высоких моральных устоев.

Помолчав минуту, она продолжала:

— Она была предана Кэролайн. Готова на все ради нее. И ненавидела Эмиаса. Она была страстной феминисткой и презирала мужчин. Но разве ради этого люди идут на убийство?

— Пожалуй, нет, — сказал Пуаро.

— Филип Блейк? — продолжала Анджела. Несколько секунд она молчала. Потом тихо сказала: — Знаете, если говорить о том, кто наиболее подходит, то это именно он.

— Очень интересно, мисс Уоррен, — заметил Пуаро. — Позвольте спросить почему?

— Ничего определенного сказать не могу. Но из того, что

мне о нем помнится, я бы назвала его человеком с ограниченным воображением.

– А разве это непременное качество убийц?

– Нет, но человек с ограниченным воображением, решая свои затруднения, часто прибегает к насилию. Такие люди получают удовольствие от жестокости. А убийство – это проявление жестокости, правда?

– Да, конечно... Во всяком случае, такая точка зрения тоже может быть принята в расчет. Тем не менее, мисс Уоррен, это еще не повод для убийства. Какой мотив мог быть у Филипа Блейка?

Анджела Уоррен ответила не сразу. Она стояла, нахмурившись и опустив глаза.

– Он был самым близким другом Эмиаса Крейла, верно? – спросил Пуаро.

Она кивнула.

– У вас есть еще какая-то мысль, мисс Уоррен? Которую вы мне так и не высказали. Были ли эти друзья одновременно и соперниками из-за, например, Эльзы?

Анджела Уоррен покачала головой.

– О нет, только не Филип.

– В чем же тогда дело?

Анджела задумчиво сказала:

– Знаете, как бывает, когда вдруг вам вспоминается то, что произошло много лет назад? Я объясню, что я имею в виду. Однажды, когда мне было одиннадцать лет, я услышала историю. Никакого смысла в ней в ту пору я не уловила. Эта история меня не обеспокоила, и я ее тотчас забыла. Мне и в голову не приходило, что когда-нибудь я снова ее припомню. Но года два назад, присутствуя на каком-то концерте, я вдруг припомнила эту историю и так удивилась, что даже произнесла вслух: "Вот теперь я поняла смысл этой глупой истории про рисовый пудинг", хотя в актерской реплике – а это была какая-то шутка на грани приличия – ничего общего с той историей не было.

– Я понимаю вас, мадемуазель, – сказал Пуаро.

– Значит, вы поймете и то, что я собираюсь вам рассказать. Однажды я остановилась в гостинице. Когда я шла по коридору, одна из дверей открылась, и из номера вышла знакомая мне женщина. Это был не ее номер, что сразу отразилось на ее лице, когда она меня увидела.

Точно такое же выражение лица было у Кэролайн, когда однажды ночью она вышла из комнаты Филипа Блейка в Олдербери.

Она наклонилась вперед, жестом опередив слова, готовые сорваться с губ Пуаро.

– В ту пору я этого, конечно, не поняла. Я во многом уже

разбиралась – в моем возрасте девочки все знают, – но связать это с действительностью не сумела. Кэролайн, выходящая из комнаты Филипа Блейка, была просто Кэролайн, выходящая из комнаты Филипа Блейка, не более того. С таким же успехом она могла выйти из комнаты мисс Уильямс или из моей комнаты. Но зато я заметила выражение ее лица, ибо оно было странным – я никогда ее такой не видела и поэтому ничего не поняла. Я не понимала ничего до тех пор, пока, как я уже сказала вам, ночью в Париже не увидела то же самое выражение на лице совсем другой женщины.

– То, что вы рассказали мне, мисс Уоррен, – задумчиво заметил Пуаро, – уже само по себе удивительно. Сам Филип Блейк дал мне понять, что он всегда недолюбливал вашу сестру.

– Я знаю, – сказала Анджела. – Но так или иначе, я видела это собственными глазами.

Пуаро медленно кивнул. Еще в разговоре с Филипом Блейком он почувствовал какую-то фальшивую ноту. Эта преувеличенная враждебность к Кэролайн – она казалась какой-то неестественной.

Ему припомнились слова Мередита Блейка: "Очень был недоволен, когда Эмиас женился, не бывал у них больше года..."

Значит, Филип давно любил Кэролайн? А когда она вышла замуж за Эмиаса, его любовь к ней превратилась в ожесточение и ненависть?

Да, Филип был чересчур резок, чересчур предубежден. Пуаро видел его перед собой – бодрый, преуспевающий делец, обладатель площадки для гольфа и дома в ультрасовременном стиле. Какие же чувства испытывал Филип Блейк шестнадцать лет назад?

– Может, я чего-то не понимаю, – говорила Анджела Уоррен. – Видите ли, у меня нет опыта в любовных делах – со мной ничего такого не случалось. Я рассказала вам про Кэролайн и Филипа на тот случай, если вдруг это может оказаться полезным и иметь прямое отношение к делу.

КНИГА II

РАССКАЗ ФИЛИПА БЛЕЙКА

Предваряющее письмо

Уважаемый мсье Пуаро!

Выполняю свое обещание и посылаю Вам описание событий, имевших отношение к смерти Эмиаса Крейла. Должен

предупредить, поскольку прошло много лет, я мог кое-что подзабыть, но я старался написать все, что сохранилось у меня в памяти.

Искренне Ваш
Филип Блейк.

Изложение событий, которые привели к убийству Эмиаса Крейла:

19 сентября...

Моя дружба с покойным началась еще в детстве. Мы жили по соседству, и наши родители были в очень хороших отношениях. Эмиас Крейл был старше меня на два с лишним года. Мальчишками мы в каникулы играли вместе, хотя учились в разных школах.

Если исходить из того, что я так давно знал убитого, я считаю себя вправе дать квалифицированные свидетельские показания в отношении его характера и взгляда на жизнь в целом. А посему прежде всего должен заявить всем, кто хорошо знал Эмиаса Крейла, что мысль о его самоубийстве совершенно абсурдна. Крейл никогда бы не стал покушаться на собственную жизнь. Он слишком ее любил! Утверждения защиты во время процесса о том, что Крейла мучили угрызения совести и что в припадке раскаяния он выпил яд, представляются смехотворными для всех, кто его знал. Избытком совести Крейл, я бы сказал, не отличался, равно как и склонностью к меланхолии. Более того, он и его жена были в плохих отношениях, а потому не думаю, что он терзался сомнениями по поводу развода, ибо считал свой брак крайне неудачным. Он был готов взять на себя финансовое обеспечение жены и ребенка и, я уверен, ни в коем случае не позволил бы себе скупиться. Он вообще был человеком щедрым, а также отзывчивым и мягкосердечным. Он был не только великим художником, но и человеком, который имел много верных друзей. Насколько мне известно, врагов у него не было.

С Кэролайн Крейл я тоже был знаком много лет. Я знал ее еще до замужества, когда она приезжала в Олдербери в гости. В ту пору она была довольно привлекательной девицей несколько неврастеничного склада, отличавшейся несдержанностью и, безусловно, нелегкой для совместной жизни.

Свой интерес к Эмиасу она с самого начала не стала скрывать. Он, по-моему, не был особенно в нее влюблен. Но им часто приходилось бывать вместе, а поскольку она была, как я уже сказал, внешне весьма привлекательной, то в конце концов состоялась помолвка.

Близкие друзья Эмиаса Крейла отнеслись к идее его женитьбы несколько настороженно, ибо считали, что Кэролайн ему не пара.

Это вызвало некоторую натянутость отношений между женой Крейла и его друзьями, но Эмиас был верен друзьям и не собирался расставаться с ними. Через несколько лет мы возобновили с ним прежние отношения, и я стал частым гостем в Олдербери. Должен добавить, что я даже согласился быть крестным отцом его дочери Карлы. Это доказывает, я думаю, что Эмиас считал меня своим лучшим другом, и дает мне право говорить от имени человека, который уже не может высказаться сам.

Что касается событий, о которых меня просили написать, то я приехал в Олдербери, как свидетельствует мой старый дневник, за пять дней до случившегося. То есть 13 сентября. И тотчас же почувствовал, что атмосфера в доме напряженная. У них также гостила мисс Эльза Грир, портрет которой Эмиас в это время писал.

Я увидел мисс Грир впервые, хотя уже слышал о ее существовании. Эмиас целый месяц восторженно рассказывал мне о ней. Он встретил, по его словам, необыкновенную девушку. Он говорил о ней с таким энтузиазмом, что я, шутя, сказал ему: "Берегись, старина, не то ты снова потеряешь голову". Он ответил, чтобы я не говорил глупостей. Он просто пишет ее портрет. А она лично его мало интересует. "Расскажи это другим! – ответил я. – Я уже не первый раз слышу от тебя такое". "На этот раз все будет иначе", – возразил он, и я несколько цинично заметил: "У тебя всякий раз по-другому". Тогда Эмиас почему-то забеспокоился, заволновался и сказал: "Ты не понимаешь. Она еще совсем молодая. Почти ребенок". И добавил, что у нее очень современные взгляды и что она совершенно лишена устарелых представлений. "Она откровенна, естественна и абсолютно бесстрашна", – сказал он.

Я подумал про себя, не обмолвившись ему ни словом, что на этот раз Эмиас серьезно влип. Через несколько недель я услышал, как кто-то сказал: "Эта Грир совсем потеряла голову". А кто-то еще добавил, что Эмиас, принимая во внимание юный возраст девицы, ведет себя неразумно, на что с усмешкой было замечено, что Эльза Грир отлично знает, что делает. Еще было сказано, что девица купается в деньгах, умеет добиваться того, что хочет, а также что "она всегда берет инициативу на себя". Прозвучал вопрос, о чем думает жена Крейла, на что последовал ответ, что она, должно быть, уже привыкла к такого рода делам, но кто-то возразил, заявив, что слышал, будто она чертовски ревнива и заставляет Крейла вести такую жизнь, что любого мужчину можно

оправдать, если он при такой жене иногда заводит романы на стороне.

Я пишу обо всем этом, потому что считаю важным дать представление об общем положении дел перед моей поездкой в Олдербери.

Мне было интересно посмотреть на эту девицу – она и вправду была очень интересной и обаятельной, – и я от души и, признаться, с некоторой долей злорадства позабавился тем, как реагировала на происходившее Кэролайн.

Сам Эмиас Крейл на сей раз выглядел менее беззаботным, нежели обычно. Человеку, который плохо его знал, его поведение показалось бы таким же, как всегда. Но я, его закадычный друг, тотчас приметил в нем признаки нервозности, вспыльчивости, несдержанности и раздражительности.

Хотя ему вообще было свойственно пребывать в дурном настроении, когда он писал очередную картину, на этот раз вовсе не работа была причиной его раздражительности. Он обрадовался моему приезду и, как только мы остались наедине, сказал: "Слава богу, что ты появился, Фил. С ума можно спятить в доме с четырьмя бабами. Из-за них я вот-вот угожу в психушку".

И в самом деле атмосфера в доме была тяжелой. Кэролайн, как я уже сказал, реагировала на все крайне болезненно. Своей вежливой, воспитанной манерой обращения, не произнося при этом ни единого бранного слова, она высказывала такую неприязнь к Эльзе, какую и представить себе было трудно. Эльза в свою очередь была откровенно дерзка с Кэролайн. Позабыв о хорошем воспитании, она явно давала ей и остальным понять, что она хозяйка положения. В результате чего Крейл большую часть времени, когда не писал, цапался с Анджелой. Вообще-то они очень нежно относились друг к другу, хотя часто бранились и были не в ладах. Но на этот раз во всем, что Эмиас говорил или делал, сквозило раздражение, и они буквально теряли самообладание. Еще в доме была гувернантка. "Фурия с кислой физиономией, – сказал про нее Эмиас. – Пылает ко мне ненавистью. Сидит, поджав губы, всем своим видом порицая меня".

Вот тогда-то он и сказал:

– Черт бы побрал всех этих баб! Если мужчина хочет жить в мире и спокойствии, ему надо начисто отделаться от женщин!

– Тебе не следовало жениться, – заметил я. – Ты из тех мужчин, кто должен избегать семейных уз.

Он ответил, что теперь, мол, поздно об этом рассуждать. И добавил, что Кэролайн была бы только рада отделаться от него. Вот тогда-то я впервые почувствовал, что в доме происходит нечто необычное.

– О чем ты говоришь? – спросил я. – Или отношения с красавицей Эльзой зашли настолько далеко?

– С красавицей... – чуть ли не со стоном произнес он. – Как было бы хорошо, если бы мы с ней не встретились.

"Послушай, старина, – сказал я, – возьми себя в руки и не связывайся больше ни с какими женщинами". Он посмотрел на меня и засмеялся. "Тебе хорошо говорить, – сказал он. – Не могу я оставить женщин в покое, просто не могу, а если бы и мог, они бы не оставили меня в покое!" Потом, пожав своими широченными плечами, усмехнулся и сказал: "Все в конце концов, надеюсь, вернется на круги своя. Но ты должен признать, что картина удалась, а?"

Он говорил о портрете Эльзы, который в то время писал, и, хотя я мало разбираюсь в живописи, даже я понимал, что это далеко не рядовое произведение.

Когда Эмиас принимался за работу, он становился другим человеком. Хотя он рычал, стонал, хмурился, ругался последними словами и порой швырял кисти на пол, в эти минуты он был по-настоящему счастлив.

Но когда он возвращался в дом к столу, рознь, которая все больше и больше разгоралась между женщинами, его подавляла. Достигла она апогея 17 сентября. Обед у нас происходил в крайне неловкой атмосфере. Эльза вела себя исключительно нагло – другого слова я не могу подобрать. Не обращая никакого внимания на Кэролайн, она умышленно то и дело обращалась к Эмиасу, как будто в комнате, кроме них, никого не было. Кэролайн легко и весело беседовала с остальными, ловко ухитряясь сказать что-то такое, что звучало вполне невинно, а на самом деле жалило, как оса. В ней не было такого откровенного пренебрежения, каким оперировала Эльза Грир. Все, что Кэролайн говорила, было скорее намеком, нежели решительным словоизлиянием.

События достигли кульминации в гостиной, куда мы после обеда удалились пить кофе. Я высказался по поводу головы, вырезанной из отполированного до зеркального блеска букового дерева, – весьма любопытной вещицы, – на что Кэролайн ответила: "Это работа молодого норвежского скульптора. Мы с Эмиасом восхищены его творчеством и надеемся следующим летом побывать у него". Такое столь спокойно высказанное предположение Эльза выслушать была не в силах. Не обратить внимания на брошенный ей вызов она не могла. Подождав минуту-другую, она громко и подчеркнуто отчетливо заявила: "Эта комната была бы очень красивой, если бы ее обставить по-другому. Здесь чересчур много мебели. Когда я буду здесь жить, я выкину всю эту рухлядь, оставив две-три приличные вещи. И повешу золотистого цвета занавеси, чтобы на них играли лучи заходящего

солнца". И, повернувшись ко мне, спросила: "Как по-вашему, это будет красиво?"

Не успел я ответить, как заговорила Кэролайн. Ее тихий голос так шелестел, что сразу услышалась таившаяся в нем угроза.

– Вы что, собираетесь купить наше поместье, Эльза? – спросила она.

– Нет, в этом не будет необходимости, – ответила Эльза.

– Тогда о чем разговор? – спросила Кэролайн, и в ее голосе зазвенел металл.

– К чему притворяться? – засмеялась Эльза. – Бросьте, Кэролайн, вам хорошо известно, о чем я говорю.

– Понятия не имею, – отозвалась Кэролайн.

– Не будьте страусом, который сует голову в песок. Зачем делать вид, будто вы ничего не видите и не знаете. Мы с Эмиасом любим друг друга. Это не ваш дом. Это его дом. И после нашей свадьбы я буду жить здесь с ним!

– По-моему, вы сошли с ума, – сказала Кэролайн.

– О нет, дорогая, и вам это хорошо известно, – откликнулась Эльза. – Было бы куда проще, если бы мы все вели себя честно. Эмиас и я любим друг друга, вы это знаете. И вам остается только одно: дать ему свободу.

– Я не верю ни единому вашему слову, – сказала Кэролайн.

Ее реплика прозвучала неубедительно. Эльза застала Кэролайн врасплох.

И в эту минуту в комнату вошел Эмиас Крейл.

– Если вы мне не верите, спросите у него, – засмеялась Эльза.

– Спрошу, – произнесла Кэролайн. И, ни на секунду не задумываясь, повернулась к Эмиасу: – Эмиас, Эльза говорит, что ты собираешься на ней жениться. Это правда?

Бедняга Эмиас. Мне его было жаль. Мужчину превращают в дурака, заставляя участвовать в такой сцене. Он побагровел и принялся кричать. Обратившись к Эльзе, он заорал на нее, почему она не придержит язык.

– Значит, это правда? – спросила Кэролайн.

Он ничего не ответил и стоял, засунув палец за воротник и оттягивая его. Он и мальчишкой делал то же самое, когда попадал в неприятное положение. Стараясь произносить слова с достоинством и не терпящим возражения тоном – ничего у него, бедняги, конечно, не получалось, – он сказал:

– Я не хочу об этом говорить.

– Зато я хочу, – заявила Кэролайн.

– По-моему, будет справедливо по отношению к Кэролайн, – прочирикала Эльза, – если ей все сказать.

– Это правда, Эмиас? – совсем тихо повторила Кэролайн.

Ему было стыдно. Как обычно бывает стыдно мужчинам, когда женщины загоняют их в угол.

– Ответь мне, пожалуйста. Я должна знать.

Он вскинул голову, как бык на арене, и отрезал:

– Правда, но я не хочу об этом сейчас говорить.

И резко повернувшись, вышел из комнаты. Я двинулся за ним вслед. Мне не хотелось оставаться наедине с женщинами. На террасе я догнал его. Он ругался. Я еще никогда не слышал такого потока ругательств.

– Почему она не может придержать язык? – взорвался он. – Почему, черт подери, она не может помолчать? Теперь быть беде, а мне еще нужно закончить картину, слышишь, Фил? Это – лучшее из того, что я когда-либо написал. Лучшее за всю мою жизнь. А эти две глупые женщины готовы все испортить!

Потом, чуть поостыв, он заметил, что женщины лишены чувства меры.

Я не мог сдержать улыбки.

– Черт подери, старина, ты же сам виноват во всем этом, – сказал я.

– А то я не знаю, – простонал он. И добавил: – Но согласись, Фил, что мужчину нельзя винить, если он теряет из-за женщины голову. Даже Кэролайн следует это понять.

Я спросил его, что будет, если Кэролайн заупрямится и не даст ему развода.

Но им опять овладели его прежние мысли. Мне пришлось повторить свой вопрос, на что он ответил довольно рассеянно:

– Кэролайн никогда не станет мне поперек дороги. Ты не понимаешь, старина.

– Но ведь есть и ребенок, – заметил я.

Он взял меня за руку.

– Фил, старина, я понимаю, что ты действуешь из лучших побуждений, но не надо каркать, как ворона. Я сам улажу свои дела. Все будет в порядке, увидишь. – В этом был весь Эмиас – неунывающий оптимист. – Пошли они все к черту! – весело заключил он.

Не помню, говорили ли мы еще о чем-нибудь, но через несколько минут на террасе появилась Кэролайн. На ней была шляпа, нелепая, с большими полями, темно-коричневого цвета, но тем не менее привлекательная на вид. Совершенно ровным обычным голосом она сказала:

– Сними эту заляпанную краской куртку, Эмиас. Мы идем на чай к Мередиту, ты не забыл?

Он вытаращил глаза и, чуть заикаясь, ответил:

– Совсем забыл. Да, да, конечно.

– Тогда пойди и переоденься, а то ты выглядишь как старьевщик.

И хотя произносила она слова совершенно ровным тоном, но на него не смотрела. А потом спустилась к клумбе с георгинами и принялась срывать самые пышные цветы.

Эмиас не спеша повернулся и вошел в дом.

Кэролайн заговорила со мной. Она болтала не переставая. О том, долго ли простоит хорошая погода, не появится ли в бухте макрель, и если да, то, может, Эмиас, Анджела и я отправимся на рыбную ловлю. Удивительная женщина, следует отдать ей должное.

Но в то же время это свидетельствует, по-моему, о ее характере. У нее была огромная сила воли и умение владеть собой. Не знаю, когда она решила убить его, но, если тогда, я не был бы удивлен. Умея мыслить хладнокровно и безжалостно, она была способна тщательно и бесстрастно продумать свой план.

Кэролайн Крейл была очень опасной женщиной. Мне бы следовало еще тогда понять, что она этого так не оставит. А я, идиот, решил, что она согласилась принять неизбежное или по крайней мере надеялась, что, если будет вести себя как ни в чем не бывало, Эмиас передумает.

Наконец вышли в сад все остальные. Эльза вела себя вызывающе, с видом победительницы. Кэролайн не обращала на нее никакого внимания. Обстановку разрядила Анджела. Она принялась спорить с мисс Уильямс, что не наденет другую юбку. Та, что на ней, вполне сойдет для милого доброго Мередита, он все равно никогда не обращает внимания на подобные вещи.

Наконец мы тронулись в путь. Кэролайн шла рядом с Анджелой. Я – с Эмиасом. А Эльза одна – шла и улыбалась. Мне она не очень нравилась – слишком уж напористая, – но должен признать, что в тот день она выглядела невероятно красивой. Так бывает, когда женщина добивается того, чего хочет.

Я не очень хорошо помню все события того дня. Их словно подернуло туманной дымкой. Помню, как из дому навстречу нам вышел старина Мерри. По-моему, мы сначала обошли сад. Помню, что мы с Анджелой долго обсуждали, как натаскивать терьеров на крыс. Анджела съела бессчетное количество яблок и пыталась заставить меня последовать ее примеру.

Когда мы подошли к дому, под большим кедром уже был накрыт чай. Мерри, насколько я помню, выглядел очень расстроенным. Наверное, либо Кэролайн, либо Эмиас ему что-то сказали. Он то с сомнением поглядывал на Кэролайн, то переводил взгляд на Эльзу. Чем-то он явно был обеспокоен. Конечно, Кэролайн нравилось держать Мередита на привязи – старый преданный друг, пусть он всегда будет при ней. Такой она была человек.

После чая Мередит поспешил поговорить со мной.

– Послушай, Фил, – сказал он. – Эмиас не должен этого делать!

– Еще как сделает, можешь не сомневаться.

– Как он может бросить жену и ребенка ради этой девицы? Он ведь гораздо старше ее. Ей нет и восемнадцати.

Я ответил ему, что мисс Грир целых двадцать.

– Все равно, она еще несовершеннолетняя. Она не понимает, что творит, – сказал он.

Бедняга Мередит. Всегда видит в людях только хорошее.

– Не беспокойся, старина. Она знает, что делает, и это ей нравится.

Вот и все, что нам удалось друг другу сказать. Я подумал про себя, что Мерри, наверное, боится и представить себе, что Кэролайн окажется в роли брошенной жены. Как только состоится развод, она начнет надеяться, что ее верный рыцарь тотчас сделает ей предложение. А мне казалось, что ему куда больше по душе роль человека, лишенного последней надежды. И, должен признаться, меня эта ситуация очень забавляла.

Любопытно, однако, что я почему-то плохо помню наше посещение лаборатории Мередита. Ему страшно нравилось демонстрировать другим собственное увлечение. Лично мне оно представлялось крайне скучным. По-моему, я присутствовал там вместе с другими, когда он читал нам лекцию о свойствах кониума, но что именно он говорил, мне не запомнилось. Я не видел, как Кэролайн похитила яд. Как я уже сказал, она была ловкой женщиной. Еще я помню, как Мередит читал нам вслух отрывок из Платона, в котором описывается смерть Сократа. Тоже скука, по-моему. Меня классики всегда вгоняли в тоску.

Больше ничего про тот день я вспомнить не в силах. Эмиас и Анджела жутко поссорились, но нам, всем остальным, от этого стало только легче. Отвлеклись немного. Выкрикнув напоследок, что Эмиас еще пожалеет о ссоре с ней, что хорошо бы, чтоб он умер от проказы – так, мол, ему и надо, – и, наконец, хорошо бы, если бы у него к носу приклеилась навечно колбаса, как в известной сказке, она отправилась спать. Когда она удалилась, мы не могли не рассмеяться – такая это была забавная сцена.

Вскорости ушла спать и Кэролайн. Мисс Уильямс исчезла вслед за своей ученицей. Эмиас и Эльза отправились бродить по саду. Мое общество, понял я, им было ни к чему. Я пошел прогуляться. Стоял чудесный вечер.

На следующее утро я спустился вниз поздно. В столовой никого не было. Смешно, что запоминаются совершенно несущественные детали. Я, например, хорошо помню вкус почек с беконом, которые я ел. Отличные почки. С перцем.

Затем я бродил по саду в поисках собеседника. Никого не нашел, выкурил сигарету, встретил мисс Уильямс, бегавшую в поисках Анджелы, которая где-то шлялась, как обычно, хотя должна была заняться починкой порванного платья. Я вошел в холл и услышал, как Эмиас и Кэролайн выясняют отношения в библиотеке. Говорили они очень громко.

"Ты и твои женщины! – выкрикнула она. – Прикончить бы тебя! Когда-нибудь я тебя прикончу!" На что Эмиас ответил: "Не будь дурой, Кэролайн". А она сказала: "Я говорю серьезно, Эмиас".

Подслушивать мне не хотелось, поэтому я снова вышел на террасу. Прошелся вдоль нее и увидел Эльзу.

Она сидела в шезлонге как раз под окном библиотеки, а окно было открыто. Думаю, она сумела услышать все, что говорилось в библиотеке. Увидев меня, она встала и, приняв вполне хладнокровный вид, пошла мне навстречу.

– Какое чудесное утро! – сказала она, взяв меня под руку.

Да, для нее оно и впрямь было чудесным. До чего же жестокая девчонка! Нет, пожалуй, просто честная и лишенная воображения. Умела видеть только то, что ей в данный момент было нужно.

Разговаривая, мы постояли на террасе минут пять, затем хлопнула дверь библиотеки и появился Эмиас Крейл. Лицо у него пылало.

Бесцеремонно схватив Эльзу за плечо, он сказал:

– Хватит болтаться без дела. Пойдем поработаем.

– Хорошо, – согласилась она. – Только схожу наверх, захвачу пуловер. Ветер какой-то прохладный.

И вошла в дом.

Я ждал, что Эмиас мне что-нибудь скажет, но он промолчал, ограничившись лишь фразой:

– Эти женщины!

– Держись, старина! – отозвался я.

И мы промолчали до тех пор, пока на террасу снова не вышла Эльза.

Они вместе отправились в Оружейный сад, а я вошел в дом. В холле стояла Кэролайн. Меня она, по-моему, даже не заметила. Так с ней часто бывало. Казалось, она где-то далеко. Она что-то пробормотала. Не мне, а себе. Я только различил слова:

– Слишком это жестоко...

Вот что она сказала. А потом прошла мимо, казалось так меня и не заметив, словно была целиком погружена в собственные мысли, и поднялась наверх. Думаю (утверждать это я не имею права, вы понимаете), что она пошла за ядом и что именно в эту минуту она задумала совершить то, что совершила.

И тут зазвонил телефон. В некоторых домах полагается ждать, пока трубку возьмет кто-нибудь из слуг, но я так часто бывал в Олдербери, что практически считался членом семьи. Я поднял трубку.

Звонил мой брат Мередит. Он был очень расстроен. Он сказал, что побывал у себя в лаборатории и обнаружил, что бутылка с кониумом наполовину пуста.

Незачем вновь каяться в том, что́ я был обязан сделать тогда и не сделал. Новость эта меня оглушила, и я по глупости оказался застигнутым врасплох. На другом конце провода возбужденно верещал Мередит. Я услышал, что по лестнице кто-то спускается, и поэтому велел ему срочно прийти в Олдербери.

А сам пошел ему навстречу. Если вы не знаете расположения обоих владений, то должен вам объяснить, что кратчайший путь между ними – это пересечь в лодке небольшую бухту. Я спустился по тропинке к тому месту, где у крохотной пристани стояли лодки. Мне пришлось пройти вдоль ограды Оружейного сада, и я слышал, как разговаривают Эльза и Эмиас. Голоса у них были веселые и беззаботные. Эмиас заметил, что день удивительно жаркий (он и вправду был жарким для сентября), а Эльза сказала, что когда сидишь так, как она, на стене, то чувствуешь прохладный ветерок с моря. Потом она сказала: "Я устала позировать. Нельзя ли мне отдохнуть, дорогой?" На что Эмиас крикнул: "Ни в коем случае. Сиди. Ты ведь человек выносливый. А получается здорово, скажу я тебе". "Какой ты жестокий", – засмеялась Эльза. И все – больше я ничего не услышал.

Мередит уже отчалил от противоположного берега. Я подождал его. Он привязал лодку и поднялся по ступенькам. Он был очень бледен и явно обеспокоен.

– У тебя голова работает лучше, чем у меня, Филип. Что нам делать? – спросил он. – Это очень опасный яд.

– Ты уверен в пропаже? – спросил я. Мередит, надо сказать, человек рассеянный. Может, именно поэтому я и отнесся к его сообщению не так серьезно, как следовало.

– Уверен, – ответил он. – Вчера днем бутылка была полной.

– И ты понятия не имеешь, кто взял яд? – спросил я. Нет, ответил он и спросил, кого, по моему мнению, можно заподозрить. Кого-нибудь из слуг? Возможно, ответил я, но весьма сомнительно. Лаборатория ведь всегда заперта, не так ли? Да, ответил он и принялся молоть чепуху о том, что окно оказалось на несколько дюймов приоткрытым. Таким путем можно было проникнуть в лабораторию.

– Случайный грабитель, что ли? – усмехнулся я. – Тогда выбор у нас такой, Мередит, что и искать не стоит.

Что я на самом деле думаю, спросил он. И я ответил, что, если он уверен, что яд украли, тогда, значит, его украла Кэролайн, чтобы отравить Эльзу, или, наоборот, его украла Эльза, чтобы убрать с дороги Кэролайн и освободить место для истинной любви.

Мередит прочирикал, что я несу сентиментальную чепуху, которая не может быть правдой. "Но яд пропал, – возразил я. – Чем же ты можешь это объяснить?" Никакого объяснения он, разумеется, дать не мог. Он мыслил точно так же, как и я, только не хотел себе в этом признаться.

"Что же нам делать?" – снова спросил он. "Сначала надо все как следует обдумать, – ответил я, совершив непростительную ошибку. – А потом либо ты объявишь во всеуслышание о пропаже, либо скажешь по секрету Кэролайн, тем самым подвергнув ее испытанию. Если ты убедишься, что она ничего про это дело не знает, проделай то же самое с Эльзой". – "Такая изумительная девушка! – сказал он. – Не может быть, чтобы она это сделала". Я ответил, что вовсе в этом не уверен.

Разговаривая, мы шли по дорожке к дому. После моего последнего замечания мы оба несколько секунд молчали. Как раз в эту минуту мы снова шли мимо садовой ограды, и я услышал голос Кэролайн.

Я было решил, что теперь они скандалят втроем, но оказалось, что речь идет об Анджеле. "Это несправедливо по отношению к ней", – возражала Кэролайн. Эмиас что-то раздраженно пробурчал в ответ. Затем калитка сада, как раз когда мы подошли к ней, открылась. Эмиас был несколько поражен, увидев нас. Из сада вышла Кэролайн. "Здравствуй, Мередит! – сказала она. – Мы говорили об отъезде Анджелы в школу. Я не очень уверена, что ей там будет хорошо". – "Да не бойся ты за нее, – сказал Эмиас. – Ничего с ней не случится. Я сам ее провожу".

Как раз в эту минуту на дорожке появилась Эльза, которая бежала со стороны дома. В руках у нее был какой-то джемпер алого цвета.

– Скорей! – зарычал Эмиас. – Садись, как полагается. Я не хочу терять время.

И пошел к мольберту. Я заметил, что он ступает как-то неуверенно, и подумал, не выпил ли он. При всей суете и скандалах человека легко понять и извинить.

– Пиво какое-то теплое, – проворчал он. – Почему сюда не принесут льда?

– Я пришлю тебе пива из холодильника, – пообещала Кэролайн.

– Спасибо, – буркнул Эмиас.

Затем Кэролайн закрыла калитку и вместе с нами напра-

вилась к дому. Мы сели на террасе, а она вошла в дом. Минут через пять появилась Анджела с двумя бутылками пива и стаканами. День и вправду был жаркий, и мы обрадовались пиву. Тут мимо нас прошла Кэролайн. В руках у нее была бутылка с пивом, которую она, по ее словам, несла Эмиасу. Мередит хотел было проводить ее, но она твердо отклонила его предложение. Я подумал – до чего же я был глуп! – что в ней говорит ревность. Ей было неприятно, чтобы кто-то еще увидел тех двоих наедине в саду. Поэтому она уже раз там побывала, придумав для этого весьма жалкий предлог: не отложить ли отъезд Анджелы.

Она шла по зигзагообразной дорожке, а мы с Мередитом смотрели ей вслед. Мы так ничего и не решили, а тут еще Анджела стала требовать, чтобы я пошел с ней купаться. Заставить Мередита действовать одного было невозможно, поэтому я только и сказал ему: "После обеда". Он кивнул.

Затем мы с Анджелой отправились купаться. Мы хорошо поплавали – через бухту и обратно, – а потом позагорали на скалах. Анджела почему-то была хмурой, но меня это вполне устраивало. Я решил, что сразу после обеда отведу Кэролайн в сторонку и напрямую предъявлю ей обвинение в краже яда. Без толку уговаривать Мередита сделать это – он слишком мягок. А я припру ее к стенке, и все. Ей придется возвратить яд, или уж, во всяком случае, она ни за что не осмелится им воспользоваться. Поразмыслив, я пришел к убеждению, что это она взяла яд. Эльза была слишком благоразумной и рациональной, чтобы пойти на такой риск. Голова у нее работала как следует, и больше всего она боялась за собственную шкуру. Кэролайн же была из легко воспламеняющегося материала – неуравновешенная, увлекающаяся, настоящая психопатка. И все же где-то в глубине сознания у меня копошилась мысль, что Мередит ошибся. Вдруг кто-нибудь из слуг проник к нему в лабораторию, отлил половину содержимого бутылки и побоялся в этом признаться? В нашем представлении яд – принадлежность мелодрамы, и в реальной жизни в него трудно поверить.

До тех пор пока ничего не случится.

Когда я посмотрел на часы, оказалось, что уже довольно поздно, и мы с Анджелой буквально побежали на обед. Все только рассаживались за столом – все, кроме Эмиаса, который остался в Оружейном саду работать, что для него стало почти правилом. Как он умно поступил, сделав это и сегодня, подумал я, ибо за обедом у нас царила какая-то неловкость.

Кофе мы пили на террасе. Я плохо помню, как вела себя и как выглядела Кэролайн. Во всяком случае, обеспокоенной она не казалась. Скорей, сдержанной и притихшей. Вот уж поистине сатана в юбке!

Ибо нужно было иметь сатанинскую волю, чтобы так хладнокровно отравить человека. Если бы она схватила револьвер и выстрелила в него – это я бы еще мог понять. Но продуманное, хладнокровное, сводящее счеты убийство... И такое спокойствие...

Она встала и самым естественным голосом объявила, что отнесет ему кофе. И ведь она уже знала – не могла не знать, – что застанет его там мертвым. С ней пошла мисс Уильямс. Не помню, Кэролайн попросила ее об этом или она вызвалась сама. Вроде Кэролайн.

Две женщины ушли. Через минуту-другую вслед за ними пошел и Мередит. Я только было принялся придумывать предлог, чтобы последовать за ним, как он снова появился на дорожке, спеша к нам. Лицо у него было пепельно-серым.

– Доктора... быстро... Эмиас... – задыхаясь, проговорил он.

– Он болен? – вскочил я. – Умирает?

– Боюсь, он уже умер... – ответил Мередит.

На мгновенье мы забыли про Эльзу. Но она вдруг вскрикнула. Это был леденящий душу вопль.

– Умер? Умер?.. – И она бросилась бежать. Я и не знал, что человек способен так бегать – как олень, как раненый зверь. И как жаждущая мщения фурия.

– Беги за ней, – выдохнул Мередит. – Я позвоню. Беги за ней. Кто знает, что она там натворит?

Я бросился вслед изо всех сил. Она вполне была способна убить Кэролайн. Никогда я не видел столько горя и столько неистовой ненависти. Вся видимость культуры и образованности слетела с нее. Сразу стало ясно, что ее отец, дед и бабка со стороны матери были фабричными рабочими. Ее лишили ее любовника, и в ней взыграла простолюдинка. Если бы могла, она расцарапала бы Кэролайн лицо, вцепилась бы ей в волосы и сбросила бы ее через парапет. По какой-то причине она решила, что Кэролайн нанесла ему удар ножом. Она все перепутала.

Я придержал ее, а затем ею занялась мисс Уильямс. Должен признать, действовала она очень разумно. Она заставила Эльзу опомниться, велев ей помолчать, потому что нам совершенно ни к чему шум и крики. Она была сущая мегера. Но сумела сделать все, как нужно. Эльза стихла – стояла, всхлипывая и дрожа.

Что же касается Кэролайн, то, насколько я помню, маска с нее сразу слетела. Она стояла совершенно спокойно – в трансе, сказали бы вы. Только глаза выдавали ее. Они были начеку – настороженно и спокойно оглядывали всех. Она начала, по-моему, бояться...

Я подошел и заговорил с ней. Не думаю, что мои слова услышали две другие женщины.

– Проклятая убийца! Ты убила моего самого близкого друга! – еле слышно прошептал я.

– Нет... О, нет... Он... сам... – отшатнувшись, сказала она.

Я посмотрел ей в глаза.

– Расскажи это полиции, – посоветовал я.

Она последовала моему совету, но ей не поверили.

Конец рассказа Филипа Блейка.

РАССКАЗ МЕРЕДИТА БЛЕЙКА

Дорогой мсье Пуаро!

Как я вам обещал, я принялся за описание всего того, что помнится мне касательно трагических событий шестнадцатилетней давности. Прежде всего я хотел бы подчеркнуть, что я тщательно обдумал все сказанное вами во время нашей недавней встречи. И по размышлении я более, чем прежде, убежден в невиновности Кэролайн Крейл. И раньше трудно было поверить, чтобы она решилась отравить своего мужа, но отсутствие других версий и ее собственное поведение вынудили меня, не долго думая, присоединиться к общему мнению: если не она, то кто?

После нашей встречи я долго размышлял о версии о самоубийстве Крейла, которую выдвинула на суде защита, и, хотя эта версия в ту пору показалась мне совершенно нелогичной, теперь я полагаю уместным изменить свое мнение, исходя в первую очередь из того в высшей степени знаменательного факта, что Кэролайн сама в это верила. Если мы допустим, что эта очаровательная и благородная женщина была несправедливо признана виновной, тогда ее собственное неоднократно высказанное убеждение имеет серьезное основание. Она знала Эмиаса гораздо лучше, чем любой из нас. Если она считала самоубийство возможным, значит, имело место самоубийство, несмотря на скептическое отношение к такой версии всех его друзей.

Я попытаюсь развить эту теорию, предположив, что в Эмиасе Крейле были какие-то известные только его жене зачатки совести, скрытые от посторонних взглядов раскаяние и даже отчаяние из-за злоупотреблений, вызванных его бурным темпераментом. Я полагаю, такая мысль имеет право на существование. Возможно, эту сторону своего характера он раскрывал только перед женой. Хотя это несовместимо с его собственными, не раз слышанными мною высказываниями, тем не менее у большинства мужчин действительно присутствует никем не подозреваемая и зачастую не соответствующая их характеру черта, которая часто является сюр-

призом для людей, близко их знающих. Почтенный и суровый человек, бывает, втихомолку ведет себя крайне непристойно. Вульгарный делец оказывается тонким ценителем искусства. Нетерпимые и безжалостные люди нередко обнаруживают невиданную доселе доброту. А великодушные и общительные порой проявляют себя как подлецы и подонки.

Поэтому вполне возможно, что Эмиасу Крейлу были свойственны приступы раскаяния и чем больше он неистовствовал в своем эгоизме, утверждая право делать, что ему заблагорассудится, тем сильнее мучила его совесть. Как это ни невероятно, но теперь я считаю, что так оно, наверное, и было. И я еще раз повторяю, что сама Кэролайн твердо придерживалась именно этой версии. Что очень важно.

А теперь рассмотрим факты, или, скорей, то, что осталось у меня в памяти, в свете моих нынешних убеждений.

Пожалуй, здесь было бы уместно упомянуть о разговоре, который состоялся у меня с Кэролайн за несколько недель до случившейся трагедии. Это произошло во время первого приезда Эльзы Грир в Олдербери.

Кэролайн, как я вам уже говорил, знала, что я отношусь к ней с глубокой симпатией и уважением. Поэтому в моем лице она видела человека, которому вполне могла доверять. Выглядела она далеко не радостной. Тем не менее я был удивлен, когда однажды она вдруг спросила меня, считаю ли я, что Эмиас всерьез увлечен девушкой, которую пригласил к ним.

– По-моему, ему интересно ее писать, – ответил я. – Ты же знаешь, как Эмиас способен загореться очередной работой.

– Нет, он в нее влюблен, – покачала головой она.

– Разве что чуть-чуть.

– А по-моему, сильно.

– Она очень хороша, я согласен, – сказал я. – А нам обоим известно, что Эмиас неравнодушен к женским чарам. Но ты уже давно должна знать, дорогая, что Эмиас по-настоящему любит только тебя. Ему свойственно увлекаться, но эта страсть продолжается недолго. Для него существуешь только ты, и, хотя порой он ведет себя скверно, это ничуть не влияет на его чувство к тебе.

– Именно так я всегда и рассуждала, – сказала Кэролайн.

– Поверь мне, Кэро, – попросил я, – это действительно так.

– Но на этот раз, Мерри, – продолжала она, – я боюсь. Эта девушка ужасно... ужасно откровенна. Она такая юная, такая настойчивая. Я чувствую, что на сей раз он увлекся всерьез.

– Но то, что она юная и такая, как ты говоришь, откровенная, – возразил я, – и послужит ей защитой. Вообще-то, женщины для Эмиаса – это дичь, на которую разрешено охо-

титься, но в случае с этой девушкой его ждет промах.

– Вот этого-то я и боюсь, – призналась Кэролайн. – Боюсь, что на сей раз он сам превратился в дичь. – И продолжала: – Мне, как ты знаешь, Мерри, тридцать четыре. Мы женаты уже десять лет. По внешности я не иду ни в какое сравнение с этой Эльзой, я это понимаю.

– Но тебе ведь известно, Кэролайн, – сказал я, – тебе хорошо известно, что Эмиас по-настоящему тебе предан.

– Разве можно быть уверенной в чувствах мужчины? – возразила она. А затем, чуть хмуро усмехнувшись, заключила: – Я человек примитивный, Мерри. Мне бы хотелось расправиться с этой девушкой топором.

Я сказал, что Эльза, по-видимому, совсем не понимает, что делает. Она восхищается Эмиасом и преклоняется перед ним, вряд ли сознавая, что Эмиас в нее влюбляется.

– Милый мой Мерри! – только и ответила на мои слова Кэролайн и перевела разговор на сад. Я надеялся, что она забудет про все свои беспокойства.

Вскоре после этого Эльза уехала в Лондон. Эмиас тоже отсутствовал несколько недель. Я, по правде говоря, и позабыл про них. А потом мне стало известно, что Эльза вновь вернулась в Олдербери, чтобы Эмиас мог завершить ее портрет.

Меня эта новость несколько обеспокоила. Но Кэролайн, когда я снова встретился с нею, не захотела продолжать разговор. Выглядела она как всегда – ни в коем случае не встревоженной и не огорченной. Все, наверное, в порядке, подумал я.

Вот почему я был так огорошен, узнав, как далеко зашло дело.

Я уже рассказал вам о моих разговорах с Крейлом и с Эльзой. Поговорить с Кэролайн мне так и не удалось. Мы смогли лишь обменяться парой фраз, о которых я тоже уже вам говорил.

Я словно вижу перед собой ее лицо с огромными темными глазами и с трудом сдерживаю волнение. Я слышу ее голос, когда она произнесла:

– Все кончено...

Я не в силах описать то бесконечное отчаяние, которое скрывалось за этими словами. Они были констатацией факта. С уходом Эмиаса жизнь для нее кончилась. Вот почему, уверен я, она взяла кониум. Это был выход из положения. Выход, подсказанный ей моей глупой лекцией о свойствах этой настойки. И отрывок из "Федона", живописующий смерть от яда.

Вот как я нынче представляю себе случившееся. Она взяла кониум, решив покончить с собой, если Эмиас ее бросит.

Быть может, он заметил, как она отливала настойку, или потом обнаружил у нее яд.

Эта находка произвела на него впечатление. Он ужаснулся, до чего довел ее своим поведением. Но, невзирая на страх и раскаяние, он тем не менее был не в силах отказаться от Эльзы. Я могу его понять. Любой, кто ею увлекся, был не способен ее забыть.

Он не представлял себе жизни без Эльзы. И понял, что Кэролайн не может жить без него. Вот он и решил, что единственный выход – это самому воспользоваться кониумом.

Он действовал в характерной для себя манере. Самое дорогое для него в жизни были его картины. Он предпочел умереть с кистью в руке. А последнее, что видели его глаза, – это лицо девушки, которую он так безумно любил. Наверное, он решил, что ей тоже будет лучше, если его не станет...

Эта теория, правда, оставляет необъясненными некоторые любопытные факты. Например, почему на пустом флаконе из-под кониума остались только отпечатки пальцев Кэролайн. Наверное, после того, как Эмиас держал флакон в руках, все отпечатки стерлись мягкими вещами, среди которых нашли флакон после его смерти. Кэролайн же взяла флакон в руки, чтобы посмотреть, трогал ли его кто-нибудь. По-моему, такое объяснение вполне вероятно и правдоподобно. Что же касается отпечатков пальцев на бутылке из-под пива, свидетели защиты высказали мнение, что, приняв яд, человек плохо владеет руками и может касаться бутылки необычным образом – отсюда и искажение отпечатков.

Остается еще поведение Кэролайн во время процесса. Но мне думается, я вижу этому объяснение. Она украла яд из лаборатории, решив покончить с собой, и тем самым навела мужа на мысль о самоубийстве. Можно предположить, что она при ее повышенном чувстве ответственности сочла себя повинной в его смерти, убедив себя, что она – убийца, хотя это было вовсе не такое убийство, за какое ее судили.

Все это мне кажется вполне логичным. А если это так, тогда вам, наверное, будет не трудно убедить в этом маленькую Карлу? И она сможет выйти замуж за своего молодого человека, удостоверившись, что единственное, в чем была виновата ее мать, это желание (не более того) покончить с собой.

Я понимаю, что это вовсе не то, о чем вы просили меня написать, а именно о событиях, как я их помню. Позвольте мне сейчас исправить свою ошибку. Я уже полностью поведал вам о том, что́ произошло накануне смерти Эмиаса. Теперь перейдем ко дню его гибели.

Спал я очень плохо, поскольку был расстроен неприятным осложнением событий в судьбе моих друзей. После то-

го как я долго не мог заснуть, безуспешно размышляя над тем, что предпринять, дабы предотвратить катастрофу, около шести утра я заснул глубоким сном. Я даже не слышал, как мне принесли утренний чай, и проснулся примерно в половине десятого с тяжелой головой и разбитый. Вскоре после этого мне показалось, что я услышал какой-то шорох в комнате под моей спальней – там была лаборатория.

Здесь мне, пожалуй, следует упомянуть, что, по-видимому, в лаборатории побывала кошка. Я обнаружил, что оконная рама была чуть приподнята. Я по легкомыслию оставил окно приоткрытым с вечера, и кошка вполне могла в него пролезть. Я упоминаю об этом, чтобы объяснить, почему я очутился в лаборатории.

Я пошел туда, как только оделся, и, окинув взглядом полки, заметил, что бутылка, в которой была настойка кониума, стоит не в ряд с другими. А приглядевшись, с ужасом констатировал, что значительная часть содержимого бутылки исчезла. Накануне бутылка была почти полной – сейчас почти пустой.

Я закрыл окно и вышел, заперев за собой дверь. Я был крайне расстроен и, признаться, сбит с толку. Когда меня что-либо выводит из себя, я плохо соображаю.

Сначала я был просто огорчен, потом почувствовал нечто недоброе и наконец начал испытывать настоящую тревогу. Я опросил всех слуг, они сказали, что никто из них не входил в лабораторию. Поразмыслив над случившимся, я решил позвонить брату, чтобы спросить у него совета.

Филип соображал лучше меня. Он сразу распознал всю серьезность пропажи и велел мне тотчас прийти.

Я вышел, встретив по дороге мисс Уильямс, которая была занята поисками своей манкирующей занятиями ученицы. Я заверил ее, что не видел Анджелы и что у меня в доме ее не было.

По-моему, мисс Уильямс заметила, что я несколько не в себе. Она смотрела на меня с любопытством. Но я не собирался рассказывать ей о том, что произошло. Я посоветовал ей пройти за дом – у Анджелы была там любимая яблоня, – а сам поспешил к бухте, где сел в лодку и перебрался на другую сторону, в Олдербери.

Мой брат уже ждал меня на берегу.

Мы направились к дому тем же путем, каким третьего дня прошли с вами. Если вы помните, как расположено поместье, значит, вы поймете, что, проходя мимо ограды Оружейного сада, мы не могли не услышать разговора в саду.

Кэролайн и Эмиас о чем-то спорили, но предмет их спора у меня интереса не вызвал.

Никаких угроз со стороны Кэролайн я не услышал. Речь

шла об Анджеле – Кэролайн просила отложить ее отъезд в школу. Эмиас, однако, был настроен категорично, выкрикивал, что, поскольку все решено, он сам ее проводит.

Калитка сада отворилась как раз в ту секунду, когда мы с ней поравнялись, и оттуда вышла Кэролайн. Она была расстроена, но не более того. Она несколько рассеянно улыбнулась мне и сказала, что они говорили об Анджеле. В эту минуту на дорожке появилась Эльза, и, поскольку было совершенно очевидно, что Эмиас хочет продолжать работу, а мы ему мешаем, мы двинулись к дому.

Филип потом отчаянно ругал себя за то, что мы не предприняли немедленных действий. Я же придерживаюсь иного мнения. У нас не было никаких оснований считать, что замышляется убийство. (Более того, теперь я уверен, что оно вовсе не замышлялось.) Было ясно, что нам следовало что-то предпринять, но я по сей день убежден, что мы были обязаны тщательно это обсудить и определить, как действовать, тем более что, признаться, меня не раз брало сомнение, не ошибаюсь ли я. Действительно ли бутылка была накануне полной? Я не из тех людей (в отличие от моего брата Филипа), которые всегда во всем уверены. Память порой играет с человеком злые шутки. Как часто, например, ты убежден, что положил предмет на одно место, а потом обнаруживаешь его совсем в другом. Чем больше я старался припомнить, сколько настойки было в бутылке накануне, тем больше сомневался и терял уверенность. Это ужасно раздражало Филипа, который окончательно вышел из себя.

Мы так и не сумели продолжить наш разговор и молча согласились отложить его на послеобеденное время. (Должен заметить, что я, если хотел, мог без особого приглашения являться к обеду в Олдербери.)

Затем Анджела и Кэролайн принесли нам пива. Я спросил у Анджелы, почему она прогуливает уроки, и предупредил, что мисс Уильямс сердится, но она ответила, что купалась, и добавила, что не видит смысла зашивать страшную старую юбку, когда едет в школу экипированная заново.

Поскольку возможности поговорить с Филипом наедине так и не представилось, а мне, кроме того, очень хотелось еще раз поразмыслить самому, я решил пройтись по дорожке к Оружейному саду. Как раз над садом, где я вам уже показывал, на прогалине среди деревьев стояла старая скамья. Я уселся там с трубкой, думал и смотрел на Эльзу, которая позировала Эмиасу.

Мне она навсегда запомнилась такой, какой я видел ее в тот день. Одетая в желтую рубашку, темно-синие брюки, с красным пуловером, накинутым на плечи для тепла, она сидела неподвижно.

Ее лицо лучилось оживлением и здоровьем. И она веселым голосом вещала о планах на будущее.

Получается, что я вроде как бы подслушивал, на самом деле это было вовсе не так. Эльза меня прекрасно видела. И она, и Эмиас знали, где я сижу. Она помахала мне рукой и крикнула, что Эмиас вел себя тем утром чудовищно, не давая ей ни минуты отдыха. Она вся застыла и окоченела.

Эмиас проворчал, что он еще больше окоченел. Что у него все мышцы как деревянные. "Бедный старичок!" – засмеялась Эльза. А Эмиас сказал, что придется ей взять себе инвалида, у которого хрустят суставы.

Меня потрясло их легкомыслие в беседе о совместном будущем, в то время как они причиняют другим так много страданий. И тем не менее я не мог упрекнуть ее. Она была такой юной, такой уверенной в себе, такой влюбленной. И она не ведала, что творит. Она не знала, что такое страдание. С наивностью ребенка она считала, что с Кэролайн "ничего не случится" и что "она вскорости обо всем забудет". Она не видела ничего, кроме того, что они с Эмиасом будут счастливы. У нее не было сомнений, ее не терзали угрызения совести, она не ведала жалости. Но можно ли ждать жалости от молодости? Это чувство знают только пожилые, умудренные опытом люди.

Они не все время разговаривали. Ни один художник не будет заниматься болтовней во время работы. Каждые десять минут или что-то вроде этого Эльза высказывалась, а Эмиас что-то бурчал в ответ. Один раз она сказала:

– По-моему, ты прав насчет Испании. Туда мы поедем прежде всего. И ты поведешь меня на корриду. Наверное, это удивительное зрелище. Только мне бы хотелось, чтобы бык убил человека, а не наоборот. Я понимаю, что́ испытывали римлянки, видя, как умирает гладиатор. Люди ничего из себя не представляют, а животные прекрасны.

Она сама была похожа на животное – юная и первозданная, еще не постигшая ни печального опыта, ни умения сомневаться. По-моему, она даже не умела думать, она только чувствовала. Но в ней было так много жизни, гораздо больше, чем в ком-либо из моих знакомых...

В последний раз я видел ее такой радостно-уверенной – на вершине вселенной. Но за такой веселостью обычно грядет беда.

Прозвонил гонг на обед, я встал и подошел к калитке Оружейного сада, где ко мне присоединилась Эльза. Когда я вышел из тени деревьев, оказалось, что вокруг ослепительно светло. Я плохо видел. Эмиас сидел, откинувшись на спинку скамьи и раскинув руки. И смотрел на картину. Я часто видел его в таком положении. Откуда мне было знать, что яд уже убивает его?

Он ненавидел и презирал болезни. Он их не признавал. Наверное, решил, что у него что-то вроде солнечного удара — симптомы очень схожи, — но ни за что не стал бы жаловаться.

— Он не пойдет обедать, — сказала Эльза.

Про себя я подумал, что он правильно поступает.

— Тогда — до свидания, — сказал я.

Он оторвал взгляд от картины, и его глаза медленно обратились ко мне. Было что-то странное — как это сказать? — похожее на злорадство в его взгляде. Глаза его горели недоброжелательством.

Естественно, я тогда не понял — если в картине что-то получалось не так, как ему хотелось, он всегда злился. Вот я и решил, что именно в этом причина его злости. Он, мне показалось, даже что-то буркнул.

Ни Эльза, ни я не видели в этом чего-то необычного — просто темперамент художника.

Поэтому мы оставили его там и вместе отправились к дому, смеясь и болтая. Если бы она знала, бедное дитя, что в последний раз видит его в живых... Слава богу, она этого не знала. Ей предоставилась возможность еще немного быть счастливой.

За обедом Кэролайн вела себя совершенно нормально — пожалуй, казалась озабоченной чуть больше прежнего. Не доказывает ли это, что она не имела никакого отношения к трагедии? Не могла же она быть такой актрисой.

Кэролайн и гувернантка пошли в сад и там обнаружили Эмиаса. Я встретил мисс Уильямс, когда она бежала к дому. Она велела мне вызвать врача и бросилась обратно к Кэролайн.

Бедное дитя! Я говорю об Эльзе. Она горевала так отчаянно, так откровенно, как горюют только дети. Дети не могут поверить, что жизнь бывает столь несправедлива. Кэролайн держалась вполне спокойно. Да, она была спокойна. Конечно, она умела держать себя в руках куда лучше Эльзы. Она не выглядела кающейся — в ту пору. Только сказала, что он, наверное, покончил с собой. А мы не могли этому поверить. Эльза не удержалась и прямо в лицо обвинила ее в убийстве.

Конечно, Кэролайн, наверное, уже сообразила, что подозрения падут на нее. Да, этим, скорей всего, и объясняется ее поведение.

Филип не сомневался, что это совершила она.

Гувернантка оказала нам всем большую помощь и поддержку. Она заставила Эльзу лечь, дала ей успокоительное, а когда явилась полиция, держала Анджелу подальше. Да, эта женщина была цитаделью силы.

Все происходящее стало кошмаром. Полиция производила в доме обыски, вела допросы, затем, как мухи, налетели

репортеры, щелкали своими камерами, требовали интервью у членов семьи.

Словом, кошмар...

Это оставалось кошмаром и годы спустя. Ради бога, если вам удастся убедить маленькую Карлу, что́ произошло на самом деле, быть может, мы сумеем забыть об этом навсегда.

Эмиас покончил с собой, как ни трудно в это поверить.

Конец рассказа Мередита Блейка.

РАССКАЗ ЛЕДИ ДИТТИШЕМ

Я излагаю здесь всю историю моих отношений с Эмиасом Крейлом, начиная с нашего знакомства и до дня его трагической гибели.

Впервые я увидела его на приеме у одного художника. Он стоял, помнится, у окна, и я заметила его, как только вошла в комнату. Я спросила, кто это. Мне ответили: "Крейл, художник". И я сказала, что хотела бы с ним познакомиться.

В тот раз нам удалось поговорить, наверное, минут десять. Когда человек производит такое впечатление, какое Эмиас Крейл произвел на меня, попытка описать его бесполезна. Если я скажу, что, когда увидела Эмиаса Крейла, все остальные показались мне ничтожными и неприметными, это, пожалуй, будет точнее всего.

Сразу после нашего знакомства я отправилась смотреть его картины. У него была в ту пору выставка на Бонд-стрит, одна из его картин была выставлена в Манчестере, еще одна – в Лидсе и две в публичных галереях в Лондоне. Я посмотрела их все. Затем мы снова с ним встретились.

– Я видела все ваши картины, – сказала я. – Они изумительны.

Ему это понравилось.

– А кто вам сказал, что вы имеете право судить о живописи? Вряд ли вы в этом разбираетесь.

– Может, и нет, – согласилась я. – Но картины все равно чудесные.

– Не болтайте чепухи, – усмехнулся он.

– Не буду, – ответила я. – Я хочу, чтобы вы меня написали.

– Если бы вы хоть немного соображали, то поняли бы, что я не пишу портретов хорошеньких женщин.

– Это не обязательно должен быть портрет, и я не просто хорошенькая женщина.

Он взглянул на меня так, будто впервые меня увидел.

– Может, вы и правы, – сказал он.

— Значит, вы согласны? — спросила я.

Чуть склонив голову набок, он не спускал с меня внимательного взгляда.

— Вы необычное существо, верно? — спросил он.

— Я, знаете ли, довольно богата. И могу как следует оплатить вашу работу, — сказала я.

— А почему вам так хочется, чтобы я вас написал? — спросил он.

— Хочется, и все, — ответила я.

— Разве это веская причина? — спросил он.

— Да. Я всегда добиваюсь того, чего хочу, — ответила я.

— О, бедное дитя, как же вы еще молоды! — воскликнул он.

— Так вы напишете меня? — настаивала я.

Он взял меня за плечи, повернул к свету и осмотрел с головы до ног. Потом сделал шаг назад. Я стояла молча, в ожидании.

— Порой мне хотелось написать полет красочных австралийских макао, садящихся на купол собора святого Павла. Если я напишу вас на фоне нашего обычного загородного пейзажа, мне кажется, я добьюсь того же результата.

— Так вы согласны? — спросила я.

— Вы одно из когда-либо виденных мною прекраснейших созданий, насыщенных яркими, сочными, экзотическими красками. Я вас напишу!

— Значит, решено, — подытожила я.

— Но я должен предупредить вас, Эльза Грир, — продолжал он, — если я буду вас писать, я, наверное, буду добиваться близости с вами.

— Я на это надеюсь... — отозвалась я.

Я произнесла эти слова твердо и спокойно. И услышала, как у него перехватило дыхание, увидела, как загорелись глаза.

Вот как внезапно все это началось.

Через день-другой мы снова встретились. Он хочет, сказал он, чтобы я приехала к нему в Девоншир — там у него есть такое место, на фоне которого он и собирается меня писать.

— Я женат, вы, наверное, знаете? И очень люблю свою жену.

Я заметила, что, если он очень любит свою жену, значит, она славная женщина.

— Исключительно славная, — сказал он. — По правде говоря, — продолжал он, — она прелестный человек, и я ее обожаю. Поэтому примите это к сведению, милая Эльза, и ведите себя соответственно.

Я сказала, что хорошо его понимаю.

Он начал работу над картиной через неделю. Кэролайн

Крейл встретила меня довольно радушно. Я ей не очень понравилась – собственно говоря, почему я должна была ей понравиться? Эмиас вел себя осторожно. Он не сказал мне ни слова, которого не должна была бы услышать его жена, я тоже держалась с ним почтительно и формально. Но мы оба понимали – это лишь видимость.

Спустя десять дней он велел мне возвращаться в Лондон.

– Картина еще не закончена, – сказала я.

– Она толком и не начата, – объяснил он. – Честно говоря, я не могу писать вас, Эльза.

– Почему? – спросила я.

– Вы сами знаете почему, – ответил он. – И поэтому вам придется убраться отсюда. Я не могу сосредоточиться, потому что думаю только о вас.

Мы были в Оружейном саду. Стоял жаркий солнечный день. Пели птицы, и жужжали пчелы. Казалось бы, надо испытывать счастье, когда кругом мир и покой. Но я этого не чувствовала. Было что-то... трагическое в атмосфере. Как будто... как будто то, чему суждено было случиться, отразилось в этом дне.

Я понимала, что мой отъезд в Лондон ничего не изменит, но сказала:

– Хорошо. Если вы говорите, что я должна уехать, я уеду.

– Умница, – похвалил меня Эмиас.

Я уехала и ему не писала.

Он продержался десять дней, а затем приехал сам. Он так похудел, был таким изможденным и несчастным, что я испугалась.

– Я предупреждал вас, Эльза, – сказал он. – Не говорите, что я вас не предупреждал.

– Я вас ждала, – ответила я. – Я знала, что вы приедете.

У него вырвался какой-то стон, когда он сказал:

– Есть вещи, которые мужчина не в силах преодолеть. Я не могу ни спать, ни есть, ни отдыхать, потому что все время думаю о вас.

Я сказала, что знаю об этом и что испытываю те же чувства с той минуты, когда его увидела. Это – судьба, и незачем с ней сражаться.

– Но вы ведь и не особенно сражались, Эльза? – спросил он. И я ответила, что вовсе не сражалась.

Если бы я не была такой юной, сказал он, на что я ответила, что это не имеет значения. Следующие несколько недель, должна признаться, мы были счастливы. Даже не счастливы, нет, это не то слово. Это было нечто более глубокое и грозное.

Мы были рождены друг для друга, мы обрели друг друга, и оба чувствовали, что нам суждено вечно быть вместе.

Но случилось еще кое-что. Эмиаса начала преследовать мысль о незаконченной картине.

– Забавно получается, – сказал он мне. – Раньше я не мог тебя писать – ты сама мне мешала. А теперь я хочу писать тебя, Эльза. Я хочу написать тебя, и эта картина будет лучшей из написанных мною. Мне так не терпится взяться за кисть и написать тебя сидящей на старинной бойнице на фоне традиционно голубого неба и чинных английских деревьев, где ты... ты будешь диссонирующим криком торжества. Именно так я должен написать тебя, – продолжал он. – И мне нельзя мешать, пока я буду работать. Когда картина будет закончена, я скажу Кэролайн правду, и мы проясним наши запутанные отношения.

– Кэролайн устроит скандал по поводу развода? – спросила я.

– Думаю, нет, – ответил он. – Но кто знает, как поведет себя женщина?

– Жаль, – сказала я, – если она будет огорчена, но в конце концов она не первая и не последняя.

– Очень верно сказано, Эльза. Но Кэролайн не слушает, никогда не слушала и уж никак не будет слушать голос разума. Она меня любит, понятно?

Понятно, сказала я, но, мол, если она его любит, то прежде всего должна заботиться о его счастье и уж ни в коем случае не мешать ему, если он хочет обрести свободу.

– Жизнь не решается с помощью прописных истин, почерпнутых из современной литературы. Природа велит человеку бороться не на жизнь, а на смерть.

– Но разве мы все в наши дни не цивилизованные люди? – спросила я.

– Цивилизованные? – рассмеялся Эмиас. – Кэролайн, наверное, была бы рада зарубить тебя топором. Она вполне на это способна. Разве ты не понимаешь, Эльза, что она будет страдать – страдать? Знаешь ли ты, что такое страдание?

– Тогда не говори ей, – сказала я.

– Нет, – упирался он. – Разрыв неизбежен. Ты должна принадлежать мне, как полагается, Эльза. Чтобы весь мир знал об этом.

– А что, если она откажет тебе в разводе? – спросила я.

– Я этого не боюсь, – ответил он.

– Чего же тогда ты боишься? – спросила я.

– Не знаю... – медленно произнес он.

Видите, он знал Кэролайн. Я же не знала.

Если бы я представляла...

Мы вернулись в Олдербери. На этот раз обстановка была сложной. Кэролайн что-то заподозрила. Мне это не нравилось... не нравилось... ничуть не нравилось. Я всегда ненавиде-

ла обман и ложь. Я считала, что нам следует ей сказать. Эмиас и слышать об этом не хотел.

Самое забавное заключалось в том, что на самом деле ему все это было безразлично. Он любил Кэролайн и не хотел причинять ей боль, но что касается честности или лжи, то ему на это было глубоко наплевать. Он был безумно увлечен своей живописью, а все остальное для него не существовало. Мне прежде не доводилось видеть его в таком состоянии, когда он был целиком захвачен работой. Теперь-то я понимаю, что он был настоящим гением. Поэтому он, естественно, был так увлечен своим творчеством, что никакого представления о приличиях для него не существовало. Я же мыслила по-другому. Я оказалась в чудовищном положении. Кэролайн меня терпеть не могла – и была совершенно права. Единственное, что оставалось делать, – это сказать ей правду.

Но Эмиас продолжал твердить, что его нельзя беспокоить скандалами и сценами, пока он не закончит картину. А может, никакой сцены и не будет, спросила я. У Кэролайн ведь есть и чувство собственного достоинства, и гордость.

– Я хочу быть честной, – настаивала я. – Мы должны быть честными.

– К черту честность! – взорвался Эмиас. – Я пишу картину, мне некогда.

Я его понимала, он же меня понять не желал.

В конце концов я не выдержала. Кэролайн завела разговор о каких-то планах на осень. Она говорила о себе и Эмиасе с такой уверенностью, что я вдруг испытала чувство отвращения к тому, что мы совершаем, позволяя ей оставаться в полном неведении, а может, меня рассердило еще и то, что она полностью игнорировала меня, но таким образом, что придраться вроде было не к чему.

Поэтому я и высказала ей всю правду. Отчасти я и по сей день считаю, что поступила правильно. Хотя, разумеется, ни за что на это не решилась бы, если бы имела хоть малейшее понятие, к чему это приведет.

Началась ссора. Эмиас жутко разозлился на меня, но вынужден был признать, что я сказала правду.

Я никак не могла понять Кэролайн. Мы все отправились к Мередиту Блейку на чай, и Кэролайн держалась великолепно – болтала и смеялась. Я как дура решила, что она смирилась. Я чувствовала себя крайне неловко из-за того, что продолжала оставаться у них в доме, но Эмиас не смог бы закончить работу, если бы я уехала. Я надеялась, что, может, Кэролайн уедет. Нам всем было бы проще, если бы она уехала.

Я не видела, как она украла кониум. Я не хочу лгать и поэтому полагаю возможным, что она его украла, чтобы покончить с собой.

Но в глубине души я так не считаю. По-моему, она была из тех донельзя ревнивых, наделенных собственническим инстинктом женщин, которые ни за что не выпускают из рук того, что, по их мнению, им принадлежит. Эмиас был ее собственностью. Ей было легче, мне думается, его убить, нежели отдать целиком и навсегда другой женщине. По-моему, она тогда же и решила его убить. И лекция Мередита о качествах кониума только помогла ей заполучить средство для выполнения того, что она давно задумала. Она была злая и мстительная женщина и умела сводить счеты. Эмиас с самого начала знал, что она опасный человек. Я же этого не знала.

На следующее утро у них с Эмиасом состоялась финальная сцена. Бо́льшую часть их разговора я слышала, сидя на террасе. Эмиас держался превосходно – был терпелив и спокоен. Он умолял ее быть разумной. Сказал, что любит ее и ребенка и всегда будет любить. Сделает все возможное, чтобы обеспечить их будущее. Потом разозлился и заявил:

– Пойми, я намерен жениться на Эльзе, и ничто не помешает мне осуществить это намерение. Мы с тобой всегда считали возможным предоставлять друг другу свободу. Наступает минута, когда такая свобода нужна.

– Поступай как хочешь, – сказала ему Кэролайн. – Я тебя предупредила.

Произнесла она эти слова тихо, но в ее голосе звучала какая-то странная нота.

– Что ты хочешь этим сказать, Кэролайн? – спросил Эмиас.

– Ты принадлежишь мне, и у меня нет желания отпустить тебя на все четыре стороны, – сказала Кэролайн. – Я скорее тебя прикончу, нежели отдам этой девчонке...

Как раз в эту минуту на террасу вышел Филип Блейк. Я встала и пошла ему навстречу. Я не хотела, чтобы он услышал их разговор.

Затем на террасе появился и Эмиас и сказал, что пора приниматься за работу. Мы вместе отправились в Оружейный сад. Он молчал. Сказал только, что Кэролайн ничего и слышать не хочет – но, ради бога, не будем сейчас об этом говорить. Он хотел сосредоточиться на своей работе. Еще день, сказал он, и картина будет закончена.

– И это будет лучшая из моих работ, Эльза, – добавил он, – даже если за нее придется платить слезами и кровью.

Чуть позже я пошла в дом за пуловером. Дул холодный ветер. Когда я вернулась обратно в сад, там была Кэролайн. Наверное, приходила в последний раз умолять его. Филип и Мередит Блейки тоже были там. Именно в эту минуту Эмиас сказал, что хочет пить, что его пиво стало теплым.

Кэролайн обещала прислать ему пива со льда. Сказала она

это вполне естественно, почти дружеским тоном. Она была актрисой, эта женщина. Должно быть, уже решилась.

Минут через десять она принесла пиво. Эмиас писал. Она налила пиво в стакан, поставила у него под рукой. Мы на нее не смотрели. Эмиас был увлечен работой, а я обязана была сидеть неподвижно.

Эмиас выпил пиво, как всегда, залпом. Затем, скорчив гримасу, сказал, что пиво противное, но холодное.

И даже когда он это сказал, у меня не возникло ни тени подозрения. Я только засмеялась: "Гурман!"

Увидев, что он все выпил, Кэролайн ушла.

Прошло, должно быть, минут сорок, когда Эмиас пожаловался на ломоту и боль в суставах. Наверное, подхватил ревматизм, заметил он. Эмиас не выносил болезней и не любил о них говорить. Спустя минуту он весело заключил: "Возраст дает себя знать. Смотри, Эльза, ты соединяешь свою судьбу со стариком". Я засмеялась, хотя заметила, что он с трудом двигает ногами и раза два скривился от боли. Мне и в голову не могло прийти, что это вовсе не ревматизм. Потом он подвинул скамейку и полулег на нее, время от времени протягивая руку, чтобы сделать мазок на холсте то в одном месте, то в другом. Он часто так поступал, когда писал. Сидел, поглядывая то на меня, то на холст. Порой так бывало с полчаса. Поэтому такое поведение не вызвало у меня удивления.

Мы услышали гонг к обеду, но он сказал, что не пойдет. Останется в саду – есть он не хочет. Это тоже было привычным, да и не хотелось ему сидеть с Кэролайн за одним столом.

Говорил он тоже странно – словно ворчал. Но и это не было необычным – так он говорил, когда ему в картине что-то не нравилось.

За мной зашел Мередит Блейк. Он заговорил с Эмиасом, но Эмиас лишь что-то хмыкнул в ответ.

Мы вдвоем направились к дому, оставив Эмиаса в саду. Оставили одного – умирать. Я никогда не видела, как люди болеют, не разбиралась в этом, думала, что на Эмиаса нашло дурное настроение. Если бы я знала... Если бы поняла... Быть может, врач еще мог его спасти... О господи, почему я не... К чему теперь об этом думать? Я была слепой дурой. Слепой глупой дурой.

Больше рассказывать не о чем.

Кэролайн и гувернантка пошли после обеда в сад. За ними Мередит. И сейчас же прибежал обратно. Он сказал нам, что Эмиас умер.

В ту же секунду я прозрела. Я поняла, что это сделала Кэролайн. Только я не знала про яд. Я думала, что она пошла туда и либо застрелила его, либо ударила ножом.

Мне хотелось добраться до нее и убить ее...

Зачем она это сделала? Зачем? Он был таким жизнерадостным, энергичным, сильным. Лишить его всех этих качеств – превратить в холодный, неподвижный труп. Только ради того, чтобы он мне не достался.

Страшная женщина...

Страшная, жестокая, мстительная женщина, достойная только презрения...

Я ненавижу ее. До сих пор ненавижу.

Ее даже не удалось повесить.

А следовало бы...

Впрочем, и виселицы для нее было бы мало...

Я ее ненавижу... ненавижу... ненавижу...

Конец рассказа леди Диттишем.

РАССКАЗ СЕСИЛИ УИЛЬЯМС

Уважаемый мсье Пуаро!

Посылаю Вам описание событий, имевших место 19 сентября... свидетельницей которых я была.

Я излагаю их с полной искренностью, ничего не утаивая. Можете показать мое письмо Карле Крейл. Возможно, оно причинит ей боль, но я всегда была сторонницей правды. Полуправда приносит только вред. Человек должен стойко выдерживать испытания. Без наличия такого мужества жизнь не имеет смысла. Поверьте мне, больше всего беды исходит от людей, которые укрывают нас от испытаний.

Искренне Ваша

Сесили Уильямс.

Меня зовут Сесили Уильямс. Я была нанята миссис Крейл в качестве гувернантки для ее сводной сестры Анджелы Уоррен в 19.. году, когда мне было сорок восемь лет.

Я приступила к своим обязанностям в Олдербери, очень красивом поместье в южном Девоне, которое принадлежало многим поколениям семьи мистера Крейла. Я слышала, что мистер Крейл – известный художник, но познакомилась с ним только по приезде в Олдербери.

В доме жили мистер и миссис Крейл, Анджела Уоррен, которой в ту пору было тринадцать лет, и трое слуг, работавших в этой семье много лет.

Моя воспитанница оказалась интересной и многообещающей натурой. У нее были явные способности, и преподавать ей было приятно. Она была несколько несдержанна и недисцип-

линированна, но эти качества обычно присущи людям, обладающим силой духа, а я предпочитаю неординарных воспитанниц. Под руководством педагога избыток энергии может быть направлен на умение идти к цели.

В общем-то, я увидела, что Анджелу можно научить дисциплине. Она была несколько избалована – в основном с помощью миссис Крейл, которая потворствовала ей, чем могла. Влияние мистера Крейла я считала отрицательным. Он был то чересчур снисходителен, то чересчур строг безо всякой на то надобности. Он был человеком настроения, что обычно объясняют артистическим темпераментом.

Я лично никогда не могла понять, почему творческие способности человека могут служить извинением для его неумения сдерживаться. Мне работы мистера Крейла не нравились. Рисунок представлялся мне несовершенным, а краски чрезмерно яркими, но, естественно, никто меня не просил высказывать свое мнение по этому поводу.

Очень скоро я глубоко привязалась к миссис Крейл. Я восхищалась ее характером и тем, как стойко она переносит жизненные трудности. Мистер Крейл был не из верных мужей, и это, на мой взгляд, служило для нее источником огорчения. Более волевая женщина давно бы его оставила, но миссис Крейл, по-моему, такая мысль даже не приходила в голову. Она очень переживала его измены, но прощала ему. Правда, я не могу сказать, что она молчала. Она протестовала – и в полный голос!

На суде говорилось, что они жили как кошка с собакой. Я бы этого не сказала: миссис Крейл обладала чувством собственного достоинства, но они в самом деле ссорились. И я считаю это вполне естественным в подобных обстоятельствах.

Я прожила у миссис Крейл чуть больше двух лет, когда появилась мисс Эльза Грир. Она прибыла в Олдербери летом 19.. года. Ранее миссис Крейл не была с ней знакома. Мисс Грир была приятельницей мистера Крейла, и стало известно, что она приехала позировать для его очередной картины.

Было совершенно очевидно, что мистер Крейл увлечен этой особой, которая только поощряла его интерес. Вела она себя, на мой взгляд, вызывающе, ибо была откровенно неуважительна с миссис Крейл и публично флиртовала с мистером Крейлом.

Естественно, миссис Крейл мне ничего не говорила, но я видела, что она обеспокоена и подавлена, и я делала все возможное, стараясь отвлечь ее и снять тяжесть с ее души. Мисс Грир ежедневно позировала мистеру Крейлу, но я заметила, что работа у него не спорится. У них, несомненно, было еще о чем поговорить!

Моя воспитанница, к счастью, почти не замечала происхо-

дящего. Анджела в некотором отношении отставала от детей ее возраста. Хотя интеллект у нее был неплохо сформирован, ее нельзя было причислить к детям, развитым не по годам. У нее не было желания читать запрещенные книги, и она не проявляла склонности к нездоровому любопытству, которое присуще девочкам в ее возрасте.

Поэтому она не видела ничего предосудительного в дружбе между мистером Крейлом и мисс Грир. Тем не менее она невзлюбила мисс Грир и считала ее глупой. В этом она была совершенно права. Мисс Грир, на мой взгляд, получила хорошее образование, но она никогда не брала в руки книгу и была совершенно незнакома с современной литературой. Более того, она не умела поддержать беседу на интеллектуальные темы.

Ее интересы были целиком сосредоточены на собственной внешности, туалетах и мужчинах.

Анджела, по-моему, не сознавала, что ее сестра несчастна. В ту пору она не отличалась особой проницательностью. Она проводила время в шалостях, вроде лазания по деревьям или катания на велосипеде на неразумной скорости. Кроме того, она страстно увлекалась чтением, проявляя подлинный вкус в выборе книг.

Миссис Крейл всегда старалась скрыть от Анджелы свою подавленность и в присутствии девочки пыталась выглядеть бодрой и веселой.

Мисс Грир уехала обратно в Лондон, чему, надо признаться, мы все обрадовались. Слуги невзлюбили ее не меньше, чем я. Она была из тех людей, которые доставляют лишнее беспокойство, забывая при этом о благодарности.

Вскоре уехал и мистер Крейл, и, разумеется, я понимала, что он бросился вслед за этой особой. Мне было очень жаль миссис Крейл. Она крайне болезненно переживала его отъезд. Я была очень разочарована в мистере Крейле. Когда у человека прелестная, благородная, умная жена, он не имеет права плохо к ней относиться.

Однако и она, и я надеялись, что этот роман вскоре закончится. Нет, мы не беседовали друг с другом на эту тему, но она прекрасно понимала, какие чувства я испытываю.

К сожалению, несколько недель спустя эта пара снова появилась. Оказалось, работа над картиной должна быть продолжена.

Теперь мистер Крейл увлекся работой. По-видимому, мысли его были в меньшей степени заняты этой особой, нежели ее портретом. Тем не менее мне стало ясно, что завершение этого романа отличается от финалов прежних. Эта особа вонзила в него свои когти и была настроена весьма решительно. Он был воском в ее руках.

Ситуация достигла апогея в день накануне его смерти, то есть 17 сентября. Поведение мисс Грир последние дни было невыносимо наглым. Она желала самоутвердиться. Миссис Крейл вела себя так, как и подобает благородной женщине. Она была уничтожающе вежлива, но ясно давала понять мисс Грир, что́ о ней думает.

17 сентября, когда мы сидели после обеда в гостиной, мисс Грир высказалась по поводу того, как она намерена обставить эту комнату заново, когда будет жить в Олдербери.

Естественно, миссис Крейл не могла смолчать. Она потребовала объяснения, и мисс Грир имела нахальство заявить в нашем присутствии, что собирается выйти замуж за мистера Крейла. Она говорила о своем предполагаемом замужестве с человеком, который уже был женат. И кому? Его жене!

Я очень рассердилась на мистера Крейла. Как он позволил этой особе оскорблять его жену, да еще в ее собственном доме? Если он решил уйти к этой особе, то должен был сделать это сразу, а не вводить ее в дом своей жены и разрешать ей вести себя подобным образом.

Но что бы она ни испытывала в ту минуту, миссис Крейл не утратила своего достоинства. И когда в гостиную вошел ее муж, она незамедлительно потребовала у него объяснения.

Он, естественно, не мог не рассердиться на мисс Грир за ее неразумное усложнение ситуации. Помимо всего прочего, он предстал перед нами в невыгодном свете, а мужчины этого не терпят. Это никак не тешит их тщеславия.

Рослый и крупный мужчина, он стоял в дверях, робко озираясь, как напроказивший школьник. А вот его жена держалась достойно. Он вынужден был пробормотать что-то вроде того, что да, это правда, но, мол, он вовсе не хотел, чтобы это дошло до нее таким образом.

Я никогда не видела такого презрительного взгляда, каким она одарила его. И вышла из комнаты с высоко поднятой головой. Она была красивая женщина, гораздо красивее, нежели эта яркая особа. И шла она поступью королевы.

Я всем сердцем надеялась, что Эмиас Крейл будет наказан за жестокость, которую проявил, и за обиду, которую нанес этой многострадальной и благородной женщине.

Впервые я попыталась выразить свое участие миссис Крейл, но она меня остановила.

– Мы должны стараться вести себя как ни в чем не бывало. Так будет лучше, – сказала она. – Мы все пойдем на чай к Мередиту Блейку.

– По-моему, вы редкий человек, миссис Крейл, – отозвалась я.

– Вы не знаете... – пробормотала она.

Уже собравшись выйти из комнаты, она вернулась и поцеловала меня.

– Вы для меня такое утешение, – сказала она.

Она пошла к себе в комнату и, по-моему, там поплакала. Потом я увидела ее, когда они все отправились в путь. На ней была шляпа с большими полями, которые закрывали ее лицо, – она очень редко ее надевала.

Мистер Крейл чувствовал себя неловко, но старался держаться как ни в чем не бывало. Мистер Филип Блейк тоже пытался вести себя как обычно. Мисс Грир напоминала кошку, которая слизала все сливки. Она прямо-таки мурлыкала от удовольствия.

Они двинулись в путь. А вернулись около шести. Больше в этот вечер я с миссис Крейл наедине не была. За ужином она держалась очень спокойно и собранно и рано легла спать. Помоему, никто не заметил ее страданий.

Весь вечер мистер Крейл и Анджела переругивались. Опять вспомнили про школу. Он был явно не в духе, а она чересчур надоедлива. Вопрос о школе был решен давнымдавно, ей купили все нужные вещи, никакого смысла снова поднимать этот вопрос не было, но она вдруг стала заново высказывать свои претензии. Она почувствовала общую напряженность, не сомневалась я, и это оказало на нее такое же влияние, как и на других. Боюсь, я была слишком увлечена собственными мыслями и не остановила ее вовремя, как поступала обычно. Все кончилось тем, что она швырнула в мистера Крейла пресс-папье и выбежала из комнаты.

Я пошла вслед за ней и отчитала, сказав, что мне стыдно за ее ребяческое поведение, но она принялась мне возражать, и я сочла за лучшее оставить ее в покое.

Я решила было пойти в спальню к миссис Крейл, но раздумала, не желая лишний раз ее беспокоить. И очень жалею об этом: надо было еще раз поговорить с ней. Случись это, может, все было бы по-другому. У нее не было никого, кому она могла бы довериться. Хотя я восхищаюсь сдержанностью в людях, должна с горечью признать, что порой она заводит слишком далеко. Куда полезней выплеснуть свои чувства наружу.

По дороге к себе я встретила мистера Крейла. Он пожелал мне спокойной ночи, но я промолчала.

Утро следующего дня было прекрасным. Я подумала, проснувшись, что, когда вокруг такой покой, даже мужчина должен опомниться и прийти в себя.

Перед тем как спуститься вниз к завтраку, я зашла в комнату к Анджеле, но ее уже след простыл. Я подобрала с пола порванную юбку и взяла ее с собой, чтобы заставить Анджелу после завтрака заняться ее починкой.

Анджела, однако, взяв на кухне хлеб с джемом, скрылась. После завтрака я отправилась ее искать. Я рассказываю об этом, желая объяснить, почему я не была утром возле миссис Крейл, как следовало бы поступить. В ту пору я, конечно, считала себя обязанной прежде всего разыскать Анджелу. Она была крайне непослушной и упорно не желала чинить свои вещи, а я никак не могла допустить неповиновения.

Ее купальника на месте не оказалось – и я пошла на пляж. Но ни в море, ни на скалах ее не было, и я решила, что она перебралась во владения мистера Мередита Блейка. Они были большими друзьями. Я тоже в лодке перебралась через бухту и возобновила поиски. Не найдя ее, я вернулась домой. На террасе я застала миссис Крейл, мистера Блейка и мистера Филипа Блейка. Утро, если укрыться от ветра, было очень жарким, поэтому в доме и на террасе тоже было жарко. Миссис Крейл спросила у мужчин, не хотят ли они холодного пива.

При доме была небольшая теплица, пристроенная еще в эпоху королевы Виктории. Миссис Крейл она не нравилась, поэтому она ничего там не выращивала, а превратила ее в нечто вроде бара, где на полках стояли бутылки с джином, вермутом, лимонадом, имбирным пивом и прочими напитками. В холодильнике, который каждое утро наполнялся льдом, тоже держали пиво и эль.

Миссис Крейл направилась туда, чтобы взять пиво, и я пошла с ней. Возле холодильника мы застали Анджелу, которая только что вытащила оттуда бутылку с пивом.

Миссис Крейл опередила меня, сказав:

– Мне нужна бутылка пива, чтобы отнести Эмиасу.

Сейчас трудно понять, следовало ли мне в ту минуту что-либо заподозрить. Голос у нее был самый обычный. Но должна признать, что тогда я была больше сосредоточена на Анджеле, нежели на ней. Анджела стояла возле холодильника, и я была рада убедиться, что она покраснела и выглядела виноватой.

Я сделала ей выговор, и, к моему удивлению, она восприняла его безропотно. Я спросила ее, где она была. "Купалась", – сказала она. "Я не видела тебя на море", – сказала я. Она засмеялась. Затем я спросила, где ее шерстяная кофта, на что она ответила, что, должно быть, забыла ее на берегу.

Я упоминаю об этих подробностях, чтобы объяснить, почему я дала миссис Крейл возможность самой отнести пиво в Оружейный сад.

Что еще происходило в то утро, я не запомнила. Анджела, взяв коробку со швейными принадлежностями, без даль-

нейших напоминаний принялась зашивать свою юбку. Я, по-моему, тоже занималась починкой белья. Мистер Крейл к обеду не явился. Хорошо, что у него хоть на это хватило такта.

После обеда миссис Крейл сказала, что идет в Оружейный сад. Я хотела поискать на пляже кофту Анджелы. Поэтому мы пошли вместе. Она вошла за ограду, я же двинулась дальше, но ее крик заставил меня вернуться. Как я вам уже рассказывала, когда вы приходили ко мне, она попросила меня вызвать врача. По дороге я встретила мистера Мередита Блейка и вернулась обратно к миссис Крейл.

Все это я рассказала следователям и затем в суде.

Сейчас же я намерена написать то, о чем никогда не говорила ни единой живой душе. Мне не задавали вопросы, на которые я бы дала неправдивые ответы. Тем не менее на мне лежит вина за укрытие некоторых фактов, но я не жалею. Я бы снова поступила так же. Я прекрасно сознаю, что, признаваясь в этом, достойна осуждения, но не думаю, что по прошествии стольких лет кто-то воспримет мое признание всерьез – тем более что Кэролайн Крейл все равно была признана виновной.

А произошло следующее.

Я встретила мистера Мередита Блейка, как я уже сказала, и с быстротой, на какую была способна, побежала по дорожке обратно в сад. На ногах у меня были сандалии, да и поступь у меня всегда была легкой. Я вбежала в отворенную калитку и вот что увидела.

Миссис Крейл носовым платком вытирала стоявшую на столе бутылку. Сделав это, она взяла руку своего мертвого мужа и прижала его пальцы к бутылке из-под пива. Все это время она прислушивалась и была начеку. Я увидела на ее лице страх и поняла все.

Теперь я знала и не сомневалась, что Кэролайн Крейл отравила своего мужа. Но я не осуждала ее. Он сам довел ее до такого состояния, когда человек больше не в силах терпеть, и тем самым определил свою судьбу.

Я ни словом не обмолвилась об этом миссис Крейл, и она умерла, так и не узнав, чтó я видела.

Дочь Кэролайн Крейл не должна начинать свою жизнь со лжи. Как ни больно будет ей узнать правду, только правда может ей помочь.

Передайте ей от моего имени, чтобы она не осуждала мать. Ее довели до того, чего не в силах выдержать женщина, которая любит. Дочь должна понять ее и простить.

Конец рассказа Сесили Уильямс.

РАССКАЗ АНДЖЕЛЫ УОРРЕН

Уважаемый мсье Пуаро!

Выполняя данное вам обещание, я постаралась вспомнить трагические события шестнадцатилетней давности и только тогда осознала, как мало в действительности помню. А то, что этому предшествовало, вообще не зафиксировалось у меня в памяти.

Смутно помнятся мне летние дни и отдельные эпизоды, но я не могу с твердостью сказать, к какому году они относятся. Смерть Эмиаса была для меня как гром среди ясного неба. Никаких предчувствий – по-видимому, все, что к этому привело, прошло мимо меня.

Я старалась вспомнить, следовало ли того ожидать. Неужто все пятнадцатилетние девочки столь же слепы, глухи и тупы, какой была я? Может быть. По-моему, я довольно чутко улавливала настроение людей, но мне и в голову не приходило задуматься над тем, чем объясняется то или иное настроение.

Кроме того, как раз в ту пору я вдруг стала испытывать упоение словом. Книги, которые я читала, поэзия, сонеты Шекспира, эхом отзывались у меня в мыслях. Я помню, как бродила по тропинкам сада, зачарованно повторяя: "...Улыбку шлет лугам зеленым..." Эти слова звучали так прекрасно, что я твердила их себе десятки раз.

А рядом с этими волнующими открытиями были вещи, которые я любила делать с тех пор, как себя помню: плавать и лазить по деревьям, есть фрукты, дразнить конюшенного мальчика и кормить лошадей.

Без Кэролайн и Эмиаса я жизни не мыслила. Они были центральными фигурами в моем мире, но я никогда не думала про них, про их дела или про то, что они могли думать и чувствовать.

Я даже не обратила внимания на появление Эльзы Грир. Считала ее неумной и не очень привлекательной. Мне она представлялась богатой, но надоедливой женщиной, которую Эмиас взялся рисовать.

Впервые обо всей этой истории я узнала, подслушав на террасе, где однажды укрылась после обеда, как Эльза заявила, что выходит за Эмиаса замуж! Мне это показалось нелепостью. Помню, я даже решила поговорить об этом с Эмиасом. Случай представился в саду в Хэндкроссе.

– Почему это Эльза говорит, что выходит за тебя замуж? – спросила я. – Как это может быть? Двух жен иметь нельзя. За это сажают в тюрьму.

– Откуда, черт побери, тебе это известно? – разозлился Эмиас.

Я сказала, что подслушала это на террасе.

Он еще больше разозлился и заявил, что мне давно пора отправляться в школу и разучиться подслушивать.

Я до сих пор помню, как я обиделась, услышав его слова. Тем не менее, спросила я, почему Эльза говорит такие глупости?

Это шутка, ответил Эмиас.

На этом мне следовало бы успокоиться. Я и успокоилась – но не до конца.

На обратном пути я сказала Эльзе: "Я спросила у Эмиаса, что вы имели в виду, когда сказали, что выходите за него замуж, и он ответил мне, что это – шутка".

Я надеялась, что она смутится, но она лишь улыбнулась.

Мне не понравилась ее улыбка. Я поднялась к Кэролайн в комнату, когда она переодевалась к ужину, и спросила у нее прямо, может ли случиться так, что Эмиас женится на Эльзе.

Я помню ответ Кэролайн так, будто только что услышала его.

– Эмиас женится на Эльзе только после моей смерти, – четко выговаривая каждое слово, ответила она.

Я безоговорочно ей поверила. Смерть была от всех нас далеко-далеко. Тем не менее я очень рассердилась на Эмиаса за то, что он сказал днем, и весь ужин злилась на него: мы даже по-настоящему поссорились и я выбежала из комнаты, бросилась в постель и плакала, пока не уснула.

Я плохо помню визит к Мередиту Блейку, хотя ничуть не забыла, как он читал нам отрывок из "Федона", описывающий смерть Сократа. Раньше я этого никогда не слышала. Мне этот отрывок показался самым прекрасным из слышанных мною ранее вещей. Это я помню. Но когда именно это было, не помню. Мне кажется, что это могло иметь место в любой день того лета.

Не помню ничего, что было на следующее утро, хотя старательно рылась в памяти. Мне почему-то кажется, что я купалась, и еще вспоминается, что меня заставили что-то зашивать.

Но с той минуты, когда на террасу, задыхаясь, вбежал Мередит – лицо у него было серое и чужое, – я начинаю все помнить отчетливо и ясно. Я помню, как упала со стола и разбилась чашка с кофе – это сделала Эльза. Еще я помню отчаянное выражение ее лица и как она изо всех сил бросилась бежать.

Я повторяла про себя: "Эмиас умер", но поверить в это не могла.

Помню, как шел доктор Фоссет и лицо у него было мрачное. Мисс Уильямс хлопотала возле Кэролайн. Я, забытая все-

ми, бродила, попадаясь людям под ноги. Меня тошнило. Мне не позволили пойти посмотреть на Эмиаса. Потом появилась полиция, они что-то записывали и наконец на носилках унесли его тело, укрытое простыней.

Позже мисс Уильямс отвела меня к Кэролайн. Кэролайн лежала на диване. Она была белой как мел и казалась больной.

Она поцеловала меня и сказала, что мне нужно как можно быстрей уехать, что все это ужасно, но я ни в коем случае не должна ни о чем беспокоиться и как можно меньше думать. Мне следует поехать к леди Трессилиан, где уже была Карла, потому что в этом доме скоро никого не будет.

Я прижалась к Кэролайн и сказала, что не хочу уезжать. Я хотела быть с ней. Она ответила, что знает это, но мне лучше уехать и перестать беспокоиться.

– Больше всего ты поможешь своей сестре, Анджела, – вмешалась мисс Уильямс, – если безо всяких возражений выполнишь то, о чем она тебя просит.

Тогда я сказала, что сделаю все, чего хочет Кэролайн. "Вот это моя любимая Анджела", – обняла меня Кэролайн и повторила, что мне не о чем беспокоиться и лучше говорить и думать об этом как можно меньше.

Мне пришлось спуститься и побеседовать с полицейским комиссаром. Он был очень добр, спросил меня, когда я последний раз видела Эмиаса, и задал еще кучу вопросов, которые показались мне тогда довольно глупыми, но теперь я, разумеется, понимаю их смысл. Он удовлетворился тем, что я не могу поведать ему чего-то такого, о чем он еще не слышал от других, и сказал мисс Уильямс, что не возражает против моего отъезда в Ферриби-Грейндж, где жила леди Трессилиан.

Я уехала туда, и леди Трессилиан была очень добра ко мне. Но, конечно, вскоре я узнала правду. Кэролайн арестовали почти тотчас же. Я была так испугана и ошеломлена, что серьезно заболела.

Позже я услышала, что Кэролайн очень волновалась обо мне. По ее настоянию меня увезли из Англии до начала суда. Но об этом я вам уже говорила.

Как видите, рассказать я вам сумела ничтожно мало. После нашей беседы я обдумала то немногое, когда старательно вспоминала, кто как выглядел или реагировал. И не могу вспомнить ничего, что бы свидетельствовало о виновности того или иного действующего лица. Безумие Эльзы. Серое от волнения лицо Мередита. Отчаяние и ярость Филипа. Все они вели себя вполне естественно. Неужто кто-то был способен играть роль?

Я знаю только одно: Кэролайн этого не совершала.

В этом я навсегда убеждена, доказательств у меня никаких нет, кроме того, что я хорошо знала свою сестру.

Конец рассказа Анджелы Уоррен.

КНИГА III

ГЛАВА I

ВЫВОДЫ

Карла Лемаршан подняла глаза. В них застыли усталость и боль. Утомленным жестом она откинула упавшие на лоб волосы.

– Все это так сбивает с толку, – сказала она, дотронувшись до писем. – Каждый раз все случившееся описывается с новой точки зрения. Каждый видит мою мать по-своему. Но факты совпадают. В этом они не расходятся.

– Эти письма вас огорчили?

– Да. А вас нет?

– Нет. Мне они показались очень поучительными и содержательными.

Пуаро говорил медленно и задумчиво.

– Лучше бы я их не читала! – сказала Карла.

– Вот, значит, как? – внимательно взглянул на нее Пуаро.

– Они все убеждены, что мама убила отца, – горько констатировала Карла, – все, кроме тети Анджелы, а ее мнение не в счет, потому что у нее нет никаких доказательств. Она просто из тех людей, которые остаются верными, несмотря ни на что. Будет твердить до конца: "Кэролайн этого совершить не могла".

– Вам так кажется?

– А как еще мне может казаться? Еще я поняла, что, если не мама, значит, убийство совершил кто-то из этих пятерых. Я даже могу объяснить из-за чего.

– Это интересно. Ну-ка, поведайте мне.

– Но это только в теории. Возьмем, например, Филипа Блейка. Он биржевой маклер, был близким другом моего отца – отец, наверное, доверял ему. Художники обычно беспечно относятся к деньгам. Быть может, Филип Блейк оказался в стесненных обстоятельствах и воспользовался деньгами отца. Возможно, заставил отца что-то подписать. Потом вся эта история готова была просочиться наружу, и только смерть отца могла его спасти. Вот одна из версий, которые я придумала.

— Воображение у вас, я вижу, работает. Что еще?

— Возьмем Эльзу. Филип Блейк говорит, что она была слишком умна, чтобы трогать то, что не положено, то есть яд, но я вовсе так не думаю. Предположим, мама пошла к ней и сказала, что не собирается разводиться с моим отцом и ничто не принудит ее к этому. Можете говорить что хотите, но я считаю, что Эльзе с ее буржуазным воспитанием требовалось выйти замуж официально. А поэтому она вполне была в состоянии украсть яд — в тот день ей, как и другим, представилась возможность это сделать — и попытаться отравить мою мать, чтобы убрать ее с пути. По-моему, это очень похоже на Эльзу. Но совершенно случайно отрава досталась Эмиасу, а не Кэролайн.

— Тоже неплохо придумано! Что еще?

— А может... Мередит... — в раздумье произнесла Карла.

— Мередит Блейк?

— Да. Он кажется мне человеком, вполне способным на убийство. Он был медлительным, часто приходил в смятение, над ним смеялись, и в душе он, наверное, очень обижался. Затем мой отец женился на девушке, на которой он сам собирался жениться. Отец имел успех, разбогател. И потом, Мередит ведь собственноручно готовил все эти отравы! Может, он и готовил их, вынашивая мысль в один прекрасный день кого-нибудь убить. Он намеренно привлек внимание к факту пропажи яда, чтобы отвлечь подозрение от себя. Скорей всего, он сам взял этот яд. Может, даже мечтал, чтобы Кэролайн повесили, потому что когда-то она его отвергла. Знаете, мне почему-то не понравилось, как он в своем письме рассуждает о том, что люди часто совершают поступки, вовсе им не свойственные. Что, если он, когда писал, имел в виду себя самого?

— Вот тут вы правы — нельзя принимать на веру все, что написано. То, что написано, вполне может быть написано с целью сбить с толку.

— Я знаю. И все время помнила об этом.

— Еще есть идеи?

— До того, как прочесть ее письмо, — медленно сказала Карла, — я подозревала мисс Уильямс. С отъездом Анджелы в школу она теряла работу. А если Эмиас вдруг умрет, Анджела, вполне возможно, никуда не поедет. Разумеется, если бы его смерть приняли за естественную, что могло бы случиться, не хватись Мередит своего кониума. Я читала про кониум — оказывается, при вскрытии его следов можно и не обнаружить. Решили бы, что он умер от солнечного удара. Я понимаю, что потеря работы — не причина для убийства, но убийства совершаются по самым разным и необъяснимым причинам. Порой из-за ничтожно малой суммы денег. А не-

молодая и, быть может, не очень образованная гувернантка боялась, что ее ждет необеспеченное будущее.

Как я уже сказала, такие мысли у меня были до того, как я прочла письмо мисс Уильямс. Нет, на нее это вовсе не похоже. Ее ни в коем случае нельзя назвать необразованной...

– Конечно. Она очень деловая и умная женщина.

– Я знаю. Это сразу видно. И ее словам вполне можно доверять. Вот это-то меня и печалит. Вы ведь понимаете меня. Вам-то все равно. Вы с самого начала заявили, что вам нужна правда. Вот мы и получили эту правду! Мисс Уильямс совершенно права. Только правда может быть в помощь. Нельзя строить свою жизнь на лжи, я согласна. Моя мать была виновна. Она написала мне это письмо в минуту слабости – ей хотелось меня пощадить. Не мне ее судить. Быть может, на ее месте и я поступила бы так же. Я не знаю, что делает с человеком тюрьма. Я не могу ее винить – если она так отчаянно любила моего отца, она, наверное, была не в силах справиться с собой. Отца своего я тоже не виню. Я понимаю – хотя и не совсем, – что он испытывал. Такой жизнерадостный, он был полон желания обладать всем. Он не мог справиться с собой, таким он был создан. И то, что он был большим художником, многое извиняет.

Лицо у нее пылало, подбородок был упрямо вздернут.

– Значит, вы удовлетворены? – спросил Эркюль Пуаро.

– Удовлетворена? – переспросила Карла Лемаршан, и голос ее дрогнул.

Пуаро наклонился и отечески погладил ее по плечу.

– Послушайте, – начал он, – вы отказываетесь от борьбы как раз в ту самую минуту, когда ее стоит продолжать. В ту минуту, когда я, Эркюль Пуаро, понял наконец, что произошло.

Карла уставилась на него.

– Мисс Уильямс любила мою мать, – сказала она. – Она видела... видела собственными глазами, как моя мать подделывала улики в пользу версии о самоубийстве. Если вы верите тому, что она пишет...

Эркюль Пуаро встал.

– Мадемуазель, именно потому, что Сесили Уильямс утверждает, что видела, как ваша мать делала попытку фальсифицировать отпечатки пальцев Эмиаса Крейла на бутылке из-под пива – на бутылке, обратите внимание! – именно поэтому я и делаю окончательный вывод: ваша мать невиновна!

Он несколько раз кивнул головой и вышел из комнаты, а Карла долго смотрела ему вслед.

ГЛАВА II

ПЯТЬ ВОПРОСОВ ПУАРО

I

– Слушаю вас, мсье Пуаро. – В голосе Филипа Блейка слышалось нетерпение.

– Я должен поблагодарить вас за превосходное и ясное изложение событий, имевших отношение к трагедии Крейлов.

Филип Блейк чуть смутился.

– Очень любезно с вашей стороны, – пробормотал он. – Я сам удивился тому, сколько вспомнилось, когда я принялся это записывать.

– Это был исключительно четкий рассказ, но в нем коечто пропущено, не так ли?

– Пропущено? – нахмурился Филип Блейк.

– Ваше повествование было, скажем так, не совсем откровенным. – В голосе его появилась твердость. – Мне дали знать, мистер Блейк, что, по крайней мере однажды, тем летом видели, как миссис Крейл вышла из вашей комнаты в довольно поздний час.

Наступило молчание, прерываемое только тяжелым дыханием Филипа Блейка.

– Кто вам это сказал? – наконец спросил он.

– Не имеет значения, – покачал головой Эркюль Пуаро. – Важно то, что мне это известно.

Опять молчание. Затем Филип Блейк принял решение.

– По-видимому, волею случая вам довелось прикоснуться к личному в моей жизни, – сказал он. – Я согласен, что это никак не увязывается с тем, что я написал. Тем не менее это увязывается гораздо больше, чем вы полагаете. Что ж, я вынужден поведать вам правду.

Я действительно испытывал чувство неприязни к Кэролайн Крейл. И одновременно – сильное влечение. Возможно, именно влечение вызвало неприязнь. Меня возмущала ее власть надо мной, и я пытался избавиться от чувства влечения к ней тем, что постоянно размышлял о ее дурных качествах. Мне она никогда не нравилась, если вы понимаете, о чем я говорю, но я без труда мог бы сойтись с ней. Еще мальчишкой я был влюблен в нее, но она не обращала на меня внимания. Этого простить я не мог.

Когда Эмиас окончательно потерял голову из-за этой девчонки Грир, у меня появился шанс. Ни о чем как следует не подумав, я вдруг объяснился Кэролайн в любви. Она спокойно ответила: ”Я всегда об этом знала”. Подумайте только, какая наглость!

Разумеется, я понимал, что она меня не любит, но она была выведена из равновесия и расстроена последним увлечением Эмиаса. В таком настроении женщину нетрудно завоевать. В ту ночь она согласилась прийти ко мне. И пришла.

Блейк помолчал. Ему было трудно говорить.

– Она пришла ко мне. А потом, когда я ее обнял, она спокойно заявила, что из этого ничего не получится. Она всю жизнь любила и будет любить только одного человека. Что бы ни произошло, она принадлежит только Эмиасу Крейлу. Она согласилась, что дурно обошлась со мной, но сказала, что ничего не может с собой поделать. И попросила у меня прощения.

И ушла. Ушла от меня. Приходится ли удивляться, мсье Пуаро, что моя ненависть к ней возросла во сто крат? Приходится ли удивляться, что я никогда ей этого не простил? Не простил нанесенного оскорбления, а также того, что она убила друга, которого я любил больше всех на свете! – И, дрожа всем телом, Филип Блейк воскликнул: – Я не хочу об этом говорить, слышите? Вы получили ответ. А теперь уходите! И никогда не упоминайте при мне об этом!

II

– Мне бы хотелось знать, мистер Блейк, в каком порядке ваши гости вышли в тот день из лаборатории?

– Дорогой мой мсье Пуаро, – запротестовал Мередит Блейк, – как можно об этом помнить спустя шестнадцать лет? Я сказал вам, что последней ушла Кэролайн.

– Вы уверены?

– Да. По крайней мере... По-моему...

– Пойдемте туда. Нам нельзя сомневаться.

С явной неохотой Мередит Блейк направился в лабораторию. Он отпер дверь и раскрыл ставни.

– А теперь, мой друг, – властно заговорил Пуаро, – вы демонстрируете вашим друзьям настойки из трав. Закройте глаза и думайте...

Мередит Блейк покорно закрыл глаза. Пуаро вытащил из кармана носовой платок и тихо поводил им в воздухе. Ноздри у Блейка еле приметно зашевелились, и он пробормотал:

– Да, да, просто удивительно, как все вспоминается. На Кэролайн было платье цвета кофе с молоком. Филу явно было скучно... Он всегда считал мое увлечение идиотским.

– А сейчас припомните, как вы уходили. Шли в библиотеку, где вы собирались читать отрывок, описывающий смерть Сократа. Кто вышел из комнаты первым?

– Эльза. Она вышла первой. За ней я. Мы разговарива-

ли. Я остановился, ожидая, пока выйдут остальные, чтобы запереть дверь. Филип... Да, следующим вышел Филип. За ним Анджела. Она спрашивала у него, что значит на бирже играть на повышение и на понижение. Они прошли через холл. За ними шел Эмиас. Я стоял и ждал – Кэролайн, конечно.

– Значит, вы совершенно уверены, что последней была Кэролайн? Что же она там делала?

– Не знаю, – покачал головой Блейк. – Я стоял спиной к комнате. Я разговаривал с Эльзой. По-моему, рассказывал ей, что некоторые растения, согласно старинному суеверию, полагается собирать только в полнолуние. А затем торопливо вышла Кэролайн, и я запер дверь.

Он замолчал и взглянул на Пуаро, который прятал платок в карман. Мередит Блейк повел носом и с отвращением подумал: "Этот человек пользуется духами!"

– Вот теперь я уверен, – сказал он, – мы вышли из лаборатории в таком порядке: Эльза, я, Филип, Анджела, Эмиас и Кэролайн. Поможет это вам?

– Да, картина становится ясной, – ответил Пуаро. – Послушайте, мне хотелось бы, чтобы вы собрали их всех здесь. Это, наверное, не будет слишком затруднительно?..

III

– Слушаю вас.

Эльза Диттишем произнесла это с любопытством – как ребенок.

– Мне хотелось бы задать вам вопрос, мадам.

– Да?

– После того как все было кончено, после суда, Мередит Блейк сделал вам предложение?

Эльза уставилась на Пуаро. Потом в ее глазах появилось презрение, даже скука.

– Да. А что?

– Вы были удивлены?

– Я? Не помню.

– И что же вы ответили?

Эльза рассмеялась.

– Что, по-вашему, я могла ответить? После Эмиаса – Мередит? Это смешно! А с его стороны глупо. Впрочем, он никогда не отличался умом. – Она вдруг улыбнулась. – Он хотел, понимаете ли, защитить меня, "заботиться обо мне", как он выразился! Он, как и все прочие, считал, что процесс был для меня тяжким испытанием – репортеры, и улюлюкающая толпа, и та грязь, которой меня закидали! – С минуту она сидела в раздумье. А затем сказала: – Бедняга Мередит! Какой же он осел! – И снова рассмеялась.

IV

Опять Эркюля Пуаро встретил проницательный взгляд мисс Уильямс, и снова ему показалось, что годы куда-то исчезли и он превратился в робкого, пугливого мальчишку.

Есть вопрос, который ему хотелось бы задать, объяснил он.

Мисс Уильямс выразила желание узнать, что за вопрос.

– Анджеле Уоррен еще в младенчестве, – медленно, тщательно подбирая слова, заговорил Пуаро, – было причинено увечье. В своих записях я дважды натолкнулся на упоминание об этом факте. В одном месте говорится, что миссис Крейл швырнула в нее пресс-папье. В другом – что она ударила девочку кочергой. Какая из версий соответствует действительности?

– Я никогда ничего не слышала про кочергу, – быстро ответила мисс Уильямс. – Я знаю только про пресс-папье.

– Кто вам сказал?

– Сама Анджела. Она рассказала мне об этом вскоре после моего появления в Олдербери.

– Будьте добры дословно передать, что она вам рассказала.

– Она дотронулась до своей щеки и сказала: "Это сделала Кэролайн, когда я была совсем маленькой. Она бросила в меня пресс-папье. Но, пожалуйста, никогда про это не говорите, потому что она очень расстраивается".

– А сама миссис Крейл упоминала об этом?

– Только косвенно. Она считала, что мне эта история известна. Я помню, как она однажды сказала: "Я знаю, вы полагаете, что я балую Анджелу, но, видите ли, я постоянно чувствую, что ничем не могу искупить свою вину перед ней". А в другой раз она сказала: "Знать, что ты на всю жизнь изувечила человека, – это самая тяжкая ноша, которую можно вынести".

– Благодарю вас, мисс Уильямс. Это все, что я хотел знать.

– Я не понимаю вас, мсье Пуаро, – резко отозвалась мисс Уильямс. – Вы показали Карле мое письмо?

Пуаро кивнул.

– И тем не менее вы продолжаете... – Она умолкла.

– Задумайтесь на минуту, – попросил Пуаро. – Если вы проходите мимо лавки торговца рыбой и видите на прилавке с десяток рыб, вы уверены, что это – настоящие рыбы, не так ли? А ведь одна из них может оказаться подделкой.

Мисс Уильямс возразила с горячностью:

– Вряд ли, и во всяком случае...

– Вряд ли, да, но и вполне возможно – потому что однажды мой приятель показал мне чучело рыбы (он их неплохо делал, должен сказать) рядом с настоящей рыбой. И если бы

вам довелось увидеть в декабре вазу с цветами магнолии, вы бы решили, что цветы искусственные, а они могли оказаться и настоящими, если их самолетом доставили из Багдада.

– К чему вы мне все это говорите? – рассердилась мисс Уильямс.

– Чтобы объяснить вам, что, когда что-нибудь видишь, следует подумать, зачем это делается...

V

Пуаро чуть замедлил шаг, приблизившись к многоквартирному дому, который выходил на Риджентс-парк.

В общем-то, если как следует подумать, у него вовсе не было никакого желания расспрашивать о чем-либо Анджелу Уоррен. С единственным вопросом, который ему хотелось задать, можно было не спешить...

На самом деле его пригнала сюда ненасытная жажда к точности. Пять человек – значит, должно быть и пять вопросов? Тогда все завершалось более четко.

Ладно, что-нибудь он придумает.

Анджела Уоррен встретила его несколько нетерпеливо.

– Выяснили что-нибудь? – спросила она. – Добрались до истины?

Пуаро медленно закивал головой на манер китайского мандарина.

– Прогресс по крайней мере есть, – сказал он.

– Филип Блейк? – Она скорей утверждала, нежели спрашивала.

– Мадемуазель, пока я ничего не могу сказать. Эта минута еще не настала. Не откажите в любезности приехать в Хэндкросс-Мэнор. Все остальные уже дали согласие.

– А что вы намерены там делать? – чуть нахмурившись, спросила она. – Воссоздать картину того, что случилось шестнадцать лет назад?

– Пожалуй, не воссоздать, а прояснить под несколько другим углом. Приедете?

– Приеду, – согласно кивнула Анджела Уоррен. – Интересно увидеть снова всех этих людей. Я, наверное, увижу их под несколько другим, более острым углом, как вы изволили выразиться, нежели прежде.

– И привезете с собой письмо, которое показывали мне?

– Это письмо адресовано только мне, – нахмурилась Анджела Уоррен. – Я показала его вам из лучших побуждений, но у меня вовсе нет намерения позволить чужим и малосимпатичным мне людям его читать.

– Может, вы не откажетесь руководствоваться в этом случае моими советами?

– Откажусь. Я привезу письмо с собой, но руководствоваться буду собственными соображениями, которые, осмелюсь сказать, ничуть не хуже ваших.

Пуаро поднял руки, показывая, что смирился с судьбой. Он встал и собрался уходить.

– Вы позволите мне задать вам один небольшой вопрос? – спросил он.

– О чем?

– В ту пору, когда произошла трагедия, вы читали "Луну и грош" Сомерсета Моэма, не так ли?

Анджела вытаращила глаза.

– По-моему, да. Совершенно верно. – И, не скрывая любопытства, спросила: – А откуда вы узнали?

– Я хотел показать вам, мадемуазель, что и в малых, не имеющих принципиального значения делах я в некотором роде волшебник. Есть вещи, которые я знаю, даже когда мне об этом не говорят.

ГЛАВА III

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Послеполуденное солнце заливало своим светом лабораторию в Хэндкросс-Мэнор. В комнату внесли несколько стульев и кушетку, но они скорее подчеркивали заброшенность этого помещения, нежели служили ему обстановкой.

Смущенно пощипывая усы, Мередит Блейк в каких-то отрывочных фразах вел беседу с Карлой.

– Господи, – перебив самого себя, не выдержал он, – до чего же ты похожа на свою мать и вместе с тем какая-то другая!

– Чем же я похожа и чем не похожа? – спросила Карла.

– Такие же глаза и волосы, та же поступь, но ты – как бы это сказать? – более уверена в себе, чем она.

Филип Блейк, наморщив лоб, выглянул из окна и нетерпеливо забарабанил по стеклу.

– Какой во всем этом смысл? Чудесный субботний день...

Эркюль Пуаро поспешил успокоить его:

– О, прошу меня извинить – я знаю, нарушать игру в гольф непростительно. Mais voyons*, мсье Блейк, вот дочь вашего лучшего друга. Поступитесь ради нее игрой.

– Мисс Уоррен, – доложил дворецкий.

Мередит пошел ей навстречу.

– Спасибо, что нашла время приехать, Анджела, – сказал он. – Я знаю, что ты очень занята.

*Но посмотрите (*франц.*).

Он подвел ее к окну.

— Здравствуйте, тетя Анджела,— поздоровалась с ней Карла. — Сегодня утром я читала вашу статью в "Таймс". Как приятно иметь такую знаменитую родственницу. — Она показала на высокого молодого человека с квадратным подбородком и спокойным взглядом серых глаз. — Это Джон Рэттери. Мы с ним... собираемся пожениться.

— А я и не знала... — удивилась Анджела Уоррен.

Мередит отправился навстречу очередной гостье.

— Мисс Уильямс! Сколько же лет мы не виделись!

Худенькая, хрупкая, но по-прежнему энергичная, в комнату вошла старушка гувернантка. На секунду ее глаза задумчиво остановились на Пуаро, потом она перевела их на высокую широкоплечую женщину в твидовом костюме отличного покроя.

Анджела Уоррен двинулась к ней с улыбкой.

— Я чувствую себя снова школьницей.

— Я очень горжусь тобой, моя дорогая, — отозвалась мисс Уильямс. — Ты делаешь мне честь. А это Карла, наверное? Она меня, конечно, не помнит. Была еще совсем малышкой...

— В чем дело? — сердился Филип Блейк. — Никто мне не сказал...

— Я предлагаю назвать нашу встречу, — заговорил Эркюль Пуаро, — путешествием в прошлое. Давайте сядем и приготовимся к встрече последней нашей гостьи. Как только она явится, мы приступим к делу — будем вызывать духов.

— Что за глупости? — воскликнул Филип Блейк. — Уж не собираетесь ли вы заниматься спиритизмом?

— Нет, нет. Мы собираемся только воссоздать некоторые события, имевшие место много-много лет назад, — воссоздать и, быть может, уточнить, как они происходили. Что же касается духов, то они вряд ли материализуются, но кто может утверждать, что их нет здесь, среди нас, только мы их не видим? Кто может сказать, что Эмиаса и Кэролайн Крейл нет здесь в комнате и что они не слышат нас?

— Полная чепуха... — заговорил было Филип Блейк, но замолчал, потому что дверь открылась и дворецкий доложил о прибытии леди Диттишем.

Вошла Эльза Диттишем. Всем своим видом она показывала, как ей все это надоело и неинтересно. Она чуть улыбнулась Мередиту, окинула холодным взглядом Анджелу и Филипа и села на стул у окна, стоявший чуть поодаль от других. Расстегнув роскошную горжетку из светлого меха, она откинула ее назад, на спину. Минуту-другую она оглядывалась, потом, заметив Карлу, присмотрелась к ней, а Карла в свою очередь не сводила глаз с той, что разрушила жизнь ее родителей. На ее юном задумчиво-серьезном лице не было враж-

дебности, на нем отражалось лишь любопытство.

– Извините за опоздание, мсье Пуаро, – сказала Эльза.

– Благодарю вас за то, что вы пришли, мадам.

Еле слышно фыркнула Сесили Уильямс. Эльза совершенно равнодушно встретила ее враждебный взгляд.

– Я бы ни за что не узнала тебя, Анджела, – проронила она. – Сколько же лет прошло? Шестнадцать?

Эркюль Пуаро не упустил этой возможности.

– Да, прошло шестнадцать лет с тех пор, как случились события, о которых мы намерены сегодня поговорить, но сначала позвольте мне объяснить вам, почему мы собрались здесь.

И вкратце он рассказал о просьбе к нему Карлы и о своем согласии выполнить эту просьбу.

Не обращая внимания на готовящуюся вот-вот разразиться грозу, которая отразилась на лице Филипа, и на возмущенное лицо Мередита, он быстро продолжал:

– Я принял это предложение и тотчас занялся выяснением правды...

Эти слова словно издалека доносились до Карлы Лемаршан, сидящей в большом вольтеровском кресле.

Прикрыв рукой глаза, она незаметно вглядывалась в лица пятерых людей. Кто из них способен на убийство? Красавица Эльза, багровощекий Филип, добрый, славный мистер Мередит Блейк, суровая, мрачная гувернантка или хладнокровная и деловая Анджела Уоррен?

Может ли она – если постараться изо всех сил – представить себе, как кто-либо из них убивает человека? Да, может, но это было бы совсем другое убийство. Она может представить себе, как Филип Блейк в приступе ярости душит женщину – да, это можно представить... Можно представить, как Мередит Блейк нацеливает на грабителя револьвер и нечаянно спускает курок... Можно представить, что и Анджела Уоррен стреляет из револьвера, только вряд ли нечаянно. Не из каких-то личных побуждений, нет, ну, например, если от этого зависит судьба экспедиции. И Эльза в каком-то фантастическом замке, сидя на кушетке, крытой восточными шелками, говорит: "Выбросите эту нечисть в ров за стену крепости!" Приходят же в голову такие нелепые мысли, но даже в самой нелепой из нелепых она не могла представить себе, как совершает убийство маленькая мисс Уильямс. Еще одна картина: "Вы когда-нибудь совершали убийство, мисс Уильямс?" – "Занимайся арифметикой, Карла, и не задавай глупых вопросов. Убить человека – это большое зло".

"Я, наверное, сошла с ума, надо прогнать эти мысли. Прислушайся лучше ты, дурочка, прислушайся к словам это-

го маленького человека, который утверждает, что знает все", – приказала себе Карла.

А Эркюль Пуаро говорил:

– В мою задачу входило дать задний ход, вернуться на много лет назад и узнать, что произошло на самом деле.

– Мы все давно знаем, что произошло, – возразил Филип Блейк. – Сделать вид, будто случилось что-то другое, – это откровенное мошенничество. Вы под явно фальшивым предлогом вымогаете у этой девушки деньги.

Пуаро не позволил себе рассердиться.

– Вы утверждаете, что вам всем известно, что произошло, – сказал Пуаро, – но говорите это, не подумав как следует. Принятая судом версия случившегося не всегда истина в последней инстанции. Вот, например, вы, мистер Блейк, было принято считать, питали неприязнь к Кэролайн Крейл. Но человек, хоть чуть-чуть разбирающийся в психологии, может тотчас заметить, что имело место как раз обратное явление. Вы испытывали страстную привязанность к Кэролайн Крейл. Вы отвергали этот факт и пытались бороться с этим чувством, то и дело напоминая себе о ее недостатках и искусственно возбуждая в себе неприязнь к ней. Что же касается мистера Мередита Блейка, то он, считали все, был предан Кэролайн Крейл всей душой. В своем повествовании о случившемся он рассказывает о том, как его возмущало отношение к ней Эмиаса Крейла, но если вчитаться внимательно, то между строк можно заметить, что эта преданность давным-давно изжила себя и что его душа и разум были целиком заняты юной прекрасной Эльзой Грир.

Мередит что-то залепетал, а леди Диттишем улыбнулась.

– Я упоминаю об этих фактах только в качестве иллюстрации, – продолжал Пуаро, – хотя они имеют и непосредственное отношение к тому, что произошло. Итак, я начинаю путешествие в прошлое, чтобы выяснить все что можно о случившейся трагедии. Но прежде я скажу вам, что я уже проделал. Я переговорил с защитником, который выступал на процессе по делу Кэролайн Крейл, с помощником прокурора, со старым адвокатом, который хорошо знал семью Крейлов, с клерком адвокатской фирмы, постоянно присутствовавшим на судебных заседаниях, с офицером полиции, который расследовал это дело, и, наконец, с пятью свидетелями, которые были непосредственными участниками разыгравшихся событий. Из всех этих разговоров у меня сложилось определенное мнение о женщине, признанной виновной, также мне стали известны следующие факты:

что Кэролайн Крейл ни разу не заявила о своей невиновности (за исключением письма, адресованного ее дочери);

что Кэролайн Крейл, давая показания, не проявляла страха; что она держалась безучастно; что она, казалось, заранее смирилась со своей участью; что в тюрьме она держалась спокойно и сдержанно; что в письме, написанном сестре сразу после вынесения приговора, она выражала согласие с выпавшей на ее долю судьбой. И по мнению всех, с кем я беседовал (за одним примечательным исключением), Кэролайн Крейл была виновна.

– Конечно, была, – кивнул головой Филип Блейк.

– Но я вовсе не считал себя обязанным, – продолжал Эркюль Пуаро, – полагаться на чужое мнение. Я решил лично проверить все доказательства. Подвергнуть сомнению факты и убедиться, что они соответствуют психологии участников событий. Для этого я тщательно перечитал материалы дела, а также заставил пятерых участников событий собственноручно описать все, чему они были свидетелями. Эти письма оказались весьма ценными, ибо содержали определенный материал, опущенный в полицейском досье, а именно: а) беседы и происшествия, которые с точки зрения полиции не представляли интереса; б) предположения о том, что Кэролайн Крейл думала и чувствовала (с точки зрения юриспруденции они не могли служить доказательством); в) определенные факты, которые были умышленно скрыты от полиции.

Теперь я мог судить о деле лично. Казалось, не было сомнения, что у Кэролайн Крейл имелись основательные мотивы для совершения преступления. Она любила своего мужа, он публично признался, что намерен оставить ее ради другой женщины, и, по ее собственному признанию, она была человеком ревнивым.

Если перейти от мотивов к средствам, то пустой флакон из-под духов, в котором затем был кониум, был найден в ящике ее бюро. Кроме ее отпечатков пальцев, других на нем не было. Когда полиция спросила ее об этом, она призналась, что взяла кониум из комнаты, где мы сейчас находимся. На бутылке с кониумом также были найдены отпечатки ее пальцев. Я спросил у мистера Мередита Блейка, в каком порядке пять человек вышли из этой комнаты в тот день, ибо поверить в то, что кто-то на глазах у других мог отлить кониум, было трудно. Вот в каком порядке вы вышли из комнаты: Эльза Грир, Мередит Блейк, Анджела Уоррен и Филип Блейк, Эмиас Крейл и, наконец, Кэролайн Крейл. Более того, мистер Мередит Блейк в ожидании миссис Крейл стоял спиной к дверям, а потому не мог видеть, что она там делает. Поэтому ей представилась, так сказать, возможность сделать это незаметно. Вот почему я не сомневаюсь, что кониум действительно взяла она. Тому есть косвенное под-

тверждение. Мистер Мередит Блейк сказал мне на днях: "Вот именно здесь я стоял, вдыхая запах цветущего жасмина". Но был сентябрь месяц, и куст жасмина под окном никак не мог быть в цвету. Жасмин обычно цветет в июне и июле. А вот во флаконе, найденном в комнате Кэролайн, в котором оказались остатки кониума, прежде были духи с запахом жасмина. Отсюда следует, что миссис Крейл, решив украсть кониум, тайком опорожнила флакончик с духами, который был у нее в сумке.

Переходим к утру следующего дня. Пока все факты совпадают. Мисс Грир внезапно объявила о том, что мистер Крейл и она решили пожениться, Эмиас Крейл это подтвердил, чем очень огорчил Кэролайн Крейл. Об этом говорят все свидетели.

А вот утром рокового дня имеет место ссора между мужем и женой в библиотеке. Первое, что было слышно, — это как Кэролайн Крейл зло сказала: "Ты и твои женщины!", а потом: "Когда-нибудь я тебя прикончу". Филип Блейк услышал это из холла. А мисс Грир — с террасы.

Затем она услышала, как мистер Крейл просил жену вести себя разумно. На что миссис Крейл ответила: "Я скорее тебя убью, нежели отдам этой девице". Вскоре после этого на террасе появился Эмиас Крейл, который бесцеремонно велел Эльзе Грир идти в сад и позировать ему. Она поднялась наверх за пуловером и пошла в сад вместе с Крейлом.

Пока нет ничего, что может быть квалифицировано как психологическое несоответствие. Каждый ведет себя так, как ожидается. Но далее мы подходим к тому, что не подкреплено логикой.

Мередит Блейк обнаруживает пропажу кониума, звонит брату; они встречаются возле причала и проходят вместе мимо Оружейного сада, где Кэролайн Крейл спорит с мужем по поводу отъезда Анджелы в школу. Вот это представляется мне весьма странным. Между мужем и женой произошел скандал, который кончился явной угрозой со стороны Кэролайн, и тем не менее минут через двадцать или около того она идет к нему, и они обсуждают повседневные домашние заботы.

Пуаро повернулся к Мередиту Блейку.

— В вашем письме вы упомянули, что слышали, как Крейл выкрикнул: "Все решено — я ее провожу". Правильно?

— Да, что-то вроде этого, — подтвердил Мередит Блейк.

— А вам что помнится? — обратился Пуаро к Филипу Блейку.

— Я вспомнил эти слова, — нахмурился Филип, — только когда вы их повторили. Но теперь да, я их помню. Действительно что-то было сказано про проводы.

– Сказано мистером Крейлом или миссис Крейл?

– Эмиасом. Кэролайн говорила, что девочке будет трудно. Но какое это имеет значение? Мы все знаем, что через день-другой Анджеле предстояло отправиться в школу.

– Вам не понятно, о чем я толкую? Почему Эмиас Крейл должен был провожать девочку? Здесь нет смысла. В доме были миссис Крейл, мисс Уильямс, наконец, горничная. Проводить девочку – обязанность женщины, а не мужчины.

– Какое это имеет значение? – раздраженно повторил Филип. – Что тут общего с преступлением?

– Вы так думаете? Это было первое, что навело меня на размышления. А за ним немедленно последовало второе. Миссис Крейл, пребывающая в отчаянии, с разбитым сердцем, женщина, которая незадолго до этого угрожала мужу и которая думает об убийстве или самоубийстве, вдруг весьма охотно предлагает ему принести пива со льда.

– Ничего тут нет странного, если она решила отравить его, – медленно проговорил Мередит Блейк. – Именно так ей и следовало поступить. Прикинуться доброй.

– Вы полагаете? Она решила отравить мужа, яд у нее уже был. В Оружейном саду у ее мужа есть запас пива. Будь она хоть чуть-чуть сообразительней, она бы, когда поблизости никого не было, вылила яд в одну из этих бутылок.

– Она не могла этого сделать, – возразил Мередит Блейк. – Потому что это пиво мог выпить кто-нибудь другой.

– Да, например, Эльза Грир. Вы хотите убедить меня, что, приняв решение убить своего мужа, Кэролайн Крейл мучилась бы вопросом: а вдруг она по ошибке убьет свою соперницу?

Не будем об этом спорить. Ограничимся фактами. Кэролайн Крейл обещает мужу прислать пива со льда. Она возвращается в дом, берет из кладовой, где хранится пиво, бутылку и несет ему. Она наливает пиво в стакан, Эмиас Крейл залпом выпивает его и говорит: "Сегодня у всего какой-то противный привкус".

Миссис Крейл снова возвращается в дом. Она обедает и при этом ведет себя как всегда. Кто-то упомянул, что она выглядела чуть возбужденной и рассеянной. Это нам не в помощь – ибо нет критерия для поведения убийцы. Есть убийцы спокойные и есть возбужденные.

После обеда она снова идет в Оружейный сад. Там она обнаруживает своего мужа мертвым и поступает, скажем, так, как от нее ожидается. Она проявляет волнение и посылает гувернантку к телефону, чтобы вызвать врача. Сейчас мы подошли к факту, который ранее нам не был известен. – Он посмотрел на мисс Уильямс. – Вы не возражаете?

Мисс Уильямс побледнела.

– Я не брала с вас слово держать мой рассказ в секрете, – отозвалась она.

Спокойно, но со значением Пуаро пересказал то, что увидела гувернантка.

Эльза Диттишем зашевелилась и внимательно всмотрелась в сидевшую в большом кресле пожилую женщину.

– Вы в самом деле видели, как она это делала? – недоверчиво спросила она.

– Вот и решение! – вскочил Филип Блейк. – Вот и окончательное решение.

– Совсем не обязательно, – мягко возразил Эркюль Пуаро.

– Я этому не верю, – резко заявила Анджела Уоррен, и во взгляде, который она бросила на маленькую гувернантку, блеснула неприязнь.

Мередит Блейк теребил свои усы, на лице его отражалось полное смятение. Одна мисс Уильямс оставалась спокойной. Она сидела очень прямо, а на щеках у нее горело по красному пятну.

– Именно это я и видела, – подтвердила она.

– Разумеется, мы можем положиться только на ваше слово... – словно в раздумье сказал Пуаро.

– Вот именно. – Отважный взгляд серых глаз встретился с его взглядом. – Я не привыкла, мсье Пуаро, к тому, чтобы мне не верили.

Эркюль Пуаро поклонился.

– Я не сомневаюсь в ваших словах, мисс Уильямс, – сказал он. – То, что вы видели, произошло именно так, как вы утверждаете, и именно по этой причине я и делаю вывод, что Кэролайн Крейл была невиновна – не могла быть виновной.

Впервые возбужденно заговорил высокий молодой человек.

– Мне бы хотелось узнать, почему вы так говорите, мсье Пуаро, – спросил Джон Рэттери.

– С удовольствием вам объясню, – повернулся к нему Пуаро. – Мисс Уильямс видела, как Кэролайн Крейл, оглядываясь по сторонам, тщательно вытирает бутылку из-под пива, а потом прикладывает к ней пальцы своего покойного мужа. К бутылке из-под пива, заметьте. Но кониум был найден в стакане, а не в бутылке. Полиция не нашла и следов кониума в бутылке. Потому что его там не было. А Кэролайн Крейл этого не знала.

Она, которая, как считают, отравила своего мужа, не знала, где был яд. Она полагала, что яд был в бутылке.

– Но почему... – возразил было Мередит.

– Правильно – почему? – тут же перебил его Пуаро. – Почему Кэролайн Крейл так упорно отстаивала версию о са-

моубийстве? Ответ очень прост. Потому что она знала, кто отравил его, и готова была сделать все, стерпеть все, только чтобы на этого человека не пало подозрение.

Отсюда недалеко и до конца нашей истории. Кто же был этот человек? Стала бы она покрывать Филипа Блейка? Или Мередита? Или Эльзу Грир? Или Сесили Уильямс? Нет, существовал только один человек, которого она была готова защищать, чего бы ей это ни стоило.

Он умолк.

– Мисс Уоррен, – продолжал он, – если вы привезли с собой последнее письмо вашей сестры, мне бы хотелось прочитать его вслух.

– Нет, – сказала Анджела Уоррен.

– Но, мисс Уоррен...

Анджела встала.

– Я прекрасно понимаю, на что вы намекаете. – В голосе ее зазвенела сталь. – Вы хотите сказать, что это я убила Эмиаса Крейла и что моя сестра знала об этом, не так ли? Я полностью отвергаю ваше обвинение.

– Письмо... – опять начал Пуаро.

– Письмо предназначено только для моих глаз.

Пуаро посмотрел на стоявших рядом двух самых молодых в комнате людей.

– Прошу вас, тетя Анджела, – сказала Карла Лемаршан, – сделайте то, о чем просит вас мсье Пуаро.

– Подумай, что ты говоришь, Карла? – с горечью отозвалась Анджела Уоррен. – Неужто у тебя нет уважения к памяти твоей матери?..

– Кэролайн Крейл была моей матерью, – твердо и четко произнесла Карла. – Поэтому я имею право просить вас. Я говорю от ее имени. Я хочу, чтобы это письмо было прочитано.

Анджела Уоррен медленно вынула из сумки письмо и подала его Пуаро.

– Зачем только я вам его показала? – с горечью произнесла она.

И, отвернувшись, стала смотреть в окно.

Пока Пуаро читал вслух последнее письмо Кэролайн Крейл, по углам комнаты сгустились тени. И Карле вдруг почудилось, будто в комнате появился кто-то еще, кто слушает, дышит, ждет. "Она здесь, – подумала она, – мама здесь. Кэролайн Крейл здесь, в этой комнате".

Эркюль Пуаро кончил читать.

– Мне кажется, вы все согласны, что это удивительное письмо. Прекрасное письмо, но очень странное. Ибо в нем опущено самое главное: она не опровергает обвинения.

– В этом не было необходимости, – сказала Анджела Уоррен, не оборачиваясь.

– Да, мисс Уоррен, в этом не было необходимости. Кэролайн Крейл незачем было уверять свою сестру в собственной невиновности, потому что она считала, что ее сестра отлично об этом знает. Больше всего в ту минуту Кэролайн Крейл хотела успокоить и утешить свою сестру и помешать ей признаться в убийстве Эмиаса Крейла. Недаром она несколько раз повторяет: ''Все в порядке, дорогая, все в порядке''.

– О чем вы говорите? – возмутилась Анджела Уоррен. – Она просто хотела, чтобы я была счастлива, вот и все.

– Да, она хотела, чтобы вы были счастливы, это совершенно ясно. Только об этом она и думает. У нее есть ребенок, но она думает не о ребенке, о нем она будет думать потом. Нет, ее мысли заняты ее сестрой и больше никем. Сестру следует утешить, поддержать в предназначенной ей судьбе, научить быть счастливой и удачливой. И чтобы Анджеле было легче принять подарок из рук сестры, Кэролайн пишет эту полную значения фразу: ''Долги всегда нужно возвращать''.

Эта единственная фраза объясняет все. Она откровенно свидетельствует о той тяжкой ноше, которая была на душе Кэролайн с тех пор, как в приступе свойственной подросткам ярости она швырнула пресс-папье в свою младшую сестру, причинив ей увечье на всю жизнь. Теперь наконец у нее появилась возможность вернуть свой долг. И если это послужит вам утешением, могу сказать: я искренне верю, что в возможности искупить свою вину перед сестрой Кэролайн Крейл обрела мир и покой, каких не знала прежде. Веря в то, что она оплачивает свой долг, она сумела пройти сквозь тяжкое испытание на суде и во время приговора. Странно, говоря о приговоренной к пожизненному заключению убийце, сказать, что у нее было все, что нужно для счастья. Да, больше, чем вы можете себе представить, что я вам сейчас и докажу.

Посмотрите, как с помощью такого объяснения все, что касается поведения самой Кэролайн, становится на свои места. Посмотрите на ход событий с ее точки зрения. Начнем с того, что накануне вечером происходит ссора, которая напоминает ей о ее собственной недисциплинированности, когда она была девочкой. Анджела швыряет пресс-папье в Эмиаса Крейла. То есть поступает так, как поступила она сама много лет назад. Анджела выкрикивает, что хорошо бы, если бы Эмиас умер. А на следующее утро, когда Кэролайн приходит в кладовую, она застает там Анджелу, которая производит какие-то эксперименты с пивом. Вспомним слова мисс Уильямс: ''Там была Анджела. Вид у нее был виноватый...'' Виноватый из-за того, что она манкирует своими обязанностями, решила мисс Уильямс, но для Кэролайн виноватое лицо застигнутой врасплох Анджелы означает совсем другое. Вспо-

мните, что по меньшей мере один раз Анджела уже что-то положила в стакан Эмиаса. Вот об этом и вспомнила Кэролайн.

Кэролайн берет бутылку из рук Анджелы и направляется в Оружейный сад. Там она наливает пиво в стакан и подает его Эмиасу. Он его залпом выпивает, а потом делает гримасу и произносит слова, имеющие очень большое значение: ”Сегодня все имеет противный привкус”.

В эту минуту Кэролайн еще ничего не подозревает, но после обеда она идет в Оружейный сад, где застает мужа мертвым. У нее нет сомнений, что его отравили. Она этого не делала. Тогда кто? И ей сразу приходят на память угрозы Анджелы, лицо Анджелы, застигнутой врасплох над бутылкой с пивом. Она! Но зачем девочка это сделала? Чтобы отомстить Эмиасу, может, и без намерения его убить, просто чтобы ему стало плохо, чтобы его рвало? Или она поступила так ради нее, Кэролайн? Узнала, что Эмиас хочет бросить ее сестру? Кэролайн помнит, чересчур хорошо помнит собственную несдержанность в возрасте Анджелы. И только одна мысль вертится у нее в голове. Как спасти Анджелу? У Анджелы в руках была эта бутылка – на ней будут отпечатки пальцев Анджелы. Она быстро вытирает бутылку насухо. Только бы удалось заставить людей поверить, что это – самоубийство! Если на бутылке будут отпечатки пальцев самого Эмиаса! Она пытается приложить его пальцы к бутылке – действует быстро, прислушиваясь, не войдет ли кто в сад...

Если принять такое предположение за истину, тогда и все остальное встает на свои места. Ее постоянное волнение за судьбу Анджелы, стремление ускорить отъезд Анджелы, старание, чтобы Анджела ни о чем не узнала. Кэролайн боится, что полиция будет допрашивать Анджелу. И наконец, она просто требует, чтобы Анджелу увезли за границу до начала суда. Потому что она все время боится, что Анджела не сумеет совладать с собой и признается.

ГЛАВА IV

ПРАВДА

Анджела Уоррен медленно повернулась к присутствующим. Суровым, презрительным взглядом она оглядела обращенные к ней лица.

– Вы все слепые идиоты – вот вы кто. Неужто вы не понимаете, что если бы это совершила я, то я бы тотчас призналась. Я никогда не позволила бы Кэролайн страдать изза меня. Никогда!

– Но вы открывали пиво, – возразил Пуаро.

– Я? Открывала пиво?

Пуаро повернулся к Мередиту Блейку.

– Послушайте, в вашем рассказе вы упомянули, что слышали утром того дня, когда было совершено преступление, какие-то звуки здесь, в этой комнате, которая находится как раз под вашей спальней.

Блейк кивнул.

– Но это была всего лишь кошка.

– Откуда вам известно, что это была кошка?

– Я... Я не помню. Но это была кошка. Я убежден, что это была кошка. Окно было приоткрыто настолько, что сюда могла влезть только кошка.

– Но рама не была закреплена в этом положении, и потому ее легко поднять и опустить. Значит, сюда мог влезть и человек.

– Да, но я знаю, что это была кошка.

– Вы ее видели?

– Нет... не видел, – смутившись, запнулся Блейк. Он помолчал, хмурясь. – И тем не менее я знаю.

– Сейчас объясню вам, откуда вы знаете. А пока обращаю ваше внимание на следующее обстоятельство. В то утро любой человек мог пробраться в дом, проникнуть в вашу лабораторию, взять с полки то, что ему нужно, и уйти незамеченным. Далее, если этот кто-то явился сюда из Олдербери, то это не мог быть ни Филип Блейк, ни Эльза Грир, ни Эмиас Крейл, ни Кэролайн Крейл. Нам хорошо известно, чем были заняты эти четверо. Остаются Анджела Уоррен и мисс Уильямс. Мисс Уильямс здесь была – вы ее увидели, когда вышли из дома. Она сказала вам, что ищет Анджелу. Анджела рано утром отправилась купаться, но мисс Уильямс не нашла ее ни в воде, ни на скалах. Анджела легко могла переплыть через бухту – что сделала позже, когда пошла купаться с Филипом Блейком, – подойти к дому, влезть в окно и взять что-то с полки.

– Ничего подобного я не делала, – возмутилась Анджела Уоррен. – По крайней мере...

– Ага! – торжествуя, воскликнул Пуаро. – Вы вспомнили! Вы сказали мне, что ради того, чтобы сыграть жестокую шутку с Эмиасом Крейлом, вы отлили немножко того, что назвали "кошачьей настойкой", и влили это...

– Валерьянка! – сообразил Мередит Блейк. – Ну конечно!

– Именно. Вот почему вы решили, что в лаборатории побывала кошка. Вы очень чувствительны к запахам. Вы уловили слабый запах валерьянки, не давая, впрочем, себе в этом отчета, и подсознательно пришли к выводу: кошка.

Кошки любят валерьянку и полезут за ней куда угодно. Валерьянка довольно неприятна на вкус, и после вашей лекции накануне шаловливая мисс Анджела задумала подлить валерьянку в пиво, которое, она знала, Эмиас обычно выпивает залпом.

– Неужто это было в тот же день? – изумилась Анджела Уоррен. – Я хорошо помню, как отливала валерьянку. Да, помню и как брала пиво, но вошла Кэролайн и чуть меня не поймала! Конечно, помню... Но у меня это как-то не связывалось с тем днем.

– Конечно, нет, потому что два этих события не ассоциировались друг с другом у вас в мыслях. Одно квалифицировалось как шалость, другое было трагедией, свалившейся как снег на голову и вытеснившей из памяти все более мелкие происшествия. Что же касается меня, то я заметил, что, когда вы говорили об этом, вы сказали: "Отлила кошачьей настойки, чтобы налить ее Эмиасу в пиво..." Вы не сказали, что сделали это.

– Не сказала, потому что так и не сделала. Кэролайн вошла как раз в ту минуту, когда я отвинчивала пробку. Ох! – вскрикнула она. – Значит, Кэролайн решила... решила, что это я...

Она умолкла, огляделась. И тихо заключила своим обычным холодным тоном:

– Вы все, наверное, тоже так думаете? – Она помолчала. – Я не убивала Эмиаса, – сказала она. – Ни из злой шалости, ни из каких-либо других побуждений. Если бы я это сделала, я бы не смолчала.

– Разумеется, нет, моя дорогая, – решительно поддержала ее мисс Уильямс. Она взглянула на Эркюля Пуаро. – Только глупцу могла бы прийти в голову подобная мысль.

– Я не глупец, – спокойно отозвался Эркюль Пуаро, – и я тоже этого не думаю. Я прекрасно знаю, кто убил Эмиаса Крейла.

Он помолчал.

– Факты нельзя считать доказательством, ибо они им вовсе не являются. Возьмем ситуацию, сложившуюся в Олдербери. Знакомая ситуация. Две женщины и один мужчина. Мы все убеждены, что Эмиас Крейл был намерен оставить жену ради другой женщины. А я вам говорю, что он никогда ничего подобного делать не собирался.

Он увлекался женщинами и прежде. Они владели им. Пока увлечение длилось, он был ими одержим, но вскоре наступал конец. Женщины, в которых он влюблялся, обычно были женщинами опытными и ничего от него не требовали. Но на этот раз женщина предъявила требования. Да она, собственно говоря, еще и не была женщиной. Она была юной

девушкой и, по мнению Кэролайн Крейл, предельно искренней... На словах она казалась видавшей виды и свободной от предрассудков, но в любви была весьма целеустремленной. Из-за того, что она сама испытывала глубокую и всепоглощающую страсть к Эмиасу Крейлу, она решила, что и он отвечает ей тем же. Она не сомневалась, что их любовь – это любовь на всю жизнь. Не спрашивая его об этом, она была уверена, что он бросит свою жену.

Но почему, спросите вы, Эмиас Крейл не попытался ее разуверить? Мой ответ – из-за картины. Он хотел закончить картину.

Некоторым это покажется невероятным, но только не тем, кто знаком с художниками. И мы уже в принципе согласились с таким объяснением. Теперь становится более понятным разговор Крейла с Мередитом Блейком. Крейл смущен, он похлопывает Блейка по плечу и оптимистически уверяет его, что вся история кончится благополучно. Эмиасу Крейлу, поймите, все казалось просто. Он пишет картину, хотя ему мешают две, как он их называет, ревнивые психопатки, но ни одной из них он не позволит помешать ему делать то, что считает главным делом своей жизни.

Если бы он сказал Эльзе правду, то с картиной было бы кончено. Быть может, когда его чувство к ней только вспыхнуло, он всерьез вел разговор о том, что оставит Кэролайн. Мужчины, когда они влюблены, часто говорят подобные вещи. Но не исключено, что он просто делал вид, что это может произойти. Ему было в высшей степени безразлично, на что рассчитывает Эльза. Пусть думает, что хочет. Только бы помолчала еще день-другой.

А потом – потом он скажет ей правду, объяснит, что их роман кончен. Он был из тех мужчин, кого не терзают угрызения совести.

По-моему, он с самого начала попытался предотвратить возможность близости с Эльзой. Он предупредил ее, сказав, что собой представляет, но она не прислушалась к его предупреждению. Она пыталась торопить судьбу. А для мужчины вроде Крейла женщина – всего лишь желанная добыча. Если бы его спросили, он бы с легкостью ответил, что Эльза молода и быстро обо всем забудет. Вот как рассуждал Эмиас Крейл.

Если кого он и любил, то только свою жену. Но не особенно о ней беспокоился. Придется ей потерпеть еще несколько дней – вот и все. Он был очень зол на Эльзу за то, что она сболтнула лишнее, но полагал, что все обойдется. Кэролайн, как уже не раз прежде, простит его, а Эльза... Эльзе придется примириться со своей участью. Так просто решает жизненные проблемы человек, каким был Эмиас Крейл.

Но, мне кажется, в тот последний вечер он и вправду на-

чал беспокоиться. Не об Эльзе, а о Кэролайн. Быть может, он пошел к ней в комнату и она отказалась с ним разговаривать. Во всяком случае, после тревожной ночи он, позавтракав, повел ее в библиотеку и там сказал ей всю правду. Признался в своем увлечении Эльзой, но сказал, что все кончено. Как только картина будет завершена, он расстанется с Эльзой навсегда.

И в ответ на это Кэролайн Крейл возмущенно воскликнула: "Ты и твои женщины!" Эта фраза, как вы видите, ставит Эльзу в один ряд с его прежними увлечениями, которые исчезли навсегда. И добавила: "Когда-нибудь я тебя прикончу".

Она была рассержена, ее возмущала его бесчувственность и грубость по отношению к девушке. Когда Филип Блейк увидел ее в холле и услышал, как она шептала: "Слишком это жестоко!", она думала не о себе, а об Эльзе.

Что же касается Крейла, то он, выйдя из библиотеки, встретил Эльзу с Филипом Блейком и бесцеремонно велел ей идти в сад позировать. Но он не знал, что Эльза, сидя у окна библиотеки, подслушала весь его разговор с женой. И, рассказывая о том, что слышала, она лгала. Вспомните, ведь слышала его только она.

Представьте себе все отчаяние, какое она испытала, когда узнала жестокую правду!

Накануне, по словам Мередита Блейка, когда он ждал, пока Кэролайн выйдет из лаборатории, он стоял в дверях спиной к помещению и разговаривал с Эльзой Грир. Значит, Эльза стояла к нему лицом и могла видеть все, что там делает Кэролайн, – только она, и никто другой.

Она видела, как Кэролайн взяла яд. Она ничего не сказала, но, сидя под окном библиотеки, вспомнила об этом.

Когда на террасе появился Эмиас Крейл, она под тем предлогом, что ей нужно взять пуловер, поднялась в спальню Кэролайн, чтобы отыскать этот яд. Женщины обычно знают, где другие женщины припрятывают вещи. Она нашла яд и, не забыв о том, что нельзя оставлять на флаконе отпечатки пальцев, набрала немного настойки в пипетку от авторучки.

Затем она спустилась вниз и вместе с Крейлом пошла в Оружейный сад. И там вылила яд в пиво, которое он опрокинул в себя, как обычно.

Тем временем Кэролайн Крейл продолжала беспокоиться. Она видела, как Эльза снова вернулась в дом (на этот раз действительно взять свой пуловер), а потом быстро побежала в Оружейный сад, где принялась спорить с мужем. То, что он делает, стыдно! Она этого не потерпит! Это жестоко и бесчеловечно по отношению к девушке! Эмиас, сердитый, потому что его вынудили прервать работу, сказал, что все решено, что, как только он завершит картину, он ее выпроводит. Не

проводит, а выпроводит. "Все решено – я ее выпровожу, говорю я тебе".

Затем они услышали шаги обоих Блейков, и Кэролайн, чуть смущенная, вышла и пробормотала что-то насчет отъезда Анджелы в школу, что предстоит масса дел, и, естественно, братья решили, что разговор, который они невольно подслушали, шел об Анджеле, и "я ее выпровожу" превратилось в "я ее провожу".

В это время на дорожке появилась невозмутимо улыбающаяся Эльза с пуловером в руках и снова уселась позировать.

Она, несомненно, рассчитывала на то, что Кэролайн окажется под подозрением, тем более что у нее в комнате найдут флакончик с кониумом. Но Кэролайн еще больше сыграла ей на руку. Она принесла мужу пиво со льда и сама налила его в стакан.

Эмиас одним глотком опорожнил его и, сделав гримасу, сказал: "Сегодня у всего какой-то противный привкус".

Понимаете ли вы, насколько важно это замечание? "Сегодня у всего какой-то противный привкус"? Значит, уже перед этим он попробовал что-то неприятное, отчего у него во рту до сих пор остался неприятный привкус? И еще одно. Филип Блейк упомянул о нетвердой походке Крейла и выразил сомнение, "не выпил ли он". Эта нетвердая поступь была первым признаком того, что кониум действует, и это означало, что ему дали яд до того, как Кэролайн принесла ему пиво со льда.

Итак, Эльза Грир, сидя на каменной стене, позировала ему, и, поскольку ей следовало помешать ему что-либо заподозрить, пока не станет слишком поздно, она весело и вполне естественно болтала с Эмиасом Крейлом. Увидев на скамье Мередита, она помахала ему рукой, сыграв свою роль и для него.

А Эмиас Крейл, который презирал всякие болезни и не желал сдаваться, упорно писал и писал, пока его конечности не одеревенели, а речь стала невнятной, и тогда он беспомощно откинулся на спинку скамейки, но разум у него еще оставался ясным.

Прозвонил гонг к обеду, Мередит встал и подошел к калитке сада. В минуту Эльза слезла со стены, подбежала к столу и накапала последние несколько капель яда в стакан, в котором было чистое пиво. (Пипетку она выбросила по дороге к дому, растоптав ее в песке.) А у калитки встретилась с Мередитом.

Из тени деревьев сердито смотрел Эмиас. Мередиту плохо было видно – он видел только, что его приятель сидит, откинувшись на спинку скамьи, и что взгляд у него злой.

Эркюль Пуаро красноречивым жестом показал на висящую на стене картину.

– Мне бы следовало понять все, как только я увидел эту картину. Ибо это необыкновенный портрет. Это портрет убийцы, написанный ее жертвой, – портрет девушки, которая смотрит, как умирает ее возлюбленный...

ГЛАВА V

ЭПИЛОГ

В наступившем молчании – присутствующие оцепенели от ужаса и потрясения – исчез и последний луч медленно уходившего за горизонт солнца, освещавший темноволосую голову сидевшей возле окна женщины, кутавшейся в серебристый мех.

Эльза Диттишем зашевелилась и заговорила.

– Уведите всех, Мередит, – сказала она. – Я хочу остаться с мсье Пуаро вдвоем.

И опять застыла в неподвижности, пока не закрылась за ними дверь.

– Наверное, считаете себя очень умным, не так ли? – спросила она.

Пуаро ничего не ответил.

– Что вам от меня надо? Чтобы я созналась?

Он покачал головой.

– Я этого все равно ни в коем случае не сделаю! – заявила Эльза. – И никогда не признаю, что вы правы. То, что мы говорим здесь, значения не имеет. Свидетелей у нас нет.

– Совершенно справедливо.

– Я хочу знать, что вы собираетесь предпринять.

– Я сделаю все, что смогу, чтобы заставить власти посмертно оправдать Кэролайн Крейл.

– Какая глупость! – засмеялась Эльза. – Оправдать человека за то, чего он не совершил. А по поводу меня? – спросила она.

– Я представлю свои соображения компетентным лицам. Если они придут к выводу, что есть возможность привлечь вас к ответственности, тогда они начнут действовать. На мой взгляд, однако, доказательств не достаточно – налицо лишь умозаключения, а не факты. Более того, судебные власти весьма неохотно возбуждают уголовные дела против людей в вашем положении, если на то нет достаточных оснований.

– Мне все это безразлично, – отозвалась Эльза. – Если бы я сидела на скамье подсудимых, защищая свою жизнь, быть может, я бы ожила, принялась волноваться. Быть может, я получила бы от этого удовольствие.

– Вряд ли его получил бы ваш муж.

Эльза окинула Пуаро пристальным взглядом.

– Неужто вы думаете, что меня интересуют чувства моего мужа?

– Нет, я так не думаю. Я уверен, что всю вашу жизнь вы были совершенно равнодушны к тому, какие чувства испытывают другие люди. Не будь этого, вы могли бы стать счастливой.

– Почему вам меня жаль? – неприязненно спросила она.

– Потому что, дитя мое, вам слишком многое пока недоступно.

– Что именно?

– Все эмоции, которые испытывает взрослый человек: жалость, участие, понимание. Вы ведь в своей жизни знали только два чувства: любовь и ненависть.

– Я видела, как Кэролайн взяла кониум, – сказала Эльза. – И решила, что она хочет покончить с собой. Это, разумеется, значительно упростило бы ситуацию. А на следующее утро я услышала, как он говорит ей, что я ему совершенно безразлична. Раньше, мол, да, он увлекался мною, но теперь все кончено. Как только он завершит картину, он меня выпроводит. Ей не о чем беспокоиться, сказал он.

А ей... Ей было меня жаль... Вы понимаете, что вызвала во мне ее жалость? Я нашла яд, налила его в пиво и сидела и смотрела, как он умирает. Никогда еще я не чувствовала в себе такой жизнерадостности, такого ликования, такой энергии. Я смотрела, как он умирает...

Она вскинула руки.

– В те минуты я не понимала, что убиваю не его, а себя. И когда потом увидела ее в западне, то тоже не испытала радости. Я не могла причинить ей боли, ей было все равно – она ушла из жизни. Они с Эмиасом ушли – ушли, и я не могла до них добраться. Не они умерли, умерла я.

Эльза Диттишем встала. Подошла к двери. Остановилась и повторила:

– Умерла я...

В холле она прошла мимо двух молодых людей, чья совместная жизнь только начиналась.

Шофер поспешно открыл дверцу. Леди Диттишем села в машину, и шофер укутал ее ноги меховой полостью.

Иоанна Хмелевская

Проклятое наследство

Joanna Chmielewska

UPIORNY LEGAT

Warszawa
1977

Перевод с польского В. СЕЛИВАНОВОЙ (с. 167–288) и И. КОЛТАШЕВОЙ (с. 288–389)

Редактор Л. ЕРМИЛОВА

Телефон зазвонил поздно вечером.

Наверняка я бы просто-напросто не подняла трубку, как поступала уже много месяцев, но именно в тот день в моих жизненных планах произошел решительный поворот – я прекратила борьбу за спокойную жизнь.

Спокойная жизнь мне нужна была, чтобы написать наконец научно-фантастическую повесть, из-за которой я уже довела до белого каления добрую половину ядерных физиков Варшавы. Работаю я добросовестно, поэтому совершенно чуждые моей душе технические реалии считаю своим долгом согласовывать со специалистами. И не понимаю, почему они этого не любят.

Всем им я задавала один и тот же вопрос:

– Мне нужна такая штука, которая может улавливать космические лучи. Да нет, я знаю, что лучи состоят из частиц, ну, значит, она должна ловить эти частицы. Скажите, что это за штука?

Простой, бесхитростный вопрос вызывал почему-то смятение, хотя отвечали мне по большей части вежливо и всегда одно и то же:

– Да ведь эти частицы все пронизывают. Они, знаете ли, сквозь все проходят.

Я резонно возражала ученым:

– Вот именно, и дело как раз в том, чтобы эта штука имела дно.

Как только упоминалось дно, отловленный физик начинал нервничать и старался поскорее сплавить меня коллеге. Хоть бы один проявил оригинальность – нет, реакция у всех одна и та же! Не иначе как злополучное дно представляло собой военную тайну, которую они не имели права открыть постороннему.

Неудивительно, что в таких условиях повесть продвигалась вперед с большим трудом.

Но я не сдавалась и ни на йоту не отступала от творческих планов, с головой погрузившись в свое занятие и не обращая внимания на странные, удивительные события, с некоторых пор преследовавшие меня. События, однако, множились,

упорно отвлекали меня от вдохновенного литературного труда, и наконец пришел день, когда отвлекли окончательно. Вот в тот день я и прекратила борьбу за спокойную жизнь, сложила, так сказать, оружие в неравной борьбе.

И странное дело: последний гвоздь в гроб моей спокойной жизни забила сущая безделица, так называемая вонючка. Незнакомые люди пришли с жалобой и привели моего младшего сына. В их дворе он запустил упомянутую вонючку, доказательством чего служила дыра, прожженная на штанах виновника. Дело происходило в добром старом дворе, этаком шестиэтажном колодце, так что вонючка полностью оправдала надежды ее создателя. Люди, доставившие сына, имели все основания быть недовольными, и мне стоило немалых усилий хотя бы отчасти смягчить их негодование.

И вот тогда я как-то вдруг поняла: борьба за спокойную жизнь мне явно не по силам. И решила ее прекратить. Таким вот образом космические лучи спасовали перед вонючкой.

Ну и вечером того же дня зазвонил телефон.

Время для меня было совсем не позднее, всего одиннадцать часов. Точнее, двадцать три часа восемь минут. Время я так точно заметила потому, что у меня под носом тикал будильник и показывал двадцать три двадцать три, а поскольку он убегает вперед на пятнадцать минут, сосчитать совсем просто. Задыхающийся голос в телефонной трубке прошептал:

– Спасите, они убьют меня! Умоляю, милицию, скорей, улица Пясечинская, восемнадцать, квартира двадцать один, опять эти двое...

Голос прервался, в трубке послышались какие-то зловещие звуки – хрипение, стон, какой-то удар, после чего наступила тишина. Я замерла, не выпуская трубку. Опять звук удара, стук, потом вроде разговор двух мужчин, ни слова не разобрать. Потом голоса отдалились, слышны были лишь легкие постукивания.

Я положила трубку даже не очень удивленная, так как за последнее время уже привыкла к необычным событиям вокруг меня. И подумала: как хорошо, что я уже распрощалась с мечтой о спокойной жизни, ведь не отреагировать на такой телефонный звонок с моим характером просто невозможно.

Может, это дурацкий розыгрыш? Человек, который звонил, так и не положил трубку.

Проверим. Я подняла телефонную трубку и убедилась: телефон блокирован. Даже если и розыгрыш, надо как-то разъединиться с его автором, не то шутка может затянуться. Шутник оставит трубку рядом с телефоном, утром уйдет на работу, и я как минимум до вечера останусь без связи. А у меня на следующий день запланированы очень важные разговоры, в том числе и с одним физиком-ядерщиком.

Телефон блокирован, и помочь может лишь бюро ремонта телефонов, но туда надо дозвониться, для чего опять-таки нужен телефон. Замкнутый круг.

А если это не розыгрыш? Нет, надо поскорей сообщить в милицию. Пусть она ломает голову.

Милиция... В последнее время мои контакты с ней вдруг излишне оживились – все из-за необыкновенных событий, закрутившихся вокруг меня. А тут снова я, да еще с таким сообщением! Но другого выхода нет, придется идти к соседям, чтобы от них позвонить. Спустившись этажом ниже, я взглянула на часы и все-таки нажала кнопку звонка. Потом еще и еще, и только тогда вспомнила: два дня назад соседи спускались по лестнице с чемоданами. Глухая тишина за дверью подтверждала предположение – они действительно уехали в отпуск.

Вернувшись к себе и убедившись, что телефон по-прежнему блокирован, я взяла сумку и побежала звонить по телефону-автомату у нашего дома. Телефон-автомат, конечно же, был испорчен. Где ближайший исправный автомат – я не знала, у кого еще из соседей есть телефон – я не знала, а звонить подряд во все двери не отважилась. Вернувшись к дому, я решила взглянуть на свою машину – сейчас скажу почему.

Думать лучше сидя, и я села в машину. Выбор у меня был богатый: поискать исправный телефон-автомат, поехать на главпочтамт и позвонить оттуда, остановить первую же патрульную машину, доехать до своего районного отделения милиции. И тут мне стукнуло в голову – ведь Пясечинская улица всего в ста метрах отсюда.

Я сидела за рулем, ключ торчал в зажигании, и рука сама собой повернула его. А раз повернула, то машина двинулась. А раз двинулась – в сторону Пясечинской...

Мне пришлось притормозить, потому что с Пясечинской как раз выезжали на старой "варшаве". И больше ни одной живой души вокруг.

Я подъехала к дому номер восемнадцать и вышла из машины. Дверь в подъезд была открыта. Лифт не работал. Я поднялась на пятый этаж и остановилась перед квартирой номер двадцать один.

Может, шутник целился не в меня, а в жильцов этой квартиры, вызывая на их голову среди ночи милицию? А мне звонил совсем из другого места, оттуда и заблокировал телефон? Вот сейчас перебужу незнакомых людей. Надо было просто из любого ночного ресторана позвонить в бюро ремонта. Это же представить невозможно, что я сейчас услышу от разбуженных в полночь людей! А шутник тем временем положит трубку на место, и я даже не узнаю, кто же нас разыграл. Почему я то и дело влипаю в дурацкие истории и с возрастом ни капельки не поумнела?

Естественно, я тут же нажала на кнопку звонка, приготовившись к самому худшему. Тишина. Сделав приятное выражение лица, я нажала еще раз. По-прежнему тихо. Нажимая в третий раз, я подумала, что еще возможен и третий вариант: шутник хотел разыграть не меня, не жильцов этой квартиры, а милицию, которую почему-то не любит и решил поиздеваться над нею. После чего я осторожно взялась за дверную ручку.

Дверь оказалась незапертой и легко подалась, за нею – темнота.

Я в нерешительности стояла на пороге. Может, все они тут спокойно спят, дверь забыли запереть на ночь, и очень интересно, как мне объясниться в милиции, когда меня будут допрашивать в качестве взломщика-домушника.

Пошарив по стене у дверного косяка, я зажгла свет и слегка приободрилась. По-прежнему царила тишина. Передо мной была маленькая прихожая с кухонной нишей и приоткрытой дверью в комнату. Решившись, я на цыпочках прошла через прихожую, включила свет в комнате. И застыла на пороге.

Труп предстал моему взору сразу и целиком. Мне повезло. Если бы я узрела только высовывающуюся откуда-нибудь ногу или руку, я пережила бы гораздо больший шок. В комнате царил умеренный беспорядок, мебель стояла по стенам, середина комнаты оставалась пустой, а в углу, у книжных полок, на полу лежал человек – явно мертвый. У меня ком подкатил к горлу, перехватило дыхание, и я прямо-таки явственно почувствовала, как притаившийся в квартире убийца наносит мне удар в спину, чтобы избавиться от непрошеного свидетеля. Ноги подо мной подкосились. Замерев на пороге, я всеми силами старалась и не могла заставить себя отвести глаза от мертвеца.

Прошла целая вечность, пока ко мне не вернулась способность соображать. Первой мыслью был инстинктивный порыв бежать отсюда без оглядки. Да, конечно, бежать! Но сначала надо проверить проклятый телефон.

Аппарат стоял на книжной полке, над головой убитого. Значит, надо т у д а подойти. Очень хотелось закрыть глаза, но тогда я обязательно споткнусь о какой-нибудь из разбросанных по комнате предметов. Собравшись с духом, я отвалилась от дверного косяка и приблизилась к... ну, к книжной полке. И сразу поняла, что это был тот самый телефон, по которому мне звонили. Трубка не лежала на рычаге, а повисла над ним, зацепившись одним концом за угол полки. Осторожно ухватив двумя пальцами, я положила ее на рычаг, а потом опять приподняла. Послышался нормальный гудок.

И я сделала очередную глупость – отказалась от благоразумного решения бежать и набрала номер милиции. И тем

самым окончательно погрязла в афере, из-за которой, ничего об этом не зная, давно уже была на подозрении у милиции, мало того – играла роль главной подозреваемой.

Майор Фертнер, худощавый, невысокий, с живым умным взглядом и оттопыренными ушами, глядя на меня неприязненно и с подозрением, велел перечислить все, к чему я прикасалась в квартире. В тоне, каким это было сказано, сквозила твердая убежденность, что я все равно не скажу правды.

– Ручка входной двери, – ответила я, подумав. – Выключатель в прихожей. Называть только то, к чему прикасалась рукой, или вообще? На косяк я навалилась, кажется, спиной.

– Рукой, рукой.

– Выключатель в комнате. Телефонная трубка. Больше ничего. Я все понимаю и специально старалась ни к чему не прикасаться, а потом ожидала вас на лестнице.

– А ручка второй двери?

– Вторую не трогала. Вторая дверь была приоткрыта.

– И вы утверждаете, что не знаете убитого? Вы уверены в этом?

Разговаривали мы, сидя на краю ванны, поскольку в комнате работала так называемая следственная бригада. Ванную комнату, по неизвестным мне причинам, осмотрели в первую очередь и теперь предоставили в наше с майором распоряжение.

– Откровенно говоря, нет, – виновато призналась я. – То есть я хочу сказать, что не уверена. Фамилия ничего мне не говорит, а что касается лица покойного, то те его фрагменты, которые я видела, мне решительно незнакомы. Но могу и ошибиться.

– Гм. Незнакомы, а он тем не менее вам звонил, ведь так? Значит, знал номер вашего телефона?

В самом деле, наверное, знал. Интересно, откуда? Да, идиотское создалось положение, дальше некуда. Незнакомый человек последним усилием звонит мне и тут же испускает дух. Глупее не придумаешь. И как бы я ни доказывала, никто мне не поверит, что мы незнакомы. Я сама бы не поверила.

– Интересно все же, почему он позвонил вам, а не, скажем, прямо в милицию? Вам самой это не кажется странным?

– Не кажется. Такое уж мое счастье, – мрачно ответила я. – Мечтала о спокойной жизни – значит, катаклизмы неизбежны. А вас я очень прошу на всякий случай проверить людей, чьи номера телефонов отличаются от моего одной цифрой. Ведь таких немного, всего двенадцать.

– А сюда вы приехали только потому, что он позвонил, да?

— Конечно, только потому. А вы бы на моем месте не поехали?

— На вашем месте, разумеется, не поехал бы. И не трогал телефонную трубку, а оставил лежать, как была. Откровенно говоря, ничто не доказывает, что он вам звонил. Нет ни одного доказательства.

— Не трогала трубку... А с милицией я бы связывалась мысленно? Или телепатически?

— Нет, просто позвонили бы по другому телефону.

— Но ведь в том-то и беда – не было у меня под рукой другого телефона!

— Все равно трубку нельзя трогать.

Я разозлилась.

— А почему, собственно, позвольте вас спросить? Неужели потому только, что кому-то может прийти в голову, будто я все это выдумала? И приехала сюда так просто, без всякой причины? Или что это я его убила? Делать мне нечего, как только разъезжать по ночам и убивать незнакомых людей! Вот и шлепнула этого, как его...

— Вальдемара Дуткевича.

— Мания у меня такая! – бушевала я. – Хобби...

— Я о вас уже слышал, – невежливо прервал меня майор. – И много.

Я остановилась на всем скаку. Майор действительно имел право много обо мне слышать, учитывая последние события. Более того, имел полное право относиться ко мне с подозрением. Сразу присмирев, я робко поинтересовалась:

— Наверное, от капитана Ружевича, да?

Проигнорировав мой вопрос, майор продолжал:

— Странное дело, вы все время нарушаете. Все время какие-то подозрительные обстоятельства. Ну а теперь и вовсе... Я лично верю, что он вам действительно звонил. Не кажется ли вам, что вас намеренно во что-то впутывают?

Это была свежая мысль. До сих пор она не приходила мне в голову. Застигнутая врасплох, я отреагировала самым что ни на есть естественным образом:

— Нет, это невозможно! То есть я как-то об этом не думала... Кто знает, может, вы и правы...

Майор поспешил меня остановить:

— Да я вовсе этого не утверждаю. Меня интересует лишь ваше мнение.

— Я пока не уверена, есть ли у меня мнение.

Тут в ванную заглянул молодой человек и молча подал майору небольшой блокнот. Майор занялся им, а я, ошеломленная предположением майора, закурила, чтобы собраться с мыслями. Мысли почему-то не собирались. Думаю, им мешала одна главная, вытеснившая все остальные: как склонить след-

ственную бригаду приготовить для всех нас чай. Наверняка у покойного... как его, да, Дуткевича, в кухне есть все необходимое. Нечаянно я заглянула майору через плечо, и мысль о чае тут же вылетела из головы. Среди записанных в блокноте номеров телефонов был один, при виде которого у меня что-то екнуло внутри.

Майор поднял голову и с живым интересом взглянул на меня.

– Ну? – сказал он поощрительно, передавая мне блокнот. – Кого вы здесь знаете? Знаком ли вам какой-нибудь телефон?

– Пан майор, – вкрадчиво начала я, – как вы считаете – мне лучше сразу говорить всю правду или пока можно не всю? А то потом... За дачу ложных показаний...

– И вот так всегда. Каждый финтит, – философски заметил майор в пространство. А обращаясь ко мне, посоветовал: – Лучше сразу говорите всю правду. Мне кажется, так и для вас самой будет лучше. А на той стадии расследования, в которой мы находимся, если вы кого и назовете, может, тем самым окажете и ему услугу, а не только следствию. Так что советую подумать.

Я подумала, что этот майор вроде соображает и вообще-то прав. А ведет себя странно – подсовывает мне под нос записную книжку убитого. Обычно следственные органы не раззванивают столь легкомысленно о вещдоках с места преступления. Значит, у него какие-то свои соображения. Кто-то намеренно впутывает меня... Незнакомый покойник мне звонил... Да, определенно что-то вокруг меня происходит.

Записная книжка была без алфавита, записи в ней производились подряд.

– Баська! – решилась я. – Вот номер ее телефона, сразу бросился мне в глаза. То есть Барбара Маковецкая, проживает на улице Польной. А остальных не знаю. Хотя подождите... Вот этот Р...

Я заглянула в свой собственный блокнот.

– Ракевич! Правильно мне показалось. Кто? Да один такой, знаете... На Западе его бы назвали бизнесменом. Живет в Варшаве, Верхний Мокотув, адреса не знаю, но могу показать дом. Его вы сразу можете вычеркнуть из списка подозреваемых. Слишком много у него денег, чтобы заниматься глупостями. А больше никаких знакомых здесь нет.

Я просмотрела до конца записную книжку и на последней страничке нашла себя. Пани Иоанна 41-26-33. Очень симпатично записано, вполне уважительно.

– Ну так, в конце концов, знаете вы его или нет? И знал ли он вас?

– Ума не приложу! Может, читал мои книги и втайне меня

обожал? Хотите верьте, хотите нет, но есть такие.

Из вежливости майор попытался изобразить протест, но у него не очень получилось.

– Что вы, что вы! Я верю. Чертовски неудобная эта ванна. А названная вами пани Маковецкая, это кто?

– Моя подруга.

– Ваша подруга, понятно. А еще какая-нибудь специальность у нее есть?

– Есть, она шофер-профессионал, у нее права категории "Д". Может и автобус водить.

– А где она работает?

– Сейчас нигде. Работала, но перестала. Ей разонравилась работа после того, как пришлось менять на своем грузовике третье колесо подряд. Ночью, под дождем, и вокруг никого, кто бы помог.

– А на что она теперь живет?

– На то, что выиграет на бегах. И на то, что заработает ее муж.

– А... – нерешительно начал майор, но собрался с духом и докончил: – А чем занимается ее муж?

Мне очень хотелось ответить, что Павел тоже играет на бегах, но я сжалилась над милицией.

– Он переводит с немецкого и неплохо зарабатывает.

– Вы не знаете, что ее связывало с Дуткевичем?

– С каким Дут... А, с этим! Не имею ни малейшего понятия. И вообще, чтобы избежать в дальнейшем недоразумений, советую вам, пан майор, примириться с фактом, что этого Дуткевича я действительно не знаю и ничего не могу о нем сказать. И прошу вас, не задавайте мне в десятый раз вопроса, почему он мне звонил, я и в самом деле не в курсе. Мне самой интересно, и уж я постараюсь это выяснить.

– Очень хорошо, выясняйте! – согласился майор, к моему величайшему изумлению. – А если что-нибудь выяснится, сообщите мне. Вы сможете завтра дать официальные показания?

– Вы имеете в виду завтра или сегодня? Ведь уже четверть четвертого.

– А, значит, сегодня.

– Если после двенадцати – пожалуйста. А раньше мне бы не хотелось.

– Хорошо, я позвоню вам. А сейчас подпишите протокол и можете идти домой.

Оказалось, что я еще выступаю и как понятая при обыске квартиры убитого. Протокол я подписала с чистой совестью, будучи уверена, что в квартиру ничего не подбросили и ничего не скрыли. Заинтересовала меня информация о том, что записную книжку убитый сжимал в левой руке, а откры-

та она была на странице с моим телефоном.

Меня это встревожило не на шутку. Если бы все ограничилось телефонным звонком от покойника, это еще полбеды. Дурацкое стечение обстоятельств, с каждым может случиться. Беда в том, что со мной за последнее время случилось слишком многое. И поведение майора тоже заставляло задуматься: он сам сунул мне в руки записную книжку, сам велел просмотреть ее, одобрил мое дурацкое решение попытаться самой распутать дело. Такие решения обычно вызывают категорический протест со стороны милиции и преследуются законом, а тут вдруг... Опять же, майор выдвинул странную версию: будто меня во что-то намеренно впутывают. Видимо, и впрямь вокруг моей особы происходит нечто подозрительное, чего я, всецело поглощенная преследованием польских ядерщиков, не замечала. Нечто серьезное, коль скоро дело дошло до убийства. И мне, как видно, действительно пора заняться этим.

Было полчетвертого утра, когда я позвонила Баське, бесжалостно вырывая ее из объятий Морфея.

– Выпей воды. – С такого совета начала я разговор. – Знаешь, я втянула тебя в убийство.

– Наконец что-то веселенькое! – обрадовалась Баська заспанным голосом. – И кого же я убила, можно узнать?

– Это некий Вальдемар Дуткевич. Кто он?

– Не знаю. То есть что я говорю! Конечно, знаю! А почему я убила Вальдемара?

– Убила его не ты, а неизвестные преступники. Так кто же он?

– Кто? Вальдемар?

– Вальдемар, Вальдемар! Кто он такой, черт побери?!

– Как тебе объяснить? Ну, в общем, один человек.

– Спасибо, вот теперь все ясно. Ну да ладно. Скажи, он меня знает?

– Понятия не имею. А ты его знаешь?

– В какой-то степени теперь знаю. Знакомство неординарное, хотя и несколько одностороннее. А каким он был при жизни – не знаю. Баська, проснись! Я говорю не о своей новой книге, а о только что случившемся.

Баська немного помолчала, а потом я услышала ее запинающийся голос:

– Подожди, я, пожалуй, и вправду выпью воды.

Пока она пила, я закурила сигарету и принесла пепельницу. Похоже, сейчас кое-что узнаю.

– Расскажи мне все еще раз с самого начала, – потребовала Баська. – По правде говоря, я ничего не поняла.

Я рассказала ей обо всем по порядку, не вдаваясь в подробности и пока без комментариев.

– И это правда? – допытывалась потрясенная Баська. – Ты уверена, что он убит насмерть?

– Насмерть. На его месте даже носорог был бы убит насмерть. Да скажи же наконец, кто он такой и почему звонил мне?

– Ну, как тебе сказать? Обыкновенный человек. Работал в садово-огородном кооперативе, разводил шампиньоны. Знаю я его давно, лет двадцать пять. Звезд с неба не хватает, но человек порядочный, очень добрый и покладистый, если тебе требуется кем помыкать, то Дуткевич как раз подходит.

– Подходил, – поправила я. – Теперь он уже ни для чего не подходит. А откуда у него мой телефон?

– Возможно, от меня, – сказала Баська, подумав. – Целый месяц он мне проходу не давал, просил твой телефон, мол, обожает тебя и жаждет того... заверить в этом самом... ну, в совершенном уважении. Наверное, я в конце концов и дала твой телефон.

– Он и заверил. Прямо скажем, оригинально. Ты считаешь, что в предсмертную минуту он пожелал поговорить именно со мной?

– Очень может быть. Уже известно, кто его убил?

– Пока ничего не известно. Баська, для меня главное – узнать, почему он позвонил мне. Об этом меня спрашивает милиция, и я должна им что-то ответить. Послушай, а не могло получиться так – он хотел позвонить тебе и просто ошибся? Ведь бывает, в панике набрал не тот телефон, мы с тобой подруги, вот и перепутал со страху.

– Ты права. А могло быть и так, что он даже звонил мне, но меня весь день не было дома, мы с Павлом вернулись уже за полночь. И тогда он позвонил тебе.

– А он знал, что вы бываете у меня?

– Он знал, что мы можем быть или в кино, или на бегах, или в Виланове, или у тебя, или еще где-нибудь, но из всех этих мест только у тебя есть телефон. Представляю, как ты обрадовалась!

– Безумно! Но я уже немного привыкла к необыкновенным событиям. А ты не представляешь, почему он мог бы звонить тебе?

– Так уже двадцать пять лет, что бы у него ни случилось, он всегда звонит мне. Я уже привыкла. А ты только меня осчастливила или еще кого-нибудь?

– Еще Гавела. Так что ты в хорошей компании.

– Очень приятно. А кто этот Гавел?

– Наш отечественный бизнесмен высшего класса. Я тебе рассказывала о нем. Да ты его знаешь, я как-то вас на улице познакомила, помнишь, огромная лысина и морда веселого сорванца?

– А, вспомнила. Он-то тут при чем?

– Понятия не имею. У покойника был записан номер его телефона.

Баська издала звук, как будто захлебнулась водой, которую я ей посоветовала выпить. Я удивилась и забеспокоилась.

– Не пей, когда говоришь. И не переживай так. В конце концов, не каждый день убивают наших знакомых...

– Подожди! – прервала меня Баська. – Ты говоришь, у Вальдемара был записан номер его телефона? Где записан?

– В записной книжке, недалеко от твоего. Кажется, на следующей странице. Они что, знакомы?

Судя по звукам, Баська жадно пила воду. Наконец она отозвалась:

– Не знаю. До сих пор я думала, что нет. То есть я хотела сказать, ничего об этом не знаю. То есть откуда мне знать, кого мог знать Вальдемар? И вообще, что за идиотизм – звонить тебе!

Я с ней охотно согласилась и, желая выяснить все до конца, спросила:

– Значит, и о тех двух ты тоже ничего не знаешь?

– О каких двух?

– Он ведь прошептал мне в трубку: "Опять эти двое". Из чего я поняла, что его прикончили знакомые. Ты их знаешь?

– Не знаю, знаю ли. Никто из моих знакомых не предупредил меня, что собирается пришить Вальдемара. Может, покойный вращался в неподходящем обществе, откуда мне знать? Я вращаюсь в подходящем.

– Ты давно его видела?

– Совсем недавно, несколько дней назад.

– И как он выглядел?

– Обыкновенно, совсем не напоминал жертву преступления. Послушай, у меня замерзли ноги. И пожалуй, я не очень люблю отвечать на вопросы в такую пору.

Я утешила ее, сказав, что милиция начнет их задавать не раньше семи утра. Баська чертыхнулась, а я решила оставить ее в покое и отключилась. Не потому, что пожалела или вспомнила наконец о своем хорошем воспитании, а просто надо было подумать.

Разговаривала Баська со мной как-то странно, не так, как всегда. Понятно, это отчасти объяснялось и тем, что я разбудила ее среди ночи, и тем, что вряд ли кому приятно узнавать о трагической гибели своих знакомых даже в более подходящее время. Но нет, тут что-то другое. Она говорила со мной как-то... неискренне. Вот именно – неискренне. Фальшивая нота прозвучала где-то в середине нашего разго-

вора и удержалась до конца. Она хотела что-то скрыть от меня, но что? Расспрашивала очень мало, не заинтересовалась ни подробностями преступления, ни самим погибшим. Лишь одно обстоятельство явно задело ее за живое – телефон Гавела. Почему?

Я чуть было не позвонила Гавелу, чтобы спросить, не знает ли он Дуткевича, да вовремя опомнилась. Гавел – последняя из странностей. А вокруг меня уже столько этих странностей накопилось, что давно пора разобраться с ними. Просто сесть и хорошенько подумать. Такой способ понять непонятное наверняка лучше, чем разговоры с людьми, – во-первых, потому, что люди не всегда скажут правду, во-вторых, такие разговоры вряд ли будут одобрены майором. Итак, попробую по порядку.

Как я ни старалась, разложить все по полочкам мне не удалось. Память упрямо подсовывала все события без разбору, независимо от того, имеют ли они хоть отдаленную связь с покойным Дуткевичем, Баськой и Гавелом. Единственное, что мне удалось выявить, так это хронологию событий. Увы, только хронологию...

Первым в цепи странных явлений было знамя.

Мои канадские родственники ни с того ни с сего обратились вдруг ко мне с настоятельной просьбой нарисовать для них знамя. Подробные инструкции относительно того, как должно выглядеть это знамя, они изложили в пространном письме. В нем же прислали и некоторые эмблемы, остальное надлежало раздобыть на месте. По окончании работ шедевр следовало отправить в Канаду, где его собирались вышить шелком.

Переполох, вызванный этим заказом, трудно описать. Я носилась по городу в поисках необходимых для работы материалов и орудий труда: бристоля, кисточек и красок, в том числе серебряной и золотой, – ничего нужного не нашла, зато в процессе поисков наткнулась на туалетную бумагу необыкновенной красоты и, естественно, закупила в большом количестве, вызвав тем самым жуткую зависть родных и знакомых. Толпы запыхавшихся людей во всех магазинах города стали домогаться сверхъестественного дефицита от ничего не понимающих продавцов. Затем мне удалось полностью дезорганизовать работу нескольких знакомых учреждений и нарушить покой многих знакомых семей, требуя раздобыть для меня изображение святого Георгия, убивающего дракона, ибо его изображение должно фигурировать на знамени. Отзывчивые люди копались в архивах, перетряхивали книги в домашних библиотеках, а одни знакомые так разошлись, что потом, наводя порядок, произвели заодно уж

и ремонт квартиры. Были подняты на ноги все родные, знакомые и знакомые знакомых. Когда же один из них с триумфом принес изображение святого Георгия на белом коне, раздобытое с большим трудом у деревенского свояка, оказалось, что я ошиблась и перепутала святых – на знамени должен быть изображен не святой Георгий, а святой Михаил Архангел в битве с драконом.

Достать святого Михаила оказалось намного легче, я просто обратилась в костел святого Михаила, благо он рядом с домом. Затем прорвалась в музей Войска Польского – в понедельник, когда музей для посетителей закрыт, – и вытребовала образцы необходимых милитарий. Плакатные краски, кисти и довоенную монету в 10 злотых мне одолжили друзья. Через несколько недель суматохи и напряженной работы знамя было готово.

В числе людей, втянутых мною в работу над знаменем, оказался и Гавел. Я упорно стояла на том, что у его брата Ежи, то бишь Георгия, должно быть изображение патрона. В результате на какое-то время Гавел перестал со мной разговаривать. Баська тоже была втянута, именно у нее я одолжила те самые 10 злотых. В моем распоряжении оказалось несколько экземпляров довоенных монет, появилась возможность выбора, и я выбрала Баськину монету, потому что на ней лучше всех сохранился заказанный Канадой орел. Но Баська со мной разговаривать не перестала.

Все мои знакомые, потерявшие покой сначала из-за святого Георгия, потом святого Михаила, потом из-за золотой краски, туалетной бумаги и довоенной разменной монеты, очень живо интересовались моими успехами в деле создания шедевра и непременно желали его увидеть. Я же демонстрировала его неохотно, ибо густая краска каждый раз сильно размазывалась, поэтому решила устроить коллективный просмотр, пригласив к себе гостей – впервые за долгое время.

Разложив на тахте два больших листа бристоля, густо покрытых разноцветными красками, я позволила собравшимся вволю насладиться плодом рук моих.

Из уважения к моему тяжкому труду они воздержались от критики. Павел же просто не мог оторвать глаз от моего творения и повторял в полном восторге: "Вот это флаг! Ну прямо как живой!" Кое-кто из гостей вскоре ушел, а кое-кто остался. Точнее, остались четверо: Баська, Павел, Янка и Мартин. Разговор, естественно, вертелся вокруг знамени.

– Интересно, как ты его собираешься отсылать? Краска и в самом деле размазывается, – говорила Баська. – Просто не представляю себе, что можно придумать.

– Вот именно! – подхватила Янка. – Я тоже не представляю. Закажешь такие громадные коробки?

— Сложишь вчетверо?

— Что ты! Какое вчетверо? Складывать, так уж в шестнадцать раз, вчетверо никуда не влезет.

Я вмешалась в дискуссию:

— Послушайте, ведь канадские заказчики именно это мне и советовали: сложить вчетверо и отослать им в письме.

— Ну так сложи.

— А ты себе представляешь, чем это кончится? Даже если я и достану такой огромный конверт, до Канады доберется лишь мятая макулатура. Нет, я отправлю бандеролью.

— Думаешь, в бандероли не помнется?

Павел, искренне озабоченный сохранностью шедевра, выдвинул другое предложение.

— Лучше отправить в железном ящике, — веско заявил он, — или в крепком чемодане.

— Никаких ящиков, никаких чемоданов, — возразила я. — Сверну в рулон и вложу в картонную трубку, тубус называется. Вот и вся проблема.

— Прекрасная мысль! — саркастически заметил молчавший до сих пор Мартин. — Тогда только и начнутся проблемы.

— Что ты хочешь сказать?

— Да ничего особенного. Будешь отправлять рулон, на международном почтамте развернут, посмотрят — ага, предмет искусства! И потребуют разрешения, заверенного Комиссией по охране памятников искусства или Комитетом народных промыслов.

Мрачное предсказание пало на нас как гром с ясного неба. Переварив услышанное, я возмутилась:

— Ты что, спятил? Неужели ты думаешь, что я со своей мазней отважусь обратиться в комиссию или комитет?

— А без их оценки и печати не примут на почте.

— Он прав, — угрюмо подтвердила Баська. — Если будет свернуто в рулон, скажут, картина. А картин без их печатей не принимают. Так что уж лучше сложи.

— В одну шестнадцатую!

Тут уж я не выдержала:

— Хватит болтать! Перегибать и складывать не буду! Ни один кретин не примет это за произведение искусства.

— Кретин как раз и примет, — ехидно заметил Мартин.

— Довольно! Я решила: сверну прямо на почте после того, как они посмотрят, чтобы лишний раз не мять, вложу в тубус, они запакуют, и отправится моя посылка в Канаду. И нечего тут каркать!

— Это как же? — удивилась Янка. — Ты считаешь, так оно и полетит прямиком в Канаду? И по дороге никто не будет вытаскивать и просматривать?

— А на кой черт просматривать?

– Ну как же... Ведь таможенники должны посмотреть, что там пересылается?

– Таможенный досмотр будет произведен при отправлении.

– А потом уже не будет? Я думала, что где-то по дороге посылки обязательно открывают и просматривают.

– Кто, по-твоему, этим занимается? Кондуктор в поезде? Пилот в самолете?

– А ты откуда знаешь?

– Специально занималась изучением вопроса, когда писала о контрабанде наркотиков, так что знаю все досконально. При отправлении на международном почтамте посылки просматривают работники таможенной службы, потом посылки облагаются пошлиной, потом запаковываются и отправляются. А если есть информация о нелегальных вложениях, тогда производится более тщательный таможенный досмотр. Сомневаюсь, что милиция* заподозрит меня в контрабанде.

Устранив с тахты знамя, я достала карты для бриджа, справедливо полагая, что после тяжких трудов заслужила право на невинное развлечение. Павел пододвинул кресло, Баська закурила и принесла себе отдельную пепельницу.

– Ты уверена? – спросила она.

– В чем? Что милиция не заподозрит меня в контрабанде?

– Нет, в том, что по дороге больше посылки нигде не проверяют.

– Крепко же сидят в тебе представления периода ошибок и искажений. Говорю тебе, просматривают только на почтамте и больше нигде.

Янка уронила под стол карты, и они с Павлом принялись их собирать, ползая на четвереньках. А Баська упрямо развивала тему:

– В таком случае я могу отправить знакомым за границу, скажем, вышитую крестиком подушечку-думку, набив ее бриллиантами? И она преспокойно дойдет?

– Тебя засекут при отправке, слишком тяжелой окажется твоя подушечка. А вот если ты ее набьешь бумажными долларами, тогда могут и не засечь.

– А у тебя есть бумажные доллары? – поинтересовался Павел из-под стола, но не успела я ответить, как меня перебил Мартин:

– С бумажными долларами ее тоже засекут, они шуршать будут.

Я пошла на уступки:

– Ну тогда можешь выслать какие-нибудь шпионские ма-

*В Польше таможенная служба находится в ведении МВД.

териалы – микрофильмы или что другое. Маленькое, легкое и не шуршит.

– Нет у меня шпионских материалов, – огорчилась Баська. – Впрочем, долларов и бриллиантов тоже нету. Может, у вас есть?

– Есть. Разумеется! Целые кучи. Я специально нарисовала знамя, чтобы их переправить.

Вместо того чтобы играть в бридж, вся компания вдруг с оживлением принялась обсуждать проблему контрабанды в целом и возможности переправки контрабандных товаров в моем тубусе в частности, совершенно игнорируя при этом тот факт, что у меня не было ни контрабандных товаров, ни, следовательно, желания их переправлять. Да и у них не было ничего подобного, так что их повышенный интерес к контрабанде был совершенно непонятен.

– Нет, бриллианты отпадают, – решительно заявил Павел. – Они будут грохотать в этом, как его... ну, в трубке. А золото слишком тяжелое.

– Нелегально пересылать лучше всего "Гвиану", – предложил Мартин. – Или "Маврикия". Можно приклеить скотчем внутри тубуса. Так что если у тебя найдется "Гвиана" – вот удобный случай избавиться от нее.

– Что за "Гвиана"? – спросила Янка, и я с готовностью удовлетворила ее любопытство:

– Самая редкая в мире марка. Ее единственный экземпляр принадлежит филателисту-миллионеру, который пожелал остаться неизвестным. Теперь выясняется, что этот неизвестный миллионер – я, только до сих пор я сама об этом не знала.

– Вот и хорошо, отправь ее подальше. Прекрасная мысль – прилепить внутри к трубке.

Наконец они угомонились, и мы занялись бриджем, только Баське, первой выходящей, делать было нечего, и она продолжала морочить мне голову:

– Послушай, раз уж ты все знаешь, расскажи, что потом делается с посылками? И что бывает, когда обнаруживается контрабанда?

– Все принятые на главпочтамте посылки сваливают в кучу в отдельной комнате, там их сортируют. Подозрительные просматривают в другом помещении. Без причины потрошить не будут, сама подумай, распорют твою подушку, полетят пух и перья по всей конторе, ничего неположенного у тебя не обнаружат, как тогда? Придется выплачивать тебе возмещение убытков. Кому это надо?

– Я думаю, ты права, – заявил в пространство Мартин.

– Кто прав? Я или Баська?

– Ты. Честный человек может смело идти на преступле-

ние. Ирония судьбы, вот как это называется. Может, но не идет.

– Зря пропадает, – вздохнула Янка.

– Так, может, выкинем что-нибудь этакое, чтобы не пропадать зря? – предложила Баська. – А что делают с такими посылками за границей?

– Это смотря где, – пробурчал Мартин.

– Три без козыря, – решительно объявил Павел.

– На Западе, где же. Что делают? – настаивала Баська.

– Пас, – ответил Мартин. – Как правило, доставляют адресатам.

– И никто их не проверяет?

Все спасовали, свои карты я выложила на стол. Павел начал разыгрывать свои три без козыря.

– А на кой черт проверять? – удивилась я. – Кому какое дело, что ты отправляешь?

Мартин меня поправил:

– Разве что подумают – спиртное. Тогда вскроют и наложат пошлину.

Но тут я его поправила:

– И то не всегда. Они верят тому, что написано. Написано, что пол-литра, они берут пошлину за пол-литра. А если в сопроводительной квитанции ты напишешь, что отправляешь "бобровку" вместо "зубровки", так и вовсе не будут открывать, потому как не поймут, и дойдет без пошлины.

– А если все-таки догадаются, что бриллианты?

– Ну, это зависит от страны. В Скандинавии, например, даже если и обнаружат бриллианты, все равно доставят их тебе в целости и вручат с почтением, ни одного не украдут, там это не принято. А вот в слаборазвитых странах непременно свистнут – и поминай как звали.

– Берем пять, – сказал Павел. – На два больше.

– В таком случае переправлять контрабанду я буду только в Скандинавию, – решила Баська. – Вот интересно, как пройдет у тебя пересылка знамени, скажи, ладно?

Игра в бридж закончилась для меня небольшим проигрышем. Знамя я свернула, засунула в тубус и отправила в Канаду, записав в таможенной декларации, что отправляю эскиз вышивки, благодаря чему удалось избежать визита в комитет и комиссию. Через три недели мне из Канады сообщили, что мой шедевр получен и в дороге не пострадал, о чем я с удовлетворением информировала Баську, которая наконец-то оставила в покое идею насчет контрабандных бриллиантов и перестала переживать, что их честность пропадает зря.

*   *
*

Через несколько дней после отправки знамени мне неожиданно нанес вечерний визит Мартин и уже с порога заявил, что пришел по делу. Разговор он начал с вопроса:

– У тебя есть какой-нибудь иностранный каталог марок? Хороший каталог.

– Есть. Каталог Гиббонса. Большой, в нем марки всего мира.

– А ты дашь его посмотреть?

– Дам, но ненадолго. И не уверена, что ты в нем разберешься, там не везде есть репродукции, а в основном только описания.

– На каком?

– На английском.

– Тогда разберусь. А цены есть?

– Есть, и даже самые актуальные.

– В какой валюте?

– В новых пенсах и фунтах. Устраивает тебя?

– Вполне.

– Послушай, у меня есть еще и польский ценник иностранных марок, – добавила я, озадаченная его внезапным интересом к филателии. – Тоже актуальный. В нем марки европейских стран. Цены в польских злотых. Желаешь?

– Если ты не против...

Я была не против. Как уже говорилось, тогда я по уши погрузилась в свою научно-фантастическую повесть, преследования ядерщиков отнимали у меня все силы, и заниматься марками не было времени. Согнувшись под тяжестью Гиббонса и польского ценника, Мартин отбыл восвояси. Был он в тот вечер какой-то странный, но я тогда не придала этому значения.

Через неделю он опять пришел, приволок оба справочника, спросил, не найдется ли у меня для него свободной минутки, узнал, что найдется, закурил сигарету и молча уставился в окно. Я тоже молчала за компанию, ожидая, когда сам созреет.

– Как ты считаешь, есть в них хоть доля правды? – наконец произнес он, с отвращением тыча пальцем в справочники. Меня несказанно удивила такая живая ненависть к невинным книгам.

– Есть. Больше того, в них правдиво все.

– И отсюда следует, что идиотская "Гвиана" действительно стоит сто двадцать тысяч фунтов?

– Теоретически. А практически она стоит столько, сколько за нее заплатят. В каталоге, по всей вероятности, простав-

лена сумма, полученная за марку на последнем аукционе. На следующем она будет больше. А ты что, собираешься ее купить?

Мартин опять засмотрелся в окно. Прошло сто лет, прежде чем он ответил:

– Неплохое помещение капитала. Я бы и купил, да мне немного не хватает, всего лишь ста девятнадцати тысяч девятисот девяноста девяти фунтов и девяноста пенсов. Десять пенсов у меня есть.

В его голосе прозвучало столько горечи, что мне стало не по себе. В чем дело? Зная по опыту, что на прямой вопрос ответа от него не дождешься, расскажет, когда сочтет нужным сам, я не стала допытываться, а применила хитрую тактику и великодушно предложила одолжить ему еще десять пенсов, чтобы меньше не хватало.

Мартин вздохнул, погасил сигарету и закурил следующую.

– У меня такие неприятности, что никакой жизни нет, – с усилием произнес он. – Буду признателен, если ты меня выслушаешь. Ты разбираешься в марках, может, что и посоветуешь.

Не настолько уж хорошо я разбиралась в марках, чтобы давать стоящие советы, но своих сомнений не высказала, боясь сбить его с мысли, и лишь молча кивнула.

– Так вот, – начал Мартин. – Есть один человек...

И замолчал. Я терпеливо ждала. Мартин думал. Долго думал, а потом скорректировал предыдущее высказывание:

– Точнее будет сказать – был. Его уже нет.

– Умер? – вежливо поинтересовалась я.

– Вроде того.

И опять замолчал, задумчиво созерцая пейзаж за окном. Придерживаться тактики пассивного выжидания у меня не хватило больше терпения, и я рискнула его подтолкнуть:

– Ну? И что теперь? Ты должен его хоронить?

Мартин испустил тяжкий вздох и мрачно изрек:

– Я с ним тесно связан.

– В каком смысле? Ты тоже должен умереть?

– Не обязательно. Хотя и так чуть жив, и, возможно, смерть – лучший выход для меня. А если ты будешь прерывать на каждом слове, я никогда не кончу. У этого человека были предки.

Я долго крепилась, но не выдержала:

– Дело житейское. С каждым может случиться.

– Да нет, у него особые предки. Я им плохого не желаю, но чтоб их разразило на месте, этих предков!

– А что, – удивилась я, – разве они еще живы?

Мартин глянул на меня с сожалением и насмешливо пояснил:

– Этот человек родился в 1895 году. А его предки, сама понимаешь, родились еще раньше.

– Да в чем дело-то? Ведь это его предки, не твои, что ты так переживаешь?

– Они мою жизнь сгубили. Можешь ты, в конце концов, выслушать меня и не перебивать? Все время меня сбиваешь.

– Могу. Я и слушаю, только ты после каждого слова делаешь такую паузу, что я думаю – уже конец, больше ничего не скажет. Говори непрерывно, ладно?

– Хорошо, попробую непрерывно. У этого человека был папа, родившийся на тридцать лет раньше, то есть в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году. У папы тоже был папа, который родился за тридцать лет до своего сына, то есть в одна тысяча восемьсот тридцать пятом году. Ну и последний папа, значит, дедушка этого человека, и заварил кашу. А именно: сопляк начал собирать марки.

Я быстренько подсчитала, что в момент выпуска первой почтовой марки дедушке таинственной личности было пять лет. Вряд ли в столь нежном возрасте сопляк вел оживленную корреспонденцию, да еще на иностранных языках. Интересно, что же он собирал и как? Да и вообще филателистическая горячка началась несколько позже...

– У него был дядя, – продолжал Мартин и этим заявлением снял все вопросы. – Дядя, ясное дело, был постарше племянника и занимался тем, что путешествовал, гореть ему в аду вечно. Не знаю, что ему втемяшилось в башку, но только из каждого путешествия он привозил этому щенку марки – свеженькие, прямо с почты, да вдобавок отдавал ему все письма. И этот подонок все сохранил!

– Не вижу в том ничего плохого, – вступилась я за дедушку. – Наоборот, очень благородное занятие.

– Ты меня не зли! – фыркнул Мартин. – Сначала послушай, чем все обернулось для меня. Ублюдок так увлекся этим благородным занятием, что не бросил его и когда вырос. Более того, этого мерзавца тоже потянуло путешествовать, ездил по своим торговым делам и отовсюду привозил марки. Жил он до тысяча девятьсот первого года, а потом отдал богу душу.

– И перестал привозить, так что можешь успокоиться, – заметила я примирительно, ибо Мартин свирепел все больше.

– А вот и нет. Уходя в мир иной, он подложил мне свинью. Всю свою коллекцию завещал сыну, то есть папе этого человека. Папаша был тот еще жмот. Он сразу же сообразил, что коллекция стоит больших денег и стоимость с годами будет расти, поэтому упрятал ее в несгораемый сейф и принялся энергично пополнять, скупая все, что попадется под руку, на почте, в комиссионках, на аукционах и распро-

дажах. И все тут же прятал в свой сейф, так что ни одна живая душа его марок не видела. Меж тем прошумело несколько войн, происходили и другие исторические события, но коллекция от них не пострадала, хоть и находилась на территории нашей многострадальной страны, раздираемой историей. Представляешь, столько всего вокруг происходило, рушились дома и города, гибли люди, а проклятой коллекции ни черта не делалось! Наконец и папаша преставился, в очень почтенном возрасте, в тысяча девятьсот тридцать седьмом году. В завещании он наказал сыну, вот этому самому человеку, на все плевать и беречь только марки. А ведь он был очень богат, но вот видишь, пренебрег всем имуществом из-за марок, хотя и сам точно не знал, что они собой представляют. Сын, то есть этот человек, в марках тоже не разбирался, разложил коллекцию, осмотрел ее и опять запаковал, не имея понятия, что с ней делать. Но раз отец велел – он ее берег. Когда началась последняя война, он вложил свое сокровище в чемодан, тщательно обернул чемодан брезентом и закопал в погребе у знакомых в деревне, а после войны достал его в целости и сохранности. В войну он потерял жену и детей, все родные погибли, а проклятые марки остались целы.

Потрясенная, слушала я эту невероятную историю, боясь перевести дыхание. Но тут Мартин опять сделал паузу и долго молчал. Так бы его и придушила!

– Ну? – спросила я, не выдержав. – Что же было в коллекции?

– "Колумбы", – ответил Мартин с непонятным мне отвращением. – Три негашеные серии, комплектные. Два негашеных "Маврикия". "Меркурии" в количестве шести штук, тоже негашеные. Все немецкие княжества, свеженькие, прямо из-под пресса. Канада, Англия, Соединенные Штаты – прелестные подборки, начиная с одна тысяча девятисотого года. Вся первая Польша, чистая и гашеная, все надпечатки на австрийских, за исключением десятикроновых, американский самолет вверх брюхом, две штуки. Полный Гондурас и авиапочта, первые марки Молдавии, Испании, Португалии, Сардинии, Пармы, туда ее в душу, Родезия, Натал, Уганда – все до тысяча девятисотого года. А в девятьсот первом, повторяю, проклятый дедушка дал дуба. Так что, к счастью, "Гвианы" не было, зато есть все швейцарские кантоны.

– Пресвятая Богородица! – только и могла пролепетать я.

Мартин же мстительно закончил:

– А из послевоенных – люблинские выпуски и три боксера вверх ногами. Ну как, довольно с тебя?

Ошеломленная открывшимся перед моим мысленным

взором богатством, я не в состоянии была сразу ответить, а потом отозвалась дрожащим голосом:

– Довольно. Хватило бы и половины. И что стало со всем этим? Где оно сейчас?

Мартина опять блокировало. Он долго выбирал сигарету, закурил и опять уставился в окно. Затем в подробностях изучил потолок моей комнаты, потом перенес свое внимание на собственные ботинки, после чего по новой принялся изучать пейзаж за окном. И вдруг заявил:

– У этого человека были комплексы.

Я опять подумала, что уж теперь-то обязательно его придушу, и честно предупредила:

– Мартин, у меня нервы.

– У меня тоже. И слушай, что я говорю, это важно. У него были комплексы. Фрустрация, понятно? С детства вынашивал честолюбивые планы, мечтал свершить великие дела, но у него как-то ничего не получалось. В семье не воспринимали его всерьез, там царил культ отца, карьеры он не сделал, война разрушила его жизненные планы, к новому строю он отнесся без восторга, общество его не оценило. Отсюда фрустрация и комплексы. Впрочем, может, все было не совсем так, я не психиатр. Короче говоря, ему во что бы то ни стало нужно было самоутвердиться, прославиться, прогреметь, пусть только один раз, на всю страну и, желательно, войти в историю.

– Если ты сейчас скажешь, что он публично сжег марки...

– Нет, заделаться Геростратом он не собирался, наоборот. Марки он решил передать государству, родине то есть. Но перед этим пожелал узнать, что же собирается пожертвовать родине. Раздобыл каталоги, извлек и разложил товар, немного разобрался, что к чему, и офонарел. До такой степени, что принялся пополнять свою коллекцию, отсюда в ней и послевоенные марки. О его тайне не знала ни одна живая душа, свое сокровище он скрывал ото всех – фамильная черта, узнаешь? А мечтал он о том, чтобы у нас в стране создать филателистический музей, в котором его коллекция будет занимать почетное место, под стеклом, как положено, и большими красивыми буквами – фамилия благородного дарителя. Почтовый музей во Вроцлаве его почему-то не устраивал, он зациклился на филателистическом музее в Варшаве, стал энергично хлопотать и даже выразил готовность вложить собственные средства в создание такого музея. Заявил: все отдам, что имею. А у него оставалось еще немало. На пенсию, заявил, буду жить. Ну и влип, дурак!

Идиотская все-таки манера замолкать в самый неподходящий момент! Нет, я за себя не ручаюсь!

– Что значит влип? Во что влип? Посадили его, что ли, за музейную идею?

– Не совсем. Просто кое-кто начал интересоваться, чего это он так печется о музее. Ну и узнали, что есть у него марки, каких свет не видел, похлеще, чем у королевы английской. Наверное, он сам их кое-кому показал, я так думаю – специально, чтобы дело с музеем протолкнуть, а кое-кто не выдержал и проболтался, так что слушок пополз. Подпольным миллионером сразу заинтересовались так называемые элементы. Когда они вломились к нему в квартиру в третий раз, он заволновался: ведь случайно могли и найти марки. Вот он и придумал дьявольски хитрую штуку – отдать коллекцию на хранение постороннему лицу, на которого никто не подумает. А чтобы окончательно запутать дело, официально передать своему нотариусу пакет неизвестно с чем. Люди рано или поздно узнают, что у нотариуса хранится сокровище. Ну, ты понимаешь, что я хочу сказать: если солидному нотариусу что-то передается на сохранение, всем ясно, что это сокровище, ценности, в данном случае – бесценная коллекция марок. Никому не придет в голову, что бесценное сокровище обретается бог знает где, так что в крайнем случае элементы организуют кражу со взломом у нотариуса. Ясно я излагаю?

Излагал он предельно ясно, и я всецело одобрила хитрую комбинацию, с нетерпением ожидая продолжения рассказа. Странно, все так хорошо складывалось, а настроение Мартина портилось прямо на глазах и становилось уж совсем паскудным, но я надеялась, что он сам объяснит причину.

– И представь себе, дело с музеем таки сдвинулось с мертвой точки, – продолжал Мартин загробным голосом. – А именно: почта согласилась подумать. Уже велись разговоры о том, чтобы для музея выделить кусочек чего-нибудь подходящего, ну, например, часть восстановленного Королевского замка, в конце концов, расходы небольшие, были бы четыре стены и достаточно, а если коллекция такая замечательная, как о ней говорят, то имеет смысл. В своем завещании, передавая коллекцию государству, он вставил специальную оговорку, что, если музея не будет, фиг он подарит коллекцию государству, отдаст кому попало, и дело с концом. Нет, прошу тебя, не задавай мне глупых вопросов, я все равно не знаю, как все оно было юридически оформлено. Знаю только, что, если бы произвели экспертизу и оценили коллекцию, музей бы тут же нашелся.

– Ну так в чем же дело? Почему не провести экспертизу марок?

Мартин помолчал и коротко ответил:

– Потому что их нет.

– Как?..

– А вот так. Пропали.

Теперь уже я лишилась дара речи.

– Их нет, – повторил Мартин в угрюмом ожесточении. – Этот человек сделал так, как задумал, нотариусу передал на сохранение барахло, коллекцию оставил постороннему лицу, с удовлетворением воспринял следующие две кражи со взломом в своей квартире, а после у него стало плохо со здоровьем. В настоящее время он в больнице, доживает последние дни.

– Но ты же сказал, что он умер.

– Я сказал – вроде того. Не забывай, что ему далеко за восемьдесят и что он пережил две войны. Так что вряд ли выкарабкается. Но дело не в этом, а в марках, которые он отдал на сохранение постороннему лицу. Обращаю твое внимание на тот факт, что постороннее лицо не знало, что́ именно ему передали. Попросили, чтобы у него полежало, ну оно, это лицо, и приняло. Сверток небольшой, места много не занимает, пусть лежит. К постороннему лицу в дом приходили разные люди, бывали гости, и, видимо, среди них оказались особы морально неустойчивые, вот и стянули сверток. Может, для того, чтобы его стянуть, они и стали бывать у постороннего лица.

Вот теперь я начала не только понимать чувства, обуревавшие Мартина, но и разделять их.

– О боже праведный, неужели ты считаешь, что теперь марки уже не найти?!

– Именно. Вряд ли вор сдаст коллекцию в комиссионку, в филателистический отдел.

– Ясно, что не сдаст. Вывезет за границу, и конец! Мартин, ради бога, сделай же что-нибудь!

– Если бы я знал, что делать! Может, он уже вывез.

Я молчала, потрясенная, расстроенная, жутко злая на неизвестного кретина, который не сумел уберечь такое сокровище. Вот и опять наше национальное достояние уплыло за границу! В который уже раз растаскивается по кусочкам, и в который раз меня охватывает бессильная ярость, когда об этом узнаю. Но еще хуже будет, если окажется, что марки украл темный домушник, не имеющий никакого понятия о филателии. Настроившись на золото и обнаружив в украденном пакете ненужные бумажки, он в приступе разочарования просто уничтожит их. При одной мысли об этом плохо делается...

– Я не сказал тебе еще об одной вещи, – продолжал Мартин. – Постороннее лицо оказалось совершенно в идиотском положении. В завещании было оговорено, что, если музея не будет, коллекция достанется обыкновенному гражданину, и этим гражданином как раз и было постороннее лицо, у которого свистнули марки. Выходит, когда после смерти

завещателя будет обнаружена пропажа марок, подозрения в первую очередь падут на законного наследника. Вот, дескать, поторопился, решил не ждать, пока выяснится дело с музеем, пока умрет владелец, поспешил прикарманить сокровище. Нет, не украл, избави бог, просто был уверен, что марки принадлежат ему по закону. Во всяком случае, любой может считать, что он так считает, и именно так будет оправдываться. Музей, дескать, дохлое дело, все равно коллекция достанется ему, ну и несколько опередил события. До тебя доходит?

Изложено немного сумбурно, но доходило. Невзирая на сумбурность, рассуждения Мартина были логичны. Сумбур усугубляли и мои рассуждения о моральном облике наследника: если он не вор, а честный человек, то присвоил, потому что не верил в создание музея. Какой же тогда честный? А если украл, то, значит, вор, который верил в создание музея. Какой же тогда вор? Но так или иначе, а подозрение, конечно, в первую очередь падало на наследника, у которого хранились марки.

С трудом собирая воедино расползающиеся мысли, я попыталась выудить конкретные данные:

– Минутку, скажи, есть ли какие-то догадки насчет личности подонка, стащившего марки? И при чем здесь ты? Когда все это происходило и почему именно тебе теперь нет никакой жизни?

Мартин ответил, как-то странно усмехаясь:

– Событие произошло недели три назад, а что касается моей особы – догадайся сама.

– Да о чем догадываться, черт тебя дери! Отвечай прямо!

– Ну прямо, так прямо. Видишь ли, так уж получилось, что постороннее лицо, наследник, короче говоря, жертва филателии – это я! И посоветуй, что мне теперь делать.

Меня охватил ужас. Не в силах поверить услышанному, глядела я на Мартина. Возмущение выплеснулось в крике.

– Как ты мог?! Допустил, чтобы украли такие марки! Да знаешь ли ты, кто ты такой после этого?

– Успокойся, я и так сам не свой. И пойми, ведь я понятия не имел, что в этом свертке. Мне дали, я взял, положил на книжную полку и забыл про него. Несколько раз ко мне на бридж приходили гости, не запираться же мне ото всех? Люди всегда ходили ко мне, и никогда ничего не пропадало. Это первый раз.

Немного придя в себя, я потребовала дать отчет во всех подробностях. Из подробностей следовало, что главной виновницей случившегося являюсь я сама вместе со своим канадским знаменем. И прав был Мартин, когда с горечью вопрошал:

– Ты отстранилась от светской жизни, но где-то ведь надо было собираться, чтобы поиграть в бридж? Так что же мне оставалось делать?

Естественно, услышав такое, я расстроилась еще больше. Из дальнейшего выяснилось, что в последнее время у него бывали и незнакомые, приглашенные знакомыми, так как не хватало игроков. И не раз заходил разговор о таинственном свертке. Спрашивали, что это такое лежит у него на книгах, а Мартин рассеянно отвечал, что отдано ему это на сохранение и он сам не знает, что там такое. А если кто-нибудь из гостей был связан с филателией, то мог догадаться о содержимом свертка, потому что всем было известно о знакомстве Мартина с владельцем коллекции. Мартин знал его давно, бывал у него дома, тот даже оставил ему ключи от квартиры, когда его взяли в больницу. Мартин же часто навещал своего знакомого в больнице, приносил передачи, и однажды во время одного из визитов тот передал Мартину спецификацию марок. Был это перечень всех имеющихся у него марок с подробным описанием номинала, цвета, характера изображения, номера в каталоге, зубцовки и некоторых других свойств. Не была указана лишь их актуальная стоимость. Сначала больной держал этот список у себя в больнице, а потом почему-то счел нужным вручить его Мартину. Тот довольно долго таскал список в кармане пиджака, потом сунул в ящик стола и забыл про него. Вспомнил лишь после того, как обнаружил пропажу свертка, извлек из ящика, сравнил с каталогом и пришел в ужас.

– Что тебе теперь делать, я не знаю. И ты совершенно не предполагаешь, кто мог слямзить марки?

– Предполагаю. Жулик. Один из трех жуликов, которые удостоили меня своим посещением. Но вот который из трех – не знаю.

– Зачем же ты приглашал к себе домой жуликов? И где ты их разыскал?

– Их привели знакомые. А разыскали через своих знакомых. Сама ведь знаешь, бывает так, что для бриджа не хватает четвертого. А наберется две компании – так и двух четвертых. Ну да черт с ними. Лучше скажи, что этот вор будет делать дальше с марками? Не на барахолку же пойдет торговать?

– На барахолку не пойдет. А вот что будет делать, зависит от того, понимает ли он, какое сокровище оказалось в его руках.

– Предположим, понимает.

– Тогда будет стараться выручить за них как можно больше. Думаю, сначала произведет экспертизу, так как без нее не продать марок знатокам, а потом попытается их сбыть.

Или на аукционе, или прямо коллекционерам. Коллекционер может купить и втайне, хотя и догадается, что дело нечисто, но уж так устроен человек, что каждая мания делает его морально неустойчивым. Но, честно говоря, я сомневаюсь, что в Польше найдется филателист, у которого хватит капиталов приобрести всю коллекцию целиком. Ведь это же какие миллионы! Вот если по частям... На аукционе можно получить намного больше, на Западе продают в основном с аукционов, но тогда огласки не избежать...

– Знаешь, я на всякий случай уже стал почитывать их прессу, мне тоже пришли в голову аукционы. Ведь там он может действовать и анонимно. И если бы мне попалось сообщение о том, что идет с молотка анонимная коллекция...

Мне пришла в голову гениальная мысль.

– Послушай, ты говорил о том, что в коллекции были два "Маврикия"? Ведь "Маврикии" все наперечет, и давно известно, кто их счастливый обладатель. Известно также, что из берлинского музея пропали две штуки, но наверняка эти твои два "Маврикия" совсем другие, еще неизвестные филателистам, так что, если они объявятся, будет сенсация! Они не могут остаться незамеченными, и, если в прессе появится упоминание о том, что где-то будут продаваться "Маврикии", можешь быть уверен, что они из твоей коллекции. Или если продается коллекция с двумя "Маврикиями", то это как раз твоя.

– Ну хорошо, я узнаю, что будет продаваться моя коллекция, попадется мне упоминание о "Маврикиях", и я догадаюсь. Не в этом же дело!

– А в чем?

– Допустим, я узнаю о продаже моих марок, допустим, мне даже удастся поехать туда и я попаду на аукцион. А что дальше? Ну, попробую доказать, что марки украдены у меня, покажу список, подниму шум на всю Европу, и что это даст? Я же ничего не смогу доказать, ведь коллекции-то никто в глаза не видел. И я никому не сообщил о ее пропаже...

– Вот именно! – с раздражением прервала я. – Почему ты сразу не сообщил кому надо о ее пропаже?

– Потому что растерялся. Сперва подумал: поищу сам, а не найдется, черт с ней, верну хозяину ее стоимость, пусть даже несколько тысяч...

– Спятил! "Маврикии" за несколько тысяч?!

– А откуда я мог знать, что там были эти чертовы "Маврикии"? Думал, какие-то пустяки. А еще раньше думал, что сверток просто куда-то завалился, а потом стал думать, что кто-то надо мной подшутил. Я даже попросил своих знакомых, знаешь, вежливо так попросил не валять дурака и вернуть сверток. И к тому же...

Он замолчал, сомневаясь, стоит ли мне говорить, долго думал и все-таки сказал:

– И к тому же, по правде говоря, не имею ни малейшего желания объявлять о том, кто ко мне приходит. Особенно это касается одной особы. Ни за что! Милиция сразу же начнет всех допрашивать, копаться... Не сообщил еще и потому, что не хочется выглядеть кретином. Сама подумай, мне отдана на хранение ценная вещь, а как я сохраняю? К тому же оказывается, что эту ценную вещь я же наследую: ясно, имитировал кражу, наверняка со своим сообщником. Нет, мне ни в жизнь не оправдаться. До всего этого я додумался еще до того, как узнал об истинной ценности проклятой коллекции, когда пришел к выводу, что лучше отдать владельцу деньги, чем впутывать милицию. Но вот посмотрел список – и как гром среди ясного неба! Что делать – не знаю. В милицию ни за что не пойду, все равно это ничего не даст.

– Почему же не даст? Они начнут искать...

– И найдут вора. Меня. И больше искать не будут. Это же ясно!

– Ну что ты говоришь! Не будут искать несколько десятков государственных миллионов?

– Они еще не государственные. Пока они частные. Владелец еще жив. А меня посадят...

И тут я взорвалась. Меня всегда возмущали подобные обывательские рассуждения – у милиции только и дел, что сажать всех подряд! Вот и сейчас я обрушилась на Мартина:

– Глупости говоришь! Они так сразу не сажают. Сначала какое-то время покрутятся вокруг тебя...

– ...и это будут счастливейшие минуты в моей жизни, – насмешливо докончил Мартин. – Сама ты говоришь глупости! Какие могут быть сомнения, конечно, меня посадят! Загребут как миленького. Ну, пораскинь мозгами! Все против меня, они просто обязаны заинтересоваться моей особой! А мне, как никогда, именно сейчас нужна свобода.

– Зачем?

– Ну как ты не понимаешь?! Ведь только на свободе у меня есть какие-то шансы что-то сделать. Правда, шансов этих у меня не больше, чем грации в носороге, но другого ничего не остается. Я хочу попытаться прижать моих жуликов, выяснить, кто же из них спер марки. Если они не уплыли еще за границу – а надежда есть, ведь на экспертизу требуется время, – попробую их у него выдрать. Шантажом, хитростью, угрозами – как получится. И сама понимаешь, милиция мне тут нужна как телеге пятое колесо, особенно если придется ехать за границу.

Нельзя было не согласиться с ним. Ясно: если начнется

следствие, ему не дадут разрешения на выезд за границу. Конечно, у милиции больше возможностей в розыске похищенного, чем у Мартина, и, будь мы твердо уверены, что сокровище не покинуло пределов Польши, я, как гранитная скала, стояла бы на своем: немедленно сообщить о случившемся милиции. Но если марки за границей, дело принимает совсем другой оборот.

– Давай смотреть правде в глаза, – угрюмо продолжал Мартин. – Хоть я и совсем не представляю себе, в чем заключается сотрудничество нашей милиции с Интерполом, но не сомневаюсь: они бы рьяно принялись за розыски нашего национального достояния стоимостью в несколько миллионов. Если, конечно, будут уверены, что оно действительно национальное, что оно действительно стоит несколько миллионов и что оно действительно похищено. А тут что? Никакой уверенности, одни туманные, сбивчивые пояснения какого-то подозрительного субъекта, ничем не подтвержденные, никаких доказательств. И ты думаешь, наши органы рискнут? Не побоятся в случае чего выглядеть дураками перед иностранными коллегами?

Я принуждена была согласиться – может, и побоятся. И только уточнила:

– Подозрительный субъект – это ты?

– К сожалению, я. Знаешь, будь я уверен, что эта скотина не вывезла еще марки за границу, так уж и быть, плюнул бы на то, что покажусь кретином, явился бы в милицию, все рассказал бы и отсидел свое, лишь бы отыскались марки. Как ты думаешь, он успел вывезти?

Тут мы с Мартином стали прикидывать, как скотина могла уложиться во времени, и у нас получалось: вывезти марки можно было успеть, а продать – вряд ли, потому как для этого надо найти экспертов и провести экспертизу. Да и уехать за границу скотина вряд ли успела, разве что крала уже с загранпаспортом в кармане. Я предложила Мартину написать в Отдел заграничных паспортов анонимку на всех трех жуликов, чтобы им не разрешили выезд, но Мартин в ответ на мою блестящую идею лишь постучал пальцем по лбу.

– Он мог предвидеть такую опасность и передать марки для вывоза кому угодно. Я бы, например, предвидел. И вообще, брось ты свой сомнительный оптимизм, видишь же, что дело серьезное.

Мне очень хотелось знать, кто именно из наших общих знакомых привел в дом к Мартину подозрительных жуликов и почему, но в ответ на мои расспросы он лишь как-то странно посмотрел на меня и не ответил. Затем заставил меня поклясться, что я никому ни слова не скажу о случив-

шемся и даже с ним не буду заговаривать на эту тему, пока он сам не заговорит. Иначе он за себя не ручается.

Вся история с марками расстроила меня страшно, причем больше всего я расстроилась из-за собственного бессилия – ведь ничего не могу сделать, мне даже говорить об этом запретили! Несколько дней я жила ожиданием новых известий, их не было. Мартин молчал как рыба, бушевавшие во мне страсти искали выхода, и я с удвоенной энергией набросилась на ядерщиков. И с головой погрузилась в свою научно-фантастическую повесть, а страшная история с марками отодвинулась на десятый план.

Вскоре после этого меня очень удивила моя приятельница Янка. Я забежала к ней на работу по делу, а она задала мне дурацкий вопрос:

– Ага, послушай, чуть было не забыла, ты случайно не знаешь, у кого можно купить тысячу долларов?

– Думаю, у валютчиков, – ответила я ей, удивленная не столько самим вопросом, сколько тем, что его задает Янка. Всю жизнь ее знаю – никогда не проявляла ни малейшего интереса к подобным вещам. – Зачем тебе понадобилась тысяча долларов?

– Да ты что, это не мне! Одни мои знакомые ищут. Нет, у валютчиков они не хотят покупать.

Я пожала плечами. Что мне за дело до фанаберий каких-то ее знакомых? Но Янка позвонила мне на следующий день и измученным голосом спросила:

– Слушай, не знаешь ли случайно кого-нибудь, кто бы продал тысячу долларов?

– Что с тобой? Ты ведь меня уже спрашивала, и я тебе ответила, что не знаю! – рассердилась я.

– А, правда, я совсем забыла. О господи, самой мне ничего не приходит в голову, а они пристали как банный лист – найди да найди. Обещают очень хорошо заплатить. Ты и в самом деле никого такого не знаешь?

– Если ты меня спросишь об этом в четвертый раз – придушу и тебя, и твоих знакомых! И чего ты-то так переживаешь? Скажи им, что не знаешь, и дело с концом.

– Да разве от них так просто отделаешься? Насели на Доната, без конца морочат ему голову, а он мне. У меня уже сил нет.

– У меня тоже. Я сейчас очень занята. Мне надо найти одну такую маленькую штучку с дном.

– С каким дном?

– Непроницаемым для космических лучей. Чтобы оно отражало их.

– Спятила! – сказала шокированная Янка и повесила трубку.

И Янка, и ее тысяча долларов тут же вылетели у меня из головы, я ни на секунду не задумалась о них. А кто знает, может, и стоило?

* *
*

Об ограблении супругов Ленарчиков мне сообщил мой старший сын. С Ленарчиками я не была знакома, только слышала о них и запомнила потому, что они исповедовали очень уж нетипичное отношение к сохранению своего имущества, а именно: проявляли крайнюю антипатию ко всем без исключения запорам и замкам и поразительное легкомыслие к прочности дверей, за которыми находилось их имущество.

– Нет на свете таких замков, которых не сможет открыть хороший вор, и нет такого тайника, который он не сумеет найти, – так, по слухам, рассуждал Бартоломей Ленарчик. – А чем больше ставят запоров и чем хитрее замки, тем больше возникает подозрений, что за ними найдется чем поживиться. А зачем же вызывать у людей подозрения?

За дверями супругов Ленарчиков очень даже было чем поживиться, хотя это добро и составляло лишь ничтожную долю состояния Ленарчиков, которое базировалось на двух столпах. Первый – разбросанные по всей стране многочисленные авторемонтные мастерские, оформленные на фамилии разных услужливых людей. Второй – приданое пани Ленарчиковой. До войны ее папаша – пусть земля ему будет пухом – владел миллионным состоянием, вложенным в прибыльные земельные угодья, и вовремя успел наделить этими угодьями всю свою ближнюю и дальнюю родню, друзей и хороших знакомых, благодаря чему фактически оставался владельцем угодий. Три его дочери получили в приданое многие квадратные километры садов, отданных в аренду и приносящих постоянный солидный доход.

Естественно, ни садов, ни ремонтных мастерских украсть было нельзя, чем, видимо, и объяснялась беззаботность их хозяина, пана Ленарчика. Она, эта беззаботность, передалась не только всем членам его семьи и домочадцам, но даже их собаке, которая не видела никакой разницы между знакомыми и незнакомыми, относясь ко всем одинаково дружески и доброжелательно.

Надо сказать, долгое время политика пана Ленарчика себя оправдывала. Непонятным образом зародилось и окрепло убеждение, что деньги Ленарчики держат в банке, драгоценности – в неизвестном и недоступном тайнике, а в доме никаких ценностей нет. Дом, в который любой мог свободно войти в любое время дня и ночи, не представлял никако-

го интереса, и преступный мир с удивительным единодушием обходил своим вниманием виллу на Саской Кэмпе.

В довершение всего шустрый отрок, сын супругов Ленарчиков, в распоряжении которого находился один из фамильных автомобилей, в третий раз потерял ключи от гаража, и, поскольку ему надоело возиться с ключами, он раз и навсегда решил проблему, вообще сняв с гаража замок. Теперь ворота гаража открывались путем просовывания руки в щель между створками ворот и поднятия железной щеколды. Из гаража был выход в жилую часть дома, причем этот выход не только не запирался, но и вообще не имел дверей – просто проем в стене. В общем, без преувеличения можно сказать, что супруги Ленарчики вели открытый образ жизни.

О подробностях образа их жизни я имела исчерпывающую информацию от сына, дружившего с сыном Ленарчиков. От него же я узнала и о событии, которое не отважилась бы назвать печальным.

– Слушай, мать, Ленарчиков обокрали! – радостно объявил сын, врываясь вечером домой. – Я знал, что так оно и будет!

– Неужели? – удивилась я, так как полностью разделяла взгляды пана Бартоломея. – Я была уверена, что с ними этого никогда не случится. Интересно, кто же их обокрал?

– Неизвестно. Все удивляются, и они удивляются тоже. Не понимают, почему их обокрали именно теперь. Вообще-то точно неизвестно, когда обокрали, но подмели все вчистую.

Меня заинтересовала эта необычная информация.

– Что значит неизвестно когда? Когда же произошла кража?

– Неизвестно.

– Не понимаю.

– А чего тут не понимать? Неизвестно когда, и все тут.

– А что украли?

– Тоже точно неизвестно.

Тут я подумала, уж не случилось ли чего с моим парнем.

– Сынок, или у тебя, или у Ленарчиков не все дома. Может, ты мне объяснишь попроще, что же все-таки произошло?

– Вообще-то не я один, все говорили, что так оно и будет. А Ленарчикам и вообще начхать на это дело, только вот сегодня они остались без гроша. Я одолжил Казику пятьдесят злотых.

– Интересно, откуда у тебя пятьдесят злотых? Послушай, расскажи все по порядку. Почему они не знают, что у них украли и когда, и откуда же тогда известно, что подмели все вчистую?

– Да просто у них ничего не осталось.

Мне надоели его загадки, и я решительно заявила:

– Если не расскажешь толком, то я не скажу тебе, где жареный цыпленок на обед.

Сын сорвался с места, протопал в кухню и вскоре вернулся, страшно заинтригованный.

– Я посмотрел везде, искал и в духовке, и в холодильнике. Нигде нет. Где же цыпленок?

Цыпленок как миленький стоял посреди кухонного стола, правда прикрытый фольгой, чтобы не высыхал. Я знала, что сыну в жизни его не найти. Заручившись моим обещанием открыть тайну цыпленка, сын пояснил:

– Они никогда не знают, сколько в доме денег. Их всегда много, но сколько точно – не знают. И у каждого с собой еще есть. А тут получилось, что старая Ленарчиха что-то купила и растратила все свои деньги. Казик потратил свои на новую обивку в машине, а старик Ленарчик выдал деньги дочке на Закопане. Пришли домой, шасть к запасам – а запасы-то тю-тю! Сначала старики Ленарчики полаялись друг с другом, потом оба дружно навалились на Казика, а потом старика как будто кто толкнул. Он держал дома пятнадцать тысяч долларов, одними сотнями, они поместились в коробке из-под ботинок. Коробка обычно стояла в шкафу. И злотые свистнули, и доллары. Да еще неизвестно когда, потому что деньги Ленарчикам не были нужны, и они с неделю ими не интересовались. Вот и неизвестно, когда же их украли, ясно только, что на этой неделе.

– Ну, наверное, когда никого не было дома.

– А у них почти всегда никого нет дома. Больше всех в квартире сидит домработница – когда не стоит в очередях. А собака всех любит. Так что с прошлой пятницы свободно можно было украсть.

– А драгоценности старой Ленарчихи тоже свистнули? – поинтересовалась я.

Если уж говорить правду, старая Ленарчиха была ненамного старше меня, а выглядела и вовсе как младшая сестра своей собственной дочери. Но раз уж мы говорим – молодой Ленарчик, молодая Ленарчикова, то должны быть и старый Ленарчик, и старая Ленарчиха.

– Нет, драгоценности не тронули, – сказал сын. – Очень умные воры, кроме денег, ничего не взяли, а деньги ведь все одинаковые. Сейчас старый Ленарчик локти кусает, что не сообразил пометить их.

– А он что, уже сообщил в милицию?

– Пока нет. Когда я уходил от них, они как раз решали вопрос, стоит ли из-за такой мелочи привлекать к себе внимание милиции. Мне кажется, они решат, что не стоит.

– Доллары украли сами по себе или вместе с коробкой из-под ботинок?

– Нет, коробка осталась.

– А на ней отпечатки пальцев... Хотя, если воры умные, как ты говоришь, они вряд ли сняли перчатки.

– Этой коробке старый Ленарчик особенно обрадовался. Хорошо, говорит, что осталась, будет на развод, не успеем оглянуться, говорит, как в ней заведутся новые. Ну так где же цыпленок?

Через несколько дней сын мне сказал, что пан Бартоломей махнул рукой на убытки и не намерен сообщать в милицию о краже. Дело заглохло.

* *
*

В Саксонском саду я оказалась случайно. Проезжая по Крулевской улице, вспомнила, что здесь работает один мой знакомый, у которого жена – химик, а я как раз решала проблему преобразования химических соединений путем изменения атомной структуры вещества с помощью космических лучей, воздействующих на маленькую штучку с дном. Зайдя на работу к знакомому, я узнала, что он только что вышел, чтобы встретиться с женой у фонтана в Саксонском саду. Я обрадовалась и помчалась в сад, надеясь застать там их обоих.

Ни знакомого, ни его жены я в саду не нашла, зато увидела там Доната и Павла. Они шли по аллейке плечом к плечу, но друг с другом не разговаривали и вообще выглядели так, что во мне зародилась какая-то неясная мысль о поединке – вот в ожесточенном молчании они ищут подходящее безлюдное местечко, там отмерят десять шагов, и... раздадутся выстрелы. Эта тревожная мысль даже заставила меня остановиться и с беспокойством оглядеться по сторонам.

Саксонский сад был совершенно безлюден в эту пору, только на одной из скамеек сидели двое мужчин. Донат и Павел шли как раз в том направлении, причем оба несли под мышкой что-то такое, что мне и внушило мысль о поединке, очень уж оно походило на ящик с пистолетами, как я себе его представляю.

Приближаясь к скамейке, они ускорили шаг, причем сделали это удивительно согласованно, хотя по-прежнему не общались друг с другом. Поравнявшись со скамейкой, оба, как по команде, отвернули головы и, печатая шаг, промаршировали мимо, напряженно вглядываясь в противоположную сторону. Заинтригованная, я посмотрела туда же, но ничего интересного не увидела – обыкновенные декоративные кусты, и все. Что же они там такое высматривали?

Пройдя несколько метров, Павел и Донат сбавили темп,

нормальным шагом прошли до конца аллейки и исчезли за ее поворотом. Я немного постояла, а потом, не торопясь, двинулась по саду, высматривая своего знакомого с женой. И вдруг опять показались Павел и Донат. Они шли обратно, опять глядя в пространство перед собой, с каменными лицами, не говоря ни слова друг другу. Я приостановилась. По мере приближения к скамейке они опять стали развивать скорость, а перед скамейкой вновь прошли маршевым шагом, отвернув головы на девяносто градусов и напряженно глядя на вышеупомянутые кусты. А потом опять сбавили скорость и, уже нормальным шагом дойдя до поворота аллейки, исчезли.

Я прошла в том же направлении и увидела за кустами Баську, возле которой остановились Павел и Донат. Вела себя Баська странно. Топая ногами, она жестом архангела с огненным мечом явно гнала их обратно к несчастной скамейке. Черт знает что такое!

Не успела я переварить увиденное, как представление повторилось в той же последовательности. Не иначе как в декоративных кустах что-то было... Вот в четвертый раз Павел с Донатом появились на аллейке – нормальный шаг, ускорение, маршевый шаг с энергичным поворотом головы, снижение скорости, исчезновение.

После того как они в четвертый раз продефилировали таким образом перед скамейкой, сидящие на ней мужчины сорвались с места и панической рысью кинулись к выходу из сада. Ничего удивительного, я бы тоже не выдержала, если бы подобное происходило перед моим носом. Пробегая мимо, они бросили на меня внимательный и вроде недружелюбный взгляд, я обернулась, глядя им вслед, они почему-то тоже обернулись. Один из них был лысый и длинноносый, второй – маленький и толстый, с торчащими, как у ежа, рыжими волосиками и красным злым лицом. От него у меня зарябило в глазах, может, еще и потому, что из-под пиджака у него алел ядовитым цветом ослепительной яркости свитер.

Донат, Павел и Баська бесследно исчезли. Я все-таки не выдержала, пробралась к декоративным кустам, внимательно их обследовала и ничего необычного в них не нашла. Ни цветка, ни птички, ни гнездышка, ну ровным счетом ничего! Даже мусора особого не было. И чем такие кусты могли привлечь внимание – непонятно. Надо будет обязательно спросить. Но тут я вспомнила о знакомом с женой, кинулась их искать, а когда на следующий день позвонила Баське, чтобы выяснить загадку, не застала никого дома. Позвонила на следующий день – то же самое. В последующие дни я вспоминала, что надо бы позвонить Баське с Павлом, но вспоминала в основном около двух часов ночи – не очень подходящее

время для расспросов, а потом загадка вылетела из головы под напором других событий. Очередной физик-ядерщик оказался ангельски терпеливым. Жил он, правда, в Залесье, но, раз уж судьба послала мне ангела, я, невзирая на трудности пути, ездила туда, как на службу. Рытвины и ухабы, грязь и распутица – все мне было нипочем. Я даже подумала, что стоит, пожалуй, в знак благодарности хоть немного привести в порядок дорогу к его дому, найти для этого свободное время, но отказалась и от этой мысли, и вообще от поездок в Залесье, так как к моей машине стал проявлять излишний интерес некий индивид с внешностью хулигана. Не исключено, что его нанял сам физик.

*   *
*

Следующее звено в цепи странных явлений предстало в особе Лёлика.

Лёлик – один из тех несуразных вечных недорослей, которые так никогда и не становятся взрослыми. Основным жизненным предназначением этого недотепы с невинными голубыми глазками сиротки Марыси было портить жизнь своим ближним. Опорой же в земной юдоли он неизвестно почему избрал меня.

Сто раз проклинала я себя за то, что однажды, не иначе как в приступе полного умственного затмения, свела его с одним знакомым, которому срочно требовалась некоторая сумма денег на короткий срок. Не отдавая себе отчета в том, к каким последствиям это приведет, я пригласила их обоих к себе познакомиться и совершить сделку, поскольку у Лёлика деньги были.

Пришли, познакомились, совершили. Речь шла о жалкой сумме в десять тысяч злотых. У Лёлика они действительно были, но, как оказалось, лежали на пятипроцентном вкладе в сберкассе, знакомый высчитал, сколько Лёлик потеряет за месяц, если снимет десять тысяч, получилось около пятидесяти злотых. Он обязался через месяц вернуть Лёлику десять тысяч и еще пятьдесят злотых, и все было бы хорошо, но через пять дней Лёлик вдруг решил, что эти деньги ему срочно нужны – то ли заплатить за комнату, которую он может снять на длительный срок у выезжающих за границу, то ли за машину, я так и не поняла из его хаотичных стенаний, в общем, без десяти тысяч – ему просто зарез! Десяти тысяч у меня не было, я чувствовала себя виноватой и перед Лёликом, и перед знакомым, сколько нервов мне все это стоило – представить невозможно, а в результате оба имели ко мне претензии. Дело закончилось всеобщим недоволь-

ством, знакомый чуть не спятил, собирая по своим знакомым для Лёлика десять тысяч, а Лёлик ныл и канючил, что понес колоссальные убытки, пятьдесят злотых были спорными, а ему пришлось срочно продать немного долларов (хотя уж тут мы со знакомым были ни при чем) по исключительно низкой цене, а если бы не спешил, то получил бы за них на 250 злотых больше, а может, даже и триста злотых, другими словами, судьба нанесла ему чрезвычайно болезненный удар, и вот так всю жизнь.

После этого я поклялась больше никогда, ни за какие сокровища в мире не иметь с ним дела.

Вот почему, когда позвонил Лёлик и загробным голосом известил, что судьба нанесла ему очередной удар, моя реакция была весьма сдержанной.

– Нет, нет, я не могу по телефону, – конспиративным шепотом надрывался несчастный. – Ведь речь идет как раз о тех, ну помнишь, которые мне пришлось продавать по дешевке.

Я поняла, что он говорит о своих долларах, и опрометчиво предложила прийти ко мне и рассказать толком, раз по телефону почему-то нельзя.

Лёлик заявился в тот же день, оторвав меня от каторжной работы в области атомной физики. Был он жутко взволнован, обрамляющая его лицо блонд-бородка предводителя викингов беспокойно металась во все стороны.

– Меня обокрали! – известил он. – Кража со взломом! То есть взлома не было, одна кража. Проникли в квартиру и украли. Наверное, воры, ты как думаешь?

– Нет, марсиане! Что украли-то?

– Все! А какие марсиане?

Вот и попробуй с ним разговаривать нормально!

– Все равно какие. Скажи толком, что у тебя украли? Неужели все? И осталось лишь то, что на тебе?

– На мне этого не было! То есть я не то хотел сказать, а то, что я не носил при себе, оно нормально лежало дома, откуда мне было знать, что они дверь взломают, хотя они и не взломали, а просто отперли, ключом, наверное? То есть не ключом, я думаю – отмычкой, а ты что думаешь?

Что я думаю, я ему не сказала, все-таки как-никак я получила неплохое воспитание, и вместо этого вежливо переспросила:

– Что же такое у тебя украли? Что ты держал дома?

Во взгляде Лёлика выразилось безграничное страдание из-за моей непонятливости.

– Как что?! Всю мою валюту! Мою и моего коллеги, ну ты знаешь, он пересылал их жене, чтобы купила запчасти к машине, а я никак не мог ей отдать, ведь она еще не вернулась

из Советского Союза, то есть раз вернулась, но меня тогда не было, и она опять уехала. Она там в длительной служебной командировке, а он не велел теще отдавать, только жене, вот я и ждал ее. И держал их дома. Ну а теперь кража со взломом, то есть взлома не было, только кража, жена с тещей на ножах, а они хотели машину починить и продать, может, стоит купить, ты как думаешь? Ведь эта машина...

— Стоп! — прервала я, потому что о коллеге, машине, жене и теще на ножах слышала уже тысячу раз. — Если я тебя правильно поняла, у тебя украли всю твою валюту? Твою и чужую? Сколько всего?

— Я заработал две тысячи четыреста долларов, но перед возвращением из-за границы потратил триста, нет, погоди, двести пятьдесят, нет, все-таки триста, а потом еще сто пятьдесят...

— Так сколько же ты привез?

— Потом магнитофон купил, там дешевле, так что еще сто восемьдесят, хотя были и более дешевые...

— Ну хорошо, купил магнитофон, сколько у тебя осталось, я спрашиваю?

— Но ведь мне еще пришлось вот теперь продать, я же тебе говорил, колоссальные убытки...

— Сколько осталось, я спрашиваю?! — заорала я диким голосом.

Лёлик вздрогнул от неожиданности:

— Ты что? Ах, да. Тысяча девятьсот.

— А коллега тебе сколько дал? — быстро спросила я, лишая его возможности вновь приняться за свои бесконечные подсчеты и по новой объяснять, почему у него уже нет двух тысяч четырехсот долларов.

— Тысячу пятьсот.

— Значит, всего три тысячи четыреста. Неплохо. А что еще украли?

— Больше ничего. Мамочка держала в шкафу две с половиной тысячи злотых, так их не тронули. Лежат.

— Ну и прекрасно! А когда это произошло?

— Вчера или позавчера, потому как в воскресенье еще были, а сегодня уже нет.

— В милицию ты сообщил?

Лёлик перепугался так, что стал заикаться.

— В мили... в милицию? Да ты что? Ведь это же доллары!

Тут я уже перестала сдерживаться, позабыв о своем хорошем воспитании.

— Ну и что с того, что доллары, кретин ты этакий! Ведь они же у тебя законные!

Лёлик вытаращил голубые глазки и принялся молоть какую-то чушь. Миллион раз объясняла я этому недоделанному,

что его доллары совершенно легальные, что он заработал их за границей честным трудом, что на родину привез с соблюдением всех правил – вписал в таможенную декларацию, предъявил на границе, уплатил налог. Более легальных долларов вообще не может быть! И все мои объяснения пошли псу под хвост, до Лёлика ничегошеньки не доходило. Вот и сейчас он попеременно то заламывал руки, то драл бороду в приступе отчаяния.

– Но ведь я... Но ведь я же работал в ФРГ! – наконец выговорил он.

– Шпионом?

– Да нет, ты что? Шпионом я не умею.

Что правда, то правда. Из него такой же шпион, как танцор из паралитика.

– Я не работал шпионом, ты же знаешь, я работал в учреждении.

– Знаю, в международном научно-исследовательском строительном институте. И не только я знаю, это и в твоем паспорте записано, и все, кому положено, знают.

– Так почему же шпионом? – спросил он с миной смертельно озадаченного барана.

– Вот и подумай сам, – уклонилась я от ответа на поставленный бараном вопрос. – У тебя было легально нажитое имущество. Его похитили. Значит, надо немедленно сообщить в милицию!

– Ну да, а они станут спрашивать, откуда у меня доллары...

– ...а ты им скажешь! И даже докажешь на бумаге!

– Ну да, а у меня были еще доллары коллеги... Прицепятся, что я их незаконно привез.

– Нашими таможенными правилами не возбраняется привозить в страну валюту. Вывозить воспрещается, а не ввозить. Ты их в декларацию вписал, когда ввозил?

– Вписал. Но вписал все вместе, как свои...

– Попробовал бы вписать как чужие! То, что ввозишь, – твое, и кому какое дело до этого? Каждому понятно, что нижнюю юбку ты везешь не себе, а мамочке, но ты же не пишешь, что она чужая? Главное, доллары ты провез легально и приобрел их законно.

– А вот недавно я часть продал...

– А ты не говори об этом, просто потерял, и все тут. Тебе сразу поверят, не сомневайся! Перестань ломаться и звони в милицию!

– А что это даст?

– Не знаю, может, у них уже не первый случай кражи со взломом.

– Взлома не было, просто отперли дверь, наверное отмычкой... И вошли в квартиру...

– А хоть бы и на слоне въехали! Какое это имеет значение? Главное – милиция отыщет вора, а ты получишь свое добро.

Мы оба немного успокоились. Лёлик перестал рвать на себе волосы, а я заинтересовалась подробностями случившегося.

– Где ты их держал?

– В конверте, знаешь, есть такие большие конверты, то есть я держал их в двух конвертах, в одном были мои, а в другом – его...

– А конверты где лежали?

– Они не лежали, они стояли. На книжной полке, за книгами.

– У вас всегда кто-нибудь есть дома?

– Нет, мамочка работает, и я тоже, вчера нас не было дома часа два, попеременно не было, то есть не так, попеременно мы были дома, а позавчера нас не было дольше. Я надеялся, ты что-нибудь придумаешь.

– Я и придумала – сообщи в милицию. Они знают, как искать, поговорят с людьми, может, кто и заметил что-нибудь. Жаль, тебя не убили, тогда бы они искали энергичнее, – добавила я безжалостно.

– Конечно, жаль, – грустно согласился Лёлик. – Но меня не было дома.

– Послушай, а как ты узнал, что конвертов уже нет? Тебя будто кто толкнул, верно?

– Никто меня не толкал. Я сам вынул толстый словарь, за которым они стояли, и посмотрел туда, а за ним ничего нет. Должно быть, а нет. Тогда я заглянул за другие книги, может, они там, но и там не было. Мы с мамочкой перерыли всю квартиру. Мамочка очень расстроилась. Послушай, а может, ты могла бы... Может, ты бы могла... Ты, может быть, могла бы...

Я бы, может, и могла, да вовремя вспомнила, что имею дело с Лёликом, и возможно, завтра же этот чертов конверт обнаружится в совершенно неожиданном месте, а я буду выглядеть дура дурой. Э нет, ничего я не могла бы!

– Лучше поезжай прямо сейчас в Главное управление милиции. Если окажется, что такими вещами занимаются районные отделения, тебя туда и направят, но не исключено, что три с половиной тысячи долларов покажутся им достаточно серьезной суммой и они сами займутся твоим делом. Перестань канючить и немедленно отправляйся!

Не прошло и двух часов, как ценой сверхчеловеческих усилий мне удалось Лёлика убедить. Убедила я его в том, что он скрывает преступное деяние, а сокрытие преступного деяния является еще большим преступлением. Никакие другие идиотские аргументы не приходили мне в голову, а давно бы-

ло известно, что рациональные доводы на Лёлика не действуют. От моих доводов он одурел окончательно и подчинился.

Сразу же на следующий день мне позвонил некий капитан Ружевич из Главного управления милиции и попросил зайти к нему.

Этого следовало ожидать. Как только трепещущий Лёлик отправился заявлять кому следует, я поняла, что сделала очередную глупость из любви к ближнему. Теперь я обязательно окажусь у милиции под подозрением и мне не избежать с ней непосредственного контакта. Доллары мог украсть лишь тот, кто знал об их существовании, а я знала. Более того, их еще не было, а я уже знала, что они будут! Может, в другое время визит в Главное управление милиции и доставил бы мне удовольствие, но сейчас я была очень занята своей повестью и мне было не до развлечений.

В управление Лёлик с присущим ему талантом попал в самое неподходящее время. Капитан Ружевич и его помощник поручик Петшак по уши закопались в на редкость гнусном деле – изматывающем все силы, безнадежно тянущемся, как резина, с кошмарным количеством пьянчуг. Прямо скажем, милиции не привыкать общаться со злоупотребляющими алкоголем преступниками, жертвами и свидетелями, но на сей раз это было нечто невообразимое. И правонарушители, и дающие свидетельские показания – все, как один, давали показания, будучи в стельку, вдребезги пьяными. По страницам дела волнами перекатывались целые океаны спиртных напитков, от которых капитана с поручиком уже давно мутило. Несколько недель они кропотливо продирались сквозь дремучие, зловонные заросли пьяных бредней, на каждом шагу встречая белых мышек, чертиков, нетопырей и даже большую черную свинью, постоянно фигурирующую в показаниях главного свидетеля. Капитана эта свинья особенно угнетала.

И вот когда вконец замотанные капитан с поручиком в который уже раз констатировали, что их подопечные, протрезвев, несли еще более дикий вздор, чем в пьяном виде, им позвонили из бюро пропусков.

– Гражданин Кароль Рокош явился с заявлением о краже со взломом. Настаивает, что в его деле компетентно лишь наше управление. Похоже, нервничает.

Капитан уже открыл было рот, чтобы направить гражданина Рокоша в отделение милиции по месту жительства, как в голове его мелькнула мысль – а вдруг этот Рокош нормальный, непьющий гражданин? Так хотелось хоть ненадолго вырваться из алкогольного омута, позабыть о черной свинье. Изменив первоначальное намерение, он бросил в трубку:

– Хорошо, пришлите. – И, собрав разбросанные по столу материалы пьяного дела, сказал поручику: – Пока спрячь это. Сделаем перерыв. Свинопаса придется допросить еще раз. Мне надо передохнуть.

– А что случилось? – поинтересовался поручик, с энтузиазмом запихивая папки в шкаф.

– Понятия не имею, какая-то кража со взломом.

– И сразу к нам? Районные уже мух не ловят.

– Радоваться надо, что к нам. Это стадо алкашей у меня уже в печенках сидит, мне даже начинает казаться, что и следователи были под мухой. Ну скажи, пожалуйста, зачем записывать такие вещи... Где оно? А, вот: "Свидетель не мог видеть квитанции, так как на ней сидела птичка с розовым оперением". Спятить можно!

– В той квартире была канарейка, – неосторожно заметил скрупулезный поручик. Капитан в ответ лишь с подозрением взглянул на него и постучал пальцем по лбу.

– Где же этот обворованный гражданин?

Заблудившийся в коридорах управления и чуть живой от страха Лёлик нашел наконец нужную комнату. Войдя в нее, он увидел сидящего за столом лысоватого мужчину с добродушным выражением лица. Мужчина внимательно смотрел на Лёлика, что, без всякого сомнения, сулило последнему нечто ужасное.

– Слушаю вас, – ободряюще сказал капитан, видя, что посетитель говорить не собирается, и очень удивился, услышав в ответ отчетливое громкое щелканье зубами.

Лёлик переживал невообразимые муки, ибо природная робость изо всех сил сопротивлялась желанию вернуть утраченную валюту. Сообщению о краже никак не удавалось протиснуться сквозь сжатое страхом горло. Пытаясь что-то сказать и одновременно в зародыше задушить крамольную информацию, он только стонал и щелкал зубами, в панике прикидывая, не лучше ли бежать, пока не поздно. Нет, лучше не бежать, тогда уж точно посадят.

Прошло немало времени, прежде чем он, трясясь и заикаясь, решился изложить, с чем пришел. С трудом уловив суть заявления нервного посетителя и поняв, что речь идет о хищении крупной суммы долларов, капитан счел необходимым его запротоколировать. Вид официального бланка напугал Лёлика еще больше, если это только возможно.

Ну и, ясное дело, первой особой, которая знала о существовании Лёликовых долларов, оказалась я. Следующим был Мартин. На этом Лёлик застопорился. Как ни старался, больше он не мог вспомнить никого, кому было известно о его долларах, и вообще больше никого в жизни не встречал, только нас с Мартином.

Капитан не знал лично ни Мартина, ни меня, из хаотичных показаний Лёлика всплыл и в сознании капитана утвердился образ молодого хулигана, который беззастенчиво грабил своих ближних, а также аморальной коварной авантюристки неопределенного возраста, которая ловко пользуется наивностью и простодушием честных людей, проникая в их души и квартиры. С интересом выслушав сообщение Лёлика, капитан с поручиком пришли к выводу, что дело его простое и легкое, можно сказать, отдых, ниспосланный им небесами за адский труд в алкогольном сериале.

Когда Лёлик на полусогнутых покинул наконец грозное учреждение, капитан, радостно потирая руки, обратился к помощнику:

– Послушай, Михалек, ты возьмешь на себя дом, посмотришь для порядка, что и как, поговоришь с дворником, соседями, мамочкой. Так, на всякий случай. Я же займусь его "друзьями". Вызову их сюда. Думаю, дня через три мы с этим дельцем управимся. Сумма немаленькая, верно?

– А может, стоит сразу у них произвести обыск? А то спохватятся и перепрячут.

– Такие пройдохи уже наверняка спрятали. Да ты не сомневайся, найдем! Но сначала я с ними побеседую. Так что давай отправляйся прямо сейчас, а я позвоню им.

Вот так я оказалась в Главном управлении милиции. Капитан записал мои анкетные данные, впился в меня испытующим взором, вздохнул и задумался. Я терпеливо ожидала, не сомневаясь, что речь пойдет о Лёликовых долларах.

– Что вы делали девятнадцатого? – выстрелил капитан каверзным вопросом и худшего не мог придумать. Откуда, черт побери, мне знать, что я делала девятнадцатого? С укором взглянув на него, я извлекла из сумки свою записную книжку и, полистав ее, информировала представителя власти:

– Девятнадцатого был вторник. Желаете подробно, с утра до вечера?

– Если для вас не составит труда, то также и с вечера до утра. Подробно.

Ах, желаете подробно? Ну что ж, извольте. И я осчастливила его подробнейшим репортажем, из которого он должен был понять, с каким на редкость работящим и трудолюбивым человеком имеет дело. Из чистого альтруизма я назвала ему также фамилии и телефоны свидетелей, которые могли видеть меня между двенадцатью и тремя в тот роковой вторник, ибо как раз в указанное время у Лёлика никого не было дома. Единственным пробелом в моем алиби был короткий визит в универмаг. Очень не хотелось обрекать любимую милицию на ненужные хлопоты. Знать бы заранее, уж

я бы выкинула в универмаге такое, что позволило бы его персоналу запомнить меня.

Капитан молча слушал, что-то изредка записывая. Велел перечислить приобретенные мною в универмаге товары. Я перечислила.

– Ну хорошо, – сказал он, подумав. – А что вы делали накануне, в понедельник?

С понедельником было хуже. В понедельник я устроила себе ответственную головомойку с кучей дополнительных процедур, из-за которых семь часов голова была замотана полотенцем. Ясное дело, в полотенце я старалась никому не показываться, и на улице меня никто не встретил. Однако несколько человек звонили домой, и, кроме того, ко мне забегал за солью рабочий класс. В квартире соседей происходил ремонт, и в обеденное время ко мне зашел за солью один из специалистов, кажется слесарь-водопроводчик. Он с любопытством разглядывал меня, ибо голубой махровый халат и оранжевое полотенце создавали интересную цветовую гамму.

– Эти рабочие еще там? – заинтересовался капитан.

– Не знаю. Наверное, кончили, сегодня я их не слышала.

Известие капитана огорчило, и он опять задумался, а подумав, со вздохом спросил:

– Знаете ли вы Кароля Рокоша?

Я обрадовалась, что мы наконец-то начинаем говорить о деле.

– Разумеется, знаю. Догадываюсь, что меня вызвали из-за него. Как только выпихнула его в милицию, сразу подумала, что подозрения...

– Ах, вы догадываетесь? А может, признаетесь, что знали о наличии у него долларов?

– Еще бы не знать! Он только о них и говорил!

– Тогда вспомните, пожалуйста, кому о них говорили вы.

Разумеется, я и сама уже думала об этом. Еще вчера, поняв, что из-за Лёлика влипла в долларовую аферу, постаралась припомнить все, так или иначе связанное с нею. И получилось, что о них я никому не говорила. Даже если и жаловалась своим знакомым в сердцах на беспросветную Лёликову тупость, имени его никогда не называла. А уж о его долларах и вовсе не заикалась, ибо не они делали из Лёлика уникума.

Все это я изложила капитану и прибавила:

– Для меня не подлежит сомнению, что для собственного блага следовало бы дать объявление в газете о Лёликовых долларах, делая его фамилию и адрес достоянием широкой общественности. Но я объявления не дала, и теперь ничем делу не поможешь.

– А у вас самой нет никаких соображений насчет того, кто бы это мог сделать?

– Абсолютно никаких. Среди моих знакомых ни одной подходящей кандидатуры.

Капитан тяжело вздохнул и опять помолчал. Потом спросил:

– Но вы хоть уверены, что у него эти доллары были?

Видимо, Лёлик, как всегда, произвел сильное впечатление! Я поспешила заверить капитана, что доллары у него действительно были.

Капитан еще немного поманежил меня, расспрашивая о кое-каких подробностях. На вопросы я отвечала охотно и с искренним желанием помочь человеку, так как чувствовалось, что у него концы с концами не сходятся.

Мартина изловили по телефону вечером, визит в управление он нанес на следующий день и в отличие от меня не только не проявил доброй воли, но встретил в штыки все попытки милиции пролить свет на темное дело. Мартин категорически заявил: во всем, что касается Лёлика, у него, Мартина, нет и не может быть никакой уверенности. Да, он слышал, что у Лёлика есть доллары, слышал от Иоанны и от самого Лёлика, но собственными глазами долларов не видел. У него, Мартина, создалось впечатление, что об имеющейся валюте Лёлик трубил направо и налево, всем подряд, кому ни попадя, лишь бы находились желающие слушать. И еще у него, Мартина, создалось впечатление, что никто этому не верил.

Непонятно почему, но после беседы с Мартином капитан перестал сомневаться в том, что доллары действительно были и что их действительно украли. Зато стал сомневаться, действительно ли это дело столь простое и легкое, каким представлялось ему вначале, а его подозрения в отношении меня и Мартина значительно ослабли.

Явился поручик с места боевых действий, сел на краешек стула, вытащил из кармана большой потрепанный блокнот и стал докладывать:

– Похоже, что в указанные два дня были лишь две возможности совершить кражу из квартиры гражданина Рокоша. В понедельник между 11.15 и 12.30, а во вторник между 11.30 и 14.50. А в остальное время в квартире были то гражданин Рокош, то его мать. На ночь дверь запирается на замки и цепочку, днем на два замка: один типа "Лучник", второй – старый, врезной, нетиповой. Следов взлома или действия отмычкой не обнаружил. Думаю, замки отпирали ключами.

Капитан слушал в угрюмом молчании. Дело расползалось на глазах, я и Мартин не оправдали его надежд и к тому же имели алиби.

— Ключи, — проворчал он. — Откуда у них ключи?

— Холера их знает. Может, по слепкам сделали. Ради такой суммы стоило похлопотать.

— А что показал дворник?

— Дворник никого не видел. То есть, конечно, видел, но лишь жильцов. Чужих не видел ни в тот день, ни накануне. И вообще ничего подозрительного не заметил. Да и не сидит он там безвылазно, так как сам по специальности электрик, вот и ходит по вызовам, подрабатывает. Жена его работает уборщицей в каком-то учреждении. Думаю, посети дом экскурсия из провинции, они бы и ее не заметили.

— Черт знает что! — пробормотал капитан и опять задумался. Поручик с безнадежным видом листал блокнот.

— Представь, что ты вор! Войди, так сказать, в его образ! — неожиданно потребовал начальник. — Допустим, стало известно: у такого-то лежат в хате зелененькие, три с половиной косых. Ты решил их увести. С чего начнешь?

Поручик не удивился. Он давно работал с капитаном и привык к его методу вести расследование. Метод капитана заключался в том, чтобы вжиться в образ очередного преступника, так сказать — проникнуть в его психику. Без проникновения в психику преступника капитан вообще не представлял себе работы и не верил в успех расследования. Вот почему таким трудным для него оказалось алкогольное дело. Не мог же он требовать от подчиненного, чтобы тот напивался изо дня в день, вживаясь в психику алкоголика?

Поручик послушно задумался.

— А я его знаю? — спросил он, поудобней усаживаясь на стуле и похлопывая себя по колену блокнотом.

— Предположим, знаешь. Может, не лично, через знакомых. Или тебе показали его на улице.

— И я решил увести... — задумчиво протянул поручик. — И я решил увести... Ключи! Ясное дело, ключи!

— Что ключи?

— Сначала уведу ключи и сделаю с них слепки. Потом по ним закажу ключи. Потом прослежу, чтобы в квартире никого не было. Два человека — плевое дело. Открою дверь...

— Стоп! — прервал капитан. — Как уведешь ключи?

— У сынка проще, чем у мамочки. Мамочка дама серьезная, а сынок... Где он носит ключи?

— В кармане куртки.

— В кармане куртки... Куртку иногда снимает... Работает... Работает ассистентом в Архитектурном институте. На работе он куртку снимает? Так? Иду в институт, изучаю обстановку... Так? Пользуюсь моментом, когда он снимает и оставляет куртку, так?

— А если не снимает?

– Уговорю снять.

– Выходит, ты его знаешь лично?

Поручик уставился в окно, сдвинул брови и перестал постукивать блокнотом по колену. Потом решительно заявил:

– Если он куртки не снимает – никуда не денешься, знаю его лично.

– Ну так отправляйся в институт и узнай, снимает ли он на работе куртку.

Через два дня капитан и поручик располагали достоверными данными о том, что Лёлик не только снимает куртку, но и бросает ее где попало, оставляет без всякого присмотра в помещениях, которые надолго покидает, вспоминает о ней, лишь уходя домой, да и то не всегда. Из куртки без особого труда можно было не только вытащить ключи, но даже снять подкладку.

– Я бы поступил по-другому, – сказал капитан, ознакомившись с достоверными данными. – Зачем делать слепки? Слесари не любят изготавливать ключи по слепкам, это труднее, да и вызывает подозрения. Я бы взял ключи и поехал с ними к слесарю, тот бы сделал по ним новые, а если занят, сам профессионально снял бы слепки, такое бывает, чтобы не торопясь работать. И нет вопросов – откуда ключи, чьи ключи. Мои – и дело с концом, хочу сделать запасные. А те отвез бы и сунул на место, в карман куртки.

– Если я правильно понял, теперь мне надо обежать мастерские по изготовлению ключей в радиусе двух километров вокруг института? – обреченно поинтересовался поручик.

– Бери шире. По нашему городу ходят трамваи и автобусы.

На второй день поисков ключи опознал один из слесарей на Багне. Ему запомнился ключ от нетипового, еще довоенного врезного замка.

– Вроде бы я такой делал, – с сомнением говорил владелец мастерской, рассматривая редкий ключ. – Вроде бы делал. Но это было довольно давно, месяца два назад.

– А кто принес этот ключ?

– Нешто я помню? Вот убейте меня на этом месте, не помню. Вроде бы мужчина. Но может статься, что и баба. Нет, вроде мужчина.

– А как он выглядел?

– Да откуда мне знать? Я не помню, был то мужик или баба, а вы спрашиваете, как он выглядел! Не знаю. Обыкновенно, поди, выглядел, не то бы я запомнил. Вот ключи запомнил, а его нет.

И это было все, чего удалось добиться капитану в своих расследованиях. В квартире Лёлика не оказалось никаких подходящих отпечатков пальцев, никаких других полезных

следов. Подозрения пали было на Мартина, который тоже бывал в Архитектурном институте, но, во-первых, в указанные дни Мартин безвылазно сидел в чертежной и его видели там тысячи свидетелей, в том числе и сам Лёлик, а во-вторых, те же тысячи свидетелей единодушно утверждали, что уже длительное время Мартин старательно избегал каких-либо контактов с Лёликом. Ну, допустим, ключи он мог украсть, но для проведения операции ему обязательно потребовался бы сообщник. На всякий случай Мартина привели к слесарю с Багна. Тот послушно и добросовестно осмотрел Мартина и решительно заявил, что в жизни этого человека не видел.

Затем милиция тщательно проверила мое алиби. Оказалось, что в универмаге меня запомнила кассирша. Ей, видите ли, понравилось, как я была одета: яркой раскраски костюм в крупную клетку и черная шляпа с широкими полями. Очень хорошо меня запомнил также с трудом разысканный водопроводчик, который приходил ко мне за солью. Он еще описал меня своим коллегам. А поскольку до сих пор и Мартин, и я вели безупречный образ жизни, не вступая в коллизии с законом, нас оставили в покое. Доллары Лёлика исчезли бесследно, нанеся амбициям капитана Ружевича глубокую, незаживающую рану.

* *
*

История с Лёликовыми долларами задела меня лишь краешком. Я свела к минимуму беседы с представителями властей, ибо по-прежнему была очень занята.

С очередным физиком-ядерщиком встреча была назначена у Гранд-Отеля. Отыскав местечко на улице Хожа, я припарковалась рядом с вишневым "таунусом", в котором сидел водитель, и, ожидая физика, просидела в машине несколько минут, пока мне не пришло в голову проверить в записной книжке, не перепутала ли я время встречи. И хорошо, что проверила. Оказалось – действительно перепутала, до встречи оставалось еще около часу. Разозлившись на себя, я стала думать, куда девать время, и решила съездить в книжный магазин на Мархлевского.

"Таунус" уже тронулся, я пропустила его и двинулась за ним. Рядом с шофером в "таунусе" оказался пассажир, я и не заметила, когда он сел. Пассажир то и дело оглядывался назад, я тоже посмотрела в зеркало заднего вида – что это его интересует, не на меня же он смотрит? Ничего интересного за нами не было.

"Таунус" ехал в направлении Мархлевского, мне надо было туда же, я продолжала двигаться за ним и не могла обойти,

так как ехал он очень быстро. "Таунус" свернул направо, мне тоже нужно было туда. Не люблю, когда вот так путаются под ногами! Думала, на Крулевской я уж от него избавлюсь, свернув налево. И надо же! Он именно туда свернул! А потом направо, будто ехал к тому же книжному магазину. Мне ничего не оставалось, как держаться в хвосте. Прямо скажем – удовольствие среднее, тем более что пассажир продолжал нервно оглядываться на меня.

Подъезжая к книжному магазину, я сбросила скорость. "Таунус" посигналил правой мигалкой, я тоже замигала, увидев, что у магазина негде встать. Надо было сразу ехать на стоянку за магазин. Прибавив скорость, чтобы свернуть за угол, объехать квартал и с Гжибовской выехать на стоянку, я увидела, что "таунус" тоже сворачивает за угол. А дурак пассажир не сводит с меня глаз. И как еще шею не вывернул? "Таунус" держался неуверенно и мешал мне проехать, потом наконец решился и заехал в тупичок, по правой стороне. Отделавшись от него, я вздохнула свободно и поехала к книжному магазину.

И я бы наверняка напрочь забыла об этом "таунусе", если бы он вновь не попался мне дня через три. На сей раз я ехала по делу в "Польский фильм" и уже в третий раз объезжала кругом площадь Домбровского в поисках места для машины. Издалека увидев, что освобождаются сразу два, я поспешила туда и успела занять второе, а рядом на первое пристроился вишневый "таунус". Он уже выключал двигатель, когда я встала рядом. Мне надо было сменить перчатки, и я не сразу вышла из машины, "таунус" же повел себя очень странно: взревев мотором, он задним ходом рванулся со стоянки, лишь чудом не угодив под автобус Польского телевидения. Вот кретин, зачем было втискиваться на это неудобное место, если не собирался там стоять? В "таунусе" сидели двое, пассажир – не знаю, тот самый или другой, – опять пялился на меня так, будто в жизни не видел ничего более интересного.

На следующей неделе этот "таунус" попадался мне буквально на каждом шагу, то внезапно появлялся там, где я уже стояла, то как раз уезжал оттуда, куда я прибывала. Я ломала голову, чего ради он ко мне прицепился. Потом, слава богу, отвязался. Правда, в течение нескольких дней я не выходила из дому. На водителя внимания не обратила, вроде брюнет.

А потом на меня свалилась новая неприятность. Выбравшись наконец из дому и сев в машину, я почувствовала, что она стоит как-то странно. Вышла, обошла ее и увидела, что спущены оба левых баллона. Странно, почему сразу два? Один – еще можно понять, но сразу оба? К счастью, мне

удалось поймать такси и тронуть сердце водителя. Одно колесо он мне сразу сменил на запасное, под второе мы подложили кирпичи и оба колеса отвезли в мастерскую.

Там обнаружилось, что баллоны продырявлены. Вот тебе на! Владелец мастерской, помянув недобрым словом хулиганье и вандалов, обещал в тот же день все сделать. Отремонтированные колеса мне привез из мастерской знакомый, а мы с сыном поставили их на место.

Все это происходило в среду. А в субботу вечером, придя домой, сын с порога мрачно заявил:

– Ты это делаешь специально! Не понимаю только, зачем тебе надо, чтобы всю оставшуюся жизнь я ставил колеса?

Встревоженная, я бросилась во двор. Так и есть, опять два колеса, на сей раз правые, причем разрезы бросались в глаза. Ну что за мерзавец ко мне привязался?! Разъяренная, я помчалась звонить в милицию.

Мне очень помогла ссылка на близкое знакомство с капитаном Ружевичем. Дежурил в тот день поручик Петшак. Он лично приехал, чтобы осмотреть мои колеса.

– А может, это орудует пан Рокош, как вы думаете? – с надеждой в голосе спросил поручик. – Считает, что доллары свистнули вы, вот и мстит.

Его надежды я подавила в зародыше:

– Пана Рокоша можете сразу снять с повестки дня, он бы умер при одном виде режущего орудия. Скорей уж хмырь из "таунуса". С самого начала меня невзлюбил.

Естественно, поручик заинтересовался личностью хмыря. Вот тут я пожалела, что не рассмотрела его как следует. Описав поручику свои встречи с вишневым "таунусом" и сообщив его номер – чисто механическая привычка запоминать номера машин, – я, к сожалению, не могла объяснить причин неприязни хмыря ко мне, зато с пеной у рта требовала составления протокола тут же, немедленно! С трудом убедили меня подождать до понедельника.

В воскресенье утром я одолжила шестое колесо и назло преступным элементам поехала по делам. В последующие дни в надежде поймать негодяя на месте преступления я делала вылазки к машине в разное время дня и ночи, прихватывая с собой на всякий случай любимое оружие – колотушку для отбивания мяса.

Труды не пропали даром, моя бдительность явно действовала на нервы преступникам, так как они совершили ужасную ошибку – перепутали объекты вандализма. Выглянув из-за угла флигеля во время очередной вылазки, я увидела у машин незнакомого подростка. Он явно стоял на шухере, так как при виде меня отчаянно засвистел и бросился бежать. Услышав свист, из-за машин выскочил второй подросток,

споткнулся о бровку тротуара, упал, вскочил и помчался за первым. Я тоже помчалась – к машине – и обнаружила ужасную вещь: воздух со свистом выходил из двух правых колес, но не моего "фольксвагена", а стоящей рядом ни в чем не повинной "сиренки". Видимо, действуя в спешке и нервной обстановке, молодой преступник не проверил номер и проколол баллоны голубой машины, стоящей в указанном ему месте. Подумав о хозяине "сиренки", я кинулась прочь от нее с той же скоростью, что и хулиганы.

Тем не менее я тут же позвонила в милицию. Мои колеса сидели у нее в печенках, и, желая раз и навсегда покончить с ними, милиция организовала в округе энергичные поиски. Поиски увенчались сомнительным успехом, в чем я сама виновата, ибо выслала в погоню за подростками сына. Высокий парень, подозрительно заглядывающий во все дворы и подворотни, был задержан милицией в спускающихся на Мокотув сумерках, а когда недоразумение разъяснилось, искать преступников было уже поздно.

Через неделю мне прокололи сразу все четыре покрышки. Скандал, который я устроила в милиции с активной помощью владельца "сиренки", не поддается описанию. С этого дня патрульная милицейская машина стала регулярно проведывать стоянку у нашего дома: днем в интервале тридцати минут, ночью – пятнадцати. Владельцы остальных машин были мне искренне признательны.

Милицейские рейды принесли плоды: были задержаны две подозрительные личности. Одной из них оказался страхагент, другой – сотрудник паспортного отдела. Страхагент, лично знавший меня и мою машину, выискивал ее на стоянке, чтобы узнать, дома ли я, и не подниматься напрасно на четвертый этаж. Проживающий неподалеку паспортист искал на стоянке потерянный накануне брелок от ключей.

Принимались и другие меры: проверялось алиби окрестных хулиганов, а мне, в порядке компенсации морального и материального ущерба, милиция устроила покупку в Лодзи четырех новых покрышек, которые я пока предусмотрительно приберегала. К делу подключили и дружинников.

Неизвестные преступники затаились. А может, просто выжидали, когда я пущу в ход новые колеса. Держите карман шире!

Через неделю я обнаружила, что за мной всюду ездит желтый "опель-комби".

Как-то днем, не найдя места у Политехнического института и обнаружив свободный кусок тротуара неподалеку, на Аллее Независимости, я заняла его. "Опель" попытался втиснуться рядом, но у него ничего не получилось, только заблокировал по улице автомобильное движение. Возвратившись

через час к машине, я увидела его приткнувшимся в запрещенном месте – у запертых железных ворот склада. И этот прицепился ко мне? На сей раз, наученная горьким опытом с "таунусом", сразу решила проверить. Объехала полгорода невероятно извилистым путем и убедилась: держится как приклеенный. Нервы мои были изрядно потрепаны неприятностями с покрышками, и я решила спросить прямо, в чем дело.

Ехала я по Вейской, к тому времени на улицах уже стало свободнее, и мне без труда удалось остановиться за киоском "Рух". "Опель" проехал вперед и тоже остановился. Выйдя из машины, я решительно направилась к нему, чтобы потребовать у водителя объяснений.

Ничего не вышло: "опель" от меня попросту сбежал. Когда до него оставался какой-то метр, он рванул на мостовую, взревел и умчался, свернув на улицу Конопницкой. Так просто от меня не уйдешь. Поехав следом, я обнаружила его перед магазином "Польская мода", притормозила рядом, а он опять сбежал. Похоже, теперь я его преследую. Заметив, что он помчался обратно на Вейскую, я двинулась следом, высматривая желтую машину, но ее нигде не было видно. Испугался. Теперь, надеюсь, отвяжется. Я повернула домой.

На Бельведерской он появился вновь и опять ехал за мной. Чтоб тебе!.. Я быстренько придумала, как его перехитрить. Свернула в Променаду, доехала до конца и остановилась у киоска "Рух". Киоск не работал, на нем висела табличка "Буду через полчаса". Выйдя из машины, я бегом кинулась к торговым павильонам и скрылась за магазином "Семена".

"Опель" притормозил рядом с моей машиной, водитель выскочил и побежал за мной. Я предстала перед ним внезапно, выйдя из-за магазина, и напугала его так, что он развернулся на месте и со всех ног бросился обратно к машине. Улепетывал, будто по пятам гнались бешеные волки. Допускаю, выражение лица у меня могло быть действительно не очень приветливым, но, в конце концов, я же не дракон огнедышащий! Удивленная произведенным эффектом, я бросилась за ним, вспоминая, где могла видеть это злое красное лицо и рыжие волосики торчком...

Он уже был у своей машины, но сесть не успел. Ему помешали. Из-за киоска выскочил какой-то лысый мужчина, одетый прилично и даже элегантно, кинулся на моего преследователя, схватил его за горло и, яростно хрипя, принялся душить. Я окаменела на месте. Водитель "опеля" какое-то время покорно позволял себя душить, потом опомнился, схватил душителя за руки, вырвался и, размахнувшись, врезал ему по физиономии. Душитель отпрянул, угодив лысым

черепом в боковое стекло киоска. Ухватившись за отвороты элегантного пиджака, водитель поволок его к машине, силой втолкнул внутрь, сел сам, и "опель" с диким ревом умчался в сторону Бельведерской.

Длилось все это какие-то секунды. Еще не совсем придя в себя, я дотащилась до киоска. Стекло, все в радиальных трещинах, еле держалось. Не успела я дотронуться до него, как оно вывалилось и со звоном разбилось. В этот момент рядом притормозила патрульная милицейская машина.

– Пани разбила стекло, – вежливо, но решительно констатировал сержант милиции. – Разрешите ваши документы.

Все во мне возмутилось от такой несправедливости.

– Стекло разбила не я, а какие-то мужчины! Они здесь дрались, и один из них головой вышиб окно!

– Где же эти мужчины? Подъезжая, мы видели лишь вас. И как раз разбилось стекло. Больше у киоска никого не было.

– Они уехали на машине! Как вы могли подумать на меня, пан сержант?! Хулиганка я, что ли? Да и есть же на улице люди, поспрашивайте, они подтвердят.

И они подтвердили. От магазина "Семена" к нам спешил дробной рысцой немолодой уже человек, похожий на дворника.

– Эта пани здесь дралась! – уже издали кричал он. – Я сам видел!

Как меня еще не хватил удар – не знаю. Сержант собственными глазами видел, как вылетело стекло и никого, кроме меня, поблизости не было. Дворник собственными глазами видел, как я участвовала в мордобое и вообще наверняка пьяна, так как гналась за каким-то мужчиной, а потом била его у киоска. Я пыталась объяснить, как было дело, и сама чувствовала, насколько все звучит неубедительно: какой-то "опель" неизвестно почему меня преследует, номера я не запомнила, потому что видела его лишь в перевернутом виде в зеркальце за собой. Сержант с каменным выражением лица списывал данные из моего паспорта и вежливо информировал:

– Этот район у нас на особом контроле, здесь хулиганят особенно часто. Ваше дело передаем на рассмотрение в административном порядке.

Спас меня участковый. Я упросила сержанта поехать вместе в мое отделение милиции. Участковый меня знал и поверил, что я стекол не била и вообще не хулиганка. И даже из идиотских показаний свидетеля-дворника следовало, что у киоска я была не одна. Поэтому участковый согласился не передавать дело на рассмотрение административной коллегии, хотя протокол и составил. А я поклялась себе при первом же удобном случае записать номер проклятого "опеля".

* *
*

Случай не подворачивался, "опель" как сквозь землю провалился. Зато недели через две меня посетил участковый. Поговорив на разные отвлеченные темы, порассуждав о целесообразности ставить новые баллоны, посмеявшись над инцидентом у киоска, он вдруг спросил:

– А тот Вишневский, что пребывал у вас, давно уехал?

Единственным Вишневским, который когда-либо "пребывал" у меня, был мой кузен, происходило это двенадцать лет назад, и заходил он часа на полтора. Вопрос был совершенно непонятен, и я попросила милицию пояснить, какой именно Вишневский ее интересует.

– Станислав, – был ответ. – Тот, что здесь проживал.

Здесь никогда не проживал ни один Вишневский. Визит кузена проживанием никак не назовешь. Станислав действительно проживал и даже был моим мужем, но он никогда не был Вишневским. Бред какой-то!

– Никакого Станислава Вишневского я вообще не знаю. Последние несколько лет здесь кроме меня проживают лишь мои сыновья. А кто он такой, Станислав Вишневский?

– Даже если он жил непрописанным – не страшно, – гнул свое участковый. – Мне бы только знать, когда уехал. Так вы уж скажите, ничего не будет.

Никак не пойму, о чем он говорит? Новая загадка? Одна за другой сыплются на меня непонятные вещи. И именно тогда, когда мне так нужна спокойная жизнь!

– Я все-таки не понимаю, о ком вы говорите. В своей жизни встречала я разных Вишневских, но среди них Станислава не было. И почему он должен был жить у меня?

– Не исключено, что с именем ошибка. Назовите ваших знакомых Вишневских.

Я послушно назвала ему всех известных мне Вишневских, потом достала записную книжку и продиктовала ему их адреса и номера телефонов. Участковый переписал их, не скрывая разочарования. И объяснил:

– Все дело в корреспонденции. Видите ли, Станислав Вишневский писал нам, а обратный адрес сообщил ваш. Я знаю, что тут вы живете, но подумал, что вы что-нибудь о нем знаете. Может, он все-таки пребывал здесь пару недель назад?

Я еще раз торжественно заверила его, что ни пару недель, ни пару месяцев, ни даже пару лет назад никакой Станислав Вишневский здесь не пребывал. Тем более не жил.

– Разве что, – предположила я, – так зовут парня, который снимает показания электросчетчика. Вот он действи-

тельно пребывает у меня регулярно раз в месяц уже много лет. Вы можете это легко проверить.

– Нет, счетчик тут ни при чем, – вздохнул участковый. – Жаль, а я так надеялся, что наконец можно будет ответить. Ну, раз нет...

Вишневского я тоже не брала в голову, занятая своими делами, и вспомнила о нем лишь тогда, когда мне позвонила одна из моих приятельниц, секретарша в одном серьезном учреждении. Захлебываясь от волнения, она сообщила:

– Слушай, это как раз для тебя! Ты любишь такие вещи, а тут настоящая сенсация! Какой-то человек пересылает доллары на Польский национальный банк. В ценных письмах.

– Какой человек?

– Неизвестно! Его никто не знает. Какой-то Вишневский. Адрес отправителя пишет вымышленный.

– А как его зовут? – вскричала я. – Случайно не Станислав?

– Да, Станислав. Он уже прислал на банк около шестидесяти тысяч долларов. Небольшими порциями. Весь банк гудит. А ты уже слышала о нем?

– Пока не слышала, но очень хочу услышать. Еду к тебе!

Я тут же помчалась к ней и узнала все подробности. Дело было так.

Несколько месяцев назад секретарша председателя Польского национального банка расписалась в получении ценного письма и вошла в кабинет начальника с ворохом корреспонденции. Начальник был занят. И, не прерывая телефонного разговора, жестом велел ей самой заняться почтой. Секретарша вернулась к себе, просмотрела письма и зарегистрировала, а напоследок вскрыла большой серый, аккуратно заклеенный конверт.

В конверте было 2400 долларов в купюрах по 10 и 50 долларов и записка – три слова на полях клочка газеты: "В пользу государства". Написано шариковой ручкой, печатными буквами, явно с помощью линейки.

Секретарша перевернула конверт, чтобы взглянуть на адрес. Отправителем оказался Станислав Вишневский, проживающий в Варшаве по улице Олькусской, д. 86. Обычный адрес, но само послание, конечно, необычное: не каждый день граждане дарят государству такие подарки.

Полюбовавшись на доллары, секретарша опять вошла в кабинет к начальнику.

– Видимо, какой-то патриот, – отреагировал начальник. – Передайте с сопроводительной в валютный отдел.

Секретарша выполнила указание. В валютном отделе сумму заприходовали как дар гражданина Вишневского и передали в казну. Секретарша начальника валютного отдела как-

то не проявила особого интереса к столь щедрому патриоту.

Второй раз серый конверт пришел в банк через месяц. Он был больше первого и битком набит долларами в банкнотах всех калибров, от одного до ста, на круглую сумму в шесть тысяч. Конверт вскрыл сам председатель банка, изумился и вызвал секретаршу.

– Кажется, что-то такое у нас уже было, – сказал он. – Вы не припомните?

– Был, точно такой же, – подтвердила секретарша, осмотрев конверт. – Отправитель Станислав Вишневский, проживающий по улице Олькусской. Кто такой этот Вишневский?

– Понятия не имею. Передайте опять в валютный отдел и попросите проверить, не фальшивые ли. Может, он их печатает?

Доллары оказались самые что ни на есть настоящие. Сумма не вызвала особого потрясения среди сотрудников банка, привыкших оперировать большими числами. Конверт выбросили, как и в прошлый раз.

Недели через две таинственный Вишневский прислал две тысячи, на сей раз мелкими купюрами. Надпись печатными буквами на полях клочка газеты информировала, что и эти деньги передаются в пользу государства. Когда затем одно за другим пришло несколько ценных писем, содержащих в сумме семь тысяч двести долларов, секретарша начальника валютного отдела наконец-то проявила интерес к таинственным посланиям и позвонила своей подруге, секретарше председателя:

– Кто такой этот Вишневский с долларами?

– Понятия не имею. Ненормальный, наверное.

– А что говорит председатель?

– Что патриот. А я считаю, что патриот обменял бы их по официальному курсу на польские злотые. Нет, просто богатый псих.

– Если бы он посылал хотя бы на восстановление Королевского замка, еще можно понять. Но вот так, просто в пользу государства?

– Ах, милая, я и сама удивляюсь.

Несколько недель было тихо, а потом Вишневский словно с цепи сорвался. Чуть ли не каждый день в банк стали приходить толстые серые конверты, набитые иностранной валютой. Общая сумма перечисленных в государственную пользу долларов уже превысила пятьдесят тысяч.

Дарственные в пользу государства не являются служебной тайной. Сотрудники Польского банка поделились со своими близкими интересными новостями. Потрясенные близкие, не привыкшие к крупным суммам долларов, раструби-

ли по всему городу о благородном поступке Вишневского. Потрясенные в свою очередь многие тысячи варшавян ломали головы, что бы это значило.

Вишневский же после первых хаотичных посылок несколько систематизировал свою деятельность и стал присылать деньги каждые две недели. Так продолжалось некоторое время, потом деньги перестали поступать, а потом сразу пришло пять тысяч самыми мелкими купюрами. На сей раз они были запакованы в коробку из-под шоколадных вафель производства Чешинской фабрики "Ольза".

А ведь мой кузен Вишневский проживал именно в Чешине...

Как раз в это время муж секретарши начальника валютного отдела отправлялся в трехнедельную служебную командировку в ГДР. Поскольку в их машине вышел из строя сигнал, он, укладывая чемодан, давал жене инструкции:

– На такой машине ездить нельзя, первый же гаишник тебя остановит. Я уже не успеваю, тебе придется самой заняться машиной. Поезжай в мастерскую на Олькусскую, она работает до пяти, дашь в лапу электрику, он тут же сделает.

Жене совсем не улыбалось заниматься не своим делом, и она спросила недовольно:

– А где эта Олькусская?

– На Мокотуве. Пулавскую знаешь? Она на нее выходит, между Дольной и автовокзалом. А если он скажет, что надо обязательно покупать новый...

– Постой, постой! – спохватилась жена. – Ты сказал, на Олькусской?

– На Олькусской, а что?

– Так ведь на Олькусской живет тот Вишневский, который прислал в банк почти семьдесят тысяч долларов. Да, я помню: Олькусская, 86.

– Скажи пожалуйста, – рассеянно отозвался муж, запихивая в чемодан бритвенный прибор, и вдруг выпрямился: – Как ты сказала? Восемьдесят шесть?

– Да, восемьдесят шесть.

– А ты не ошиблась? Восемьдесят шесть? Да там не может быть такого номера, вся улица – несколько домов, ну вот как от нас до этого фонаря. Наверняка ты что-то перепутала.

– Да нет, я прекрасно помню, у меня же хранятся его конверты. Может, просто там такая нумерация?

У мужа через два часа отправлялся самолет в Берлин, и ему некогда было заниматься посторонними тайнами. Он вернулся к чемодану очень довольный: теперь жена уж непременно поедет на Олькусскую, хотя бы из любопытства.

– Только обязательно поезжай в рабочее время, – попросил он, – тогда наверняка застанешь электрика.

Секретарша съездила на Олькусскую даже два раза, посетила электрика и твердо убедилась в том, что дом под номером восемьдесят шесть – чистая фикция. Взволнованная своим открытием, она позвонила подруге:

– Слушай, надо сказать председателю, что этот Вишневский вообще не существует. А если и существует, то не на Олькусской. Я проверила, там вообще нет такого дома.

Весть молниеносно разнеслась по банку и вызвала всеобщее волнение. Благотворитель, как видно, пожелал остаться неизвестным и сообщил ложный адрес. Кое у кого благородный Вишневский вызвал подозрения.

– Может, следует сообщить в милицию? – спросила секретарша начальника валютного отдела.

Начальник задумался.

– Кто знает? Никакого преступления тут нет, каждый имеет право передавать в казну государства, что пожелает. Может, он не хочет, чтобы знали родственники? Хотя, с другой стороны, вдруг эти деньги добыты нечестным путем? В любом случае действовать надо осторожно и тактично.

Осторожно и тактично сообщили в милицию о странных дарственных. Так, на всякий случай. Милиция, тоже на всякий случай, занялась ими. И обнаружила, что один раз, в самом начале своей благородной деятельности, Вишневский сообщил другой адрес. Мой...

Моя приятельница знала все подробности происходящего, потому что в свою очередь была приятельницей обеих секретарш. Узнав подробности, я решила, что мой адрес Вишневский сообщил по чистой случайности. Вот если бы только не сущий пустяк – коробка из-под вафель кондитерской фабрики "Ольза" и кузен в Чешине...

Подумав, я решила – милиции надо знать об этом. Не потому, что кузен мог оказаться валютным миллионером – смех! Но здесь, несомненно, была какая-то тайна, и ее надо разгадать. А всем известно, для милиции каждый пустяк может оказаться важным, и не следует решать самому, какая информация ценная, а какая – пустяк. Что ж, пожалуй, скажу.

Участковый принял информацию с благодарностью, но без особой радости.

– Коробку из-под вафель найдешь в любом магазине, – сказал он со вздохом. – И вообще во всем этом деле нет состава преступления. Глупое дело...

Я по-прежнему была очень занята, много работала и решила наконец отдохнуть – собрать друзей на бридж. Павел вывихнул ногу, хромал, и я обещала после бриджа отвезти их с Баськой домой. Закончив игру за полночь, мы все вместе спустились к машине. На ветровом стекле за "дворником" была засунута какая-то бумажка. Я подумала – милицейская

квитанция на штраф, и еще удивилась – за что? Ведь машина стоит на специально для этого предназначенном месте. Развернув бумажку, я прочла: "Рябой ездит в Залесье". Накарябано кривыми каракулями, ни подписи, ни даты, лишь непонятная информация о неизвестном Рябом.

После неприятностей с баллонами такие мелочи уже не могли мне испортить настроения. Я лишь проверила, не испорчены ли стеклоочистители.

Всю дорогу мы ломали голову, что может означать записка, и пришли к выводу: просто ошибка. Нормальное дело, ошибки случаются на каждом шагу.

* *
*

А потом позвонила Лялька. Нет, не так. Потом позвонил Гавел. Или Лялька? Ну вот, начинается путаница в хронологии. Конечно же, потом позвонил Гавел, а Лялька звонила намного раньше. Итак, по порядку. Шел дождь со снегом, зима кончилась, я вообще не заметила, как она прошла, не до нее мне было, столько вокруг странных событий, с которыми у меня ничего общего. Ой, так ли уж ничего?

Моя подруга Лялька позвонила и попросила, чтобы я немедленно отвезла ее в Мокотув.

– Моя машина в ремонте, а такси вызвать невозможно! Всех знакомых обзвонила – никого нет дома, и где они бегают в такую погоду? – тараторила она в страшном возбуждении. – Не могу же я его вынести на улицу в такую мразь!

– Кого ты не можешь вынести?

– Да Самсона же! Ради бога, приезжай, меня ждут!

Самсон – это ее кот, сиамский кот необыкновенной красоты. Но вот зачем тащить этого красавца на улицу в такую мерзкую погоду – никак не могла понять, хотя жутко взволнованная Лялька и пыталась мне что-то втолковать о свадьбе.

– Погоди, успокойся, я сейчас приеду, хотя ничего не поняла. Зачем тебе на свадьбе обязательно кот?

– Вот непонятливая! Так ведь это не моя свадьба, а его, Самсона! На сегодня я договорилась отвезти его к знакомой кошке, а проклятая машина сломалась, я потеряла бумажку с их адресом и телефоном, а ехать надо обязательно сегодня, о господи боже мой, нет времени на разговоры, умоляю тебя, приезжай немедленно!

Мне передалось волнение Ляльки, и, не требуя больше никаких объяснений, я бросила трубку и в спешке выскочила из дому. Ради кошек я и не на такое способна. Вот только как она найдет кошкин дом, если потеряла бумажку с адресом?

Хоть адреса не было, но дорогу и дом Лялька помнила.

Привыкший к машине Самсон не пожелал сидеть в корзине, вылез и развалился на заднем сиденье, недовольным мяуканьем реагируя на сильные толчки.

– Он не любит, когда резко тормозят, потому что съезжает с сиденья, – объяснила Лялька. – Помедленнее, пожалуйста, сейчас его нельзя нервировать, сама понимаешь.

Трудно было ехать еще медленнее, я и так еле тащилась из-за погоды, претензии Самсона не имели оснований. Мы легко нашли резиденцию невесты – роскошную виллу на Гощинского.

– Мне ждать окончания свадебного обряда или как? – спросила я. – Ведь надо же отвезти вас обратно.

– Ты с ума сошла – ждать! Меня отвезут хозяева невесты. Она девица, неизвестно, как встретит жениха. Забыла ее имя, кажется, Мальвина, а хозяйка – Кася. Или наоборот? Они бы сами приехали за мной, да я потеряла телефон. Ну, спасибо. Вечером позвоню.

Лялька позвонила около полуночи и сдала подробный рапорт о Самсоновой свадьбе. Все прошло замечательно, Кася оказалась совершенно очаровательной кошечкой, даже чуть ли не красивее Самсона, они сразу понравились друг другу, а пани Мальвина очень похожа на свою любимицу, такой же дымчато-бежевой масти. Домой их отвез пан Кароль на своей машине, Самсон хорошо перенес путешествие и не реагировал, когда машина тормозила. Ему было где развалиться, так как ехали они в "опеле-комби".

"Опель-комби"!

Часы показывали шесть тридцать. На работу Ляльке было к восьми, так что все равно пора вставать.

– Послушай, какого цвета был "опель-комби", которым пан Кароль отвозил тебя с Самсоном домой? – спросила я без предисловий. – Ну, помнишь, тогда, зимой, после женитьбы на Касе?

– Спятила ты, что ли? – хриплым со сна голосом спросила перепуганная Лялька. – Какого это пана Кароля я женила на Касе?

– На Касе ты женила Самсона. Ну, тогда, на Гощинского, вспомни! Домой вас доставили на "опеле-комби". Какого он был цвета?

Лялька постепенно просыпалась.

– Господи боже мой, ты что, никогда не спишь? Откуда мне знать, какого он цвета, если уже стемнело и шел дождь со снегом? Машина вся была грязью заляпана. На кой черт тебе ее цвет? Ненормальная!

– Вспомни, прошу тебя! Может, хоть что-нибудь запомнила? Не злись, тебе все равно на работу.

– На работу, но я могла еще до семи спать. Погоди, мне вроде что-то вспоминается. Когда он выехал из гаража, остановился под фонарем. Светлый. Что-то яркое. Вроде желтый. Да, кажется, желтый. А что?

– Ничего. Так просто интересуюсь.

– Ты что? – заорала разъяренная Лялька. – Будишь меня чуть свет, чтобы просто поинтересоваться?!

– Да нет... Ладно, так уж и быть, скажу. Тут, рядом в доме, совершено преступление, в нем замешан "опель-комби". Так что, сама понимаешь...

Преступление Ляльку вполне удовлетворило, она перестала меня ругать и потребовала подробности. Я выдала ей наскоро придуманные подробности, она с интересом выслушала, а потом вдруг вспомнила:

– Да, знаешь, он, наверное, свой "опель" давно продал.

– Почему ты так думаешь?

– По дороге он сказал, что собирается продать и купить другую машину. Жене цвет не нравится. Или продам, сказал, или перекрашу.

– Так сразу и продаст! Мало ли что жене не нравится!

– Продаст! Насколько я успела заметить, на жене он форменным образом помешан, все для нее сделает. Я у них была еще раз, когда у Касюни котятки появились. Четырех принесла. Чудо! Их сразу разобрали...

А теперь все хорошенько обдумать и разложить по полочкам, Лялька малость запутала хронологию непонятных событий. Итак: Лялька с Самсоном, информация о Рябом, Гавел...

Гавел позвонил неожиданно, спросил, покончила ли я со святым Георгием, и заявил, что у него ко мне дело. Через пятнадцать минут он был уже у меня с громадной банкой кофе, так как чай не выносил и на всякий случай подстраховался.

Я заварила кофе, мы сели за стол, и он вдруг начал настраивать меня против Баськи:

– Заводишь какие-то подозрительные знакомства... Послушай меня, будь осторожнее с этой Маковецкой.

Естественно, я потребовала объяснений. Ничего не объясняя толком, он лишь повторял, как попугай, чтобы я была с ней осторожней, что это плохое знакомство, что она умная, а я глупая и что это добром не кончится. Все попытки узнать, в чем именно мне следует проявлять осторожность, ни к чему не привели. На вопрос, знаком ли он с Баськой, ответил, что не знаком, однако это отнюдь не уменьшает его глубокой убежденности, что из-за Баськи мне грозят неприятности. Уходя, повторил еще раз, что Баська – непод-

ходящее для меня знакомство, следует держаться от нее подальше и быть осторожной.

Пожалуй, я догадывалась о причине такого отношения к моей подруге. Время от времени, когда мы Баське надоедали, она собирала своих прежних дружков, шоферов и механиков, и устраивала с ними вечер встречи в одной из самых подозрительных забегаловок. Причем именно в забегаловке, решительно не желая встречаться в порядочном ресторане – не та атмосфера; по ее словам, в ней просыпался некий зов предков и, если не дать ему выхода, жизнь вконец осточертеет. Обычно вечер встречи приносил полное удовлетворение его участникам, а я не вмешивалась в профилактическую Баськину деятельность, считая это личным делом Баськи и ее предков. Павел тоже. Увидев, что протесты ни к чему не приводят, он стал рассматривать такие встречи как удобный случай хорошенько выспаться.

Непонятно только, при чем здесь Гавел? И почему мне надо быть осторожной? Естественно, сразу после его ухода я позвонила Баське и потребовала объяснений. Баська сказала, что никакого Гавела не знает, в чем дело – не понимает, а что до забегаловки, то она уже давно там не была и спасибо, что напомнила. То-то Павел будет мне благодарен...

Я чертыхнулась, пожелала Гавелу лопнуть и повесила трубку.

А затем ко мне пришла расстроенная Янка и пожаловалась на Доната. Он стал какой-то странный, вечерами уходит из дому, возвращается совершенно трезвый, ничего не говорит, и больше она этого не вынесет.

– В том, что он ничего не говорит, странностей не вижу, – заметила я. – Было бы странным, если бы он вдруг стал разговорчивым.

– Да он не только сам ничего не говорит, но и не выносит, когда с ним говорят!

Я хотела было сказать, что те же самые симптомы наблюдались у моего мужа перед разводом, но вовремя прикусила язык. Может, у Доната появилась другая женщина? Но об этом я тоже Янке не сказала, она же продолжала анализировать душевное состояние мужа:

– Он как будто все время чем-то расстроен. Или из-за чего-то нервничает. Или чем-то недоволен. Или еще что-то в этом роде. Нет, я больше не выдержу, он меня в гроб вгонит.

Я предположила, что Донат запутался в какой-нибудь афере.

– Но тогда должна же быть от нее хоть какая польза! Я еще не слышала, чтобы у аферистов с начала и до конца

были только неприятности. Да и какую аферу он может проворачивать в своем НИИ пространственного планирования? Пространство крадут, что ли?

Такое предположение мне показалось сомнительным, а поведение Доната обеспокоило. Будь у меня побольше времени, я предложила бы Янке вдвоем организовать за ним слежку, чтобы выяснить, какие у него неприятности. Но времени не было, а мои попытки успокоить Янку ни к чему не привели.

А потом опять появился Гавел. Я поехала в филателистический магазин и хотела оставить машину на стоянке на улице Хожа. Тут я увидела, как с нее выруливает Гавел. При виде меня он затормозил, выскочил из машины и бегом кинулся ко мне.

– Что ты тут делаешь? – с возмущением крикнул он. – Там твой дом горит, а ты себе разъезжаешь по городу?!

На минуту окаменев, я тут же рванула с места и со скоростью пожарной машины помчалась к дому. Гавел не из тех, кто способен на глупые розыгрыши, а в доме у меня все-таки были дорогие моему сердцу вещи. Проделав путь за рекордное время, я убедилась, что дом стоит себе спокойно и вообще ничего поблизости не горит. В ответ на высказанные по телефону претензии Гавел холодно заявил, что ему так показалось и я еще должна быть благодарна за заботу. А я вдруг уверилась: врет, видимо, ему нужно было, чтобы я уехала, вот только зачем – неизвестно.

Просто удивительно, но всем этим странным событиям я не уделила должного внимания, отметая их в сторону, чтобы не мешали моей главной задаче – космическим лучам. Подсознательно, однако, уже чувствовала, что вот-вот не выдержу. А тут еще позвонила Баська и слезно просила разыскать для нее гуцульский узор вышивки со старой подушки моей бабушки, который я когда-то срисовала на миллиметровку. Не подействовали никакие отговорки, и мне пришлось перевернуть вверх дном всю квартиру, чтобы разыскать этот узор. Уже тогда я подумала, что, видно, над космическими лучами тяготеет какое-то проклятие, ведь никогда до этого на моем творческом пути не вставало столько непонятных или совершенно идиотских преград.

Ну а через два дня мой сын запустил вонючку, а потом позвонил светлой памяти покойник Дуткевич...

Вот что вспомнилось мне перед визитом к майору. Но я понимала, что не могу поделиться с ним ни одним из своих воспоминаний, пока сама в них не разберусь, пока сама не выявлю связи между всеми этими странными событиями...

* *
*

За утро майор провернул гигантскую работу и теперь знал обо мне абсолютно все: о баллонах, о битве под киоском, о Лёлике и Вишневском. Сколько живу на свете, еще никто не проявлял ко мне такого интереса. Майор так дотошно изучил меня, что теперь его вопросы, без сомнения, преследовали лишь одну цель: убедиться в моей правдивости. Уверена, ответы на них он знал и без меня.

– Да, вот еще что, – небрежно бросил он. – Кто такой пан Ракевич? Чем он занимается?

Не зная толком, чем Гавел занимается, я дала расплывчатый ответ:

– Он, знаете ли, деловой человек, я уже говорила. Большие дела делает. А по специальности фармацевт. Кажется, работает на предприятии, где производят на экспорт косметические товары. Но не уверена.

– И это, по-вашему, большие дела?

– Не о том речь. О торговых сделках, которыми пан Ракевич очень гордится. И хвастается передо мной, потому что доверяет. Сомневаюсь, впрочем, надо ли вам о них говорить.

Майор заметил с легким укором:

– Я не занимаюсь хозяйственными преступлениями, я расследую убийство. И меня интересуют все причастные к нему лица. И пожалуйста, не пытайтесь меня убедить, что вы лучше знаете, кто причастен, а кто нет.

Я обиделась.

– И не собираюсь! Возможно, с виду я полная идиотка, но вы ведь знаете, внешность иногда обманчива! Что же касается пана Ракевича, то, насколько я его знаю...

– Уточните, насколько именно. И сколько времени?

– Ну, знаю, и все тут. Что значит "насколько"? Знакомы много лет, а встречаемся по-разному – то каждый день, то раз в два года. Знаю, где он живет, но не знаю, чем занимается. В одном лишь уверена твердо: в его делах все чисто, ничего незаконного. Уж об этом он заботится особенно.

– А почему особенно?

– Потому что любит путешествовать. И значит, должен быть чист как стеклышко, иначе не получит загранпаспорта. Мне он многое порассказал в приступе откровенности, боюсь, не повредить бы ему. Очень не хочется.

– Все-таки когда вы с ним познакомились?

– О, еще в довоенные годы. Правда, тогда я была девчонкой, он старше меня лет на десять. Его родители были знакомы с моими. Через несколько лет после войны мы случайно встретились – и вот время от времени видимся.

Майор закурил сигарету и, откинувшись, принялся задумчиво раскачиваться на задних ножках стула. Вперед-назад, вперед-назад. Ну, точь-в-точь как мои сыновья, которые таким образом вывели из строя два стула у мамы и три в собственном доме. Тут же за разрушением чужой мебели я наблюдала с искренним удовольствием.

Майор размышлял, уставившись куда-то в пространство за мной. Наконец очнулся.

– Покойный знал его. Знал также и Барбару Маковецкую. А они знакомы? Пани Маковецкая и пан Ракевич?

Я и сама уже думала над этим. Ведь не случайно же Гавел ябедничал на Баську, предупреждал, что у меня будут из-за нее неприятности. Как в воду глядел! Неужели знал, что Дуткевича прикончат, а Баська даст покойному номер моего телефона? Ясновидец он, что ли? Может, Гавел предвидел и то, что покойный позвонит мне за минуту до смерти? Смешно говорить майору о таком, но обманывать милицию я тоже не хотела, поэтому, взвешивая каждое слово, сказала все-таки правду:

– Не знаю. И не скрою от вас, пан майор, Маковецкую я прямо спросила об этом. Ответила, что не знает. Я же хорошо помню, как сама ей его показала. На улице. Издалека.

Майор перестал ломать мебель и взгляд из пространства перевел на меня.

– Давайте говорить откровенно. Вы наверняка и сами догадались – сейчас меня интересуют все связи, все контакты людей из вашего окружения. Что вам известно о них? Кто из ваших знакомых поддерживает связь друг с другом и знакомы ли они между собой? Например, знает ли Ракевич Рокоша? Знает ли Рокош Маковецкую? Знает ли Тарчинский Ракевича?

Вот уж не ожидала! Майор явно переоценил мою сообразительность.

– Ничего не понимаю! Ведь не меня же убили, а Дуткевича! Я вот она, перед вами, пан майор! Живехонькая! При чем тут мои знакомые?

Взгляд майора стал загадочным и непроницаемым.

– Все говорит о том, что именно вы – центральный пункт аферы. Как вы сами этого не понимаете? Ну, подумайте хорошенько. Ведь вы неоднократно утверждали, что милицию любите...

– Люблю!

– Вот и прекрасно! Раз любите, помогите следствию.

Уходила я из Управления милиции в состоянии полной прострации, получив задание составить список всех моих знакомых – и ближних, и дальних, – а также пометить, кто из них с кем знается. Интересно, как это сделать? Пронумеро-

вать их, что ли? А может, лучше разметить цветными карандашами, а стрелочки провести фломастером? Оригинальные все-таки методы расследования применяет майор.

В голове у меня был полнейший сумбур. И еще я с грустью подумала, что расстанусь с моими физиками надолго, ибо придется заняться совсем другой деятельностью. Сама разберусь, что кроется за всеми событиями, кто из моих знакомых и почему связан с ними. А то ненароком подведу кого-нибудь...

Составив и вручив майору требуемый список, я собиралась немедленно кинуться в разведку, но тут из Копенгагена позвонила Алиция, чтобы узнать, как готовят утку по-пакистански, о которой я ей с восторгом когда-то рассказывала. Странно, ведь утку меня научили готовить у Эвы, а Эва была, можно сказать, у Алиции под носом, в Роскилле. Узнав это, Алиция обрадовалась и кончила разговор.

Часа через два Алиция позвонила снова. Эва не знала. Она видела, как я записывала рецепт, и сама не стала записывать – сочла это достаточным, а помнит лишь, что для приготовления данного блюда требуется множество ингредиентов, из которых теперь ручается только за утку. Пришлось мне вытащить старый блокнот и продиктовать рецепт, после чего я посоветовала ей приготовить лучше говядину по-пакистански – эффект тот же, а намного проще. А потом спросила, зачем ей вообще это нужно. В ответ Алиция нервно расхохоталась.

– Я должна отметить юбилей. Десятая годовщина моего приезда в Данию и работы в нашей конторе. К тому же мне повысили зарплату. Будут все родственники мужа, коллеги по работе, ну и здешние поляки. Нет, не вся эмиграция, только знакомая. Нет, это безнадежно, отвертеться никак нельзя.

Услышав такое, я с еще большим жаром стала настаивать на говядине. Мы с ней обсудили меню, я обещала выслать посылкой московский борщок и спиртное.

– Только прошу тебя, не отправляй больше чем по одной бутылке, – попросила Алиция. – Лучше сделай несколько посылок и в каждую по пол-литра, может, хоть одна проскочит без пошлины. А то здешние мерзавцы меня уже запомнили и проверяют каждую посылку, специально за ними охотятся. Представляешь, выучили наизусть названия всех польских водок!

Мне пришла в голову гениальная идея.

– А ты мне скажи, как по-датски малиновый сироп. Я напишу на бутылке и в декларации, у нас никто не поймет, а у вас, как всегда, поверят написанному. Может, и проскочит.

Алиция пришла в восторг и продиктовала, что требовалось. Мы расстались.

Тут же позвонила взволнованная Зося и спросила, умею ли я готовить рольмопсы.

– Конечно, умею, – ответила я, удивленная сходством катаклизмов. – А у тебя что, тоже юбилей?

– А, ты уже знаешь! – обрадовалась Зося. – Ну да, все дело в ее дурацком юбилее. Вот я и хочу выслать Алиции рольмопсы, а то она там загнется с готовкой. Знаешь, она ведь еще собирается делать вареники с капустой!

– Успокойся, не сделает, у них капусты нет.

– Есть! Позавчера в Данию выехала делегация Арс Полоны, так Анита отправила с ними четыре килограмма квашеной капусты. А грибы у нее еще с осени остались.

Я тоже встревожилась и расстроилась из-за Алиции, представив подругу в эпицентре кухонного циклона. Тем более что она никогда не проявляла способностей в области стряпни.

– Вот я и подумала, – продолжала Зося. – Вышлю ей хоть рольмопсы – уже легче, не надо думать о закуске. Даже здорово получится. Польский фольклор обеспечен: рольмопсы, вареники...

– ...борщок, – дополнила я, – а главным блюдом будет мясо по-пакистански. Может, меню составлено и не очень удачно, зато экзотично. Датчане подумают, что так принято у поляков, поляки же набросятся на селедку и забудут про все остальное. Ты права, гони рольмопсы!

– Легко сказать, я же не умею их делать! Потому и звоню тебе. Помоги, а? Я куплю селедку, очищу, замочу, а потом вместе сделаем, ладно? Они ведь могут лежать?

– В маринаде, конечно, могут. А успеет ли Алиция их получить? Я не спросила, когда торжество.

– Через три недели. Времени у нас немного. Я завтра же куплю селедку.

Даже ради лучшей подруги я не стала предлагать свою помощь по очистке селедки. О нет! И ограничилась лишь инструктажем по изготовлению гвоздя Алициного юбилея: селедку очистить от костей, нарезать на тонкие длинные полоски и вымачивать сорок восемь часов, причем половину этого срока – в воде, а вторую половину – в молоке. Но тут я вспомнила, что в список для майора не внесла кое-кого из знакомых, и переключилась на другое.

Через пять дней в хвост очереди на главпочтамте пристроился один из Зосиных знакомых, некто Соколовский. Зося узнала, что он собирается отправить в Швецию коробку шоколадных конфет, и, воспользовавшись случаем, попросила его заодно отправить в Данию и наши рольмопсы.

Рольмопсов получилось ровно семь килограммов. По

нашим с Зосей подсчетам, именно такое количество могло спасти Алицию. Ведь мы как рассуждали: если их будет меньше, то одно из двух – или Алиция сразу же все слопает сама и будет страдать от угрызений совести, или воздержится и тоже будет страдать. Семи же килограммов за столь короткое время ей ни в жизнь не слопать, пусть себе пробует, сколько хочет, гостям еще останется.

Семь кэгэ селедки в плотно закрытой металлической банке представляли слишком большую тяжесть для женщины, поэтому ею обременили пана Соколовского, который, без всякого сомнения, был мужчиной и которому ведь все равно отправлять посылку, так что какая разница – одну или две.

Так получилось, что в тот день пану Соколовскому жутко не везло. Вышло из строя колесо машины, в запасном испортился вентиль, машину с женой пан Соколовский оставил в мастерской, договорившись встретиться в городе, а сам помчался к зубному врачу. Потом Зося вручила ему рольмопсы, с женой он почему-то разминулся, такси поймать не мог, опоздал в прачечную, оставшуюся часть трассы одолел с помощью нескольких видов городского транспорта и когда, наконец, пристроился в хвосте очереди на главпочтамте и поставил на пол тяжеленную банку с рольмопсами, почувствовал, как все его существо протестует против маринадов.

Теперь можно было отдохнуть и оглядеться. Пан Соколовский обратил внимание на стоявшего перед ним в очереди молодого человека, который небрежно держал под мышкой огромную посылку. "Надо же, громадная, а какая легкая", – с завистью подумал пан Соколовский, травмированный тяжестью рольмопсов. Истекая потом, проклиная все на свете – Зосю, Алицию, селедку, колесо и того, кто придумал почту, – пан Соколовский невольно заинтересовался содержимым легкой посылки.

Подошла очередь молодого человека. Он, оказывается, отправлял дамастовое пуховое одеяло небольших размеров. Пан Соколовский подглядел, что в таможенной декларации было написано "детское одеяло из пуха", и подумал: жаль, у Алиции нет детей, может, она не устраивала бы тогда юбилеев.

Одеяльце взвесили, насчитали пошлину, запаковали и бросили в тележку с другими посылками. Молодой человек удалился.

Настала очередь рольмопсов.

– А банка закрыта герметически? – спросила таможенница, ознакомившись с декларацией.

– Герметически, а как же! – поспешил заверить пан Со-

коловский, которому стало плохо при мысли, что придется тащить этот балласт Зосе обратно. Он не задумываясь поклялся бы, что банка – монолит из пуленепробиваемой стали. – Если желаете, для гарантии перевяжу ее еще веревкой.

– Перевяжите, – согласилась таможенница и перестала интересоваться подозрительной банкой, по опыту зная, что забота отправителей о своих посылках ни в какое сравнение не идет со стараниями даже самых добросовестных почтовых работников.

Банку с рольмопсами перевязали веревкой, завернули в бумагу, еще перевязали, стукнули несколько раз штемпелем и тоже бросили в тележку. Дело было в конце рабочего дня, отдел заграничных отправлений закрывался, и последней партии посылок предстояло переночевать на почте. Отправить их собирались лишь на следующее утро.

Между вечером и утром была еще ночь. Небрежно брошенная на кучу посылок, банка с рольмопсами ударилась боком о ящичек со спиртным. Спиртное не пострадало, у банки же от удара сдвинулась крышка, которая вопреки мнению пана Соколовского все-таки не представляла единого целого с банкой. Немного сдвинулась, совсем капельку...

Утром в помещение первой вошла заведующая отделом заграничных отправлений в сопровождении охранника, и оба сразу же почувствовали странный запах. Запах был острый и какой-то очень знакомый. Оба, как по команде, одновременно потянули носом воздух.

– Воняет чем-то, – констатировал охранник.

– Господи боже мой! – произнесла заведующая, побледнев. – Не иначе, что-то разбилось! И чего только люди не отправляют!

Подойдя к тележке с посылками, она увидела страшную вещь: из посылки, лежащей на самом верху, что-то текло. Пахло остро, пронзительно и аппетитно.

– Помереть мне на этом месте – селедка! – уверенно определил охранник.

Отдел заграничных отправлений охватила паника. Будь испорчена одна посылка – куда ни шло. Выплатить одну компенсацию, извиниться перед одним человеком – невелика беда. Но ведь здесь катаклизм, катастрофа, кошмар! Пострадала не одна посылка, а, быть может, все лежащие под ней. В посылках же – дорогие ткани, шерсть, ценные предметы одежды, дорогостоящие продукты, сладости. При мысли о сумме, в которую обойдется выплата компенсаций, у сотрудников отдела волосы встали дыбом.

Заведующая, взяв в помощь двух сотрудниц, рыдая и проклиная разными словами отправителей, которые черт-те что посылают, занялась подсчетом ущерба.

После двух часов тяжкой работы она немного успокоилась: не так все плохо, главпочтамту банкротство пока не грозит. Большинство посылок содержало или алкогольные напитки, совершенно не пострадавшие от селедки, или льняное постельное белье, которое и так часто стирается. Безнадежно испорчены были только две посылки: залитое рольмопсовым маринадом детское пуховое одеяльце и бандероль с книгами, не представляющими, к счастью, библиографической ценности. Еще некоторое сомнение вызвала, правда, сухая колбаса, издающая теперь крепкий селедочный запах. Подумав, заведующая и ее подчиненные пришли к выводу, что селедка колбасе не помеха, а селедочный запах, может, даже повышает вкусовые качества колбасы.

Оставалось составить официальный протокол и написать извещения пострадавшим отправителям. Протокол заведующая писала лично, ей помогала контролерша.

– А вот поваренной книги нам ни в жизнь не найти, – мрачно бубнила контролерша. – Они в магазинах расходятся вмиг. Что теперь делать?

Заведующая отложила ручку и еще раз осмотрела подмокшую книгу.

– В конце концов, прочитать можно, – сказала она. – Оставим, пусть отправитель сам решает, пошлет такую или вообще никакой. Что там дальше?

Контролерша с легким отвращением взяла двумя пальцами следующий мокрый предмет и объявила:

– Пуховое одеяльце. Никуда не годится.

– Подождите, не могу же я написать в официальном документе "никуда не годится". Надо сформулировать как следует. Что за ткань на одеяле?

– Дамаст.

– Так. "Детское одеяло из дамаста..." Нет, нехорошо. "Одеяло детское. Негодность 100%. Дамастовое покрытие промокло насквозь, все в подтеках и..." И как, написать, что воняет?

– Еще как воняет!

– Но так же писать нельзя. "Издает запах"? Тоже не то.

– "Пропиталось селедочным запахом", – подумав, предложила формулировку контролерша.

– Очень хорошо. "Пропиталось селедочным запахом". Дальше. "Пух..." А почему вы думаете, что там пух?

– Так в декларации же написано.

– Написать можно что угодно. Надо проверить. Опять же пух разный бывает – гусиный, утиный, может быть пополам с шерстью, а может оказаться не пухом вовсе, а пером. А нам выплачивать компенсацию. Проверьте!

– Как же я проверю? Внутрь ведь не заглянешь.

– А вы разрежьте, все равно вещь испорчена.

Взяв ножницы, контролерша с усилием разрезала мокрый дамаст, засунула руку внутрь и вытащила из одеяльца горсть содержимого.

– Пух, – сказала она, разжав ладонь. – Только вроде еще с чем-то. Может, и правда с шерстью?

Она опять сунула руку под дамастовое покрытие, вытащила еще одну горсть пуха, и вдруг брови ее удивленно поползли вверх.

– А это что? Пух с бумагой, что ли?

Заведующая наблюдала за ее действиями с растущим беспокойством. Из глубин одеяльца контролерша извлекла большой ком мокрого пуха, в котором виднелось несколько длинных зеленых бумажек, очистила одну из них от налипшего пуха и...

– Пресвятая Богородица! – сдавленным голосом произнесла заведующая.

Несколько минут обе, не шевелясь, с ужасом вглядывались в зеленые банкноты. Первой опомнилась заведующая. Она вскочила, перевернув стул, и крикнула душераздирающим голосом:

– Ничего не трогать! Ни к чему не прикасаться! Милицию! Свидетелей! Директора!

В присутствии комиссии, составленной из представителей почтовой, таможенной и милицейской служб, пуховое одеяльце с оригинальной начинкой было торжественно разрезано на мелкие кусочки. Выяснилось, что начинка состояла из пятидесяти шести стодолларовых купюр, издававших резкий селедочный запах.

– Неплохо! – одобрительно заметил поручик Вильчевский, услышав о сумме в пять тысяч шестьсот долларов. – Кто же отправитель?

В таможенной декларации и в адресе на посылке отправителем значился некий Иероним Колодзей, проживающий по адресу: Варшава, улица Дольная, дом № 34. Адрес был написан четко, шариковой ручкой, кривоватыми печатными буквами.

При внимательном изучении останков бесценного одеяльца было обнаружено, что один из швов дамастового покрытия распарывался и сшивался вновь вручную, причем старательно имитировалась машинная строчка. Этот факт автоматически исключал из числа подозреваемых изготовителя и избавлял милицию от трудоемкой и наверняка напрасной работы по его выявлению.

– Теоретически одеяло могли фаршировать валютой прямо в мастерской, а шов распороть потом специально, чтобы на них не подумали, – рассуждал поручик. – Лично я в это

не верю. Не будем терять времени. Малиняк, а ну-ка, быстренько слетайте к Колодзею. Может, сегодня все и выясним.

Сержант Малиняк слетал и, вернувшись, мрачно доложил:

– На улице Дольная в доме № 34 размещается санаторий для нервнобольных. Нет там никакого Колодзея. И никогда не было. И ни одного Иеронима – ни среди больных, ни среди медицинского персонала. Никто из них в последнее время никаких посылок не отправлял, а на вчерашний вечер у всех алиби.

– Адресат! – бросил поручик.

Адресатом значился некий Улаф Бьернсон, проживающий по адресу: Стокгольм, Нюторьсгатен, 19/III.

Поручик больше не высказывал оптимистических прогнозов. Лицо сидящего рядом с ним представителя таможенной службы выражало простодушное удовлетворение от того, что не он милиционер.

Допросили весь персонал вчерашней смены главпочтамта. Никто не помнил человека, отправлявшего одеяльце, лишь одна сотрудница твердо стояла на том, что им был мужчина. К сожалению, никаких его примет она не запомнила. Зато все очень хорошо запомнили человека с рольмопсами – и оператор, и кассирша, и таможенница, и упаковщики. Из-за него остальные клиенты прошли незамеченными. Мрачный сержант Малиняк очень тонко подметил:

– Явится такой, устроит тарарам, из-за него все на свете забудешь.

Отдав должное проницательности сержанта, поручик Вильчевский решил побеседовать с подозрительным отправителем рольмопсов, ибо тот мог оказаться сообщником валютчиков. Следовало поскорее его разыскать.

По документам отправителем рольмопсов была женщина, но все в один голос утверждали, что на самом деле отправлял их мужчина. Таможенница легко вспомнила, что вместе с селедкой тот человек высылал еще одну посылку, а именно коробку шоколадных конфет. А поскольку отправление одной-единственной коробки конфет было явлением довольно редким, оно не только осталось в памяти таможенницы, но и позволило без труда установить личность и адрес отправителя, пана Соколовского.

Узнав фамилии Зоси и пана Соколовского, поручик разыскал в телефонной книге номера их телефонов и лично позвонил. Удивленные и обеспокоенные, они согласились немедленно прибыть на главпочтамт.

Пока они ехали, поручик, не теряя времени даром, распорядился поднять всю доступную документацию по таможенным декларациям и выявить те из них, где зафиксированы: Иероним Колодзей (отправитель) и Улаф Бьернсон (полу-

чатель), а также все выехавшие из ПНР за последнее время подушки, перины, стеганые одеяла и прочие мягкие предметы. Легко понять, с каким восторгом персонал главпочтамта засел за такую адову работу. Поручик же занялся свидетелями.

– Черт бы побрал эту селедку! – уныло жаловался пан Соколовский. – Мало того, что я тащил ее через весь город, настоялся с ней в очереди, теперь еще, кажется, милиция в чем-то меня подозревает.

На каверзные вопросы поручика пан Соколовский отвечал чистосердечно и охотно, дал совершенно правдивое описание одеяльца и вселил надежду в сердце сотрудника милиции.

– Ну а теперь расскажите нам, как выглядел человек, высылавший одеяло. Пожалуйста, подумайте хорошенько и вспомните его приметы.

– Худой, – не задумываясь, информировал пан Соколовский. – Это я точно помню. Меня еще удивило, как такой дох... извините, совсем не атлет легко поднимает такую большую посылку. Это я только потом увидел, что в ней.

– Его возраст?

– Молодой.

– Поточней, пожалуйста. Сколько лет вы бы ему дали?

– Ну, двадцать шесть, двадцать семь...

– Цвет волос? Прическа? Одежда?

– Мне очень жаль, но все обыкновенное, поэтому и не запомнилось. Ничего такого, что бросается в глаза. Без головного убора, волосы темные, не короткие и не длинные, такие, знаете ли, средние. Одет нормально, прилично одет, тоже ничего примечательного. Обуви не помню. Лица его не видел, он стоял в очереди впереди меня, так что я его видел лишь со спины.

Пан Соколовский честно старался вспомнить как можно больше, это было заметно, и поручик понял, что больше из него не выжать. Надежда померкла.

– А вы бы его опознали? – на всякий случай поинтересовался он.

– Сзади точно узнаю. Особенно если он будет держать под мышкой посылку с одеялом.

Зося в качестве свидетеля фигурировать не могла, ибо на почте вчера не присутствовала. Фигурировала она как отправитель рольмопсов. Если главпочтамт и намеревался предъявить ей претензии, то быстро распрощался с этой мыслью, став свидетелем поистине яростной реакции на весть о катастрофе. С поразительной в ее состоянии объективностью Зося не сваливала всю вину за случившееся только на пана Соколовского, а лишь громко и выразительно высказала

свое мнение о мужчинах как таковых. Пан Соколовский с пониманием воспринял незаслуженные наветы, ибо знал Алицию и тоже считал совершенно ужасным лишать ее лакомого блюда.

Дотошный поручик решил проверить обстоятельства, в силу которых селедку отправлял пан Соколовский, а не Зося. Пережив шок и выкричавшись, Зося смогла удовлетворить его любопытство, давая ясные, логичные и исчерпывающие объяснения о юбилее, каторжной работе по изготовлению рольмопсов, неженской тяжести банки с ними, снова присовокупив свое мнение о мужчинах вообще. Потом прямо с почты позвонила мне.

– Слушай, все пропало! – кричала она в трубку голосом, еще полным ярости. – Зачем только я этим занялась, не иначе, спятила на старости лет! И вообще, что за идиотизм устраивать юбилеи! Да и ты хороша, не могла остановить меня!

Мне с трудом удалось вклиниться в поток ее нареканий.

– Да что случилось?

– Плакали наши рольмопсы! Проклятая банка открылась, и все вылилось! Столько работы псу под хвост! Как вспомню гору перечищенной селедки...

Я опять прервала ее, потребовав рассказать обо всем подробно и по порядку, ибо уже видела в своем воображении, как банка выскальзывает из Зосиных рук и несчастные рольмопсы, плод наших тяжких трудов, вываливаются на мостовую. У меня даже сердце замерло. Услышав описание катастрофы, я вздохнула с облегчением.

– Не расстраивайся! Ничего страшного не произошло. Вылился только маринад, а рольмопсы не пострадали. Зальем их по новой, и дело с концом. Только банку надо закрыть покрепче.

– Ты думаешь, их можно спасти? – оживилась Зося.

– Конечно, это просто, главное – поскорее.

– Значит, мне их забрать отсюда домой, залить маринадом и...

– ...и сразу же выслать. Еще сегодня.

– Стефан как раз на машине. Значит, я их забираю, он нас отвозит домой, а ты через полчасика приедешь...

– ...и по дороге куплю уксус. А потом вместе и отправим посылку. Кстати, раз ты еще на почтамте, сразу займи очередь.

Таким вот образом через полчаса я уже во всех подробностях знала о случившемся. Застав у Зоси пана Соколовского, услышала от него рассказ о стоянии в очереди и отправке злосчастной посылки. И о том, как уже позднее, давая показания, Стефан увидел в соседней комнате странные ошметки, в которых с трудом узнал одеяльце. И как в ходе

допроса понял, что одеяльце содержало какой-то недозволенный товар. И даже догадался какой.

Готовя к новому отправлению банку с рольмопсами, мы с Зосей оживленно комментировали происшедшее, а затем поехали на почту.

Хотя сотрудники отдела заграничных отправлений возненавидели все на свете маринады, они не осмелились отказать Зосе в приеме посылки, памятуя о ее взрывном характере. И с рольмопсами тоже обошлись, как с динамитом, осторожно передавая груз из рук в руки и бережно укладывая его на тележку. Украшенные со всех сторон красными наклейками с надписью "ОСТОРОЖНО!!!", "НЕ КАНТОВАТЬ!!!" рольмопсы ближайшим самолетом улетели в Копенгаген и были доставлены Алиции в рекордно короткий срок, ибо весть о селедочной катастрофе распространилась с быстротой молнии и сотрудники почтовых отделений старались поскорей избавиться от этого свинства.

Розыск, предпринятый поручиком Вильчевским, дал интересные результаты. Были выявлены: еще один Иероним Колодзей, тоже якобы пребывающий в санатории для нервнобольных, еще один Улаф Бьернсон, а также сорок восемь одеял, перин и подушек. "Если в каждой отправлялось по пять тысяч, то улетело четверть миллиона долларов!" – прикинул поручик и пришел в ужас.

В декларации, заполненной Иеронимом Колодзеем, значилось, что он выслал три подушки-думки с национальным орнаментом. Оставалось еще сорок пять отправителей. Выписав их фамилии и адреса, поручик организовал проверку и через два дня сделал страшное открытие: только семнадцать адресатов из сорока пяти существовали в действительности и проживали где положено, остальные оказались фикцией, выдумкой, фантомом! Полчища фантомов отправляли одеяла, подушки и перины в Норвегию и Швецию по разным адресам. Дважды повторялся один лишь Улаф Бьернсон.

Сделав соответствующие выводы, поручик без труда убедил начальство, что масштабы аферы, на след которой он напал, заслуживают особого внимания. Одобрено было его решение поднять документацию по мягким постельным принадлежностям во всех почтамтах страны, отправляющих посылки за границу. Одобрено было его решение ознакомиться поближе с реально существующими семнадцатью отправителями упомянутых принадлежностей. Одобрено было решение запросить письмом – с помощью переводчика – Улафа Бьернсона, кто в ПНР снабжает его изделиями из пуха и кто в Швеции ими пользуется. При этом руководство-

вались соображением, что любой ответ господина Бьернсона, независимо от степени правдивости, даст пищу для размышлений. Письмо было написано якобы от имени почтовой администрации с туманной ссылкой на необходимость уточнения некоторых вопросов административно-финансового порядка.

Изучение почтовой документации в других городах позволило выявить еще одну посылку на имя Улафа Бьернсона и пятьдесят четыре фиктивных отправителя уже не только мягких постельных принадлежностей, но также и детских игрушек, в основном кукол и одного медведя весом в два с половиной килограмма. Медведь улетел из Лодзи. Это какая же астрономическая сумма долларов могла в нем поместиться!

Поручик опять вызвал переводчика и попросил написать письма всем скандинавским адресатам. Большинство из них фигурировали в качестве адресатов дважды, а Улаф Бьернсон из Швеции и Юханн Гасмиа из Норвегии – трижды. Не будь я посторонним лицом и имей возможность увидеть в этом списке Юханна Гасмиа, дело было бы распутано за три дня...

Проверили семнадцать реально существующих отправителей. Все они оказались людьми честными и ни на первый, ни на второй взгляд не вызывали никаких подозрений. В ходе проверки на почте задержали двух граждан, посылающих за границу подушки. Подушки тут же распотрошили, ничего, кроме пуха и перьев, не обнаружив. Примет фиктивных отправителей никто из почтовых работников не помнил. По фиктивным адресам размещались всякие солидные учреждения, один раз даже отделение милиции.

От Улафа Бьернсона в самом непродолжительном времени пришел ответ. Он писал (по-шведски, разумеется), что получил из Польши две посылки. Одну от совершенно неизвестного ему Иеронима Колодзея, вторую от тоже незнакомой ему Марии Ковальской. Как только он получил посылки, ему позвонил тоже незнакомый Йенс Йенсен и, тысячу раз извинившись, сообщил, что его польские друзья ошибочно выслали ему посылку на адрес господина Бьернсона, о чем ему, Йенсену, сообщили по телефону, и теперь он просит переслать эту посылку ему на почту, до востребования. И второй раз получилось то же самое, господин Йенсен еще больше извинялся, он, Улаф Бьернсон, отправил и вторую посылку, расходы ему возместили, а больше он ничего не знает. И господина Йенсена не знает, в глаза его никогда не видел, почему перепутали адрес – понятия не имеет. На всякий случай прилагает к письму фотокопии обеих почтовых квитанций и заверяет в своем искреннем уважении.

Через какое-то время были получены ответы и на другие письма. Разными словами в них говорилось, по сути, одно и то же: приходила посылка из ПНР от незнакомых людей, по телефону звонил законный владелец, извинялся за ошибку и просил полученное переслать ему на почтамт, до востребования. Законные владельцы фигурировали под тремя фамилиями: Йенс Йенсен, Йенс Хансен и Ханс Юханнсон. Никто из адресатов их не знал и никогда не видел.

Таких писем от скандинавов пришло тридцать пять штук, поручик перечитал их по нескольку раз и пал духом. Вряд ли все тридцать пять человек, к тому же в законопослушной Скандинавии, сговорились и дружно лгали ему. Скорее всего, они сообщали правду, и в таком случае напрашивался вывод: милиция напала на след крупной контрабандной аферы, нити которой держал в руках таинственный Йенсен-Хансен-Юханнсон, черт его знает – один это человек или трое. Скорее всего, за тремя фамилиями скрывается одно лицо, считал поручик. Он стал намекать своему руководству, что для пользы дела ему не мешало бы съездить в служебную командировку в Швецию, но начальство его намеков не понимало.

Не очень надеясь на удачу, поручик тем не менее разослал в другие отделы Главного управления милиции списки лиц, так или иначе причастных к долларовой афере. В списках были и Зося, и Соколовский, и я, поскольку помогала Зосе в приготовлении рольмопсов.

Один из списков попал к майору Фертнеру. Увидев в нем мою фамилию – опять эта Хмелевская! – майор глубоко задумался.

* *
*

Свое собственное расследование я решила начать с пана Кароля, хозяина очаровательной Каси и владельца "опеля-комби". Да и выбора-то у меня особенного не было, пан Кароль представлялся мне единственным реальным исходным пунктом. Узнав от Ляльки, что его фамилия Верблюд, я собиралась на следующий день порасспрашивать о нем в Транспортном управлении города Варшавы, но вечером позвонила Лялька и, смеясь, извинилась:

– Прости, пожалуйста, я перепутала животных. Знаю, что горбатое, а вот теперь точно вспомнила. Его фамилия не Верблюд, а Дромадер. Хотя это одно и то же, правда? Никакой разницы.

– Разница есть, – укоризненно поправила я. – В количестве горбов. Спасибо, что вспомнила. Представляю, как

бы потешались завтра надо мной в Транспортном управлении! А больше ты ничего не вспомнила?

– Вспомнила. Представь себе, их недавно обокрали.

К этому сообщению я проявила повышенный интерес, ибо кражи были составной частью моего задания.

– А что у них украли? Случайно не доллары?

– Как, ты уже знаешь? Откуда?

– У всех крадут доллары. А вот откуда знаешь ты?

– От свекрови. Она мне сообщила под большим секретом. Как какая свекровь? Могла бы и догадаться. Если мы поженили наших детей, то кем она мне доводится? Свекровью, правда?

Тут я сообразила, что Лялька говорила о своем Самсоне, Касе и жене пана Кароля.

– Это ты приходишься свекровью Касе, – поправила я. – Свекровь – это мать мужа. А мать жены – теща. Значит, тебе сказала теща Самсона.

Покладистая Лялька охотно согласилась быть свекровью и в подробностях пересказала то, что узнала от тещи Самсона.

Кроме виллы, красавицы жены и красавицы кошки у пана Кароля были две машины, постоянная домработница и неизвестного происхождения огромные суммы в отечественных и конвертируемых дензнаках. Богатство свое он держал дома, будучи, в отличие от Ленарчиков, твердо убежден, что от воров нужно и можно защититься. Средства защиты он применял надежные: несколько хитрых замков во входных дверях, сигнальная установка, звуковая сигнализация и скрытый за книжными полками кабинета сейф, отпираемый с помощью сложного шифра.

Охране имущества был подчинен и распорядок домашней жизни. Пан Кароль категорически требовал обязательного присутствия в доме как минимум одного человека, справедливо рассуждая, что звуковая сигнализация лишь тогда имеет смысл, когда есть кому этот сигнал услышать. Его жена Мальвина вставала очень поздно, и домработница могла употребить утренние часы для хождения по магазинам или поездки на рынок, для чего пользовалась второй машиной (водительские права у нее были), а потом уже целый день не выходила из дому, разве что в садик. Садик, окруженный сеткой, представлял собой чудесный газон, который украшало несколько серебристых елей и с десяток розовых кустов. Когда-то у самого дома росло высокое дерево, но осторожный пан Кароль велел его спилить, тем самым лишив злоумышленников возможности пробраться в дом через крышу. В общем, не дом, а настоящая крепость.

Единственным недостатком оборонительной системы бы-

ло отсутствие злой собаки. Ее не заводили из-за Каси. Кася являлась предметом обожания и смыслом жизни пани Мальвины, которая в свою очередь являлась таковым для пана Кароля. Кася и Мальвина были очень похожи друг на друга, те же лазоревые прозрачные очи, та же дымчатая, розово-бежевая масть, та же мягкая, вкрадчивая грация движений. Разумеется, хозяин больше любил жену, к кошкам же относился равнодушно, но стараниями пани Мальвины уверился в том, что Кася является как бы составной частью обожаемой жены. Наверняка ни одна священная египетская кошка не почиталась так, как голубоглазая, донельзя избалованная Кася.

Ради Касиного спокойствия пришлось отказаться от собаки, ибо при виде даже самого крошечного щенка Кася закатывала истерику и теряла аппетит. Наличие врагов допускалось лишь за оградой газона.

Недели через две после того, как разобрали Касиных деток, пани Мальвина решила развлечь свою любимицу, хотя кошка уже явно забыла об утрате, и потребовала у мужа вывезти их на природу. Пан Кароль, разумеется, подчинился желанию жены.

Кася была животным настолько домашним, что ходить умела лишь по коврам и паркету да еще, пожалуй, по каменным, нагретым солнцем плитам террасы. Когда ее выносили в садик и ставили на травку, она совершенно теряла голову от страха, прижималась к земле и, шаркая брюхом по траве, ползла к дому, хрипло мяукая. Взъерошенную, с диким взглядом, ее приносили домой, она забивалась в угол за диванную подушку и несколько дней отсыпалась после нервного потрясения. В машине же чувствовала себя как дома и путешествия любила.

Пан Кароль вывез своих подопечных в лес под Повсином. Все было хорошо, пока хозяйка держала кошку на руках. Будучи в то утро в веселом настроении, пани Мальвина решила узнать, умеет ли ее любимица лазать по деревьям. Выбрав на полянке высокую толстую сосну, она осторожно отцепила Касины коготки от своего свитера и поставила кошку у подножья дерева.

Что испытала кошка, первый раз в жизни коснувшаяся шершавой коры дерева, – неизвестно. Обиделась ли она на то, что ее выпустили из объятий и поставили на грязную землю, или в ней пробудился инстинкт ее далеких предков, но не успела пани Мальвина опомниться, как буквально за секунду кошка оказалась наверху, на недосягаемой с земли высоте. И с поразительной ловкостью и прытью продолжала взбираться еще выше.

Пани Мальвина была в восторге. Ее муж наслаждался

видом двух принадлежащих ему очаровательных созданий – одного на дереве, второго под деревом. Кася выбрала довольно толстую ветку, отходящую от ствола под углом, и грациозно вскарабкалась по ней до самого конца. Теперь она оказалась над головами своих хозяев. Ветка слегка качнулась от ветра, и Кася вопросительно мяукнула.

– Ах ты, моя прелесть! – восхищалась внизу пани Мальвина. – Ах ты, моя умница!

Кася впилась когтями в ветку и мяукнула еще раз, громче.

– Ой, она боится! – с беспокойством произнесла хозяйка. – Кароль, пусть она вернется! Касенька, счастье мое, вернись к своей хозяйке! Вернись, моя радость! Кис, кис, кис!

И тут разыгралась драма. Больше всего на свете Касеньке хотелось вернуться к своей хозяйке, но это оказалось невозможным. Влезть на дерево она влезла, но вот слезть оказалось свыше ее сил и уменья. Она попыталась сползти задом, одна лапка соскользнула с ветки, кошка потеряла равновесие и чуть не свалилась. Это был конец. Теперь никакая сила не заставила бы ее пошевелиться! С душераздирающим мяуканьем она распласталась на ветке, намертво вцепившись в нее всеми когтями.

Пани Мальвина испугалась не меньше и тоже издала душераздирающий крик:

– Боже! Она упадет! Разобьется!

Забеспокоился и хозяин. Правда, он слышал, что кошки обычно приземляются на все четыре лапы, но Кася не была обычной кошкой, воспитывалась не по-кошачьи, и неизвестно, чего от нее ожидать. Пока же она оглашала окрестности жуткими воплями, явно призывая на помощь. Ей вторила хозяйка:

– Кароль, сделай же что-нибудь! Она упадет, убьется! Кисонька, золотце мое, не плачь, сейчас мы тебе поможем! Кароль, ну скорей же полезай за ней! Что же ты стоишь, изверг!

Обалдевший от их крика, толстенький и не очень молодой пан Кароль сделал попытку влезть на дерево, но у него ничего не получилось. Ствол был гладкий, ветки начинались высоко.

Пани Мальвина совсем потеряла голову.

– Ох, я этого не переживу! Касенька, счастье мое, держись крепче, не упади! Нет, вы только посмотрите на него, он даже на дерево не может залезть! Сними ее, сними сию же секунду!

– В конце концов, я не обезьяна! – рассердился пан Кароль. – Ничего с кошкой не сделается, даже если она слетит с дерева. Ну, хочешь, подложим веток, травки?

Его слова лишь подлили масла в огонь. Как, этот изверг,

это бесчувственное чудовище хочет, чтобы ее единственная радость упала и разбилась? Глаза себе повыколола? Лапы повыломала? Нет, если уж падать, так на что-нибудь мягкое. Очень мягкое!

– Привези сюда матрасы! Нет, подушки! Поезжай домой, собери все подушки, одеяла и матрасы! Мои меха! И твою дубленку! Потерпи немного, моя кисонька, и держись крепче! Ну, чего ты еще ждешь, зверь, ирод!

Драма на поляне достигла своего апогея. Пани Мальвина проклинала мужа, рвала на себе волосы и заламывала руки, молилась и рыдала, успокаивала Касю и опять проклинала мужа. Поднявшийся ветер раскачивал ветку. Кася совсем охрипла. Пан Кароль не знал, на что решиться.

– Если ты сию минуту не поедешь, я за себя не ручаюсь! – страшным голосом вскричала пани Мальвина.

Отбросив последние колебания, ее муж в панике ринулся к машине и помчался в город.

Домработница собирала на стол. Тарелка выпала из ее рук, когда хозяин как буря ворвался в дом и задыхающимся голосом крикнул:

– Быстрее! Все одеяла! И подушки. Перины с постели и матрасы с чердака! Все в машину! Быстрее!

Ничего не понимая, домработница в дикой спешке набивала машину подушками, пан Кароль таскал матрасы и перины. В ушах его звучали мольбы и проклятия жены, оставленной сейчас на произвол судьбы в глухом лесу. Быстрее! Быстрее!

Сталкиваясь и налетая друг на друга, они загрузили машину и багажник.

– Да что случилось? – пыталась добиться толку домработница. – Где хозяйка? Нельзя же подушки на пол, испачкаются!

– Пусть пачкаются, черт с ними! Быстрее! Кася на дереве!

Не видя связи между Касей на дереве и опустошением дома, домработница все же послушно заталкивала одеяла на переднее сиденье. Дверца не закрывалась. Пан Кароль колебался не больше секунды, бросился в гараж и вырвался оттуда на второй машине.

– Фелиция, вы тоже поедете! Остальное в эту машину!

– Дома никого не останется, – предупредила Фелиция.

– Ничего, мы быстро.

Выбегая из дома с последним матрасом в руках, пан Кароль ногой захлопнул калитку. Две машины, битком набитые мягкими постельными принадлежностями, понеслись к Повсину. Паника хозяина передалась домработнице, и она не отставала от него.

На поляне они застали выразительную сцену: под дере-

вом, стоя на коленях, горько рыдала пани Мальвина, на дереве изредка хрипло взвывала вконец измученная Кася.

При виде мужа пани Мальвина вскочила и с яростью накинулась на него:

– Ты что, задом ехал, изверг? Не мог быстрее?

Тут во второй машине подъехала домработница, и они втроем стали лихорадочно устилать землю под деревом матрасами, одеялами и подушками. Несчастному хозяину досталось еще и за то, что не привез меха.

– Ты вот уговори ее спрыгнуть, – сердито огрызнулся пан Кароль.

– И уговорю, – ответила немного успокоившаяся жена и сладким голосом принялась уговаривать свою бесценную кисоньку отцепиться от гадкой ветки и прыгнуть вниз. Полуживая от страха и переживаний кисонька не реагировала на ее призывы. Представление на полянке затянулось бы до бесконечности, если бы по совету Фелиции пан Кароль не принялся трясти длинной палкой ветку с кошкой. Не в состоянии более удержаться на тряской опоре, вконец обессилевшая кошка поддалась своей участи, отцепилась от дерева и, растопырив все четыре лапы, шлепнулась в самую середину приготовленной подстилки без всякого ущерба для здоровья.

Со слезами радости схватила ее счастливая хозяйка, уговаривая успокоиться и благодаря мужа за чудесное спасение любимицы. Пан Кароль с облегчением запихивал в машины немного запачканные постельные принадлежности.

Вернувшись домой, он нашел калитку закрытой, так что никакие подозрения не закрались в его душу. Вслед за ним подъехала домработница, и они вдвоем разгрузили машины. Затем он прошел в спальню к жене, которая утешала натерпевшуюся Касю и уговаривала ее съесть хоть капельку сметанки. При этом обе были так очаровательны, пани Мальвина была исполнена такой признательности мужу, что тот забыл о пережитом и с приятностью провел весь вечер в их обществе.

Перед сном пан Кароль зашел к себе в кабинет и только тут вспомнил, что задняя дверь, выходившая на террасу, весь день оставалась открытой. Встревоженный, он раздвинул полки, открыл сейф, заглянул в него и замер, не веря глазам своим. Затем бросился к столу, выдвинул несколько ящиков, опять заглянул в сейф и опять замер, а потом впал в ярость.

Все вулканы мира клокотали в груди пана Дромадера, когда он ворвался в спальню с намерением растерзать Касю на мелкие кусочки, ибо ни минуты не сомневался, когда именно и благодаря кому неизвестные грабители могли сделать свое черное дело. Может, кровь и обагрила бы мирную

спальню, но Каси, на ее счастье, там не оказалось. Поддавшись наконец уговорам своей хозяйки, она согласилась подкрепиться и в данный момент кушала в кухне слегка обжаренную печеночку.

Пани Мальвина сидела перед зеркалом, расчесывая свои чудесные волосы.

– Где эта скотина? – прохрипел пан Дромадер. – Убью!

– О ком ты говоришь? – изумилась жена. – Какая скотина?

– Из-за твоей чертовой кошки мы разорены! Понимаешь? Разорены!

Пока жена поняла лишь одно – ее Касе грозит опасность. Она стремительно встала.

– Но, милый, успокойся! При чем тут Кася?

– Нас обокрали! Обокрали в то время, как эта... сидела на дереве! Из-за нее в доме никого не было! Все, понимаешь, все подчистую вымели! Мы разорены!

– В таком случае виновата я. Это я подсадила Касю на дерево. Так что можешь убить меня! Но постой, как же подчистую? У нас ведь, слава богу, остались все подушки и одеяла...

Пан Кароль почувствовал, что сейчас задохнется.

– Что ты несешь? Одеяла, подушки... Остался дом со всей обстановкой, твои меха, твои драгоценности, ну и что из этого? Жалкие крохи, нищета!

Ради Каси пани Мальвина стерпела бы все.

– Ну так продай и мои меха, и мои драгоценности! Без изумрудов я обойдусь. И вообще могу в этом году не ездить в Италию. И даже пойду на работу!

При мысли, что его обожаемая жена пойдет на работу, а там люди, и посторонние мужчины, и каждый из них сможет в свое удовольствие наслаждаться ее уникальной, кошачьей красотой, у пана Дромадера потемнело в глазах. Он сел, закурил и попытался взять себя в руки.

– Я все понял, – сказал он, помолчав. – Черт возьми, только теперь я все понял! Неудивительно, что никто не хотел признаться... Смотри, о краже никому ни слова! – обратился он к жене. – Узнают – мне конец. Да и ничего страшного, собственно, не произошло. Я излишне погорячился, извини.

– Ты совсем не умеешь вести себя, милый, – упрекнула его жена и пошла открыть дверь, за которой послышалось нетерпеливое мяуканье.

Пан Кароль накинул бонжурку, рассеянно погладил Касю и отправился в свой кабинет.

* *
*

Прижимая к уху телефонную трубку, я с огромным интересом выслушала Лялькин рассказ и стала задавать вопросы:

– А почему, собственно говоря, пани Мальвина рассказала об этом тебе? Кто ты ей? К тому же муж строго-настрого запретил вообще кому бы то ни было трепаться о краже.

– Э, глупости! – легкомысленно протянула Лялька. – Ни я, ни ты, ни вообще подобные нам для них не существуют, знаем мы или нет – им без разницы. Вот ты, например, имеешь какое-нибудь отношение к долларам? То-то. А Мальвина со мной подружилась на кошачьей почве, вот и рассказала, да и потом ей просто надо было с кем-то поделиться. А я самая безопасная. Уж очень она расстроилась. Из-за Каси, конечно, не из-за кражи. Плевать ей на те доллары!

– Постой, а что он такое говорил, будто никто не хотел признаться? Видишь ли, я тоже знаю таких, которых обокрали, и они тоже не хотели сообщать о краже.

– Не знаю, мне ни к чему, я и внимания не обратила. Кажется, ограбили кого-то из их знакомых.

Я попросила Ляльку поднапрячься и постараться вспомнить. Она честно постаралась, но без особого успеха.

– Вроде о чем-то таком она мне недавно рассказывала. Чуть ли не на улице напали на их знакомых и отобрали доллары. А они, доллары, вроде как принадлежали ее мужу. Так что он понес большие убытки. Знаешь, этот ее муж, по-моему, обыкновенный валютчик, ну, не совсем обыкновенный, а крупная акула черного рынка. Но это, разумеется, мое личное мнение. Так мне кажется. А тебе зачем?

– Пока еще сама не знаю. В последнее время столько происходит странного, и все это как-то связано с долларами. Так у него, значит, тоже доллары украли?

– И доллары, и наши. Вот теперь, когда ты заговорила о них, я вспомнила, как она рассказывала, и получается – это она не рассказывала, просто у меня получается, – что тогда ограбили то ли их компаньонов, а может, наоборот, партнеров. И никто не хотел признаться, все говорили – пустяки. Ага, вот именно она так и сказала: когда тех ограбили, они отнеслись, как к пустяку, а ее муж сразу шум поднял, крови жаждал! Но потом он изменил мнение и тоже стал говорить – пустяки.

– Меня все-таки удивляет одна вещь. Ведь их дом оставался пустым очень недолго. Ну, сколько времени займет дорога до Повсина и обратно? Вместе с прогулкой на полянке – максимум полтора часа.

– Как раз полтора, Фелиция подсчитала.

– И что же тогда получается? Кто-то случайно угодил в эти полтора часа? Или за ними специально следили? Выжидали долгие годы и вот теперь воспользовались случаем?

– Он именно так и считает. А она считает – это у него навязчивая идея, помешался на своих долларах. Просто увидели – калитка открыта...

– А она была открыта?

– Да. Выбегая из дому, хозяин толкнул ее ногой, но замок не защелкнулся. И, как оказалось, не была заперта задняя дверь. Нет, он уверен, что за ним следили и подсматривали, иначе как бы они узнали шифр сейфа?

Я кивнула головой, хотя Лялька и не могла меня видеть. Пан Дромадер прав. Можно случайно наткнуться на открытую калитку или дверь, но не на шифр. Наверняка кто-то давно имел на примете богатство пана Кароля, выжидал, следил и вот незамедлительно использовал редкую возможность. Даже кражей со взломом этого не назовешь – калитка настежь, дверь на террасу не заперта... Я даже мимоходом подумала, что, невзирая на разницу в мировоззрениях, Дромадер и Ленарчик были обворованы одинаковым образом.

По моей просьбе Лялька подробно описала садик пана Кароля: обнесенный проволочной сеткой газон, несколько елей и кустов. Живая изгородь, правда, густая, через нее ничего не увидишь, но если с той стороны встать на что-нибудь высокое...

– Кабинет его на первом этаже, – продолжала Лялька, – когда шторы не задернуты, все видно. И вот еще какая интересная штука. Пани Мальвина мне рассказывала, что ее муж делал вид, будто дома денег не держит.

– Перед кем делал вид, если жена знала? И как делал?

– О господи, ну не перед женой же! Перед теми, с которыми он проворачивал свои дела. Может, не доверял им. А выглядело это так: деловые переговоры он проводил у себя в кабинете, а когда они приходили к соглашению, то договаривались встретиться здесь же попозже, он садился в машину и ехал в город – будто для того, чтобы взять деньги, а потом возвращался и преспокойненько доставал их из сейфа. И ни разу себя не выдал. Все были твердо убеждены, что деньги он держит где-то в другом месте.

– Отсюда вывод: обокрали посторонние, которые об этих штучках просто не знали.

– Наверное. Мальвина не треплется кому ни попадя, да и мне прямо всего не рассказала. Частично проговорилась, частично я сама догадалась. И я бы никому не рассказала, только тебе, раз уж мы об этом заговорили. Вот только никак не пойму, почему это интересует тебя? Может, собираешься заняться поисками грабителей?

– Нет, хотя кто знает? Может, это самый простой путь? Но все-таки воров я, пожалуй, оставлю милиции.

– Неужели ты думаешь, что он пожалуется в милицию?

Я уверила Ляльку, что еще не совсем спятила и отлично понимаю: такие дельцы, как Дромадер, предпочитают не высовываться. Понятно мне и его желание сохранить потерю в тайне от своих, ибо в мире подпольного бизнеса уважением пользуется лишь капитал. Нет его – и нет человека. А все, кого ограбили за последнее время, так или иначе были связаны с подпольным бизнесом...

– Выходит, что какой-то Арсен Люпен экспроприирует богатства аферистов! – с удовлетворением констатировала Лялька. – Если выследишь его, передавай от меня привет.

В Транспортном управлении без особого труда удалось получить справку о новом владельце "опеля-комби". Им оказался некий Альфред Квачковский. Я не поленилась, съездила и посмотрела на него, а также кое-кого порасспросила. Он был совсем не похож на водителя "опеля", того, что меня преследовал и дрался у киоска. И вообще, никто не видел "опеля" у Альфреда, на работу он добирается на автобусе, а по воскресеньям выезжает на астматической старой "сирене". Тут мне подвернулся Гавел, и я поделилась с ним своими сомнениями: человек купил роскошную машину, а позволяет ездить на ней неизвестно кому.

– Глупая же ты! – снисходительно бросил Гавел. – Жизни не знаешь, что ли? Много есть таких, что предпочитают приобретать имущество на чужое имя. Случись что – с него взятки гладки: виллу он у кого-то снимает, машина чужая, никаких денег он не зарабатывает и не тратит. Попробуй ухвати такого. А тебе что за дело до этого?

Я разозлилась. Вот еще! Какое ему дело до того, что мне за дело? Слишком много себе позволяет! Чтобы сбить с него спесь, я важно сообщила, что машина Квачковского связана с преступлением, которое я расследую. С Гавела и в самом деле сразу слетела вся важность, он с живым интересом принялся меня расспрашивать и выудил из меня почти все.

– Постой, да ведь ты его знаешь, – заметила я, когда дошла до покойника Дуткевича. – У него ведь был номер твоего телефона.

– Что было?!

– Номер твоего телефона. В записной книжке. Собственными глазами видела.

Гавел смотрел на меня так, будто я ненароком стукнула его по темени тяжелым предметом.

– Номер моего телефона? Откуда у этого сукина сына номер моего телефона?

Я не преминула его сурово одернуть:

– Нехорошо так выражаться о покойниках.

– Ладно, извини, откуда у этого светлой памяти кретина... Как его?.. У этого Дуткевича мой телефон? Не знаю я такого. Кто он?

Похоже, покойный Дуткевич имел дурную привычку записывать телефоны совершенно незнакомых ему людей. Я пояснила, что он работал в кооперативе по выращиванию шампиньонов. Гавел, наморщив лоб, тщетно старался припомнить Дуткевича.

– Вот убей меня... А как его звали?

– Вальдемар.

Гавел вытаращил глаза и вроде перестал дышать. Прошла минута, не меньше, пока он наконец перевел дыхание и обрел дар речи:

– Черт его знает, может, я с ним где-то пил? Не помню. Странно, что меня до сих пор в милицию не таскали.

Я поспешила его успокоить: в этом не было необходимости, так как все нужные милиции сведения о нем, Гавеле, сообщила я лично. Неизвестно почему, это его страшно обрадовало. Он даже не спросил, какие именно сведения о нем я сообщила в милицию, только от души расхохотался и объявил, что когда-нибудь я его сведу-таки в могилу. А я могла бы поклясться – он вспомнил Дуткевича и в глубине души порадовался, узнав, что ему это ничем не грозит.

Я же со своим розыском зашла в тупик, ведь, найдя "опель-комби", надеялась узнать, зачем его водитель ездит за мной, а вот теперь в тупике уперлась в Квачковского, который вряд ли мне что скажет. Придется оставить этот путь и пойти по другому.

Попробуем рассуждать логично.

В каждом, пусть даже в самом запутанном, самом сложном деле существует некий связующий элемент. Естественно предположить: таким элементом в моем деле являются доллары. Доллары экспроприировали у богатых аферистов Варшавы, доллары отправлялись в заграничный вояж в подушках и одеялах, доллары пересылал в Национальный банк таинственный Вишневский, доллары искала Янка... Но тогда при чем тут я? Я их не крала и не переправляла через границу, не торговала ими у себя в стране. И что общего между Дуткевичем и долларами? Судя по тому, что я знала, Дуткевич никогда не занимался темными делами, вел самый что ни на есть честный образ жизни.

Дальше: Вишневский и коробка из-под чешинских вафель. У меня дома была такая коробка, но участковый прав: точно такую же найдешь в любом магазине. Значит, случай? И тот факт, что Вишневский в качестве обратного адреса сообщил мой – тоже случай?

Выходит, и доллары ничего не проясняли. Надо искать другой связующий элемент. Среда? Валютчики и воротилы черного рынка. Ограбленный Ленарчик, потом Дромадер, да и те валютчики, о которых я слышала, – все они представители определенной социальной среды. Всех их объединяло упорное нежелание признаться в понесенном ущербе. Владелец "опеля", судя по махинациям с покупкой машины на имя Альфреда Квачковского, тоже из их числа. Владелец вишневого "тауһуса" – вероятно, тоже. Часто приходилось слышать, что валютчики свои сделки совершают в машинах. Лёлик вот никак в эту схему не вписывается, угодил в эту долларовую компанию, как кур в ощип. Но Лёлик вообще отличается своей исключительной способностью попадать в идиотские положения, так что он не показатель. И покойник Дуткевич портил схему – что общего у него с преступной средой?

Пусть не все составные укладывались в мою схему, но вывод, к которому я пришла в разговоре с Лялькой, вполне логичен: кто-то в Варшаве принялся грабить подпольных миллионеров и мошенников, отбирая у них нажитое нечестным путем. С Лёликом вышла неувязочка, но на то он и Лёлик. Кто-то действует наверняка и чувствует себя в безопасности, будучи уверенным, что ни один из ограбленных не обратится в милицию. Значит, грабят валютчиков и мошенников, а потом... Что потом?

Да тут и думать нечего, яснее ясного! Потом – Вишневский! Благородный Вишневский! Отбирает доллары у проходимцев и передает в казну государству. Наверное, огорченный экономическими трудностями, которые переживает страна, решил помочь, предоставив ей конвертируемую валюту, в чем столь остро нуждается народное хозяйство. Допустим. Тогда при чем здесь доллары в одеяльце?

Подумав, я легко раскрыла тайну и контрабандных долларов. Встревоженные валютчики, спасая свое добро, переправляют его в безопасное место, за пределы досягаемости благородного разбойника Вишневского. Просто, логично, и все бы сходилось, если бы не покойник Дуткевич и я. Впрочем, Дуткевич мог быть Вишневским, и тогда его смерть можно объяснить местью разоренных валютчиков, но, вопервых, бандероли с долларами поступают в Национальный банк и после смерти Дуткевича, и, во-вторых, прикончив его, валютчик перестал бы переправлять доллары за рубеж, а этого не произошло.

Ни в одну из моих комбинаций Дуткевич не укладывался, так же, как и Лёлик. Самое же плохое, что никуда не укладывалась я сама. В чем заключалось мое участие? Какого черта ездил за мной краснорожий жлоб на машине Квач-

ковского? Какая свинья и почему прокалывала мне баллоны? Кто и зачем сообщал мне, что Рябой ездит в Залесье? В Залесье ездил никакой не Рябой, а я сама, там жил один из моих ядерных физиков, и, если даже признать, что общение со мной не доставляло ему удовольствия, вряд ли его месть приняла бы столь странную форму.

Нет. Как ни прикидываю, как ни мучаюсь – не могу найти ни одной ниточки, связывающей меня с долларовой аферой. Наверное, такой нити и не существует, я просто совершенно случайно натыкаюсь на торчащие в разных местах вершины долларового айсберга. Но тогда как понимать слова майора Фертнера, будто я представляю центральный пункт. Боже мой, центральный пункт ч е г о?

Правда, что-то слишком часто натыкаюсь я на эти вершины...

И опять в своих рассуждениях я зашла в тупик. Попробую еще раз начать сначала, двинувшись по другой дорожке. О пропавших марках Мартин никому, кроме меня, не говорил. Верная данному слову, я тоже молчала. Гавел ябедничал на Баську. Он же напугал меня до полусмерти, сказав, что горит мой дом. В тот момент я собиралась войти в филателистический магазин. Филателистический магазин, марки – прямая связь. Я не видела, чтобы Гавел входил или выходил из филателистического магазина, он просто уезжал оттуда на своей машине, затормозил, увидев меня, и бросился ко мне с идиотским сообщением о пожаре. Может, он не хотел, чтобы я увидела кого-то, кто как раз был в это время в магазине? Гавел знал, что я интересуюсь марками и разбираюсь в них.

Янка жаловалась мне на то, что Донат стал какой-то странный. При чем здесь Донат? Где Крым, а где Рим... Донат действительно выглядел странно, когда вместе с Павлом маршировал в Саксонском саду. Неудивительно, что их испугались люди, сидевшие на скамейке... Стоп! Только тут я поняла, почему мне показалась знакомой злая красная физиономия и торчащие волосики водителя "опеля". Не узнала я его потому, что он не был в красном свитере, как в тот раз, в Саксонском саду.

Донат и Павел прогнали его со скамейки... Павел и Баська... Баська и предостережение Гавела... Гавел и филателистический магазин... Филателистический магазин и Мартин... Баська и Дуткевич...

Вот так, шаг за шагом, пришла я к твердому убеждению, что все эти моменты взаимосвязаны, один цепляется за другой и тянет за собой следующий. Однако внутренней, логической связи между ними мне никак не удавалось нащупать. И чем интенсивнее я размышляла, чем глубже вникала в каж-

дый эпизод, тем все более неясной и расплывчатой становилась общая картина, никак не желающая предстать единым целым. К тому же вторая сторона медали, долларовая, никак сюда не вписывалась, хоть я и пыталась пристегнуть ее к своей концепции, подходя к ней со всех возможных сторон. Отказавшись наконец от мысли всучить рыбке зонтик, я пришла к выводу о сосуществовании двух таинственных, но совершенно разных афер, объединяет которые лишь полное отсутствие всякого здравого смысла и личность краснорожего жлоба.

После чего перечеркнула все свои глубокомысленные выводы и в который уж раз начала все сначала.

Поручик Вильчевский все-таки поехал в Швецию. В получении загранкомандировки ему очень помог майор Фертнер, в ходе своих расследований подошедший к долларовой афере с другой стороны.

Все это время майор много думал и пришел к очень интересным выводам. Он был твердо уверен, что три преступления, на первый взгляд не имеющие ничего общего: убийство Дуткевича, кража долларов у Лёлика и попытка переправить валюту в дамастовом одеяльце, – на самом деле связаны между собой и представляют три части единого целого. Элементом, объединяющим все три преступления, была я. И странное дело: там, где я появлялась, все сразу страшно запутывалось, простые вещи неимоверно усложнялись, настолько, что их уже не представлялось возможным распутать. Ох, неспроста это...

Участие мое в каждом из перечисленных выше преступлений было весьма нетипичным.

С Лёликом мы были знакомы давно, о его долларах я знала и сама же буквально вытолкнула его в милицию с заявлением. Эти сведения майор несколько раз проверил. Я же принимала личное участие в приготовлении знаменитых рольмопсов, я была знакома с паном Соколовским, и просто удивительно, что меня не было на почте в момент отправления злополучного одеяльца. Наконец, лично я обнаружила труп Вальдемара Дуткевича, который к тому же – Дуткевич, еще не труп, – перед самой смертью звонил опять же мне. Майор чувствовал, что за всем этим кроется нечто чрезвычайно важное и ни на что не похожее, но вот что – пока не мог нащупать.

Что касается случая с Лёликом, тут у меня было стопроцентное алиби. Украсть его доллары я никак не могла – во всяком случае, непосредственно в краже не участвовала. Показания всех свидетелей совершенно исключали возможность моего присутствия в его квартире, ибо доказывали мое присутствие в роковые часы совсем в другом месте.

К одеяльцу, считал майор, я касательства не имела, ибо надо совсем спятить, чтобы отправлять одновременно доллары и столь опасные для них рольмопсы. Допустим, не от меня зависело время отправления рольмопсов – катаклизмы с паном Соколовским я предвидеть не могла, но от меня зависело отправление одеяльца, а тут уж я должна была предусмотреть возможные катаклизмы, зная об отправлении в один день одеяльца и банки с рольмопсами. Что мне стоило отсрочить на день отправку одеяльца?

Дуткевича теоретически я убить могла: дома я была, считай, одна, ибо сыновья спали мертвым сном. Ночь, людей на улицах мало, я могла выйти из дому никем не замеченная, до дома Дуткевича два шага, там я его прикончила, а потом вызвала милицию, чтобы отвести от себя подозрения. Но тут имелась небольшая загвоздка.

Вальдемар Дуткевич был убит точно в то время, которое я назвала, то есть в одиннадцать часов восемь минут. Его часы оказали мне большую услугу, ибо разбились и остановились, показывая как раз это время. Обвинить меня в том, что я сама разбила часы и подвела стрелки, было нельзя, так как часы обнаружили под трупом, на подвернутой руке покойного, причем характер повреждений исключал всякую возможность перевода стрелок через разбитое стекло. Так что время убийства было установлено с точностью до минуты.

Милицию я вызвала ровно через шестнадцать минут после смерти Дуткевича. Если бы преступление совершила я, то за эти шестнадцать минут мне пришлось бы переделать множество дел. Майор, случайно оказавшийся в составе патруля, приехав на место преступления, имел возможность лично убедиться в том, что одета я была нормально, причем бросалась в глаза кофточка со множеством мелких пуговичек. И еще майору бросились в глаза мои жутко грязные руки. Интересно, какими им быть, если я весь вечер сидела за пишущей машинкой, то и дело поправляя ленту? Вымыть рук я не успела, потому что позвонил покойник Дуткевич, то есть еще не покойник, но, услышав его сообщение, могла ли я помнить о том, чтобы вымыть руки?

Грязные ладони сослужили мне очень хорошую службу. Несчастного Дуткевича лишили жизни самым жестоким способом, оставив повсюду следы, в том числе и на убийце. Тот наверняка выглядел, как вампир из Дюссельдорфа, поэтому ему просто необходимо было умыться и сменить одежду, в ванной же ничего не говорило о том, что там кто-то умывался, мыло было совершенно сухим, полотенце тоже. Майор, как я уже сказала, неплохо соображал, поэтому ванную проверили в первую очередь. Значит, в ней я не мог-

ла умыться, не говоря уже о том, что в квартире Дуткевича не нашла бы сменной одежды. Значит, мне пришлось бы ехать умываться и переодеваться к себе домой. Известно, что каким бы ловким ни был человек – ему никак не удастся вымыть какой-нибудь части тела, не вымыв при этом рук. Ну, предположим, я бы отмылась, а потом опять испачкала руки, но в таком случае ни за что бы не уложилась в указанные шестнадцать минут.

Чтобы раз и навсегда избавиться от меня, дотошный майор проверил все с секундомером в руках. Начал с одиннадцати ноль две, когда проезжающая мимо моего дома патрульная милицейская машина отметила стоявшую у дома мою машину – история с покрышками обязывала их это делать. Значит, на убийство Дуткевича я отправилась пешком, потом, пристукнув его, тоже пешком вернулась домой, разделась, вымылась, надела другую одежду, в том числе кофточку с множеством мельчайших пуговичек, испачкала руки о ленту пишущей машинки, опять отправилась к Дуткевичу, на сей раз на машине, поднялась на пятый этаж и вызвала милицию. Проделав неоднократно этот путь и прочие процедуры и немного навострившись, майор сумел уложиться в двадцать одну минуту, и ни на секунду меньше. Шестнадцать минут совершенно исключались.

Следовательно, в убийстве я не участвовала. И ни в одном из других преступлений тоже непосредственного участия не принимала. И все-таки фигурирую во всех трех преступлениях. Что же в таком случае меня с ними связывало?

*   *
*

Через неделю поручик Вильчевский вернулся из служебной командировки за рубеж, и в Управлении тотчас же было созвано оперативное совещание. Кроме майора Фертнера и поручика Вильчевского в нем приняли участие капитан Ружевич, поручик Петшак и поручик Гумовский, специалист по черному рынку.

С отчетом о служебной командировке в Швецию выступил поручик Вильчевский, однако сам же нарушил привычное официальное сообщение, прервав его неофициальным раздраженным комментарием:

– Чертова страна! Все не как у людей. Попробуй в таких условиях...

– А ты на каком с ними объяснялся? – поинтересовался поручик Гумовский.

– На английском. В основном понимают. А если и не понимают, то все равно объяснялся, только что толку...

– Давай-ка по порядку, – потребовал майор. – Ты нам изложи, а уж мы попробуем извлечь толк.

– Если по порядку, то начал я с адресатов.

– А что, они и в самом деле существуют? – удивился капитан Ружевич.

– Как миленькие. Все до единого. По крайней мере в Швеции, в Норвегии я не был. Вежливые, культурные люди. Я выдавал себя за дружка этого подонка, Йенсена...

– Ого! Ты знаешь, как по-английски будет "подонок"? – опять поинтересовался Гумовский.

– "Подонка" я как раз не знал, но на всякий случай заранее выучился некоторым ругательствам, кто знает, ведь инвективы...

– Кончайте с лингвистикой! – вмешался майор. – Этим займетесь в другое время. И что же адресаты?

– Очень мне сочувствовали, ведь я перепутал адрес Йенсена и теперь не мог его найти. Мне поверили на слово, каждый старался помочь и рассказал, что у него было то же самое, тоже был перепутан адрес, они по ошибке получили предназначенные для Йенсена посылки, так что с адресом и в самом деле какая-то путаница. Разумеется, каждый из них в отдельности рассказывал мне историю с посылкой, потому что они не знакомы друг с другом, каждый сообщил мне номер и адрес почтового отделения, куда переслал по просьбе Йенсена посылку. Я побывал на этих почтамтах, хотя и не так-то просто было их отыскать, потому как людей на улицах я старался не спрашивать. Один раз сделал такую глупость, теперь до смерти не забуду.

Эти слова были произнесены с такой горечью, что все заинтересовались, и поручику волей-неволей пришлось рассказать о том, как он стал жертвой совершенно невыносимой доброжелательности аборигенов. Стоял он себе спокойно на автобусной остановке, никого не трогал и пытался с помощью схемы маршрутов городского транспорта города Стокгольма определить, каким автобусом доехать до нужного почтового отделения. И что же? Им тут же заинтересовался какой-то симпатичный туземец и немедленно пришел на помощь иностранцу, видимо туристу, предложив ему свои услуги. Поскольку поручик не мог правильно произнести название улицы, он дал понять, что его интересует почта. Слово "почта" поручик уже выучил. Туземец расцвел и радостно сообщил иностранному туристу, что в Стокгольме не одна почта, совсем не обязательно ехать на автобусе на далекую улицу, вот тут, по соседству, тоже есть почта. Невзирая на робкие протесты поручика, он дотащил его до самой двери почтового отделения и проследил, чтобы иностранец вошел именно в эту дверь. К сожалению, поручик уже побывал на этой почте,

и ему совсем не улыбалось показываться там во второй раз, поэтому, переждав за дверью, он вышел на улицу. Заботливый туземец стоял на остановке. Увидев, что иностранец так быстро вышел, он догадался, что тот по робости или по незнанию языка не смог ничего сделать, поэтому вновь проявил заботу, насильно дотащил иностранца до почты, самолично ввел его внутрь и подвел к окошечку, так что несчастный поручик вынужден был купить жутко дорогую цветную открытку. Швед попрощался, предварительно несколько раз ткнув в почтовый ящик. Наученный горьким опытом, поручик вышел не сразу, а предварительно осторожно выглянул в дверь. Увидев услужливого туземца на автобусной остановке, бедняга вынужден был просидеть на почте, сделав вид, что пишет открытку, пока не убедился, что швед, пропустив несколько автобусов, наконец уехал. С той поры на вопросы аборигенов, не нужно ли помочь, поручик неизменно отвечал, что просто гуляет по городу, и благодарил.

– Но зато я сразу понял, – со вздохом сказал он, – как это люди честно пересылали посылки совершенно незнакомому человеку по первой его просьбе. До своей командировки такое мне казалось подозрительным. Теперь уже не кажется. Просто это неправдоподобно честные и доброжелательные люди.

– А что ты узнал на почтах?

– Ничего. Никто не помнит подонка Йенсена, только три почтовых работника смутно припоминают, что это был молодой человек, кажется, с бородкой, а впрочем, самый обыкновенный. Один раз он был в темных очках.

– Фамилия его установлена? Ведь, получая посылку, он должен был предъявить документ.

– У них это не обязательно. Достаточно было назвать свою фамилию и адрес отправителя с его фамилией, посылки ведь были обычные, не заказные. Йенсен их получал и улетучивался. Никто им не заинтересовался, ничего подозрительного замечено не было, Йенсен-Хансен-Юханнсон имел право перепутать адрес, просил выслать посылки на новый. Их и выслали. А теперь ищи-свищи!

Майор тяжело вздохнул. Он все-таки надеялся на командировку в Швецию, и вот такое разочарование. Командировка лишь еще раз убеждала в прекрасной, продуманной во всех мелочах организационной стороне долларовой аферы.

– Тот, кто получал на почте посылки, был шведом?

– Шведом или норвежцем, превосходно владеющим шведским. Иностранцы исключены. Исключены также датчане, говорят, им не удается избавиться от акцента.

Уже говорилось, что майор имел привычку много думать. Вот и теперь, на оперативке, ему в голову пришло много

творческих концепций. Поскольку связующим элементом запутанных дел была я, следовало немедленно проверить, у кого из моих знакомых есть знакомые в Скандинавии и поддерживаются ли с ними контакты. Следует проверить и связанных со скандинавами моих знакомых – их могли использовать без моего ведома. Излишне широкий круг моих знакомых мог и святого вывести из терпения, но другого выхода не было, ими надлежало заняться немедленно и вплотную. Моим знакомым не был лишь, судя по всему, сам убийца, но по иронии судьбы он-то как раз не был главной фигурой в деле. Майор уже имел основания полагать, что истинный организатор убийства остается пока в тени.

– Давайте попытаемся определить место Дуткевича в нашем деле, – предложил майор. – Нам известно, что убийство совершено напуганным профессионалом...

– Мне неизвестно, – обиженно поправил капитан Ружевич. – Почему вы думаете, что профессионалом, да к тому же напуганным?

– Точнее сказать – двумя напуганными профессионалами, – уточнил майор. – Установлено – дверь открывали отмычкой, остались следы. Похоже, дело обстояло так: они открывали дверь, а Дуткевич звонил по телефону. Услышав его слова, они разозлились и поспешили стукнуть – не сильно, чтобы только замолчал. Он упал и потерял сознание. Они же принялись в спешке что-то искать, не снимая перчаток. Все говорит о работе профессионалов, с одной стороны, и о спешке и волнении – с другой. Соседка с третьего этажа видела двух мужчин, поднимающихся по лестнице. Время совпадает. Узнать их не сможет.

– Видела? Где же она была?

– В своей квартире. Собралась вынести мусор, приоткрыла было входную дверь, увидела спины двух поднимающихся по лестнице мужчин и опять прикрыла, чтобы переждать. Объясняет, что была в старом халате и в этих, как их, бигудях на голове, не хотела в таком виде показываться людям. Ее счастье! Шагов не слышала – наверное, они были в ботинках на резиновой подошве.

У поручика Вильчевского невольно вырвалось горькое замечание:

– Что-то у нас все видят преступников со спины.

– Но мне кажется, – продолжал майор, – в квартире Дуткевича находился еще кто-то третий. Мы обнаружили следы, правда нечеткие. Похоже, там еще кто-то побывал после тех двух бандитов.

– Ну ясно, был, ведь вошла же эта язва Хмелевская...

– Нет, Хмелевскую мы выделили отчетливо. Вот послушайте, какая картина вырисовывается. Создается впечатле-

ние, будто один и тот же человек вдруг стал ходить по-другому, ну, по-другому ставить ноги, или, наоборот, в тех же ботинках ходил другой человек. В квартире он появился после двух бандитов и перед Хмелевской, войдя же, лишь прошел к убитому и сразу вышел. У меня возникла такая гипотеза: те двое не собирались убивать Дуткевича, они хотели его лишь основательно припугнуть, может, избить. Стукнули, чтобы прекратил болтать по телефону, стукнули сильно, не рассчитали. Он упал, потерял сознание, но остался жив. Они ушли, явился третий и легко прикончил Дуткевича. Задушил. Если все действительно так было, то меня больше всего интересует именно третий.

– Непонятно, откуда ты взял третьего? – подумав, возразил Ружевич. – Из-за следов?

– Не только, – разъяснил майор. – У Дуткевича нами найден волосок кошачьей шерсти. Кошки у Дуткевича не было, но у них в доме кошки водятся на чердаке. На чердаке же устроена прачечная для жильцов дома. Дверь прачечной была свежеокрашена, краска почти высохла, почти, но не совсем. В одном месте нами обнаружен след чьего-то прикосновения – краска смазана. Те двое на чердаке не были и с кошками не общались. Я представляю себе дело таким образом: некто нанял двух бандюг избить Дуткевича, сам спрятался на чердаке еще до их прихода, а потом спустился в квартиру проверить результаты их работы, добил жертву, но скрыться не мог, так как приехала Хмелевская. Он вернулся на чердак и просидел там до самого утра. Нечаянно задел свежеокрашенную дверь, может, даже опирался о нее. Впрочем, возможно, он сбежал с чердака в тот момент, когда Хмелевская звонила в милицию. Это для него была единственная возможность скрыться, потому что потом Хмелевская сидела на лестнице в подъезде и ждала нас. Опереться о покрашенную дверь он мог и раньше, когда ожидал на чердаке своих подручных. Если бы мы его нашли, если бы он не успел отдать в чистку одежду, если бы у него на брюках осталась кошачья шерсть...

– ...если бы он еще ступил в лужу крови и не чистил ботинки, – дополнил скептик капитан.

– А сколько кошек там на чердаке? – поинтересовался поручик Петшак.

Майор со вздохом оторвался от своих прекраснодушных мечтаний.

– Только три. Мы проверили, волосок принадлежит одной из них. Продолжаем разрабатывать связи Дуткевича. Гумовский, твоя очередь.

Поручик Гумовский вытащил из кармана блокнот, из термоса долил в свою чашку кофе, закурил сигарету и брюзгливо изрек:

– Происходит что-то странное. Понять не могу, что именно. Но что-то происходит.

Заявление Гумовского не вызвало переполоха среди присутствующих. Их однозначную реакцию выразил капитан:

– Тоже мне, открыл Америку! Все знают – что-то происходит, причем именно совершенно непонятное.

– Давай о странном! – приказал майор.

Заглядывая время от времени в свои записи, поручик тоскливо обрисовал ситуацию, сложившуюся на черном рынке, иногда попутно комментируя ее. Из сообщения следовало, что с некоторых пор на черном долларовом рынке наблюдается невероятное смятение. Солидная, годами отработанная система обмена одних купюр на другие вдруг забарахлила и застопорилась, в атмосфере повеяло холодком отчуждения, а во взаимоотношениях партнеров появились признаки недоверия, переходящего прямо-таки во враждебность. Один из подчиненных поручика стал обладателем информации: "кто-то жульничает по-страшному". Цитата принадлежит одной из крупнейших акул черного рынка, прибывшей в Варшаву с берегов Балтики. При этом расстроенная и возмущенная акула туманно намекала на понесенные большие убытки.

– Фальшивые доллары?

– Нет, в том-то и дело! Фальшивые, разумеется, ходят, но не больше, чем обычно. Количество фальшивых долларов удерживается в норме, если можно так выразиться. Нет, впечатление такое, что они принялись просто-таки по-хамски обжуливать друг друга.

Тут уж удивились все присутствующие. Давно известно, что каждая фирма заботится о своей репутации, а уж тем более фирма, деятельность которой конфликтует с законом. Мошенничество при купле-продаже в своем кругу – вещь чрезвычайно опасная и чреватая последствиями. Внезапное падение нравственных устоев преступного мира, нарушение им принципа своей, преступной солидарности – вещь невероятная.

– Я тоже считаю это странным, – согласился поручик, – но ничего толком нельзя узнать, мошенники как воды в рот набрали, молчат, друг другу не доверяют. Прошел слух, будто было несколько ограблений. Толкуют о крупных суммах, но нет достоверных данных, никто из пострадавших не жаловался. Достоверные сведения удалось получить только об одном. И вот еще. В "Гранде" подрались два валютчика...

– Погоди! – остановил его майор. – Давай подробнее об ограблении и о драке.

Поручик порылся в своих записях. Об ограблении ему сообщил один из подчиненных, которому пожаловался по-

страдавший, еще не пришедший в себя после пережитого. Естественно, валютчик знал подчиненного не как сотрудника милиции, а как товарища по работе. Он себе спокойненько обделывал дельце с клиентом, который хотел купить у него три тысячи наличными, и оба тщательно пересчитывали деньги, сидя в машине на стоянке по улице Конопницкой, как вдруг у окон с двух сторон появились две разбойничьи рожи, и не успели честные коммерсанты и рта раскрыть, как дверцы машины распахнулись, внутрь просунулись хищные лапы и лишили коммерсантов имущества, после чего бородатые разбойничьи рожи и хищные лапы моментально исчезли, развеялись как дым. Все нападение длилось две секунды, и охрана не успела прийти на помощь, тем более что по стоянке в это время металась какая-то машина, за рулем которой сидела подозрительная баба.

Что же касается драки в "Гранде", дело было так: за столиком кафе сидел себе спокойненько другой подчиненный поручика, играющий роль мелкой рыбешки в океане черного рынка, пил кофе и задумчиво поглядывал на двух интересующих его акул, сидящих за столиком у окна. Вдруг в зал врывается тоже хорошо ему известный деятель, бросается к сидящим у окна, хватает за отвороты пиджака одну из акул и принимается бешено трясти ее, яростным шепотом сипя на весь зал:

– Ты кого мне подсунул, морда? Это называется выгодная оказия, такой-растакой...

И, продолжая извергать непечатные выражения, сипящий валютчик сделал попытку оторвать акуле голову от туловища, что наверняка ему бы удалось, ибо акула, не ожидавшая нападения и явно ничего не понимающая, только безмолвно разевала рот, но тут вмешались другие и быстренько утихомирили сипящего. Он присел за столик к акулам, и они вместе, склонив головы, принялись оживленным шепотом обсуждать свои дела. До подчиненного доносились лишь отдельные слова, из которых он понял, что сипящему нанесен большой материальный ущерб.

Все это было чрезвычайно интересно, и майор приказал поручику собрать дополнительные факты об ограблении и о драке, и в первую очередь установить, что за машина помешала охране вмешаться в операцию. Может, действует целая шайка? В заключение он сказал:

– Мы имеем все основания утверждать, что кто-то грабит черный рынок – точнее, отбирает доллары. Нам известно также, что одновременно доллары нелегально переправляются через границу. Связь прямая и очевидная. В числе ограбленных и этот, как его, Рокош. Вор, как видно, не особенно разборчив, крадет, где подвернется возможность. Дут-

кевич с этим как-то связан. Иначе чем объяснить его убийство? Врагов у него не было, богатства тоже, бабы ни у кого не отбивал. Может, потихоньку помогал шайке грабителей, валютчики его накрыли и из мести убили, а может, и наоборот: грабители надеялись найти у него деньги, не нашли и со злости пристукнули. Вишневского с его переводом денег в казну государства я пока вообще не понимаю. Что же касается Хмелевской...

Тут майор вспомнил, что слышал о какой-то драке у киоска, в которой я принимала участие. Это у него тут же ассоциировалось с дракой в "Гранде". Он замолчал и задумался. Его мысль продолжил капитан:

– Что касается меня, то я уверен – с этой Хмелевской дело нечисто. Ну, посмотрите сами – она везде, буквально везде путается. И в то же время из ее знакомых только один Ракевич вписывается в аферу, остальные же совершенно не годятся. Ничего подозрительного, никаких левых доходов, все нормально работают, ведут размеренную жизнь по средствам. Безнадега! Но Ракевич с долларами не связан.

– Дуткевич тоже не был связан, – припомнил Гумовский. – Никто его не знал.

Майор очнулся от своих мыслей и вмешался в разговор:

– Дуткевича могли не знать по фамилии, а знали в лицо. Разошли людей с фотографией.

– Уже разослал, жду результатов. Пожалуй, и Хмелевскую им подброшу, на всякий случай.

В ходе разгоревшейся дискуссии стало ясно: необходимо разослать фотографию Дуткевича по всем градам и весям; надо завести тесную дружбу с неразговорчивыми валютчиками; надо установить постоянное наблюдение за Гавелом и за мной. Главное же – надо припомнить и систематизировать все странные, нетипичные и лишенные всякого смысла события последнего времени, ибо только они могут быть связаны с этим странным и нетипичным делом и, возможно, что-то прояснят. И надо думать. Думать интенсивно, творчески.

* *
*

Я думала интенсивно и творчески, и у меня получилась совершеннейшая ерунда. Вот что у меня получилось.

Мартин поймал похитителя марок. Похититель уже успел спустить коллекцию, частично у нас, частично за рубежом. Мартин припер его к стенке и потребовал: или марки, или их эквивалент. Вор был другом Дуткевича, и Дуткевич, добрая душа, бескорыстно помогал ему в кражах, а потом пал жертвой мести валютчиков. Вор, редкая свинья, зная о моем

знакомстве с Мартином, решил пустить милицию по моему следу, фабрикуя улики против меня, отсюда и нагромождение вокруг меня идиотских событий.

В концепции были серьезные пробелы. Почему Мартин не копил валюту, чтобы приобрести на нее марки и восстановить коллекцию, а принялся анонимно пересылать доллары в государственную казну? Ладно, допустим, Мартин свихнулся с горя, такие случаи известны. В концепцию не вписывался Донат. Зато Гавел вписался. Он сначала помогал спустить марки, а потом, узнав, в чем дело, пытался выкупить их обратно. А вот Донат не вписывался. Что же касается Баськи, то это лучшая кандидатура на роль преступника, и я уверена, ради нее Дуткевич пошел бы на все. Однако мне очень не хотелось в своей концепции отводить Баське отрицательную роль. Проще всего было бы все выяснить у них самих, поставив вопрос ребром, но у меня как-то язык не поворачивался информировать друзей о моих открытиях.

Я решила действовать дипломатично, позвонила Баське и начала издалека, поинтересовавшись, что означают странные прогулки Доната и Павла по Саксонскому саду. Баська удивилась так, будто от меня впервые услышала об этом. Пришлось несколько усилить дипломатический нажим:

– Но ведь ты тоже там была. За кустами пряталась.

– Я там была? – огорчилась Баська. – Надо же, ничего не помню. Должно быть, у меня склероз, как думаешь?

– Может, и склероз. Припомни-ка. Весной это было, листья еще не распустились.

– Хоть убей – не помню. А ты уверена, что я была трезвая?

Такой уверенности у меня не было. Видела я ее издали, а вела она себя очень странно. Может, Донат и Павел тоже были пьяны! Правда, маршировали они уверенным, твердым шагом, но это еще не показатель. Если все трое оказались в саду по пьяной лавочке, могут и не вспомнить, чем они там занимались и почему.

Происходившее в Саксонском саду Баську очень заинтересовало, и у меня создалось впечатление, что она и в самом деле лишь от меня узнает об этом. Так у Баськи ничего и не удалось выудить.

Разговаривала я и с Янкой, поинтересовалась, как обстоит дело с Донатом. Удрученная Янка пожаловалась, что с ним по-прежнему неладно, только теперь это выражается по-другому: Донат, наоборот, совсем перестал выходить из дому, всячески уединяется и даже начал от них запираться где попало – то в ванной, то на кухне, то в комнате Кшиштофа, иногда даже в подвале. Он по-прежнему не желает общаться с семьей, того и гляди совсем разучится говорить.

Мартин, в противоположность Донату, дома совсем не бывал, шлялся неизвестно где, и я никак не могла его поймать по телефону. Гавела же я в качестве объекта дипломатических переговоров сразу исключила, так как знала, что из него ничего не вытяну. Мое частное расследование забуксовало на месте, и в этой ситуации я чуть ли не с радостью восприняла вызов к майору.

Разговор начался с того, что он ошарашил меня заявлением:

– Пежачека вы знаете, а в список своих знакомых не внесли. Почему?

Я принялась лихорадочно вспоминать человека с такой диковинной фамилией. Нет, сколько ни рылась в памяти, никого похожего припомнить не могла.

– Исключено, никакого Пежачека я не знаю. Кто он такой?

– Как же вы его не знаете, если сами жаловались, что он вас преследует?

Пежачек меня преследует? С ума сойти! Как такое может быть? Вытаращив глаза, совершенно ошарашенная, смотрела я на майора в безмолвном изумлении.

– Вспомните же, – настаивал майор. – Киса Пежачек. Почему вы его не включили в список?

Я честно старалась вспомнить Кису, который бы меня преследовал, но, клянусь, во всей моей биографии не было ничего похожего. Может, просто коварный майор подготовил мне какую-то ловушку? В полной панике я взмолилась:

– Ради бога, объясните, почему я должна знать какого-то Кису Пежачека?

– Ну, может, не Кису, его чаще называют Кисонькой по причине красной мор... то есть того, я хотел сказать, по той причине, что у него физиономия бешеного бульдога. Это в его обществе вы били окна в киоске.

Кажется, я начинаю понемногу понимать.

– Во-первых, никаких окон я не била, – механически поправила я майора. – А во-вторых, не о том ли жлобе вы говорите, который ездил за мной на "опеле"?

– Ну вот видите, а вы не хотели признаться, что он вас преследовал.

– И в самом деле, ездил за мной целых три дня! Так его фамилия Пежачек? Интересно, откуда я могла это знать? Он мне не представился, а окна бил без моего участия. Вижу, вы получили информацию от участкового, следовательно, должны знать, как было дело.

– Я бы охотно услышал это еще раз из ваших уст.

Пришлось о знаменательном событии рассказать своими устами. Больше всего майора заинтересовало нападение на

красномордого Кису неизвестного мужчины. Майору очень хотелось знать, что именно говорил агрессор. Я пояснила: ничего не говорил, только душил Пежачека и яростно хрипел. То есть от ярости хрипел сначала, а потом стал хрипеть от того, что его стукнули по физиономии и силком поволокли в машину. Окна били они, можно сказать, вместе. После этого Пежачек от меня отстал.

Рассказывая, я успокоилась, обрела присутствие духа и способность соображать. Мне пришла в голову мысль воспользоваться случаем и попытаться получить от майора интересующую меня информацию – не все же ему меня расспрашивать! Может, тогда мне не придется разыскивать Пежачека. И я осторожно начала:

– Раз уж мы с вами, пан майор, так доверительно беседуем, не могли бы вы открыть мне секрет: почему, собственно, Пежачек меня преследовал? Сдается мне, вы знаете.

– И вы должны знать, – спокойно возразил майор. – Ведь вы бываете на улице Конопницкой?

Я напрягла все силы, чтобы на сей раз снова не впасть в панику.

– Бываю, конечно. И очень часто.

– Зачем?

– Странный вопрос. Дела у меня там, ведь на улице Конопницкой расположено издательство.

– А машину где оставляете?

– На стоянке, разумеется. Там почти всегда есть место.

– Припомните, пожалуйста, не случилось ли с вами на этой стоянке чего-нибудь особенного? Ну, например, вы чуть кого-то не задавили. Было такое?

Я опять напрягла память. В ней навсегда запечатлелись все живые существа, которые когда-либо лезли мне под колеса. Что-то такое было на стоянке...

– А, вспомнила. Два каких-то идиота выскочили внезапно на мостовую, когда я подъезжала к стоянке. Прямо под машину. К счастью, вывернулись, а я парковалась задом, так они мне снова прямо под зад и сунулись. Но я их не раздавила, успели выскочить. Да, да, теперь вспомнила, метались по стоянке два идиота, то перед машиной, то сзади. Не знаю, зачем это вам, ни один из них не был Пежачеком.

Довольный майор задал следующий вопрос:

– А еще говорят, вы как-то следили за вишневым "таунусом" и потеряли его только на Гжибовской.

– Неправда, и вовсе я за ним не следила, ехала себе в книжный магазин, а этот недотепа сам путался всю дорогу у меня под колесами. Потом догадался свернуть, и я избавилась от него. Какой дурак выдумал, будто я следила за ним?

Майор обходил молчанием мои вопросы, упрямо придерживаясь своих. Он велел мне подробно рассказать о всех встречах с вишневым "таунусом", а затем об истории с покрышками. Потом принялся дотошно расспрашивать, когда я последний раз побывала в Кракове, Щецине, Лодзи, Гданьске, Закопане, Вроцлаве. Затем сузил круг своих интересов и переключился на ближние подступы к Варшаве, попросив рассказать о моих поездках в Залесье. Я чувствовала, что моя голова начинает постепенно пухнуть...

А потом он задал самый главный вопрос:

– Не кажется ли вам странным, что все вертится вокруг вас? Вам звонят, за вами ездят, сообщают ваш адрес, портят вашу машину. Чем вы можете это объяснить?

– Всеобщим помешательством, – раздраженно ответила я. – Люди совершают какие-то совершенно идиотские ошибки. Целая, я бы сказала, серия идиотских ошибок. А чем она вызвана, вам лучше знать.

– Вы называете это ошибками?

– А чем же еще? Как, по-вашему, можно логично объяснить тот факт, что кто-то воткнул мне за дворник записку с сообщением о Рябом?

– Что-что?

– "Рябой ездит в Залесье", – мрачно процитировала я. Майор смотрел на меня так, будто я вдруг прошлась по комнате на руках.

– Что это значит?

– Понятия не имею. Не знаю никакого Рябого, и что мне за дело, куда он ездит? Смысла нет, а записка есть.

– А ну-ка, расскажите подробнее, пожалуйста.

Я с удовольствием рассказала. От его вопросов моя голова пухнет, заморочу же и ему голову. Майор слушал с захватывающим интересом и, как мне показалось, с растущим подозрением.

– А что вы сделали с запиской?

– Не помню, может, выбросила, а может, до сих пор вожу ее в бардачке. Если желаете, могу посмотреть.

– Очень желаю. Посмотрите, когда кончим разговор. Вы ездили в Залесье после того, как была обнаружена записка?

– Нет. После не ездила.

– А до этого там бывали?

В голосе майора было нечто, заставившее меня насторожиться. Я перестала бывать в Залесье, получив анонимку на Рябого. Я следила за паршивцем в вишневом "таунусе". Я знала Пежачека и пыталась это скрыть. Никаких ошибок, все делается сознательно, а причины я должна знать...

Подозрение ударило в меня громом с ясного неба. От ужаса я еле могла вымолвить:

— Боже! Неужели вы думаете, что это все я?

— Ну-ка, ну-ка! — подхватил майор. — Что именно "вы"?

— Обираю аферистов и богатых дельцов, нападаю на валютчиков, нелегально переправляю за границу доллары, под видом Вишневского пересылаю их в Национальный банк... И что там еще? Дуткевича, надеюсь, вы мне не приписываете?!

Если я намеревалась заморочить майору голову, то теперь могла быть довольна: похоже, мне это удалось. Но надо отдать ему должное — он взял себя в руки и с обычным хладнокровием спросил:

— Скажите, пожалуйста, откуда вам известно о нападениях на аферистов и валютчиков? Кто вам сообщил об ограблениях дельцов и каких именно? Откуда вы знаете о нелегальной пересылке долларов за границу?

Наконец-то я почувствовала под ногами твердую почву. Видимо, моя дырявая концепция не была такой уж глупой. И голова заработала снова. Дело, правда, усложнял тот факт, что меня подозревают в тяжких уголовных преступлениях, но зато появилась надежда договориться с майором. Главное, в голове прояснилось, теперь можно мыслить логично. Ну что ж, поговорим.

К сожалению, я немного испортила начало, так как у меня непроизвольно вырвалось:

— Лялька была права. Выходит, и в самом деле на черном рынке орудует Арсен Люпен.

Естественно, майор тут же вцепился в меня:

— Соблаговолите объяснить, что именно вы имеете в виду.

— Извольте, соблаговолю. — Я закурила и начала: — Своими вопросами вы мне многое прояснили, теперь наконец я стала кое-что понимать. Правда, вы превратно толкуете мою информированность о нападениях, краже и контрабанде, объясняя ее моим личным участием в этих преступлениях. Так вот — их совершала не я. А узнала о них лишь благодаря тому, что я не милиция...

— Как это понимать?

— Очень просто. Между собой люди говорят о многом таком, о чем никогда не сообщат в милицию. Я могу вам рассказать все, что знаю, но тоже частным порядком, ибо официально все равно не получится. Если вы начнете этих людей допрашивать официально, они ничего вам не скажут, ото всего отопрутся. Я сама официально отопрусь. Уж очень мне не хочется снова латать покрышки. Так что решайте.

Майор немного поторговался, но, так как формалистом он не был, согласился нашу беседу считать частным разговором между двумя знакомыми людьми.

В частном разговоре со знакомым майором я поведала

ему об ограблении виллы Ленарчика, потом виллы Дромадера, об автомобильных махинациях Пежачека и Квачковского, об известных мне случаях нелегальной пересылки долларов за границу, добавив, что, хотя и не знаю масштабов контрабанды, уверена, она является следствием паники среди валютчиков. Я честно призналась майору: о кражах я узнала от третьих лиц – не говорить же, что подруга насплетничала! – а тот факт, что пострадавшие – мошенники и темные дельцы, вычислила сама путем дедукции.

Скромность не помешала мне отметить произведенное на майора впечатление. Мои рассуждения были восприняты почти как сенсация века. Тем неожиданней прозвучал его вопрос:

– А почему, собственно, вы мне все это рассказываете?

Вот тебе и на! Нет, с милицией все-таки трудно разговаривать. Получается, выкладываешь все как на духу – и в результате тебя же только больше подозревают!

– А потому, пан майор, чтобы помочь вам распутать это запутанное дело. Ведь я же вижу, что вы меня в чем-то подозреваете, поэтому в моих интересах быстрейшее раскрытие дела. Узнаете правду – и тем самым с меня автоматически снимется вина. А еще я вам чистосердечно рассказываю все в надежде и от вас кое-что узнать. Поверьте, происходящее интересует меня не меньше вас, мне совсем не нравится быть замешанной в том, о чем я не имею ни малейшего понятия.

– Разве вы не можете обо всем просто узнать от своих знакомых?

– Обо всем не могу. От знакомых я узнаю по кусочку, и это лишь еще больше меня запутывает. Обо всем знаете лишь вы.

– Ха-ха! – вырвалось у майора с горьким сарказмом. – Я все знаю! Нашли время шутить!

– Какие там шутки! Мне тоже не до них. Почему вы считаете, что все эти преступления совершают мои знакомые? Были они до сих пор порядочными людьми, а тут вдруг что-то на них нашло? Интересно, с чего бы?

– Вот-вот! – подхватил майор, вмиг забыв о горьком сарказме. – Именно, с чего бы? Что-то произошло, и я головой ручаюсь – вы знаете что. Ведь вам известно много, поразительно много, и все через ваших знакомых. Постарайтесь вспомнить событие, которое настолько повлияло на них, настолько изменило характеры, что заставило пойти на преступление. Ну?

– Не знаю ничего такого, – мрачно ответила я. О тайне Мартина я майору не сообщила, решила не выдавать ее ни за какие сокровища в мире, раз уж обещала. Не сообщила и о вонючке, о ядерщиках, о знамени, но вряд ли все это можно

зачислить в разряд событий. – Да, вот вы сказали: заставило их пойти на преступление. О каком преступлении вы говорите? Если об убийстве Дуткевича – исключено. Ни один из моих знакомых не способен на это. Другое дело – валютчиков обирать, но тоже сомневаюсь, ни один из них для этого не годится.

– Может, сам и не годится, так наймет таких, что годятся.

– Таким надо платить. Откуда им взять деньги?

– И вы считаете, что, например, пану Ракевичу тоже неоткуда взять?

Я задумалась. Если честно, Гавел частично соответствовал образу предполагаемого злоумышленника, но только частично, поэтому было бы непорядочно все подозрения направлять на него.

– Пан Ракевич найдет, откуда взять, – пришлось признаться. – Но я не вижу абсолютно никакой причины, ради которой он, умный и расчетливый, ввязался бы в эту глупую историю. Зачем ему это? Такой риск, такие хлопоты, столько опасностей – и ради чего? Денег у него и так куры не клюют. А если даже Гавел и ввязался, то как вы объясните деятельность благородного Вишневского? Здоровая конкуренция?

– Надо различать две стороны аферы, – вдруг сказал майор, напряженно вглядываясь в какую-то точку за моей спиной. – Одна охватывает черный рынок и его деятелей, другая крутится вокруг вас. Где-то они сходятся, стыкуются, так сказать. Я твердо уверен, мне вы не сказали правды, что-то скрываете, готов даже допустить – скрываете неумышленно. Рассказали вы порядочно, благодаря вам для меня многое прояснилось. Что ж, подожду, может, припомните и остальное. И очень просил бы сделать это поскорее. А сейчас я спущусь вместе с вами за запиской.

Я ничего не ответила, неприятно удивленная излишней проницательностью майора. Мы спустились к моей машине, и мне удалось разыскать в бардачке донос на Рябого. Записка даже не очень помялась. На вопрос, какого числа ее воткнули за "дворник" на ветровом стекле, я смогла ответить довольно точно: на следующий день после того, как Павел вывихнул ногу. Павел получил бюллетень на три дня, так что дату легко установить у него на работе. Майора такая информация как будто удовлетворила.

Не успела я упорядочить мысли после интересного разговора с майором, как на следующий же день позвонил Лёлик.

– Слушай! – В трубке метался его полный панического страха голос. – Слушай, случилось такое... Такое страшное... я... Я получил... Я сегодня получил...

— По морде? — не выдержала я.

— Что? Нет, не по морде. Слушай...

— Да слушаю же!

Лёлик безуспешно пытался справиться с охватившим его ужасом и в то же время информировать о нем в законспирированной форме. Его драматический, прерывистый шепот и не совсем исправный телефон делали нашу беседу весьма тягостной.

— Может, это... утка, ты как... думаешь? Хотят меня разыграть? — допытывался он.

Я не расслышала толком, но из того, что он мне сказал, живо представила себе смертельно перепуганного, взъерошенного Лёлика с живой взъерошенной уткой в руках.

— А утка какая? — пыталась я уточнить и хоть что-то понять.

— Заказная, — замогильным голосом ответил Лёлик.

Услышав такое, я утвердилась в мысли, что Лёлик явно не в себе. Поэтому больше не стала ни о чем спрашивать, на всякий случай только предупредила:

— Учти, я ее щипать и потрошить не буду, так что на это не рассчитывай.

Кажется, Лёлик был так же ошарашен, как и я.

— Что? Кого щипать? Зачем ее щипать? Как это... Я не понимаю...

— Я говорю, что не собираюсь щипать твою утку.

— Какую утку?

Боже, пошли мне терпения!

— Ты же сам только что сказал, что получил заказную утку. Неужели живую?

— Да нет, почему живую? Мертвую! То есть не очень... Запечатанную. То есть не то... Слушай, может, я лучше приеду к тебе?

При мысли, что ко мне домой явится не совсем нормальный Лёлик с какой-то странной птицей, стало не по себе. Лучше не рисковать.

— Пожалуй, лучше я сама приеду к тебе! — твердо сказала я. — Ты из дому говоришь?

— Что ты! Как можно? Я говорю из... из этой... как ее... ну, из конуры.

— Откуда?

— Тише, не кричи так! Я специально звоню из ко... то есть будки.

— Но домой-то ты вернешься?

— Не знаю... Вернусь, наверное... Ну да, вернусь, конечно.

— А где ты сейчас?

— Я же сказал — в ко... то есть в будке.

— Это я уже поняла, господи боже мой! А где твоя конура... Тьфу! Где твоя будка находится?

— На улице.

Не надо нервничать, не надо на него кричать. Он и так чем-то расстроен. Попробую говорить с ним спокойно и ласково.

— На улице, хорошо. А на какой?

— Когда тут целых две улицы...

— На перекрестке, что ли?

— На пере... Нет, до перекрестка еще немного...

— Очень хорошо, значит, не на самом перекрестке. Тогда на какой улице?

— На... ну... на... как ее... улица Круча.

— Вот, молодец, улица Круча. Значит, недалеко от твоего дома?

— Нет, близко. Я звоню из ближайшей будки. Выбежал на улицу и звоню. Сейчас вернусь домой.

— Замечательно. Я буду у тебя через пятнадцать минут. Иди домой и жди меня. Никуда не выходи. Пока!

— Пока! — слабым, как эхо, голосом отозвался Лёлик, видимо совершенно не способный самостоятельно что-либо предпринять.

Наверное, все время, пока я ехала, он ждал меня под дверью, потому что распахнул ее, прежде чем я сняла палец со звонка.

— Так что же ты получил? — уже с порога спросила я.

— Ти-и-ше! — нервно прошипел Лёлик. — Я ничего не понимаю и теперь не знаю, как быть. Вот, получил бандероль, распечатал — и видишь... Может, это шутка, ты как думаешь?

Войдя в комнату, я увидела на столе довольно большой, разорванный конверт, из которого высовывалась толстая пачка стодолларовых банкнотов. Настроившись на утку или какую другую домашнюю птицу, я в первый момент ничего не поняла, безмолвно переводя взгляд с Лёлика на доллары и обратно.

— Что это значит? Ты нашел свои доллары?

— Как это нашел? Ничего я не нашел, и вовсе я их не нашел, — волновался Лёлик. — Где я их мог найти? Это пришло по почте. То есть нет... не так... по почте пришло извещение, домой пришло, понимаешь? Я пошел на почту, а там получил это! На почте! Понимаешь?

— Сегодня?

— Сегодня.

Я молчала, а Лёлик смотрел на меня, как на редкость непонятливый баран на какие-то потрясающе новые ворота.

— Кофе бы сделал, что ли, — наконец сказала я. — Мне надо подумать.

Не сводя глаз с разорванного конверта, я присела на диван, а Лёлик послушно протопал на кухню. Надо отдать ему

должное, возился он не так уж долго, но я успела прийти к решению и, когда он появился с кофе, сказала:

– Избави тебя бог прикасаться к этому. Запомни: ни под каким видом не смей больше к этому прикасаться.

От ужаса Лёлик уронил сахарницу.

– Ты думаешь... Ты считаешь... Ты думаешь, они чем-то пропитаны? Отравлены?

– Я считаю, что на банкнотах могли сохраниться отпечатки пальцев. Видишь, там есть совсем новенькие купюры. Так вот, на них и могли остаться отпечатки. На старых искать без толку, конверт наверняка весь будет в отпечатках пальцев почтовых работников, а вот на новых, может быть, и найдется что стоящее. Надеюсь, ты не пересчитывал их?

– Ну что ты! Я распечатал, увидел и напугался! И сразу побежал звонить тебе.

– Правильно сделал. А теперь сразу позвони в милицию. Тому капитану, который занимался твоим делом. Фамилия капитана Ружевич. Вот тут у меня записан номер его телефона. Звони!

Лёлик от волнения поперхнулся кофе и прыснул им на стол, забрызгав конверт с долларами. Этого еще не хватало! Теперь на вещественном доказательстве появились совершенно новые лишние следы. Я изо всех сил стукнула этого недотепу по спине. Помогло. Он обрел голос и жалобно простонал:

– Как это... в милицию. Они мне не поверят... Посадят меня... отберут деньги...

Трудно описать, какие понадобились сверхъестественные усилия для того, чтобы убедить его в необходимости такого шага. Ему же лично, твердила я, не грозит ни конфискация имущества, ни посылка на галеры, ни заточение в темницу, ни топор палача. В конце концов он мне поверил, но был слишком слаб, чтобы поднять телефонную трубку.

Пришлось позвонить самой. Я набрала номер капитана Ружевича. Если его не окажется на месте, думала я, мне скажут, где его найти.

Капитан оказался на месте.

Майор Фертнер осчастливил коллег полученной от меня информацией, и вот теперь капитан с помощью поручика Петшака прорабатывал некоторые из своих гипотез. Наличие широкомасштабной операции по ограблению дельцов черного рынка не вызывало сомнений, дебаты возникали лишь по вопросам методов краж и целей, которыми руководствовались преступники. И капитан, и поручик проявили к происходящему чуть ли не личный интерес, усматривая в аферах на черном рынке прямую связь с ограблением Лёлика, чьи ненайденные доллары тяжким грузом отягощали их профес-

сиональную честь. Поручик по привычке вживался в образ то одного, то другого деятеля черного рынка, что давало интересные и обнадеживающие результаты. Он занимался этим с самого утра и создал уже галерею самых разнообразных персонажей, но тут их творческие поиски прервал телефонный звонок.

— Капитан Ружевич? Говорит Хмелевская. Я звоню из квартиры Рокоша. Лучше будет, если вы немедленно приедете и сами все увидите...

Реакция капитана была для меня неожиданной.

— Не хотите ли вы сказать, что обнаружили его труп? — спросил он вежливо-зловещим голосом.

Я невольно взглянула на Лёлика. Он действительно от треволнений был чуть жив, но все-таки жив.

— Нет, — успокоила я капитана. — Пока нет. Он получил бандероль с долларами. Вот она, лежит на столе. Да нет, бандероль лежит, а не пан Рокош. Мы к ней не прикасаемся, может, вы найдете там отпечатки пальцев или еще что. Вот я и подумала, лучше будет вам самим приехать и посмотреть, а не нам везти ее в управление. Как вы считаете?

— Выезжаю! — бросил в трубку капитан.

Они с поручиком приехали через полчаса, прихватив с собой и специалиста по дактилоскопии. Очень интересно было наблюдать за тем, как специалист пинцетом прихватывает банкнот, посыпает ее порошком, фотографирует и что-то еще непонятное делает с ним. Тут выяснилось, как умно я поступила.

На нескольких почти новых стодолларовых банкнотах проявились отпечатки пальцев, немного смазанные, но даже для меня отчетливо заметные. А два так и вовсе были в прекрасном состоянии. Капитан не мог скрыть удовлетворения, поручик — тот просто сиял от счастья, Лёлик сидел на диване и клацал зубами.

— Когда и как вы это получили? — приступил капитан к допросу.

— Сегодня! — Лёлик вскочил с дивана. — На почте. То есть нет, в ящике это было...

— Поместилось в почтовом ящике? — удивился поручик.

— Нет! То есть да, конечно, поместилось! Извещение. Потом я пошел на почту и получил *это*. То есть не сам получил, пани в окошечке мне дала, ну, я принес домой и распечатал. Здесь распечатал, на столе, немного вывалилось, и я вообще ничего не понимаю, я этого не отправлял...

— Понятно, — мягко подтвердил капитан. — Вы не отправляли, вы получили. Мы это поняли. Бандероль была заказная?

— Да, конечно, заказная, я показал паспорт, то есть показал его на почте, не так просто, там переписали, то есть не это переписали, а паспортные данные...

– А почему конверт так сильно разодран? Он был чем-то заклеен?

– Я его не раздирал! – отчаянно крикнул Лёлик. – То есть разодрал, но я не хотел... То есть хотел, но не так сильно...

Я испытала угрызения совести. Надо было заранее заодно уж убедить его и в том, что за вскрытие писем человека в очень редких случаях приговаривают к высшей мере. Капитан посмотрел на него и отказался от дальнейших расспросов.

– Конверт был заклеен полоской поля от марочного листа и разорвался рядом с заклеенным краем, – объяснил специалист по дактилоскопии. – Конверт не новый, уже употреблявшийся ранее. Вам, думаю, интересно знать, что в этом конверте было раньше?

– Не помешает. Передайте экспертам. Вы уже закончили?

– Да. Пока я ничего из него больше не выжму.

Капитан взял конверт в руки, перевернул на другую сторону, прочел адрес отправителя и с совершенно каменным лицом произнес:

– Ну, разумеется. Станислав Вишневский.

В комнате воцарилось тяжелое молчание. Мы с поручиком молча таращились на капитана. Лёлик не выдержал:

– Я... я... я не знаю его! Кто это такой? Клянусь вам, не знаю я никакого Вишневского!

– Никто его не знает! – буркнул поручик. Капитан же взглянул на поручика, потом на меня, потом опять на поручика, сообщив ему взглядом нечто, понятное лишь им одним. Поскольку с Вишневским у меня не было ничего общего, я не ощутила ни малейшего беспокойства. Затем капитан внимательно осмотрел почтовый штемпель на конверте и с каким-то злобным удовлетворением объявил:

– Кажется мне, дело понемножку проясняется. Не исключено, что уже в самом скором времени мы все будем иметь возможность познакомиться с этим Вишневским. А пока давайте оформим протокол...

Между тем поручик Гумовский не терял времени даром. Ему удалось получить кое-какую новую информацию, и он немедленно передал ее майору Фертнеру. Из отрывочных, запутанных, порой противоречивых данных майор пытался выделить рациональное зерно.

Так, например, одному из подчиненных поручика, внедрившемуся в мир подпольного бизнеса, довелось стать свидетелем интересного события. Его подопечный, удачливый и предприимчивый делец, заметная фигура на черном рынке, получил предложение реализовать десять тысяч зеленых по чрезвычайно выгодному курсу. На этой сделке он одним

махом мог заработать чистыми сто пятьдесят тысяч злотых. Поэтому сотрудник милиции был весьма удивлен, узнав, что делец, никогда не упускавший своего, не только сам не уцепился за это выгоднейшее дело, но даже и не препятствовал конкурентам его перехватить. Повышения цен в ближайшее время не предвиделось, так что нежелание заграбастать сто пятьдесят тысяч представлялось совершенно необъяснимым. Сотрудник милиции даже рискнул осторожно поинтересоваться у валютчика, с чего это тот вдруг проявил столь странное воздержание. Ответ был откровенный и исчерпывающий:

— Нутром чую — тут что-то не то.

— Что же?

— Да уж я чую, меня не проведешь.

И больше от него не удалось ничего добиться. Далее, как сообщил агент, события развивались следующим образом. Сделку провернул другой валютчик. Встретив через несколько дней своего подопечного, валютчика с чувствительным нутром, агент был поражен: никогда еще он не видел его в столь великолепном настроении. Тот просто сиял от радости и без всякой видимой причины время от времени разражался веселым хохотом. Торжествующее удовлетворение так его распирало, что он позабыл обычную сдержанность и поделился с агентом причиной радости:

— Помнишь, фрайер хотел поиметь штуку зеленых? Я еще говорил: нутром чую, дело пахнет керосином.

— Помню, а что?

— А то, что на крючок попался этот недоумок Черный Ясь. Плакали его денежки. Ха, ха, ха!

— Неужели?

— А то! Может теперь свою штуку на гвоздике в сортире повесить.

— Как же это произошло?

— А ты у него спроси. Мое дело маленькое. Я говорил — плохо пахнет.

Заинтригованный сотрудник милиции стал искать подходы к Черному Ясю, который на самом деле был рыжим и прозывался Зигмунтом. Ясь пребывал в ипохондрии и избегал общества, удалось выйти лишь на его приближенных, которые туманно давали понять, что причиной черной меланхолии явились большие материальные потери. Агент не стал докапываться до сути, поскольку материальные потери валютчиков не относились к проблемам, которые лишали сна работников милиции. В то время еще никто не мог предполагать, насколько данное обстоятельство окажется важным при расследовании всей валютной аферы.

Из Гдыни поступило сообщение о на редкость дерзком ограблении. За ресторанным столиком два гражданина спо-

койно и культурно проворачивали сделку по обмену одних денежных купюр на другие. Неожиданно к ним подсели два длинноволосых хипаря в темных очках.

– Спокойно, милиция, – сказал один из них.

Граждане онемели. Хипари быстро, с ловкостью профессионалов, изъяли купюры, молча встали и покинули ресторан, прежде чем граждане успели прийти в себя. Один из них, правда, сделал тут же попытку поднять крик, но второй немедленно эту попытку пресек. Дезориентированные словом "милиция", сидевшие рядом телохранители не рискнули вмешаться.

Из Щецина сообщили: два бородатых молодых человека с длинными волосами и в темных очках бесшумно возникли у стоящего в плохо освещенном месте автомобиля и, угрожая каким-то темным предметом, отняли валюту у сидящих в машине, которые как раз эту валюту пересчитывали. Сидящие в машине воздержались от криков: "Милиция!", "На помощь!"

В Гданьске местом деятельности злодеев стал мужской туалет. Именно там один из валютчиков только что получил крупную партию товара и тут же был избавлен от него упомянутыми злодеями. О происшедшем можно было догадаться по нескольким словам, вырвавшимся у валютчика под действием шока сразу после происшествия, а потом он молчал как рыба.

Весть о двух таинственных бородатых и патлатых грабителях в темных очках передавалась по секрету от валютчика к валютчику, доходя и до агентов Гумовского. Черный рынок всполошился. Теперь валютчики отваживались совершать свои сделки лишь в специально для этого приспособленных помещениях – надежных притонах и проверенных квартирах. В ответ обнаглевшие налетчики предприняли уж и вовсе беспрецедентную по нахальству акцию. Как только клиент, совершив крупную сделку, покинул малину (а это была комната в очень надежной квартире), туда прибыла милиция. Два милиционера в форме предъявили ордер на обыск, подписанный прокурором и заверенный печатями с государственным гербом. Застигнутый врасплох валютчик не обратил внимания на то, что на печатях орлы были в коронах. К тому же работники милиции инкриминировали перепуганному дельцу торговлю наркотиками. Честный валютчик, который торговал лишь долларами и золотом, а наркотиков и в глаза не видел, окончательно струхнул и поэтому даже радовался, когда при обыске были обнаружены только менее страшные вещественные доказательства.

Милиция составила протокол, велела его подписать всем находившимся в квартире, не исключая и полумертвой от

страха домработницы, и удалилась, унося с собой трофеи и все документы. Удрученный делец стал с трепетом ждать санкций. С ними почему-то не торопились. Прошло довольно много времени, пока он понял, что его попросту провели. Ясное дело, ни он, ни услужливый хозяин квартиры ни словечка не проронили о случившемся. Проболталась домработница. Кстати, это она, единственная, заметила, что орлы на милицейских документах были с коронами. Кружным путем весть о действиях фиктивной милиции дошла и до поручика Гумовского.

К нему сходились сообщения о подобных акциях со всех концов Польши. Схема действия в основном была одна и та же: два патлатых троглодита беззастенчиво, с большим знанием дела обирали валютчиков, подгадывая, как правило, к моменту заключения сделок, умело нейтрализуя охрану и унося солидную добычу. Никто их не знал, никому не удавалось напасть на их след.

Идея с распространением фотографии Дуткевича оправдала себя. Официант из "Гранда" в городе Сопоте опознал на фотографии человека, которого видел однажды в обществе своего постоянного клиента. Поскольку этим постоянным клиентом оказался валютчик, уже давно бывший у милиции на примете, его отыскали и приперли к стенке. Припертый к стенке клялся и божился, что человек на фотографии ему совершенно незнаком. Однако, поскольку официант видел их вместе, не исключено, что когда-нибудь он и выпивал с этим человеком, поскольку же выпивать ему доводилось частенько, он решительно не в состоянии упомнить всех собутыльников. Нет, этого он категорически не помнит, не знает и не имеет понятия, кто таков.

Приблизительно то же самое говорили и другие деятели черного рынка, допрошенные на предмет фотографии. Нет, этого человека они не знают, никогда не видели. Все они так решительно и единодушно отрекались от Вальдемара Дуткевича, что представителям следственных органов приходилось читать, так сказать, исключительно между строк. Они уже не слушали того, что им говорили, а лишь внимательно следили за выражением лица собеседника, прислушивались к тембру голоса, ловили невольный блеск глаз и дрожь пальцев.

И майор Фертнер, и поручик Вильчевский стойко придерживались своей версии, для подтверждения которой очень важным было найти людей, знавших Дуткевича, поэтому они не давали покоя поручику Гумовскому, который в свою очередь не давал покоя своим подчиненным. Последние, совершенно отчаявшись, стали предъявлять для опознания фотографию Дуткевича уже совсем кому ни попадя и попали-

таки на человека, который наконец мог сообщить о покойном конкретные сведения.

Этим человеком оказалась киоскерша из книжного киоска на улице Бельведерской.

– Знать-то я его не знаю, – задумчиво протянула она, разглядывая фотографию, – но вот видеть видела, факт.

– А можете вспомнить, когда и где? – с внезапно вспыхнувшей надеждой спросил сотрудник милиции.

– Когда – точно не скажу, с месяц, пожалуй, будет, как видела. А где – известно где, вот тут, сигареты у меня покупал, потом газету, потом спрашивал, сколько времени. Часы у него остановились. Крутился вокруг киоска, одно слово – околачивался, вроде как ожидал кого. А мне делать было нечего, покупателей в ту пору не было, вот я и смотрела на него. А еще – часы у него ну точь-в-точь как у шурина. Они у него остановились, он подошел к окошечку, спросил, который час и стал подкручивать. Дорогие часы, шурин дал за них четыре тыщи, как раз премию получил, вроде швейцарские, не только время показывают, тоже вот какое сегодня число...

– Четырнадцатое, – ответил немного удивленный сыщик.

– Что?

– Говорю, что сегодня четырнадцатое...

– А я и сама знаю, какое сегодня число. Это я про часы рассказываю, на них видно, какое число сегодня. И тому подобные стороны света. Магнит в них, что ли. Я в этом не разбираюсь.

– А дальше что было?

– А ничего. Шурин до сих пор их носит.

– Уже не носит, – механически поправил ее сыщик, который в этот день опросил двадцать девять человек и у которого к вечеру в голове все перемешалось. Неудивительно, что возникший сверх программы шурин у него невольно ассоциировался с погибшим три недели назад Дуткевичем.

– Что вы говорите? – ужаснулась киоскерша и даже высунулась в окошко. – Такие дорогие часы! Что же с ними случилось?

Сотрудник милиции спохватился и исправил невольную ошибку:

– С часами ничего не случилось, – успокоил он женщину. – Случилось вот с этим человеком на фотографии.

– А! И поэтому вы его разыскиваете?

– Да, поэтому. Ну и что было дальше? Вы остановились на том, что он околачивался тут, у киоска.

Киоскерша втянулась в киоск и уселась поудобнее.

– И что за жизнь такая, – вздохнула она. – Живет человек себе, живет, а потом с ним что-то случается... Ну, дождался он.

– Чего дождался?

– Не чего, а кого. Приехал тут один на машине, вишневого цвета, они оба сели в нее и уехали.

– А того, который приехал, вы видели? Может, случайно запомнили его?

– Запомнила, как не запомнить. Он вышел из машины и купил у меня сигареты. Шикарный мужчина. Молодой, кровь с молоком, такой, знаете, видный из себя, представительный, не замухрышка какой-нибудь. Одет очень прилично. И зуб у него золотой. Да, еще и перстень вот такой на пальце, тоже золотой, с камнем, сразу видно – настоящий. Большой такой камень!

– Ну а сам-то он как выглядел? Тот, что в машине приехал? Блондин, брюнет, лысый?

– Какое там лысый! Дай бог всем столько волос! Черный, совсем черный, и прическа высший класс, вся голова завитая, а лицо так и пышет здоровьем, румянец во всю щеку, одно удовольствие смотреть. Говорю вам – шикарный мужчина. А моя дочка уж такого дохляка себе выискала, худющий да бледный, смотреть не на что, ни пес, ни выдра...

Сыщик не перебивал разговорчивую киоскершу, терпеливо выслушав ее жалобы на неказистого зятя и всякое другое, зато был щедро вознагражден, ибо узнал много полезного для дела. Оказывается, машина была достойна своего хозяина, тоже шикарная и вишневая, камень в перстне пурпурный, а что касается золотых зубов, то она твердо ручается лишь за один, других увидеть не удалось, зато этот один блистал на самом что ни на есть переднем плане. Итак, был выявлен один-единственный контакт покойного Дуткевича, зато с таким заметным мужчиной, найти которого наверняка не составит труда.

И в самом деле, дружными усилиями людей Гумовского в рекордно короткий срок было установлено, что этим блистательным красавцем был некий Золотой Стась, активный, но негласный помощник одного из самых могущественных королей черного рынка. Король проживал в роскошной вилле на улице Гощинского, держал в руках все крупнейшие валютные операции, но его никогда не удавалось поймать с поличным. Майор Фертнер был чрезвычайно доволен полученной информацией.

Сопоставив все данные, поступившие в его распоряжение, майор Фертнер окончательно убедился в правильности своего предположения – связь между отдельными аферами не подлежит сомнению. И он вновь созвал оперативное совещание, участниками которого были те же лица, что и в прошлый раз.

Поручик Петшак ознакомил собравшихся с результатами своих перевоплощений. Результаты оказались потрясающими.

Благодаря им рассеялись последние неясности и тройное преступление предстало как единое целое.

Довольный майор приступил к изложению своей версии:

– Итак, если следовать хронологии, события развивались следующим образом. Некто принимается нелегально переправлять валюту за границу. Сначала, очевидно, собственную, а потом, когда она кончилась, начинает добывать ее путем ограбления. Крадет у Рокоша, крадет у этого, как его, Ленарчика, крадет еще у нескольких дельцов, о которых мы не знаем, так как они хранят молчание, и даже Хмелевская о них не слышала. Затем он принимается нападать на валютчиков с помощью Дуткевича и нанимает двух бандитов. Обратите внимание на следующие обстоятельства: а) он располагает точной, проверенной информацией и б) обирает лишь мошенников. Пройдись мы по его следам – уверяю вас, собрали бы неплохой урожай.

– Мне это тоже приходило в голову, – пробурчал Гумовский.

– Валютчики в панике, – продолжал майор. – Они расшифровали Дуткевича и тоже наняли двух бандитов – может быть, тех же самых, потому что перед смертью Дуткевич их узнал.

– Вряд ли, – усомнился капитан Ружевич. – Для этой цели проще использовать кого-нибудь из телохранителей. А их телохранителей Дуткевич мог видеть, когда обделывал свои дела, и перед смертью узнал.

– Возможно. И мы должны их найти любой ценой. Из тех, что у нас на заметке, многие уже проверены. Надо расширить поиски. Теперь вот узнали о Золотом Стасе, следует его поприжать. Ты получил наконец отпечатки его пальцев?

Гумовский тяжело вздохнул:

– Сегодня отправил в лабораторию. Скоро в нашем распоряжении будет целый набор, мои парни стараются. Крадут напропалую.

– Что крадут?

– По большей части стаканы в забегаловках и прочих злачных местах. Со стаканов легче всего снять. Нам нужны отпечатки пальцев тех валютчиков, кого еще нет в нашей картотеке.

Вильчевский невольно бросил подозрительный взгляд на свой стакан с чаем. Гумовский это заметил.

– Не волнуйся, они потом подбрасывают их обратно. Иногда путают забегаловки, но общее количество посуды сходится.

– Не отвлекайтесь, идем дальше, – призвал к порядку майор. – Смазанные отпечатки на долларах, возвращенных Рокошу, принадлежат, как установлено, Лысому. Это что еще за святой Миколай?

Гумовский покачал головой.

– Мелкая сошка, иногда отваживается на самостоятельный шаг, но чаще на посылках у других. На редкость зловредный тип. Доллары Рокоша он в руках держал, но скиснуть мне на этом месте, если он их ему отослал.

– Так ты его прощупай. И вот о чем мне еще хотелось сказать. Операцию с долларами обязательно кто-то должен возглавлять, уж очень хорошо продуманы и точно рассчитаны все ходы. Боюсь, до шефа мы доберемся только под конец, но искать его должны уже теперь, искать всеми доступными нам средствами.

– Мне кажется, на эту вакансию так и просится Хмелевская, – высказал капитан то, о чем уже давно думал. – Не может быть, чтобы во всей этой истории она не сыграла своей роли, и, сдается мне, ее роль – главная. Все крутится вокруг нее, валютчики вмиг ее вычислили. Я бы с нее глаз не спускал.

Майор покачал головой. Он согласен с капитаном в отношении глаз, убежден, что именно в моем окружении следует искать преступников, о чем свидетельствует хотя бы Рябой на ветровом стекле, но мое непосредственное участие в афере ему представляется сомнительным.

– Нельзя идти на поводу у внешних обстоятельств, – аргументировал майор. – Мало ли что крутится! И потом, вспомни, ведь лишь благодаря ей мы узнали столько важных фактов! Сама она не крутит, не обманывает, все, о чем сообщила, подтвердилось при проверке. У меня есть идея.

– У меня тоже есть, – не унимался капитан. – Адрес на своих бандеролях Вишневский писал от руки, таможенные декларации на контрабандный товар заполнялись тоже вручную. Надо от всех знакомых Хмелевской взять образцы почерка...

– ...и ты сам отнесешь их в лабораторию, а я останусь за дверью и послушаю, что тебе там скажут. Ты знаешь, сколько у нее знакомых?

– И отнесу. Пусть говорят. Уверен – среди них обнаружится тот, кто писал адрес. Пусть это немного трудоемко...

– Немного!

– Зато верный путь. А твоя идея лучше?

– Не знаю, лучше ли, и, в общем, тоже трудоемкая. Я предлагаю выявить, кто из наших знакомых валютчиков в последнее время исчез из поля зрения. И еще: надо раздобыть кое-какие данные о телохранителях, мы уже говорили об этом. Думаю, будет толк.

– Лучше всего – сделать и то и другое. Пора наконец честно признаться: дело нам досталось до крайности запутанное. Настолько запутанное, что у меня уже голова идет кругом.

– Что же тогда мне говорить? Тебе хорошо, твоему пострадавшему возвратили украденное, можешь ставить точку. Какое тебе дело до остального?

– Какое мне дело? – В голосе капитана прозвучала нескрываемая обида. – Я желаю знать, кто обокрал Рокоша и почему вернул ему похищенное. Я желаю знать мотивы поведения преступника. Из-за этого мерзавца я не могу спокойно спать и работать, а ты спрашиваешь, какое мне дело! В сторону я не отойду, и не надейся!

– К сожалению, он перестал грабить, вот что плохо! – вздохнул Гумовский. – Продолжай он свое занятие – был бы уже у нас в руках. Так нет, пся крев, как ножом отрезал...

На следующий день экспертизой было установлено, что два четких отпечатка пальцев на долларах Лёлика представляют визитную карточку Золотого Стася. Прижатый к стене, тот совсем перетрусил и еще больше заблестел от пота. Стась попытался сначала все отрицать, но после очной ставки с киоскершей капитулировал и признался: было дело, однажды, по просьбе человека, которого, как он теперь узнал, звали Вальдемар Дуткевич, он один-единственный раз в своей жизни уступил немного долларов – своих собственных, приберегаемых на черный день. Он действительно встретился с Дуткевичем на Бельведерской, они действительно сели в его машину и обменялись деньгами, после чего упомянутый Дуткевич удалился вместе с долларами. Больше его Золотой Стась не встречал и не знает, где тот живет и чем занимается. Не знает он также, каким образом его доллары оказались у другого гражданина, по фамилии Рокош. Нет, просто не имеет ни малейшего понятия.

В ответ на вопрос, почему Вальдемар Дуткевич обратился за долларами именно к нему, Золотой Стась рассказал несколько баек, из которых неопровержимо следовало, что Дуткевича привели к нему таинственные, не поддающиеся конкретизации силы. Инсинуации поручика Гумовского о том, что во время сделки с Дуткевичем они подверглись нападению неизвестных злоумышленников, Стась с негодованием и категорически отмел. Никогда в жизни он не подвергался никаким нападениям и вообще просит его избавить от подобных незаслуженных оскорблений.

– Скорее изойдет по́том, но не расколется, стервец, – прокомментировал его показания Гумовский. – Знает, что у нас ни доказательств, ни свидетелей нет. Видимо, это были деньги Дромадера, а не его, Дромадера же он боится больше, чем нас всех, вместе взятых.

Лысый оказался более разговорчивым. Он откровенно признался в том, что у него совершенно случайно оказалось немного долларов. Откуда? Подарил заграничный кузен. Так

вот, эти доллары он носил при себе в портмоне, ибо собирался поменять на чеки в государственном валютном магазине, но тут напали на него два бандита и отобрали их. Нападение произошло в Залесье, куда он отправился подышать свежим воздухом. Бандитов он описывал с воодушевлением, красочно и с такой ненавистью, что в искренность показаний просто нельзя было не поверить. Видимо, нападение на Лысого и изъятие у него долларов действительно имели место, и факт этот был достопримечательным, ибо являлся единственным случаем, когда жертва ограбления призналась. А так ведь, кроме Лысого, потерпевших больше и не было!

– В Национальный польский банк поступило больше ста тысяч долларов, – с горечью подытожил поручик Вильчевский. – За границу ушло как минимум в три раза больше. Никогда не поверю, что такую сумму носил при себе ограбленный в Залесье Кшачкевич.

– Отпираются без зазрения совести, – подтвердил Гумовский. – Капитан прав – дело нелегкое. Да, кстати, удалось выяснить, кто отправлял бандероль Рокошу?

Вильчевский с неохотой удовлетворил его любопытство. Девушка на главпочтамте, в дежурство которой была отправлена Вишневским бандероль, припомнила, что вроде отправлял ее низенький дряхлый старичок с дрожащим голосом. Разумеется, обратный адрес был фиктивным. Удалось разыскать отправителей заказной корреспонденции, оформленной до и после Вишневского. Одним из них оказался юрист-пенсионер, дряхлый маленький старичок, отправлявший заказное письмо в Генеральную прокуратуру. Без очков он ничего не видел и вообще ни на что не обращал внимания. Нашли еще двух человек, стоявших в очереди за старичком, одним из них был мужчина, который обратил внимание лишь на блондинку в соседнем окошечке. Второй очевидец, женщина, вспомнила, что перед ней стоял элегантный мужчина среднего возраста, в очках. Ей запомнилась его седоватая бородка клинышком и золотой перстень на пальце. Судя по квитанциям, между нею и старичком стоял именно Вишневский, значит, он и был элегантным мужчиной.

– Бородку отцепит, очки снимет, натянет на задницу старые джинсы – и вот он уже молодой брюнет из воровской шайки, – пессимистически заключил Вильчевский.

На этом и закончилось оперативное совещание.

* *
*

На следующий день после того, как Лёлик получил назад утраченную было собственность, позвонила Баська и сообщи-

ла: в магазине на Сверчевского дают стаканы, расписанные под игральные карты, ей такие тоже хочется. Я захватила ее по пути, стаканы мы купили, после чего я решила забежать в чистку на Вильчей за свитером, валявшимся там уже месяц – все забывала получить. Машину припарковала на левой стороне проезжей части, Баська осталась в машине, в чистку я отправилась одна.

Со свитером под мышкой подходила к машине, когда сзади послышался веселый голос:

– Bonjour, madame!

Я повернулась – передо мной стоял Фелюсь.

С Фелюсем, чужестранцем неизвестной мне национальности и гражданства – звали его Лотар Уорден, – я познакомилась несколько лет назад в обществе Гавела и стала его, так сказать, "больным зубом" и вечным угрызением. Фелюсь принял меня почему-то за даму легкого поведения и, обнаружив ошибку, чуть ума не лишился от смущения. Ругмя ругал Гавела, допустившего его, Фелюся, так оплошать, просил у меня прощения на шести языках, выскочил из машины, накупил цветов, порывался либо повергнуться передо мной ниц, либо упасть на колени, а Гавел просто-напросто давился хохотом, всхлипывал и повизгивал так, что прохожие оглядывались. Именно Гавел почему-то окрестил его Фелюсем. С того нелепого случая Фелюсь почитал святым долгом, приезжая в Польшу, звонить мне, пламенно умолял о прощении, рассыпался в почтительных заверениях, а не дозвонившись, все передавал через Гавела. Гавел, разумеется, комментировал в своем обычном стиле:

– Хи! Хи! Этот кретин опять из-за тебя балабонит!

Вообще говоря, я лицезрела Фелюся не более трех раз в жизни. Сейчас увидела его в четвертый.

Невыразимо счастливый, он превосходным тройным, то есть французско-немецко-польским, языком объявил, что на сей раз не успел мне позвонить, а потому пребывает в исключительном восторге по поводу нечаянной встречи. Приехал ненадолго, всего лишь на несколько часов, ибо не мог иначе войти в контакт с мсье Ракевичем, который в последнее время испытывал какие-то таинственные трудности с выездом из Польши. Я, конечно, могла бы ему шепнуть пару слов насчет этих трудностей и откуда они, да мне вовсе не хотелось. Фелюсь пожаловался: с мсье Ракевичем ему необходимо общаться по разным делам и непосредственная встреча порой просто необходима. Сейчас же, когда мсье Ракевич привязан к Польше, трудно согласовать взятые на себя обязательства.

– Пожалуй, главная сложность – решать денежные проблемы? – предположила я, хотя меня все это никак не каса-

лось. – Пан Ракевич не может снимать со сче...

– Да что вы! – живо прервал меня Фелюсь по-польски. – Тут никаких трудов! Никакой чутошки. Динежки есть, спокойная голова. У мсье Ракевича есть свой люди, доверенный, диньги можно брать чекам in blanco или пароль. Мсье Ракевич талант, знание дела, решения всегда точка!

Насколько я успела сориентироваться, по меньшей мере на трех языках Фелюсь объяснялся бойко, хромал у него только польский. Пользуясь этой великолепной лингвистической смесью, он дал понять: у них как раз наклюнулся гешефт, измышленный Гавелом, гешефт просто-таки сногсшибательный, а потому им безумно не с руки Гавелова "привязанность" к Польше. Фелюсь, как нанятый, вынужден мотаться самолетами туда-сюда, и, пожалуй, пора в оном деле навести порядок. Меня подмывало спросить, уж не собирается ли он сообразить для Гавела фальшивые документы, но это было бы слишком.

Посему я просто выслушала очередную порцию просьб о помиловании, попрощалась и села в машину.

– Чего он тараторил, этот экспансивный болван? – спросила Баська с беспокойством. – И вообще, кто такой?

– Дружок Гавела. По заграничным гешефтам. Ты все сама слышала.

– Я кое-как уразумела польские и французские обрывки, а остальное? Расскажи, меня здорово заинтересовали эти масштабные финансовые операции на расстоянии. Гавела сейчас не выпускают, это я уразумела.

– А деньги он все равно берет, когда надо, с разных своих счетов.

– За границей? И как это делается?

– Да просто. У него свои люди по всему свету, наверно, с его чеками in blanco, и, когда надо, банк предоставляет им суммы отдельными выплатами. Вероятно, в каком-нибудь банке Гавел сделал вклад на пароль и сообщил им. Так тоже деньги можно получить.

– А его не надувают?

– Не думаю. Ведь люди доверенные. Положим, как секретарь у миллионера или, например, главбух в какой-нибудь организации. Уж он подстраховался, не сомневайся.

Баська помолчала, достала из сумочки и закурила сигарету.

– Да поезжай быстрей, господи боже! – простонала она отчаянно. – То есть я хотела сказать... А что он говорил о каком-то деле excellent*?

Я удивилась, но машинально прибавила скорость.

*Великолепном (*франц.*).

– Так и сказала бы, что спешишь. Не очень поняла: Гавел якобы состряпал великолепное дельце, не уточнил какое. Фелюсю надоело летать туда-сюда, и, по-моему, Гавел смотается по фальшивым документам. По ним же и вернется. Любую слежку обведет вокруг пальца.

– Боже! – У Баськи даже голос изменился. – Какую слежку?

Я не сочла нужным скрывать от подруги свои домыслы.

– А ты даже и не заметила, что мы все под колпаком? – ядовито улыбнулась я. – Забыла о покойнике Дуткевиче, да? Мы обе на подозрении и оказываем милиции большую услугу, разъезжая вместе.

– И Гавел тоже?

– Ну а как же? Был у Дуткевича его телефон или нет?

– Не знаю. Плевать на его телефон. Скорей домой. Час назад, неделю назад мне надо было домой.

– Час назад ты сидела дома. Кран не закрыла или чайник на газу оставила? Баська, слушай, мне надо с тобой серьезно поговорить.

– Только не сейчас. – Баська как угорелая выскочила из машины. – То есть, прости, конечно, я вспомнила одно ужасное дело. Склероз, что ли, у меня? Завтра, послезавтра, когда хочешь, только не сегодня!

После этой скороговорки она рысью ворвалась в подворотню; я повернула обратно. Сопоставления напрашивались сами собой...

Вечером неожиданно явился Мартин. Смотрела я на него, смотрела, думаю, пусть сам сначала заговорит. Ситуация недвусмысленно созревала для взаимных объяснений.

Мартин сел, получил чай, закурил, замкнулся, ушел в себя. Молчал долго-долго, и терпение мое лопнуло.

– Послушай, а ты не хочешь занять денег – видок у тебя такой... – выступила я поощрительно.

– Напротив, – вздернулся он. – Я скорее готов тебе дать взаймы.

Этого я никак не ожидала, даже растерялась:

– Ты, может... чуть-чуть того?

– Нет. Пожалуй, нет. То есть пока нет.

– Ну так в чем дело? Хочешь поберечь деньги, отдав мне?

– Наоборот, изобретаю способ от них избавиться.

Я внимательно посмотрела на него и осторожно сказала:

– Избавиться от денег, вручив их мне? Мысль, бесспорно, замечательная. Мне ничего не стоит взять любую сумму и... фьють... Одна только заминочка: спущу все деньги, а потом возвращай тебе. Может, все-таки объяснишься определеннее?

Мартин пустил колечко дыма и понаблюдал, как оно расплывается на пути к потолку.

– У тебя сохранился счет в Ландсмандсбанке? – спросил он после довольно долгой паузы.

– Ага.

– А снять деньги со счета можешь?

– Да там не осталось никаких денег. Кабы были, то почему бы не снять. У Алиции два моих чека, подписанные на пароль. Сомнительно только, чтобы она потащилась в банк взять восемь крон с мелочью, по-моему, именно столько там осталось.

Мартин снова погрузился в длительное молчание. Заботы весьма ощутимо подавляли его.

– Дай номер своего счета, – вдруг воспрянул он. – Возможно, я перешлю туда кое-какую сумму, а после сниму. Пока ничего определенного, но вдруг понадобится! Конечно, в подходящее время я тебе об этом сообщу. Надеюсь, ты не против?

– Нет. Раз уж я числюсь у тебя особой, достойной доверия... А ты не считаешь, что подходящее время наступило?

– Извини, ты о чем?

– Да насчет подходящего времени.

– Какого времени?

– Ну, кое-что объяснить друг другу. И не строй, бога ради, дурацкой физиономии, не спрашивай, о чем это я, не симулируй удивления. Ты прекрасно знаешь, в чем дело.

– За физиономию я не отвечаю. А насчет дела... – Мартин помолчал и как-то странно на меня посмотрел. – Твоя любовь к разным официальным организациям малость тормозит мою откровенность, – начал он брюзгливо. – Уж наверняка тебя потянет им исповедаться. А у меня еще не испарились большие надежды, и я не намерен делиться ими с официальными организациями. Знать ничего не знаю и не понимаю, о чем ты. Хочешь облегчить мне жизнь – хорошо, нет – не надо.

Я отыскала в кипе бумаг старый календарик и назвала Мартину номер счета в Ландсмандсбанке. Все равно он ничего больше прямо не скажет, а я и так вообще и в частности сама догадывалась, на чем зиждется его великая надежда. Такая же великая надежда расцвела и во мне, наказывая терпеливо ждать. Мартин прав, что-либо конкретное мне знать ни к чему, ибо со всеми конкретностями помчусь к майору. А уж дедуцировать вполне могу про себя.

– Как поживает пожилой пан, о котором мы давненько не разговаривали? – спросила я как можно небрежнее. – Ведь он был в больнице...

– Жив, – холодно ответствовал Мартин.

– Как у него со здоровьем? Ему сделали операцию или еще нет?

– Да. Пока жив.

– Буду крайне признательна, если ты время от времени будешь оповещать меня о его самочувствии.

– Еще жив. Случится что – сообщу. Если представится возможность.

Когда Мартин уходил, меня осенило сверхвдохновение.

– Знаешь, возьми у меня взаймы, – попросила я задумчиво. – Хоть пятьсот злотых.

Мартин повернулся уже в дверях.

– Зачем?

– Тебе видней. Хочешь, поставь на скачках. Или истрать на тотализатор. Или сходи в гости на покер. Выбирай любое.

– Покер, говоришь... Нет уж, предпочитаю скачки. Ладно, давай пятьсот злотых. Думаю, не стоит упоминать – при ближайшей оказии верну эти деньги. Насчет фаворитов, на которых поставлю, не скажу, а то, не дай бог, удачу спугну. Ты уверена, что...

Я только скорбно кивнула и вручила ему пятьсот злотых. Разумеется, Мартин понял меня. Сотрудники майора присматривали за нами усердно, в чем я не сомневалась, и, если меня спросят про Мартинов визит и темы наших разговоров, надо же что-то отвечать. Лучше всего сказать правду. Закрывая за Мартином дверь, вдруг подумала: вот и я сознательно и деятельно ввязалась в таинственное, клубящееся вокруг меня преступление, уже не на шутку беспокоившее меня.

В течение трех дней я пыталась изловить Баську – безрезультатно. На четвертый день майор, как и следовало предположить, вызвал меня на очередной разговор. Он не кружил вокруг да около, не обвязывал факты розовой ленточкой, а поставил вопрос в лоб и не слишком доброжелательно:

– В конце концов, хотите вы нам помочь или нет?

– Хочу! – Я не колебалась, но и не стала разъяснять, что хочу помочь по-своему и не на всех участках фронта.

– В таком случае прошу говорить правду. Четырнадцатого вы встретились с пани Маковецкой. На Вильчей к вам пристал какой-то тип. Вечером пан Тарчинский нанес вам визит. Прошу изложить подробно: цели всех визитов и встреч, что, кто и кому говорил, в какой очередности и что из этого следовало. И давайте по-деловому, чтобы я не тянул из вас подробности клещами.

Не очень представляя себе, что успела нагородить Баська, я в деталях рассказала и про стаканы, закупленные на Сверчевского, и про чистку, и про Фелюся. Подробно объяснила, почему Фелюсь кается передо мной уже седьмой год. Что касается Мартина, я честно призналась, что зашел он ко мне занять пятьсот злотых – собирается на скачки. Старательно опустила все насчет Гавелова гешефта, внезапную Баськину спешку и все первую часть разговора с Мартином. Совесть

моя была спокойна – истинную правду выложу майору в свое время.

– И что? – заинтересовался вежливо майор, когда я закончила. – Пан Тарчинский выиграл на скачках?

– Не знаю. Я с тех пор его не встречала.

– Пан Тарчинский вовсе не пошел на скачки. Не бывал на бегах уже много недель. Ваше мнение?

– Не знаю. Действительно, не бывает на бегах. Видно, просто сболтнул про этих фаворитов, благо программы читает регулярно. А вдруг неожиданно отказался от скачек или поставил на Праге, совсем не ездив на бега? Словом, я не в курсе.

– Он что, раздобыл список фаворитов?

– Если бы раздобыл, сказал бы мне. Сам прикинул.

– О поездке не упоминал?

– О какой поездке?

– Вообще о поездке. Не говорил о намерении уехать на пару дней?

Я забеспокоилась. Ни о какой поездке и речи не было. Надеюсь, Мартин в раже не перешел нелегально границу?

– Ничего не знаю. О поездке не упоминал. А что? Разве он уехал?

Майор качался на стуле, задумчиво меня разглядывая.

– Итак, вы назначаете свидание пани Маковецкой впервые после убийства Дуткевича. Вместе с пани Маковецкой встречаете этого... Фелюся. Партнера пана Ракевича. Пани Маковецкая тотчас возвращается домой, вызывает пана Тарчинского, пан Тарчинский мчится прямехонько к вам, занимает у вас пятьсот злотых и уезжает в Свиноустье. Как объяснить такой пассаж?

У меня мелькнуло – тут какая-то ерунда, все получается шиворот-навыворот: майор объясняет мне больше, чем я ему, – чистый бред, в милиции такого еще не бывало! Подловить меня старается?.. Да уж, подзапуталась я в своих хитросплетениях.

– А при чем здесь пан Ракевич? – невольно вырвалось у меня. – Да и Фелюсь – абсолютная случайность. И зачем Баська вызвала Мартина?

– Починить вилку у торшера. Так пани Маковецкая объяснила пану Тарчинскому по телефону свое приглашение.

Я буквально онемела. Мартин полный профан насчет вилок и вообще электроприборов, тут мы с ним друзья по несчастью. Для меня и для майора было очевидно: вилка – просто предлог. Видать, какие-то слова Фелюся мощно потрясли Баську, Баська, вне всяких сомнений, заодно с Мартином, только на кой черт Мартин поехал в Свиноустье? Не собирается же он в самом деле переть через границу?..

– И он все еще там? – забеспокоилась я. – В этом Свиноустье?..

– Нет, уже вернулся. Как вы думаете, зачем он туда ездил?

– Понятия не имею. А по-вашему, зачем?

– Прошу отвечать на мои вопросы. Как вы объясните эту свистопляску – все с вас начинается и на вас замыкается?

– И в самом деле, – признала я правоту майора. – Опять все я: извлекла Баську из дома на встречу с сообщником Гавела, велела послать ко мне Мартина, сунула ему пятьсот злотых и отправила в Свиноустье. И разумеется, с какой-то целью. Пан майор, я, честное слово, вам искренне сочувствую – вы столько времени на меня убиваете... Будь я на вашем месте, а вы на моем, я бы вас непременно посадила для собственного спокойствия. Ну а свистопляску объяснить не могу. Фелюсь этот все карты путает, явился как чертик из табакерки, нагородил чего-то ни к селу ни к городу, и теперь ничего не понять. Даже предположи мы, что Баська его знает и условилась с ним, почему он ждал на Вильчей? Ведь в чистку я попала случайно, об этом свитере вспомнила на обратном пути. Нет, Фелюся придется исключить, даже если вся акция была организована заранее.

– Значит, вы полагаете, что пани Маковецкая его не знает?

– Совершенно верно, полагаю, она в жизни его не видела и никогда о нем не слышала.

Майор перестал качаться на стуле и уперся локтями в стол.

– Хотел бы я знать, когда они вас доведут наконец настолько, что вы откажетесь от своей... лояльности, – сказал он раздраженно. – Не уразумели еще, как вас закладывает компания драгоценных друзей? Что ни случись, подозрения всегда вертятся вокруг вас. Одно из двух: либо вы скрываете от меня что-то очень важное, либо вы – главная персона хорошо задуманного и разветвленного преступления. Мне не хватает звеньев, которые явно у вас в руках.

В руках-то я кое-что держала, только далеко не все. Майор разгадал безошибочно, но чуток преувеличил.

– По-вашему, я прячу какую-то ниточку, за которую стоит потянуть – и мы вытащим этих двоих бандюг, убивших Дуткевича? – недовольно спросила я. – Может, я и Вишневского знаю?

– Вы знаете что-то такое, что сразу навело бы на след бандитов. Вишневский вам известен безусловно, ведь на ваших глазах валютчиков обчистили по меньшей мере дважды!

– Двоих налетчиков нанимал тот же тип, который подговаривал всяких подонков протыкать баллоны в моей ма-

шине, – решительно заявила я. – Наконец-то все прояснилось – валютчики тоже считали нанимателем меня, поздравляю, у вас с жульем в этом вопросе полное единодушие. А ведь займись вы моими баллонами сразу, давно задержали бы его! Этот Арсен Люпен, так обижавший аферистов, и был Дуткевич, либо Дуткевич ему помогал, а у валютчиков охраны хватает, всяких там бандюг и головорезов! В чем же дело? Милиция будто бы их не знает?!

Майор, не слушая меня, махнул рукой. Ему явно что-то пришло в голову.

– Стоп, вспомните хорошенько тот вечер. Когда вы поднимались к Дуткевичу, вам никто не встретился ни в дверях, ни на лестнице? Тишина полная?

Переключилась я быстро. Вопрос майора меня заинтересовал. Подтвердила – да, не видела, не слышала.

– Вы зашли в квартиру. Все время было тихо?

– Полная тишина.

– Двери оставили открытыми и в квартиру, и в комнату, ведь так? Вошли. Позади не слышали шороха?

– Пан майор, если бы я услышала шорох, жильцы всего дома услышали бы меня! Я и так тряслась со страху, что убийца крадется за мной по пятам!

– Прекрасно. Пошли дальше. Вы не обернулись?

– Для кого прекрасно, а для кого и нет, – рассердилась я. – Ясно, оборачивалась. Удивляюсь только, как это я не осталась косоглазой на всю жизнь: одним глазом смотрела перед собой, а вторым – назад.

– А потом, когда звонили к нам, куда смотрели?

– На дверь. Вернее, в прихожую и на лестничную клетку – все двери были открыты навылет. Смотреть ведь куда-то надо, а на покойника не хотелось.

– И ничего не заметили? Никакого движения? Ничего не мелькнуло?

– Ну, раз уж милиция застала меня в добром здравии, значит, не мелькнуло. По-моему, на эту тему я уже давала показания. Господи, да мелькни хоть кошка, я свалилась бы с сердечным приступом.

– А кошки случайно не было?

– Была. После.

– Минуточку, давайте по порядку. После звонка по телефону вы сразу вышли на лестницу?

– Сразу же вышла и села на ступеньку – ноги не держали. Дверь в квартиру немного прикрыла, да это все вы сами застали, пан майор.

– И что вы делали?

– Боже милостивый, что я делала?! Ничего! Курила и тряслась.

– Почему?

Я задумалась.

– Рассуждая здраво, бояться было нечего. Только вот атмосфера на лестнице... Возможно, из-за того, что нервничала, но я прямо-таки кожей ощущала, что убийца где-то поблизости и вот-вот нападет... Приблизительно такое состояние. А потом явился кот, и я немного успокоилась.

– Странная атмосфера, говорите... Может, действительно ощущали присутствие убийцы...

– Не преувеличивайте, пан майор, мало ли что на нервах навыдумываешь, лезет всякая дурь... – охладила я майора. – Ведь не каждый же день натыкаешься на трупы...

– Нет, что вы, это не дурь, – оживился майор. – А вы небось хороший медиум?

– Боже, спаси и помилуй, ну и беседа! Не знаю. Когда-то и были такие склонности, лет в одиннадцать. Не знаю, осталось ли что теперь. Но учтите, вызывать духов ни за что не соглашусь!

– Я тоже. Минутку, а кот? Откуда взялся?

– Сверху. Прибежал с верхнего этажа. Испуганный, взъерошенный, и наверх не шел, и меня боялся. Потом немного успокоился, после долгих уговоров даже позволил себя погладить. А позже убежал вниз.

– Черт, – не выдержал майор. – Что бы вам сразу-то не рассказать про кота! Подумать только, был совсем рядом! Сидел на чердаке...

– Кто? Кот или убийца?

– Да убийца, убийца!..

Я замолчала. Майор тоже молчал, глядя в пространство сквозь меня, буквально сквозь. У меня по спине пробежал холодок.

– Приснится в страшном сне, богом клянусь, – мрачно пробормотала я. – Не пронзайте меня глазами, прямо настоящий допрос третьей степени. Я признаюсь во всем, только перестаньте, пожалуйста.

Собеседник очнулся и снова стал майором.

– Итак, предупреждаю, если сведения, которые вы скрываете, будут выявлены, без, подчеркиваю, без вашего участия, вас обвинят в сокрытии доказательств преступления, – сказал он решительно, хотя и слегка рассеянно. – Мое терпение лопнуло. Советую вам подумать об этом...

На следующий день мне удалось поймать Баську по телефону. Разных тем для разговора накопилось сверх всякой меры, я решительно потребовала встречи. Баська с минуту прикидывала свои планы.

– Послезавтра, – выдала она наконец. – У меня к тебе тоже несколько дел. Я смотрю на вещи реально, нам не хва-

тит двух часов. Только послезавтра удастся высвободить столько времени.

Договорились встретиться в городе, в кафе "Мозаика" на Пулавской. Я терпеливо ждала до послезавтра. В условленное время заняла свободный столик и уставилась на дверь.

Через два часа такого развлечения меня чуть удар не хватил из-за этой чертовой Баськи. Было около десяти. Побежала к телефону и позвонила к ней домой.

– Баська где-то в Польше, – известил меня Павел озабоченным тоном. – Кажется, сидит в "Славянском", это недалеко от тебя. Извлеки ее оттуда, сделай милость, я сам не могу, к утру перевод надо закончить. И так не уверен, успею ли.

– Откуда ты знаешь, что она в "Славянском"?

– Звонила оттуда, вернется, мол, позднее. Велела тебе передать, где ее найти, если позвонишь. Я звонил тебе домой, не застал. Она сомневается, отважишься ли ты пойти в этот пьяный бедлам.

– Справедливо сомневается, – проворчала я и оставила Павла в покое.

Злилась я чертовски, но что было делать? Если Баська сегодня нарежется, завтра попробуй-ка вытащи ее. И я решила заглянуть в этот ужасающий притон, то бишь ресторан "Славянский", подъехала к стоянке на улице Мальчевского и поставила машину у магазина с красками.

В ресторацию проникла без препятствий, хотя и произвела, по-видимому, тяжелое впечатление на постоянных посетителей: несколько человек за ближайшими столиками при виде меня резко оборвали разговор. Уже из холла через застекленную дверь я увидела Баську. Она сидела почти в центре зала и оживленно трепалась с двумя типами. По виду совсем трезвая. Зато рядом спал какой-то забулдыга: он вроде бы сидел по соседству, но при этом как-то частично перевешивался через спинку свободного стула за Баськиным столом. Я удивилась, как она его терпит – голову этот красавец сунул почти в их тарелки.

Пока я смотрела на нее, раздумывая, подойти или подождать, чтобы она меня заметила, спящий вдруг воскрес. Он тяжко привстал и, покачиваясь, побрел к выходу, задевая и толкая все по пути. Я посторонилась, дабы освободить проход – пускай толкает что хочет, лишь бы не меня, – и машинально посмотрела ему вслед, когда он выходил на улицу. Затем пригляделась повнимательней.

Сразу за дверью шедший на бровях пьяница вдруг обрел вполне трезвую осанку. Оставив за спиной насыщенную алкоголем атмосферу, он моментально превратился в обычного гражданина. Алкогольные пары в притоне и в самом

деле ощущались интенсивно. Бывший забулдыга огляделся по сторонам абсолютно трезвым взглядом и резким спринтом рванул вправо. Превращение это, впрочем, не так уж меня удивило – подумалось только, что сотрудники майора обязаны получать дотацию для работы в трудных условиях.

Я вернулась к двери и снова заглянула в зал. Баська увидела меня и жестами дала понять – сейчас, мол, выходит. Махнула ей, что подожду в машине на стоянке, обогнала очередного алкаша и опасливо вышла на улицу; я, верно, здорово пропиталась испарениями этой забегаловки – не дай бог, попадется милиционер с чутким носом.

Подходя к машине, взглянула на освещенную заправочную станцию, вспомнила, что она работает только до десяти вечера, и около заправки увидела в телефонной будке чудом отрезвевшего забулдыгу. Он говорил по телефону. Узнала я его издалека по красному шарфику, повязанному вокруг шеи особенным манером.

Села в машину и терпеливо принялась ждать. Баська не приходила. Красный шарфик кончил разговаривать, выскочил из будки и галопом помчался обратно в ресторан. Я глядела ему вслед за неимением более интересного объекта для наблюдений и все старалась угадать, что бы такое могла Баська ляпнуть. Видно, что-нибудь неслыханно важное, раз уж сотрудник майора в такой спешке помчался докладывать начальству.

Я задумалась и перестала обращать внимание на окружающее. Машина моя стояла под деревцем напротив магазина красок, я сидела спиной к Пулавской и лицом к стоянке. Вдруг перед моим носом заметался какой-то автомобиль. Выехал с Пулавской, уже на стоянке резко дал задний ход и с визгом затормозил у самого тротуара, около уже закрытого скверика со столами из "Славянского". Из машины выскочил субъект, хлопнул дверцами и понесся в ресторан.

Меня насторожило не только это хлопанье. Внешность водителя желтого "опель-комби" была неординарной: злобная рожа, торчащие рыжие волосенки, легкая красная курточка. Пежачек! И его приметы, и фамилию я вспомнила молниеносно, обернулась ему вслед и увидела Баську. Она как раз вышла с одним из типов, с коими беседовала в забегаловке, и прощалась у входа. Пежачек едва не налетел на нее. Баськин тип, легонько поддерживая ее под локоть, сделал пару шагов в моем направлении, элегантно склонился к ее руке, отступил назад и столкнулся с Пежачеком, в этот момент снова выскочившим на улицу. Я открыла дверцу, Баська уселась; за Пежачеком вылетел экс-пьянь в красном шарфике. Все трое – Баськин тип, Пежачек и экс-пьянь – вдруг навалились друг на друга, словно одновременно пали

друг другу в объятия. Мне вовсе не хотелось созерцать мордобой, и я поспешила отъехать.

– Как самочувствие? Куда тебя отвезти? – спросила я, сворачивая со стоянки налево.

– Домой. – Баська лязгала зубами и говорила каким-то не своим голосом. – Самочувствие превосходное. В жизни лучше не было. И надеюсь, больше никогда не будет.

Вообще-то выглядела Баська совсем трезвой, но я на всякий случай спросила:

– Ты что, упилась?

– Да нет, услышала такое... будь я мертвецки пьяна, протрезвела бы, как... Как не знаю что – никакое сравнение не приходит в голову. Во всем мире нет никого трезвее меня в эту минуту.

Выжав скорость на Пулавской, я взглянула на стоянку: желтый "опель-комби" рванул с места. Видать, Пежачеку "Славянский" не пришелся по вкусу. Посмотрела в зеркальце – он свернул на Пулавскую следом за мной.

– А что ты такое услышала?

– Не знаю, – скрипнула зубами Баська. – Нет, вру, конечно, знаю. Погоди, чуть приду в себя. Носовой платок куда-то подевался...

Она нервозно обшарила карманы пальто, нашла платок и, что-то бормоча насчет сигарет, наклонилась к плетеной сумочке, которую поставила на пол под ногами. Я взглянула в зеркало – желтый "опель-комби" приклеился у нас на хвосте.

– Похоже, Пежачек опять за мной увязался, – заметила я меланхолично и немного сбросила скорость – впереди маячил красный свет.

Баська резко выпрямилась и врезалась головой в приборную доску.

– Что?! – заорала она, хватаясь за темя. – Что ты сказала?!

– Да Пежачек опять меня преследует. Поставь свою корзинку сюда, а то когда-нибудь убьешься, рядом есть же место. На кой черт держишь ее под ногами?

– Какой Пежачек?! Ты знаешь Пежачека?!

– В каком-то смысле да. А что? Ты тоже его знаешь?

Баська энергично потерла темя, наклонилась, вытащила из-под ног сумку, достала сигареты, зажигалку и снова поставила сумку на пол. Молча закурила.

– Я о нем слышала, – пробормотала она опасливо. – А ты его видела? Как он выглядит?

– Я видела. И ты тоже видела. Минуту назад налетела на него у дверей "Славянского".

– Ты уверена?

– Вполне. Собственными глазами наблюдала, как приехал и столкнулся с тобой.

– И где он теперь?

Я взглянула в зеркальце.

– Едет за нами в машине некоего Квачковского.

Баська вознамерилась было обернуться, но удержалась. О чем-то интенсивно раздумывала.

– Откуда эта скотина там появилась? – прошипела наконец она. – А нельзя ли от него оторваться?

– Существует единственный способ оторваться от Пежачека. Остановиться, подождать, пока припаркуется, выйти из машины и бегом к нему. Тогда он сам повернет обратно. Единственный шанс избавиться от него, иначе ничего не поделаешь. Упрямая сволочь и очень хорошо водит.

– Черт. Знаешь, не стоит пока домой. Давай куда хочешь. Мне надо, пожалуй, подумать.

На площади Унии остановились на красный свет. Пежачек также притормозил. В зеркальце я видела, как из его машины выскочил какой-то субъект и помчался на Хотимскую. Я удивилась – на шее у него развевался красный платок.

– Вот так штука! – вырвалось у меня невольно. – Сотрудник майора ездит за мной в компании Пежачека? Странный альянс!

Баська подняла брови:

– Не понимаю, о чем ты. Что это значит? Какой сотрудник майора?

Я стояла на правой полосе, пришлось объехать вокруг всю площадь Унии, чтобы потом выбраться на Маршалковскую. Сначала хотела на Польную, но, раз уж Баська не собиралась домой, я изменила курс. Снова задержал красный свет, Пежачек торчал за мной.

– Какая-то везде сплошная путаница, – заявила я. – Давай так: половину путаницы объясняй ты, а за другую возьмусь я. На Пежачека наплевать. Сейчас найдем спокойное местечко и поговорим. Лучше всего в Аллее Освобождения.

Желтый "опель-комби" отстал, на площади Спасителя его оттеснили другие машины. Сворачивая в Аллею Освобождения, я подумала: может, этот чертов Пежачек просто ехал в ту же сторону?

– Вот теперь и поговорим, – сказала я, отыскав в середине улицы место для стоянки. – Поднакопилось много всякого, что хотелось бы распутать с твоей помощью. Будь так добра и объясни...

– Погоди, – прервала Баська решительно, – сперва растолкуй, что это за сотрудник майора, он как-то связан с Пежачеком? А насчет Пежачека разговор особый и серьезный. Как он выглядит?

Я описала презентабельность Пежачека. Баська, огорченная и обеспокоенная, сокрушалась, что у "Славянского" не обратила на него внимания. Даже не взглянула.

– Мне и в голову не пришло, что этот стервец может там появиться, – свирепела она. – Зачем его принесло? И что за сотрудник майора?

– А я как раз засомневалась, пожалуй, не похоже на сотрудника майора. Он выбежал из "Славянского" вместе с Пежачеком, видно, Пежачек за ним приехал. В машине были вместе, позже выскочил на площади Унии. А раньше звонил по телефону не из ресторана – побежал в будку, чтобы никто не слышал. К этой будке летел как на пожар. Нельзя ли узнать, что за переговоры ты вела в сем притоне? Сомнительный субъект все слышал.

Баська поперхнулась.

– Кто?! Ты о чем?! Кто слышал?!

– Да тот, вроде бы сотрудник майора. Дрыхнул на твоем столике, где только твои глаза были? У тебя под самым носом развалился!

– Вдрызг пьяный!..

– Какое там пьяный – трезвый, свинья... К телефону летел галопом. И что только ты умудрилась ляпнуть?!

– Да ничего я не ляпнула, наоборот, услышала, – вдруг сникла Баська. – Боже мой!.. Расскажи-ка все по новой и не с конца, а хронологию соблюдай. Ох, кажется, неладно все обернулось...

– Мне бы тоже не мешало кое-что знать, – вежливо потребовала я. – Может, все-таки сообщишь, что и как, ведь ты же наверняка догадываешься, что и я догадываюсь... На хронологию мне начхать – давай сзаду наперед. Итак, ты услашала?..

– Разные подробности про знакомства так называемого Пежачека. Ничего я не скажу, ты что, дура? Зачем тебе? Тут одно из двух: либо нам свинью подложишь, либо поссоришься с уголовным кодексом! Сама прекрасно понимаешь – третьего не дано.

– Ну, с кодексом я и так не в больших ладах. Чересчур о многом догадываюсь. И держу язык за зубами, хотя толку от этого мало. Дуткевича-то ведь убили...

Баська нервно дернулась и мрачно отреагировала:

– В том-то и дело, на все бы наплевать, кабы не убийство... Послушай, догадывайся, сколько влезет, и помалкивай, это не карается. Мало ли про что можно догадываться, не бежать же со всеми догадками в милицию, родная милиция давно бы ошалела. Упивайся своими догадками сколько влезет, а вот знать тебе лучше не надо. До меня, понимаешь, по-моему, дошло, кто укокошил Вальдемара. Даже, сда-

ется мне, своими силами из клубка не выпутаюсь и попозже твоего совета запрошу. И все расскажу, а пока что, извини, промолчу. Я логично излагаю?

Пришлось признать: весьма логично. Никуда не денешься, и дальше надо надеяться лишь на собственные дедукции, их я и в самом деле имею полное право оставить при себе. Оба – Баська и Мартин – заодно и, увы, абсолютно верно оценивают мои обязательства и возможности. Не дура же я в самом деле – скрывать от майора какой-либо факт, связанный с преступлением, а сказав "а"... придется выложить и все остальное, услышанное от Баськи. Вообще-то у майора, я уверена, сведений не меньше, чем у меня, даже больше, он же глаз не спускает со всех подозреваемых. О перипетиях сегодняшнего вечера ему тоже доложат...

И тут я опять вспомнила про сотрудника майора. Изложила Баське все увиденное и снова привела ее в неописуемое волнение. Совместными усилиями мы начали докапываться, кто же все-таки тот трезвый пьяница с красным шарфом.

– Если он сотрудник майора, тогда давно играет свою роль подонка и успел завести дружбу с Пежачеком, – решила я. – А будь у майора такой сотрудник, майор выведал бы о Пежачеке всю подноготную. Впрочем, может, теперь и выведал; если подонок валандается с Пежачеком уже с неделю...

– Из двух зол меньшее – подонок от майора, – грустно заявила Баська. – А вдруг это не так? Тогда подонок на посылках у этого павиана Пежачека?..

– Вот именно. И звонил павиану, а не майору. Ведь Пежачек тут же примчался. С тобой, говоришь, откровенничали насчет его знакомств? Подонок все слышал, усек к тому же, как ты на ус мотаешь... Видать, что-то сногсшибательное...

– Да, сногсшибательное. То есть само по себе ничего особенного, но если сопоставить...

– Тут опять какая-то путаница, почему-то Пежачек перестал за нами следить. До этого момента все сходится. О нем сказанули, подонок по телефону сообщил про тебя, Пежачек приехал и прицепился на сей раз вовсе не ко мне, а к тебе. Тогда почему вдруг бросил нас и смылся? А может, все просто: к примеру, красный шарф позвонил Пежачеку, чтобы тот отвез его домой, и ты тут ни при чем.

– Если так – обревусь от радости. Только дудки, он слышал разговор. Раз не пьян и не спал, все подслушал...

– В этой вашей беседе Пежачека поминали?

– Ясно, поминали! Откуда бы мне о нем знать? Я и понятия не имела о каком-то Пежачеке. Послушай, умоляю, любыми способами выведай у майора, не его ли этот тип в красном шарфике! Да подипломатичней, пока не узнаешь, спать не смогу.

– Ну, сегодня к майору уже поздно. Придется тебе ночку помучиться. Меня тоже подмывает разведать... Попробую навязаться завтра, предлог есть.

– Я завтра весь день в Виланове. Давай условимся сейчас. Позвоню ближе к вечеру, попрошу приехать за мной, если что-нибудь разузнаешь, согласишься, ну а нет так нет. Скажешь, некогда.

– Не дури, удастся поймать майора или нет, все равно приеду. В котором часу?

– До десяти исключено. Павлова тетка больная, я сижу с ней и с детьми, пока кто-нибудь не вернется с работы, этот их постоянный кошмар – безумная бабка способна поджечь дом или искромсать их топором. Давай в половине десятого между обоими домами, не знаю, в какой вернутся раньше и, соответственно, из которого дома выйду. Значит, около кустов шиповника, помнишь где?

Я кивнула, топографию местности помню.

– А эта чокнутая мне машину не спалит?

– Все может случиться, не отходи от машины, в случае чего – отъедешь. Она не догонит.

Сдвинутая бабка доставляла массу хлопот не только родственникам Павла, обитающим в Виланове, но и всем соседям. Помешанная одинокая старушка отличалась незаурядным темпераментом, бодростью и склонностью к каверзам. Неугомонная и непоседливая, она навещала всех окрестных знакомых и творила им всякие пакости. На визиты отводила самое неподходящее время – скажем, в два ночи или в пять утра; регулярно раз в неделю пыталась что-то поджечь, выбивала соседям стекла, подстерегала детей и обливала их какой-нибудь жижей. Раз облила ребенка кашей, сваренной на прокисшем бульоне; позже у кого-то под дверями перебила штук тридцать яиц, старательно отделяя белок от желтка; в другой раз явилась к брату Павла с тяпкой и набросилась на лавку в прихожей; самые непредвиденные замыслы роились у нее в голове, и она всячески старалась привести их в исполнение. Варила какое-то зелье, якобы лечебные травы, и вонью надолго отравляла чуть ли не весь район. К счастью, полоумная – дряхлая, худая и болезненная – не обладала физической силой, и у нее легко отбирали тяпку, топор или камень. Поджоги осуществлялись старушкой столь бестолково, что ей удалось пустить с дымом лишь старый курятник да две доски в заборе. Курятник, кстати, и так предназначался на слом. С другой стороны, поскольку ее деяния не представляли серьезной опасности для окружающих, ни одна больница не желала бабулю держать. Социальное обеспечение прикомандировало к ней медсестру, которая навещала подопечную через день, дабы та принимала успокаивающие лекарства.

Родственники Павла проживали в двух домах по соседству (в одном – тетка с дочерью, в другом – брат с женой и детьми). Маленьких детей в отсутствие родителей опекала тетка. Баське же предстояло опекать всех одновременно, охраняя к тому же обе резиденции от возможных козней помешанной бабули.

– Да, завтра у тебя веселый денек, – посочувствовала я. – Что случилось с теткой?

– Ишиас. Не может встать. Насчет веселья ничего не поделаешь, раз в неделю жертвую собой. До чертиков любопытно, что ты выудишь у майора. Может, поедем – пора домой...

Желтый "опель-комби" не появился. Я подкинула Баську на Польную и остановилась у подъезда, мимо проехал лишь маленький "фиат" и свернул во двор между улицей Партизан и Лазенковской трассой. Баська высаживалась довольно долго – уронила зажигалку и возилась, извлекая ее из-под сиденья. Разворачиваясь, я заметила какого-то субъекта – он пересек улицу и вошел в Баськину дверь. Красного шейного платка на нем не было, и посему моя подозрительность не получила должной пищи.

С майором я побеседовала по телефону. Он с ходу оповестил меня, что занят по горло, и велел излагать короче.

– Звоню на всякий случай, – заверила я коварно. – Еще подумаете, будто скрываю. Вы и так в полном курсе, ваш сотрудник наверняка дал полный отчет.

– Какой мой сотрудник?

– Да этот хулиган, приставленный к пани Маковецкой. Он еще симулирует дружбу с Пежачеком.

– Кто?!

– Ну, ваш человек...

Майор просто рассвирепел.

– Говорите толком, или я и вправду вас упеку! Предупреждаю еще раз, у меня нет времени! Прошу коротко и со смыслом! В чем дело?

– Дело в Пежачеке, он вчера странную штуку отколол возле ресторана "Славянский". Вечером. Я сама видела.

– А как вы там оказались?

– Поехала вызволять из злачного места пани Маковецкую. Ее муж меня попросил, сам очень занят.

– Что она там делала?

– Злоупотребляла алкоголем, правда в умеренных дозах. Странно, вы меня спрашиваете, как будто ничего ведать не ведаете, а ведь ваш сотрудник, якобы пьяный, спал за ее столиком.

– Прошу оставить в покое моего сотрудника! Поймите, пожалуйста, не было там никого от нас! Расскажите все по порядку!

Я сжалилась и подробно описала все маршруты и манипуляции ”пьянчуги” в красном шарфе и Пежачека. Затем выразила изумление по поводу того, что майор открещивается от своего сотрудника. Такового, видно, в ”Славянском” не было, ибо майора чуть удар не хватил.

– Вы воображаете, черт возьми, будто у меня под началом сто тысяч человек? Армия? Откуда мне взять людей на каждую забегаловку?!

– А я думала, пан майор, вы держите под постоянным наблюдением всех моих знакомых, – сказала я невинно.

– Вы ошиблись, – сухо парировал майор. – Постоянного наблюдения не веду. С кем была пани Маковецкая?

– С какими-то двумя типами, мне незнакомыми. О чем толковали, тоже не знаю, она со мной об этом не говорила.

– А о чем же говорила?

– Сегодня пасет в Виланове двоих маленьких детей и одну больную тетку. Обращаю ваше внимание, пан майор, пани Маковецкая вовсе не полная идиотка и прекрасно понимает: как только что-нибудь мне сообщит, я тут же передам вам. Поэтому, даже если б могла сообщить нечто ошеломительное, ни я, ни вы этого не узнаем.

– Согласен, – вдруг успокоился майор. – Не сомневаюсь, правда, что вы с пани Маковецкой обсудили все выступления Пежачека, вас небось заинтересовало, о чем шла речь за столиком, где дрых симулянт. Заинтересовало или нет?

– Если я скажу нет, все равно не поверите...

– Не поверю. Итак? О чем?

Я колебалась. Все сведения о Пежачеке Баська наверняка хотела бы скрыть от майора. С другой стороны, она с Пежачеком явно не знакома...

– По моим догадкам – именно о Пежачеке, – начала я осторожно. – Баська услышала о нем от типов, с которыми сидела. А потом расспрашивала меня. Ручаюсь, никогда с ним не встречалась, понятия не имела, что за Пежачек такой...

– Теперь уже имеет понятие. И, насколько я уразумел, Пежачек об этом наслышан...

– О господи, хватит с меня Пежачека! – забеспокоилась я: не успеешь оглянуться, как майор выудит из меня больше, чем следует. – Кто он вообще такой?

– Как вы сами догадались – аферист и мошенник. Ему наверняка не понравилось быть предметом обсуждения. Такого пошиба люди не любят этого. Спасибо за сообщение...

По тону мне показалось, что майор Пежачеком, скорее всего, пренебрег. Я не знала, хорошо это или плохо: радоваться мне за Баську или огорчаться из-за возможных последствий. Моя последняя гипотеза касательно происходящего, поначалу с пробелами, становилась все более цельной, жиз-

ненной, окрашивалась румянцем, и такой тип, как Пежачек, укладывался в нее вполне. Я бы на месте майора им не пренебрегала, черт знает, что может стрельнуть в голову аферисту и мошеннику.

В Виланов я приехала слишком рано. В пятнадцать минут десятого поставила машину на Ротмистровской улице, въехав в зелень на обочине, за большим кустом шиповника. Позади меня перпендикулярно проходила дорога, за ней пригорок, а за пригорком расположился домик Павловой тетки. Передо мной уходила вдаль улица Ротмистровская, где находился дом его брата.

Темень была непроглядная. Лишь в глубине улицы горел одинокий фонарь, похоже, почти на площади. Кроме далекого фонаря светила луна, кое-где поблескивали мерцающие окна. Я погасила фары, с непривычки совсем ослепла, открыла дверцу, включила свет в машине, разыскала запасную пачку сигарет. Закрыла дверцу и снова погрузилась в темень.

Глаза постепенно привыкли, и минут через пятнадцать я вполне различала близлежащие объекты. Непонятно почему, зарево над Секерками отчетливо освещало именно пригорок за моей спиной. Я изо всех сил таращилась попеременно на этот пригорок, хорошо видный в смотровое зеркальце, и в улицу перед собой – Баська могла явиться и с той, и с другой стороны, а в темноте запросто прошествовала бы мимо. Включить подфарники – значит разряжать аккумулятор, правда, чтоб его разрядить, подфарники надо жечь по меньшей мере двадцать четыре часа, но моя душа всеми силами противилась такой трате энергии, и наплевать ей было на здравый смысл. Другими словами, уже два года, как у меня выработался аккумуляторный комплекс.

Прошло полчаса, Баська запаздывала. Я опустила стекла и дышала свежим воздухом, скучать не приходилось – пищи для размышлений более чем достаточно. Полную тишину лишь подчеркивали далекие отголоски с Вислострады и едва уловимые звуки из ближайших домов. Царило ничем не нарушаемое спокойствие.

Я взглянула в зеркальце в очередной раз. По пригорку явно что-то двигалось. Обернулась. Действительно, от дома тетки кто-то шел напрямик по траве, через кустики. Баська, наверное, кто же еще? Я ждала, не включая фар, пока не подойдет поближе к перпендикулярной дороге: и в самом деле Баська – стройная, небольшого роста фигурка, черная шляпа с большими полями и длинная черная с бахромой шаль, наброшенная на плечи. В руке что-то похожее на метлу, как будто букет.

Короткое урчание мотора где-то поблизости не привлекло моего внимания. Баська выбралась к дороге. Я следила

за ней и нащупывала приборную доску, чтобы включить фары. Неожиданно на дороге за моей спиной появилась машина. Вернее, в первый момент даже трудно было определить, машина ли, с тихим рокотом мчалась черная тень, внезапно вырвавшись откуда-то из-за кустов. Баська как раз переходила дорогу. Темная масса точно и рассчитанно мчалась прямо на нее!

Я не успела даже вскрикнуть. Только включила фары – и окаменела. Меня словно парализовало. Машина, теперь уже ясно было видно, что это машина, затормозив через несколько метров, остановилась, резко рванула назад, затем снова вперед, умышленно переехав туда и обратно лежащее на дороге тело.

Через секунду ко мне вернулась способность двигаться. Мысли вихрем проносились в голове. Развернуться к этой дороге!.. Не успею осветить!.. И развернуться не успею, смотается!.. Фонарь!

Я выхватила из бардачка фонарик. Недавно заряжен тремя батарейками, сноп света на сто с лишним метров. В тот момент, когда мерзавец снова рванул вперед, мой фонарь мощным белым лучом осветил его до мельчайших деталей.

У меня снова перехватило дыхание – я узнала машину...

Из ближайшего дома выбежали люди, зажегся свет над входом в дом. Откуда-то вдруг собралась толпа, поднялся крик. Я погасила фонарь – единственное, на что сейчас была способна. Вяло подумала о сигарете. Вдруг около моей машины появилась какая-то тень. Фары освещали обочину улицы, по которой бежали люди, с правой стороны кто-то пытался открыть дверцу. Я взглянула на этого кого-то. Господи, галлюцинации у меня или шок – в любом случае быть того не может. Передо мной стояла Баська, Баська, только что сбитая каким-то выродком, труп которой лежит на дороге, окруженный кричащей толпой, – ее трагическую гибель я видела собственными глазами!!! Тем не менее около машины стояла Баська собственной персоной и даже пыталась открыть правую дверцу.

– Боже милостивый, погаси ты эти фары! – рассердилась она. – Ослепила меня совсем! Что там происходит, подрался кто-нибудь?

Мое состояние все еще оставляло желать лучшего: на смену столбняку пришла страшная слабость.

– Ты... там... лежишь... – выдавила я с трудом.

Баська наклонилась к открытому окошку.

– Что? Что ты сказала?

– Ты там лежишь...

Баська посмотрела на меня, на толпу и опять наклонилась к окну.

– Где я лежу? – любезно поинтересовалась она.

– На дороге...

– Ага, лежу на дороге...

Она выпрямилась, интенсивно размышляя над смыслом странных слов и переводя взгляд с меня на сборище людей и обратно. Слабость понемногу отпустила. Я погасила фары, вяло переползла на левое сиденье и потянулась за сигаретой. Баська открыла дверцу и села.

– И все-таки что случилось? По пути сюда я вроде разглядела какую-то суету на той дороге, но ты основательно ослепила меня фарами. Так кто там лежит?

Я несколько раз глубоко вздохнула, закурила и попыталась справиться с сумбуром в голове.

– Ничего особенного, минуту назад тебя сбила машина. Насмерть. Люди там кричат над твоими останками.

Баська пошарила в бардачке, нашла сигареты, вытащила одну и не спеша закурила.

– Никак не соображу, кто из нас сбрендил. Постой! Черт побери, охота же наконец сообразить, что ты имеешь в виду. Так, говоришь, кого-то сбила машина?

– Не кого-то, а тебя.

– А почему именно меня? Откуда ты знаешь, что меня?

– Я же видела – ты шла от тетки...

– И узнала меня в такой темнотище?!

– Разумеется. Ты была в шляпе. И в своей черной шали. Несла букет, как всегда.

Баська на миг онемела.

– О господи... – прошептала она с ужасом, словно только теперь поверила моим словам. – Боже милостивый, подожди меня! Одну минутку! Сейчас вернусь, не уезжай!

И не успела я ответить, как она открыла дверцу и помчалась к толпе. Я сидела не шевелясь, хотя и пришла в себя настолько, чтобы понять из криков, что в "Скорую помощь" и в милицию позвонили, машины никто не видел, а "скорая" вообще-то не нужна, ибо пострадавшая умерла на месте. Начала инцидента, кажется, не видел никто, все согласно твердили, машина-де переехала лежащее на дороге тело.

Баська, запыхавшись, примчалась через несколько минут с плетеной сумкой в руках. Только тут я отдала себе отчет, что сумки у "той" Баськи не было.

– Ну, ясно, – объяснила она, садясь. – Я все поняла. Полоумная старушка выкрала мою шаль и шляпу, забрала теткину метлу и отправилась куда-то с визитом. Ладно хоть сумку мне оставила. А ты видела не букет, а метлу. И машина задавила помешанную бедолагу, а не меня. Осознай это наконец и перестань меня уговаривать, будто я лежу, раздавленная, на дороге.

– Какая разница, – заявила я решительно, поскольку моя голова уже работала на полную катушку. – Он намеревался расправиться с тобой, где-то затаился и выжидал. Я его узнала. По-моему, у него не все дома. Смываемся отсюда, вот-вот явится милиция, кто-нибудь вспомнит, что я его осветила. И придется давать показания. А покойницей занимается уже половина Виланова, обойдутся без нас.

Баська молчала, только согласно кивнула. Мы не обменялись ни словом, пока не выехали на Вислостраду.

– Как она ухитрилась стащить у тебя шаль и шляпу? – мрачно поинтересовалась я. – И вообще где тебя носило? Явилась с противоположной стороны.

– Я и сама стараюсь вспомнить, где была и что делала, – задумалась Баська. – Летала как заведенная туда-сюда – ведь на шее остались и дети, и тетка. Всякий раз надеялась, что последний раз, и шляпу не снимала. Тетка задремала, я повела детей укладывать спать и тут все оставила у тетки – хотела вернуться, поскольку Зоськи не было...

– Какой Зоськи?

– Теткиной дочери. Двоюродной сестры Павла. Уложила детей, как раз пришли их родители. Мы поговорили всего с минуту, я и так опоздала, думала, небось ждешь, может, встречу тебя по дороге. Вот и встретились...

События понемногу укладывались в цельную картину. Преступник в машине, конечно, подкарауливал Баську. Настроился на фигуру в большой шляпе и просто не обратил внимания, когда в последний раз прошла с детьми без головного убора, без шали... Засветло не решался на бандитский наезд, наверняка еще было людно; последний раз видел, когда направлялась к тетке, и ждал ее оттуда. Путь от тетки только один – по тропинке через пригорок...

– Зоська уже вернулась, – продолжала Баська. – Тетка говорит, полоумная влезла в окно и разбудила ее. Надела мою шляпу, лежавшую на столе, ни капельки не смутилась тетки, погрозила ей метлой и ушла через дверь. Тетка разнервничалась, да ничего не могла поделать – двинуться не в состоянии.

– Эта помешанная бабка спасла тебе жизнь...

Баська помолчала.

– Пожалуй, да, – признала она неуверенно. – Бог с ней, со шляпой, спаси господи бабкину душу... Послушай... Ты вроде сказала, знаешь, мол, кто был в машине. В самом деле знаешь или привиделось?

– Конечно, знаю. И мне это здорово не нравится. Боюсь, шутки кончились, пора все рассказать майору.

– Может, сначала мне? – разнервничалась Баська. – В конце концов, меня это касается или нет?

Я молчала до Гагарина. Свернула направо, на непроезжую часть улицы, и остановилась. Я злилась, дело, похоже, окончательно запуталось, и только Баська могла кое-что объяснить. Если и впредь будет валять дурака, начхать мне на всякую дружбу.

– Касается тебя, – сердилась я. – И ох как близко тебя коснется, если не перестанешь быть идиоткой! Не беспокойся – рано или поздно он тебя пришибет. Одного не пойму, почему?

– Боже мой, да о ком ты?

– О владельце тачки, задавившей вашу полоумную. Я эту машину знаю уже давно. Рассмотрела ее неплохо и сегодня – мой фонарь работает что надо, а машина не перекрашена: все та же суриковая блямба на левом заднем крыле.

– Какая машина?

– Старый зеленый "пежо-404".

– Чей?

– Не знаешь чей? Мне казалось, ты знаешь...

– Не терзай меня, ради бога!!! Чей?!

Я заколебалась, потом с трудом выдавила:

– Гавела, конечно.

Баська в немом изумлении, словно громом пораженная, замерла с открытым ртом, потом подскочила и плюхнулась опять на место. Уставилась на меня круглыми глазами.

– Только, ради бога, не падай в обморок, – съязвила я. – Еще этого не хватало...

Наконец Баська тихо и хрипло выговорила:

– Ты уверена?.. Хочешь сказать, Гавел?.. Господи Иисусе, ты уверена?!

– Второго такого зеленого "пежо" с блямбой на заднем крыле нет. Гавел на нем лет шесть гонял, в последнее время "мерседес" завел, а "пежо" не продал, я сама в гараже его видела всего несколько месяцев назад. Так вот, Гавел тебя задавил, и я хочу наконец узнать степень его участия во всей этой сумасшедшей антрепризе.

Баська закурила трясущимися руками. Оглушенная, подавленная, она отчаянно пыталась хоть капельку прийти в себя.

– Гад, – прохрипела она. – И кретин. Нет, у меня просто слов нет! В жизни бы в голову не пришло... Я думала... Нет, я и близко не думала... Из мести, что ли? Ну и скот... Так мне и надо, о боже, понятия не имею, что теперь делать...

– Информация, прямо скажем, не ахти понятная... Постарайся излагать членораздельно. Ну так что, вышла крутая заваруха?

– Ага. Еще какая!

– И, по-моему, ты в центре всей кутерьмы. Или ошибаюсь?

– Нет. Так оно и есть. Просто я во всем виновата. Все из-за меня получилось... Из-за меня и из-за этого спесивого лорда, которому пасть лень открыть, чтоб слово вымолвить, – из-за Доната! Хоть бы намекнул раньше!.. Ой, честно говоря, все едино, небось то же самое натворила бы... А может, и нет, Донат считает, что нет, ох, как ни верти, а во всем я и он виноваты, только больше я!..

– Возьми себя в руки. Пойдешь сидеть вместе с Донатом, на радость Янке и Павлу. Так в чем же все-таки ты виновата?

Баська перевела дыхание.

– Из-за меня у Мартина свистнули чертовы марки, – призналась она с мрачным самоотречением. – Я привела к нему трех подозрительных типов на бридж. Не сразу всех, а по отдельности. Они оказались знакомы, а я и не знала. Зато Донат знал. Он тоже был у Мартина на бридже несколько раз, об одном типе уж точно ему было известно, что шулер, жулик и вор. И хоть бы словечко!.. Ничего! Заклинило его, молчал, как мумия египетская, признался, когда поздно было. Глупости говорил, он-де полагал, мои знакомые. Недоумок.

– Раз уж приводишь на бридж, естественно предположить, что знаешь человека, – заметила я рассудительно. – Известно, как Донат обожает вмешиваться в чужие дела.

– Донат видел – они шатались по комнатам и рыскали по углам! – заорала Баська, не помня себя. – Был трезвый, потому что на машине! И тоже, черт побери, не вмешивался, а сказал, когда марки пропали!.. И ведь знал, что знакомы!!!

– Погоди, кто знакомы?

– Да бандиты друг с другом! Прекрасно ориентировался, что все одна шайка!

– Откуда? В принципе у него с жульем вроде немного дел.

– Давно, Донат тогда работал на подряде, велось следствие по делу о краже строительных материалов. Он выступал свидетелем, не слышала? Тогда и познакомился с ними, все про них знал... Впрочем, теперь на это наплевать: главное, тогда не сказал ни слова.

– А ты что? Думала, святых агнцев каких привела?

– Сдурела? Догадывалась, что подонки, да ведь не могла даже предположить такого! Мартину ничего не сказала – они прилично играли в бридж. И выглядели прилично. А Павел вообще их впервые видел. К тому же мне и в голову не пришло, чтоб у Мартина в доме обретались ценности, которые стоят того, чтоб спереть! Коллекционируй он китайский фарфор или редкие монеты, я бы его, конечно, предупредила! Да ладно, чего там, признаюсь, я его заверила, что это порядочные люди...

Меня бросало то в жар, то в холод, вот-вот взорвусь: взяла бы и придушила эту Баську собственными руками, идиотка, такие марки в доме... и приводить подобных субчиков!.. Черт ее дери с ее дружками! И Донат тоже хорош – остолоп, придурок, да и Мартин – осел, не сказать, что́ хранит дома, не спрятать коллекцию!.. Ну и банда кретинов собралась!

Я все это выложила, особо не стесняясь в выражениях, – Баська согласилась подавленно и покаянно. Я закурила еще сигарету и отъехала в более темное место, чтобы машина не бросалась в глаза издалека. Зачем так уж сразу хлопать ушами перед майором.

– А почему, чтоб вас... не отняли у них марки? – спросила я в бешенстве. – Можно было этих подонков отлупить, шантажнуть, просто выкрасть!

– Проворонили, – вздохнула Баська. – Не удалось. Во-первых, сразу смылись, исчезли – где их найдешь! Потом, правда, одного встретила – отпирался вовсю. До сих пор не уверена, вместе они это дельце обстряпали или кто-то один по личной инициативе, а если так, то кто. Дело труба.

– А почему в милицию не сообщили!

– Мартин ни за что на свете не соглашался. А потом, какой прок от милиции? Думаешь, ворюга квартиру обклеил этими марками? Да и доказательств никаких...

– Ну ладно, а при чем тут Гавел? Я все усекла, один только Гавел тут пришей кобыле хвост! Видно, что-то из ряда вон ты натворила, если уж он решил раз и навсегда с тобой покончить. Надеюсь, знаешь почему?

– Месть, – изрекла Баська. – Или похвальная осторожность. Хоть лопни – не ожидала, да еще такого. Ты меня кошмарно удивила. Гавел... Знаешь, считала, что он ко мне даже хорошо относится...

– Возможно, он и плакал навзрыд, переезжая тебя туда-сюда, – иронизировала я. – Думай, думай, надо что-то решать. Учти, майор прекрасно информирован, где ты сегодня провела день, возможно, знает, что и я там околачивалась. Остальное выведет своей чертовой дедукцией, и каково будет отвечать на его вопросы?

Баська вдруг оживилась и заговорила чуть энергичней:

– А кстати... Ты узнала, его сотрудник там был?

– Узнала. По-моему, нет. Скорее всего, Пежачеков кореш.

– Тогда кранты. Значит, Гавел и Пежачек одна шайка, иначе ничего не понять. Теперь уже оба в курсе моего вчерашнего разговора, и Гавел постарается укокошить не только меня, но и тебя. Вчера я с тобой разговаривала, сегодня тоже. И вообще ума не приложу, что и делать.

– Могу сказать, чего ты не сделаешь. Не выйдешь из

моей машины, пока не исповедуешься во всем. В противном случае я еду прямо к майору.

– Не дури! – всполошилась Баська. – Ясно, скажу, теперь ведь рассчитываю только на тебя. Такое пекло из всего этого раскочегарилось – жуть.

Поздно ночью, в темной машине, на темной улице я наконец услышала, что за удивительная неразбериха крутилась вокруг меня уже многие месяцы.

* *
*

В кошмарном скандале, вспыхнувшем после обнаружения в квартире Мартина пропажи, приняли активное участие Мартин, Баська и Донат. Павел старался смягчить ситуацию, но, уразумев безнадежность своих усилий, пошел заваривать чай для компании. Поначалу все взаимно обвиняли друг друга, затем неожиданно переключились на разнузданную самокритику и все грехи каждый стал прикидывать на себя. Наконец родился мучительный компромисс – признали, что все виноваты более или менее поровну.

Однако от выяснения проблемы вины мало что изменилось. Надлежало заняться возвращением утраченного сокровища. Равновиновные декларировали готовность к равновеликим усилиям, только что никто не умел уточнить, в чем эти усилия должны заключаться. Павел, из солидарности включившийся в акцию, предлагал всем трем злодеям поочередно начистить морды. Баська считала более верным вломиться в квартиры мошенников и тщательно обыскать. Донат настаивал на скрупулезном обследовании филателистического рынка, заранее оговариваясь, что не знает, как это делается, ибо ничего не понимает в марках. Мартин предложил понаблюдать за всевозможными торгашами, скупщиками краденого и аферистами, а также познакомиться с завсегдатаями сего гадюшника.

Последнее предложение реализовали быстрее всего – Баська сохранила с давних времен знакомство с великим множеством самых темных личностей. Уже через неделю она принесла ужасное известие: один знакомый одного из трех гадов выехал за границу, да к тому же на Запад. Мартин приуныл:

– Ну, привет. Если он не вывез коллекцию, считай меня Гретой Гарбо. Пожалуй, мне остается покончить с собой.

– Только не харакири, – попросил Павел. – Потом слишком много уборки...

– Да уймись ты! – разозлилась Баська. – Вывез, ну и пускай, ничего страшного!

– А то страшное, что маркам хана.

– Кто это сказал? Их просто надо выкупить. Ты ведь знаешь всю коллекцию. Ничего не поделаешь, придется раздобыть точно такие же.

Мартин посмотрел на нее – не с луны ли свалилась.

– А на какие шиши, позволь спросить? Ты не догадываешься, сколько они стоят?

– Ну и сколько?

– Не знаю. Сумма чудовищная. Не говоря уже о том, найдется ли в Польше еще один столь полный комплект.

– Не обязательно покупать весь комплект, можно партиями.

– Партиями тоже нельзя. Там были уникальные экземпляры. С тем же успехом можно собрать всего Рембрандта в оригинале. Попробуй-ка в Польше.

– На Западе можно бы и выкупить, – буркнул Донат.

Мартин расхохотался сатанинским смехом.

– Возвращаюсь к принципиальному вопросу – за какие шиши?

– За деньги, – холодно сказала Баська.

– На Западе, скорее всего, нужны доллары, – уточнил Павел.

– У вас есть доллары? У меня нету...

– А знаете, что смешнее всего? – ядовито спросил Донат. – У этих сволочей, заполучивших твой депозит, есть и доллары. Между прочим, эти канальи еще и валютчики. Они-то могли бы выкупить...

– Будьте любезны, убирайтесь ко всем чертям... – посоветовал Мартин. – Оставьте меня в покое. Надо подумать, какими методами заставить их перепродать...

Два дня вся компания пребывала в глубоком унынии. Глядя на Мартина, Павел решительно заявил, что его опасно оставлять в одиночестве. Баська и Донат, согласно последнему раскладу виновные на две трети, попытались завязать контакты в филателистическом клубе. В результате разных прикидок они уяснили только одно: там их окрутят, обманут и ошельмуют как дважды два и все предложенные марки окажутся фальсификатами.

– Попал бы мне этот сукин кот в руки! – процедил Донат сквозь зубы.

– А мог бы попасть, – подскочила разъяренная Баська. – Окольными, правда, путями, но можно его заполучить. Да разве ты пойдешь на такое!

– Что за идиотские сомнения...

– Ну так вот, есть только один выход – выкупить марки на Западе за деньги этих ворюг. Этих или других – без разницы.

– Берешься их уговорить? Я так и вижу, как они лезут к нам с охапками долларов! Не смеши меня.

– Идея потрясная, а ты дурак. Воры украли, воры и заплатят. По-другому не выйдет, а если этот псих Мартин покончит самоубийством, каково нам будет? Не знаю, как ты, а я предпочитаю иметь на совести всех мошенников и аферистов ПНР, чем одного Мартина.

Выглядел Мартин хуже некуда, так что самые кошмарные опасения были вполне оправданны. Действовать, и немедленно! Баська собрала заговорщиков у себя дома, перед Мартином поставила в утешение салат из цветной капусты под майонезом и затем выложила свою идею. Начала с конца.

– На Западе любые марки можно купить, так? Отвечайте по-людски и спокойно ждите, что скажу дальше. Можно?

– Можно, – ответил Мартин меланхолически. – Наверняка можно бы откупить те же самые.

– Великолепно. Нужны лишь деньги. Доллары. Так?

– Истинно так, – признал Павел.

– Сколько?

Мартин молча тыкал вилкой в салат из цветной капусты. Донат молчал. Павел взял на себя всю тяжесть конверсации.

– Учитывая сказанное Мартином, надо по меньшей мере сто кусков. А то и больше.

– Логично. Эти сто кусков или больше воры свистнули у Мартина. Теперь слушайте: эти деньги у воров надо отобрать. И не стучите пальцем по лбу!.. У наших отечественных воров отобрать!

– А каким таким способом? – заинтересовался Мартин.

– Элементарным. Ограбить. Напасть. Съездить по башке и отнять. Способов уйма – выбирайте любые. Отнять у валютчиков столько, сколько надо на марки, контрабандно переправить деньги на Запад и все выкупить. И привезти. Да мы просто обязаны это сделать.

– Идея феноменальная, – вздохнул Мартин, немного помолчав.

– А не похоже это на преступление? – неуверенно спросил Павел.

– Не на одно, а на два преступления, – уточнил Донат. – Ограбление – во-первых, контрабанда – во-вторых...

– Пусть, – согласилась равнодушно Баська. – Ну и что? Надо обстряпать все так, чтобы нас не сцапали, а результатом будут все довольны.

– Жертвы ограбления вряд ли...

– А тебе их жалко? Внесут свою лепту в общественный фонд. С голоду не помрут.

– То, что мы собираемся вернуть, есть национальное достояние.

— Ведь не у народа же украли...

— Ну так что? Это предназначено народу, пускай народ и получит. А Мартин заранее даст обязательство, что ни под каким видом это наследство не примет, даже если и примет, сразу передаст в музей. Или еще куда-нибудь. Таким манером аферисты выкупят народное достояние, ими же украденное. Все сходится!

— Она права, — подтвердил Донат. — Допустим, кто-то, к примеру, покупает "Мону Лизу". Валютчики, представим себе, за собственные деньги покупают "Мону Лизу" для национального музея. Почему бы и нет?

— У меня плоховато с фантазией, — нахмурился Павел. — Не знаю, пожалуй, и можно...

— Нет, — сказал Мартин. — Вот если бы мы имели деньги там, а за здешние нельзя. Легальные денежки — легальный вывоз. Иначе это криминал.

— А вывоз марок — не криминал?

— Криминал.

— Ну так мы зачеркнем одно преступление другим. Надо только подумать, которое хуже. Во втором случае вывозим доллары, которые государственная казна и так никогда в глаза не увидит, тоже мне преступление! Зато с нашей помощью увидит эти необыкновенные марки! Баш на баш, ничего не поделаешь, иначе не вывернемся.

— Она права, — повторил Донат. — Не хочешь, не лезь в это дело, в конце концов, виноваты мы — она и я. Ты можешь остаться в стороне.

— Я участвую во всем, что даст шанс вернуть марки, — ответствовал Мартин. — Криминал так криминал — надо будет, отсижу. Только не понимаю вашего плана действий.

— Пусть он скажет. — Баська показала на Доната. — Мы вчера обсуждали. У меня горло пересохло.

Донат, учитывая серьезность заключаемого соглашения, проявил исключительную разговорчивость.

— Предстоят четыре этапа, — по-деловому начал он. — Во-первых, добыть капитал. Во-вторых, переслать его на Запад. В-третьих, положить деньги в банк, лучше всего в Швеции. В-четвертых, снять их со счета и совершить покупку.

— И еще доставить ее сюда, — дополнила Баська. — Тоже нелегально — операция секретна с начала до конца.

— Три последних этапа представляются довольно реальными, — заметил Мартин. — Особенно в сравнении с первым. Объясните, ради бога, из какого сундука мы извлечем столько долларов?

— Нападение с целью экспроприации, — напомнил Павел. — А на кого нападать-то?

— На бандитов, воров и аферистов.

– Дураку понятно: только у них есть доллары наличными.

Мартин слегка оживился и перестал выглядеть так, будто уже покончил с собой.

– Напасть на бандита – дело стоящее... А через неделю-другую нас будет разыскивать вся милиция страны?

– Пойми ты, никто нас не будет искать. Никто из пострадавших не донесет никакой милиции.

– А что? По каждому горлышку чик-чик?

– Вот осел! – фыркнула Баська. – Про убийство и речи быть не может! Слушай, детка, что тебе говорят, и не перечь старшим!

Донат все время сохранял философическое спокойствие.

– Обмозгуй прежде всего, кто пострадает, – начал он. – Мысли логически. Богатые торгаши с черного рынка, возможно, частники, запутанные в темные делишки, – выбирать надо только таких. И валюта, и злотые у них потайные. Ни один из них не полетит с воплем в милицию, а будет сидеть тихо и дальше крутить свои махинации. Никто и не пикнет, что у него чего-то там украли.

– Пожалуй, – согласился Мартин. – Источничек весьма недурен. А как их заставить согласиться? Методом убеждения?

– Скорее, методом кражи со взломом и неожиданностью. Варианты разрабатываются в зависимости от ситуации.

– Ладно. А потом?

– Потом это высылается.

– Как?

– Почтой, – довольным тоном вставила Баська. – Помните, как говорила Иоанна? Запихивается все ладненько в народные ремесла, во всякие там вышитые думочки и рукоделия и высылается в Швецию. Отправителем может быть кто угодно, лучше лицо не существующее.

– А что в Швеции?

– Погоди. Что в Швеции, мы еще не знаем. Тут начинается твоя роль.

– А! – Мартин облегченно вздохнул. – Начинается, говоришь? А я уже раздумывал – ну и хорош я буду в налетах. Судите сами: опыта никакого, да ведь нужна еще цепь либо обрезок трубы. А в чем заключается моя роль?

– Ведь есть же у тебя там знакомые? Нужен некто, понимаешь, кто бы доставал деньги из подушек и вносил на счет. Есть у тебя такой?

Мартин подумал.

– Есть. Но не в Швеции, а в Норвегии.

– Все равно, они там ездят туда-сюда. Кто это?

– Да один знакомый. Любит всякие оригинальные штуки.

Нет, подождите, в случае чего... Отправители здесь могут быть фиктивными, порядок. А если провал и доберутся до адресата? Все выяснится, и вместо покупки марок сядем за невиновность...

Молчавший до сих пор Павел беспокойно зашевелился:

– Вот именно. Что-то тут неладно. Если нас, не дай боже, поймают в середине операции, никто не поверит, что стараемся из-за марок. Кроме того, как ни крути, а преступление есть преступление. И себя надо как-то реабилитировать.

– Но мы же возвращаем национальное достояние! Это, по-твоему, пустяк? Все ведь уравнивается.

– Арифметика здесь не главное. Тут надо извлечь конкретную пользу. Я имею в виду – для государственной казны. Часть долларов с черного рынка надо передать непосредственно в пользу государства. Лично моя совесть тогда будет спокойна.

– А ты считаешь, государству одних марок мало? – возмутилась Баська.

– Марки – не наша заслуга. Не от нас. Как бы это объяснить... Короче говоря, необходимо высылать в государственную казну процент с награбленных сумм. Совершаем преступление, ибо вынуждены, но, во всяком случае, государство с этого что-то получает.

Подумав, все согласились с такой точкой зрения. Возмещение убытков травмированному преступлением государству представлялось по всем статьям справедливым. Кроме того, сия благородная акция снимала возможные подозрения насчет корыстных интересов новоиспеченного коллектива. В итоге решили выделять казне двадцать процентов.

– Я уже чувствую себя крупным филантропом, – ядовито заметил Мартин. – А возвращаясь к нашей теме, что со Швецией?

– Высылать до востребования?.. – неуверенно предложила Баська.

– Никуда не годится. Запомнят получателя посылок.

– Тогда, может, разные почты, в разные города?..

Донат с сомнением покачал головой:

– Заинтересуются постоянными посылками до востребования. Лучше бы на разные имена. Знакомым того твоего знакомого...

– Придумал! – прервал Мартин, осененный внезапным вдохновением. – Высылаем чужим людям. Я малость знаю эту Швецию, представьте себе: к посторонним людям звонит тип, называется Хансом Йенсеном или еще кем-нибудь, сообщает, что к ним придет посылка для него – отправитель перепутал адрес, он, Ханс Йенсен, просит извинить и отправить посылку на почту до востребования Йенсу Хансену...

— Хансу Йенсену, — поправил Павел.

— Без разницы. Он, естественно, оплатит стоимость пересылки. Время от времени можно зайти за посылкой и ему самому. Там Йенсенов и Хансенов как собак, никто не сообразит, в чем дело. Теперь предположим, здесь перехватили нафаршированное пуховое одеяльце, добрались до одного или двух человек — люди засвидетельствуют, что все отослали до востребования Хансу Йенсену, которого никогда в глаза не видели, и цепочка оборвалась. На почте, положим, запомнили получателя. Сообщат: молодой, кудлатый и бородатый. А уж ежели наденет по этому случаю оранжевое кружевное жабо — и все заметят только жабо, морды не запомнит никто.

— Очень хорошо, — похвалил Донат. — Сам черт его не сыщет.

— У тебя таки преступные наклонности! — уважительно удивилась Баська.

— Таки да, — ядовито подтвердил Мартин. — Лезет наружу доселе скрытый талант. Ума не приложу только, как обо всем сообщить моему приятелю. По телефону выложить?

— Спятил? — возмутилась Баська.

— О-хо-хо, — протянул Павел. — Тут уж лучше сразу дай объявление в газету.

— Письмом, — буркнул Донат.

— Письмом можно, — согласился Мартин. — Хотя лучше бы лично, сомневаюсь, удастся ли мне объяснить всю эту катавасию на чужом языке. Попробую.

— Письмо прочитают, — запротестовала Баська.

— Кто?

— Ну, какой-то ихний контроль. Цензура.

Мартин пожал плечами.

— У меня бездна доказательств, что цензуре плевать на заграничные письма. Корреспонденцией порядочных людей никто не интересуется, а пока что мы сходим за таковых. Телепатия отпадает. Боюсь не справиться. Другие предложения есть?

— А вдруг тебя примут за непорядочного и по ошибке прочитают?

— Постойте, — вмешался Донат. — Береженого бог бережет. Никаких рискованных затей, мало ли что может случиться. Письмо надо отправить с каким-нибудь моряком.

— А откуда его взять? Я лично не знаю ни одного.

— В Свиноустье моряков — что муравьев в муравейнике, — подбодрил Павел.

— Прекрасно! — утешился Мартин. — Сейчас же еду в Свиноустье. Конец ноября, в самый раз... Сказочный отпуск на морском берегу...

— Самая пора для моряков, ты, недотепа. Летом морякам дел и так хватает, туда специально съезжаются курвочки, чтоб их развлечь, а сейчас они баклуши бьют и любой охотно пойдет с тобой выпить водки.

— Значит, занять свято место вместо девицы?

— Точно, выпьешь и подружишься с морячком, внушающим доверие. Отдашь письмо, а он бросит его в ящик в любом порту за границей. Твой приятель пусть тебе тоже отпишет через моряка. Насколько помню, Швеция и Норвегия имеют непосредственный выход к морю и матросов у них хоть пруд пруди. На всякий случай давайте не начинать с фатальных ошибок.

— Фатальную ошибку мы уже сделали, хватит. Посчитаем лучше, сколько валюты надо натрясти. У тебя есть какой-нибудь ценник для этих марок или еще что?

— Есть. — Мартина передернуло. — И даже ношу его с собой. Посчитал все. Могу показать.

Он не спеша засунул руку в карман и достал несколько карточек. Кандидаты в преступники с интересом следили за ним, не предчувствуя, какой сюрприз их ждет. Павел набивал свежим табаком трубку, Баська прихлебывала остывший чай.

Мартин разложил на столе карточки.

— Всего получается... — Подсчитывал он медлительно, просматривая записки на карточке. — Всего получается... Триста двадцать девять тысяч фунтов по ценам прошлогоднего каталога.

Баська захлебнулась чаем. Павел просыпал на пол весь табак. Донат просто онемел.

— Триста двадцать девять тысяч чего? — спросил он недоверчиво.

— Фунтов.

— Каких фунтов?

— Английских.

— Мать честная, пресвятая Богородица!..

Баська закашлялась и перевела дыхание:

— А сколько это их, как их... Инфаркт из-за тебя схвачу. Сколько долларов? Фунтов-то много здесь не награбишь!

— А кто его знает. В этом капиталистическом мире царит такая путаница, что мозги наизнанку. Кажется, в последнее время выходило около полутора долларов на фунт. Это было бы... Сейчас... Четыреста девяносто три тысячи пятьсот долларов.

— Полмиллиона, — простонал Донат.

Павел с табаком и трубкой вылез из-под стола:

— Что-то дороговато. Может, напутал? Где-нибудь лишние нули приплелись?

В хохоте Мартина звучали поистине сатанинские нотки.

– Мы идем на дно из-за так называемых австрийских "Меркуриев" и этих двух чертовых "Маврикиев". Драгоценный дедушка-коллекционер в своей ненасытной алчности не ограничился одним экземпляром. "Меркуриев" он совокупно имел тринадцать штук, в их числе четыре негашеных, гашеных три, розовых негашеных и со штемпелем тоже по три. Два "Маврикия"... И откуда только подонок выудил этих "Маврикиев"? В общем, всего на круглую сумму – сто тридцать пять тысяч четыреста фунтов.

– Да брось ты эти фунты, от них путаница одна, считай в долларах!

– Не могу. В каталогах-то фунты.

– Значит, все остальное просто чепуховина?

– Да уж. Исключительно чепуховина. Например, Гондурас, две серии авиапочты по двенадцать тысяч, вместе двадцать четыре тысячи фунтов. Однофунтовая покойная королева Виктория, две штуки по тысяче двести пятьдесят...

– Старая дурища... – обиделась Баська.

– Стерва Наполеон десятисантимовый – три штуки по тысяче восемьсот каждая. Король Леопольд Бельгийский коричневый – двести семьдесят пять фунтов, а голубой – триста фунтов. "Молдаванские волы" – более семи тысяч...

– Экая дорогая говядина, – огорчился Павел.

– Учтите, это еще цены прошлого года, – с человеконенавистническим ехидством продолжал Мартин. – Марки дорожают. Наверняка подлетели в цене. Да и пересчет, возможно, другой – этого доллара больше приходится на каждый фунт. Ничего не попишешь, наш друг неплохо подзаработал...

– Ладно, – прервал Донат. – Черт с ним. Ты меня слегка ошарашил...

– Ну и что такого, дело ясней некуда. Надо взять шестьсот тысяч, – деловито прервала Баська. – Какая разница – триста или шестьсот.

– Не забудь про двадцать процентов государству, – напомнил Павел.

– Итак, пусть будет восемьсот тысяч!

Мартин взглянул на Баську очень и очень грустно. Павел отобрал у него карточки с записями и с интересом просматривал их. Донат озадаченно качал головой.

– Удастся ли столько содрать?..

Одна Баська оставалась воплощением спокойствия и деловитости.

– А почему бы и нет? Посчитай. Высылать по пять тысяч – уместится в любой дурацкой думке, ой, погодите, надо посчитать...

– Сто восемьдесят, – сказал Мартин.

– Сто восемьдесят посылок. Нет, меньше, эта госказна тут остается, шестьсот тысяч, это сколько?

– Сто двадцать...

– Сто двадцать посылок. На четверых получается по тридцать штук. А если подушку побольше – и валюты влезет больше. Не все же будем посылать сразу!

– Меня, признаться, беспокоит потенциал валютчиков.

– Если учесть потенциал валютчиков, запросто можно планировать восемь миллионов, а не восемьсот тысяч, – вмешался Мартин.

Обеспокоенный Павел оторвался от записок.

– Сто двадцать разбойных нападений?!.

– Какие сто двадцать?! Вы что, офонарели? За кого вы их принимаете?! Что, у нормального валютчика всего пять тысяч? Да пять тысяч у него всегда при себе на разные пустяки.

– В этом есть резон, – неуверенно согласился Донат. – Судя по тому, что я слышал, у всякого приличного субъекта с черного рынка имеется самое меньшее пятьдесят тысяч. Иначе с ним и разговаривать не станут.

– Точно, – подтвердил Мартин. – С такой мелюзгой...

– Минутку, – прервал Павел. – Стойте. А скупщиков краденого?

– Скупщиков краденого? Почему бы нет?

– У них бывают разные разности. Золото, бриллианты... Тоже берем?

– Ты что, очумел? Куда с этим добром деваться? Начнешь приторговывать, с ходу сцапают. Никаких бриллиантов, исключено!

– Главное – четкость и никаких накладок, – подытожил Донат. – Наличные доллары, и баста. По башке не бить, телесных увечий не причиняем...

– И умственных тоже, – вставил Мартин.

– Контингент: бандиты, воры, аферисты и всякое жулье высокого пошиба. Ничего не поделаешь, пускай платят за своих собратьев!

– Сначала надо бы наметить клиентов...

Таким-то вот образом и составилась шайка, участники которой не видели другого выхода, кроме криминального, дабы исполнить свой святой долг. Вообще говоря, их чувства были несколько разнородны. Баська всю затею считала новой и любопытной игрой, пришибленный Мартин, увидев где-то впереди бледный луч надежды на возвращение коллекции и чести, намеренно ослеп и оглох на все остальное. Донат, угрызаемый совестью, настроился на беспощадную борьбу за справедливость. Павел, совершенно сбитый с толку, принял участие в благородной авантюре просто из солидарности. Ему и

в голову не пришло, что, будучи единственным невиновным, он мог бы спокойно умыть руки.

Отбор первых жертв не представлял трудностей. Каждый хотя бы краем уха слышал о каком-нибудь аферисте или подпольном бизнесмене, а Баськина память была буквально набита такими сведениями, поскольку водители и механики авторемонтных мастерских знали всю эту братию как свои пять пальцев. В первую голову выбрали двух молодцов, из которых один успешно и ловко обкрадывал государство, а другой специализировался на контрабанде. Один жил в Плацувке, второй – в Фаленице. И оба пользовались почти безупречной репутацией.

Распорядок жизни и нравы жителя Фаленицы уже через неделю Баська знала в подробностях – до Фаленицы на автобусе рукой подать. На первом же военном совете она изложила ситуацию во всех подробностях:

– У него на верхнем этаже что-то этакое стоит между окнами. Надо лезть ночью, днем по дому шастает какая-то старая ведьма. В комнате на первом этаже он улаживает свои дела, там стоит письменный стол; вечером всю выручку уносит наверх и прячет в этой мебели между окнами. Внизу все окна зарешечены, а наверху окно в ванной часто оставляют открытым, надо влезть по лестнице.

– Циркача, что ли, приглашать? – съязвил Павел.

– Да? По какой-то паршивой лестнице не влезешь? Циркачей ему подавай!

– Откуда ты знаешь насчет мебели между окнами? – подозрительно осведомился Мартин.

– Разглядела в бинокль. Они редко занавешивают окна, ведь по соседству почти никого нет. Я все видела в бинокль: к нему постоянно приходят разные сомнительные типы.

– Вот здорово. В случае чего подумают на них...

– Собака безобидная, – продолжала Баська. – Жрет что угодно из чужих рук. Видно, эти свиньи ее впроголодь держат. Надо снотворное в кусок мяса, и собака не помеха. Меня уже узнает.

– Ладно, для собаки кусок мяса – и порядок, а люди?

– Что – люди?

– Им тоже кусок мяса с таблеткой?

– Черт его знает... Подумать надо...

– Взять какую-нибудь штуку в руки и орать: "Молчать, иначе стреляю"?.. – неуверенно предложил Павел.

– Не знаю... Может, и стоит...

– Рискованно, – рассудил Мартин. – Нарвешься еще на парня, у которого котелок логически варит. Если орешь "Молчать", дураку ясно, не будешь стрелять. Стрельба – занятие шумное.

– Только набросить на башку какую-нибудь тряпку...

– Отпадает, – решительно прервал Донат. – Переполох и вопли. Людей надо усыпить.

– Чем? – брезгливо спросила Баська.

– Не знаю. Надо придумать. Всяких снотворных нынче воз и маленькая тележка. Надо подобрать подходящее, иначе дело не выгорит. Порасспросить бы врачей или химиков...

– У меня есть приятели в Медицинской академии, – сообщил Мартин.

– А тот, второй? – спросил Павел. – Ну, из этой, как ее, Плацувки? Тоже по лестнице в окно?

– Откуда мне знать? – возмутилась Баська. – Вообще не знаю, как туда ехать, там хоть автобус ходит? Не стану же разъезжать в такси!

– Проверить бы, может, там легче...

Посовещались и в ближайшее воскресенье выбрались на экскурсию в Плацувку машиной Доната. Стояла поздняя осень, а день выдался прекрасный, солнечный. Владения афериста нашли легко: дом находился в большом саду, ограду как раз заменяли сеткой, которую не везде еще натянули – форсировать сей бастион не составляло труда. Донат поставил машину подальше, и тут же выяснилось, что с грабителями-добровольцами обстоит плоховато. Ощущался явный дефицит боевого задора.

– Что-то я себя чувствую не того, – пожаловался Мартин.

– Я тоже, – признался Павел. – Ну, пойду шататься по чужому саду, натурально спросят, кто да зачем?

– Скажешь, хочу, мол, наняться на сенокос, – усмехнулась Баська. – Да не трусь, осенью хозяина здесь не сыщешь.

– Примут меня за тронутого...

– А тебе-то что? Кто тебя там знает?

– Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы нас увидели, – предупредил Мартин. – Незачем обращать на себя внимание...

– Тогда ползком?..

Донат мрачно молчал, опершись на баранку. Мартин закурил и принялся созерцать облака. Баська просто озверела:

– Лежебоки, тупари! На черта вы мне сдались! Из вас такие же преступники, как труба из козьего охвостка! Плевать мне на вас, пойду одна! Донат, ты хоть машину разверни, чтобы в случае чего не удирать задом! На это тебя хватит, правда ведь?

Баська выскочила из машины. Павел, бормоча что-то насчет подстраховки, вышел тоже. Баська поставила его у забора держать болтающуюся доску, а сама пролезла в сад. Донат послушно начал разворачиваться.

Объект, видать, только что отремонтировали. Под одной

стеной валялись стройматериалы, то бишь песок, битый кирпич и бетономешалка. Вокруг царила тишина и спокойствие, на каменной плите у лестницы возлежал на солнышке кот. Его благодушный вид убеждал, что собак поблизости нет.

Баська обошла вокруг дома. На противоположной стороне из открытого окна кухни доносилось позвякиванье посуды и негромкое пение. Заглядывать Баська не рискнула, пробралась под окном почти на четвереньках и вернулась к фасаду. Медленно поднялась по ступенькам, осторожно обошла кота и нажала ручку.

Дверь оказалась незапертой. Баська на мгновение замерла на пороге, потом вошла. Из холла внутрь вели три двери. Одна была полуоткрыта, в комнате тихонько играло радио. У Баськи душа ушла в пятки, она осторожно заглянула в комнату и сразу увидела нечто интригующее: из-за большого письменного стола, стоящего у двери под окном, торчали ноги, без сомнения мужские, покоящиеся на спинке дивана. Баська замерла, но потом услышала ровное дыхание спящего.

На цыпочках подошла она к столу...

Донат и Мартин молча сидели в машине все в той же позиции: Донат – положа руки на руль, Мартин – на спинку переднего сиденья. Им казалось, что ждут они так уже полгода. Где это Баська так застряла? Наверняка ее схватили и сейчас, не выдержав пыток, она выкладывает всю правду...

– Я на всякий случай включил бы зажигание, – буркнул Мартин.

– Успею, – проворчал Донат и взглянул в боковое зеркальце. – Ну, слава богу! Идут.

Мартин оглянулся. Баська и Павел бежали стремительным галопом. У Павла было странное лицо – не то горестное, не то ошалелое. Он сел первым, Баська за ним.

– Трогай! Сматываемся!

Она по локоть запустила руку в сумку, пытаясь нащупать сигареты. Мартин нетерпеливо повернулся к Павлу:

– Ну и что?

– Вот черт, – поморщился Павел, – цапнула меня за палец.

Донат и Мартин как по команде посмотрели на Баську, которая лихорадочно затягивалась сигаретой.

– Да нет, – усмехнулся Павел. – Доска цапнула. Наверняка заноза...

– Да сдвинешься ты с места или нет?! – зашипела Баська. – Сейчас все расскажу, только давай в темпе отсюда!

Она глубоко вздохнула, выждала два поворота и начала докладывать. Сообщники слушали молча, в тревоге, предчувствуя что-то ужасное.

– ...Вроде храпел, но радио играло, поэтому я не сразу

расслышала, – продолжала она. – Замерла, затаилась, даже дышать перестала, чтоб проверить, крепко ли дрыхнет. Боялась, проснется от неудобства, ну кто так спит – ноги на спинке дивана, наверняка затекли...

– Может, ему снилось, что связан?.. – предположил Павел.

– Возможно. Я категорически против, чтобы мужчины спали днем, а потому так ему и надо. Ключ в ящике стола, на стуле висел пиджак, ну я все и забрала. Кое-что в бумажнике, остальное в ящике, на самом дне; вообще-то, стол, видно, всегда запирает. Боялась, не заскрипел бы. Или, еще чего доброго, притащилась бы эта баба с кухни. Ужас, просто ужас, до чего страшно...

Донат так резко затормозил, что Баська едва не выбила головой переднее стекло. Выключил мотор и повернулся к ней. В "трабанте" наступила тревожная тишина.

– До меня не доходит... Повтори.

– Кража, понял? Я совершила кражу, – спокойно ответствовала Баська. – Взяла все из бумажника, из стола тоже. И точно дело здесь проще, чем в Фаленице, его даже усыплять не пришлось – спал добровольно.

– Боже милосердный!..

Баська пожала плечами.

– А чему ты удивляешься? Надо же наконец начать. Такая оказия, а этот мошенник мало что аферист, еще и дрыхнет днем.

В машине снова воцарилось молчание. Трое сообщников смотрели на нее раскрыв рты, в каком-то отупении. Теоретически воровать было легко, а вот конкретная кража словно обухом по голове оглушила. Компаньонов раздирали самые разнородные эмоции, страх прежде всего. Успокоиться и прийти в себя было нелегко.

– Ты дурака валяешь или говоришь серьезно? – спросил наконец Мартин недоверчиво.

Баська полезла в сумку и вытащила сначала толстую пачку зеленых банкнотов, а затем пачку отечественных по тысяче злотых. Зрелище более чем эффектное!

– О Иисусе!.. – простонал Павел.

– Сколько? – У Доната даже голос сел.

– А я знаю? – ответила Баська. – Могу сосчитать.

– Давай.

Подсчет состоялся в гробовой тишине.

– Пять тысяч четыреста зелененьких и сорок восемь тысяч злотых. Хватит.

– На что?!.

– Как – на что? На вклад в наш банк. Подушки для пересылки надо купить, а Мартин на что поедет в Свиноустье?

Пешком, что ли, потопает, с ночевкой под мостом? Чего это вы обалдели? Выкупаем марки или нет? Операцию я начала, понятно? Да вы мне ноги должны целовать.

Сообщники по-прежнему не сводили с нее глаз. После этакой встряски приходили в себя с трудом. Запланированное преступление свершилось, следовало с этим примириться, мало того, следовало радоваться! Первый шаг всегда самый тяжкий. Первый шаг на ведущей к цели тропе... И Баська сделала этот шаг... Мужчины смотрели на нее, она представлялась им созданием то жутким, чудовищным, то неземным.

Мартин первым пришел в себя:

– Предлагаю убраться подальше. Он может выскочить из дому и броситься в погоню. Думаю, встречаться с ним нет смысла.

– Так что?.. – неуверенно и смущенно спросил Павел. – Разве мы не вернем ему это?..

– Ты что, совсем сбрендил? – возмутилась Баська. – А он нам вернет "Молдаванских волов"? Прекрати молоть ерунду, скажи спасибо, что не тебе пришлось его грабить! Вы как считали – план придумали, и порядок, дальше все само собой? Дудки! Сейчас дело только начинается!

Донат включил зажигание и медленно двинулся к городу.

– Что правда, то правда, – сказал он с мрачной решимостью. – Чувствую себя последним болваном, но теперь все – хочешь не хочешь, дело сдвинулось...

По дороге смятение понемногу улеглось, мозги заработали более или менее нормально. Что ж, один аферист оплачивает проделки другого – в этом, как ни крути, есть справедливость. Совесть, правда, еще давала себя знать, но свет надежды уже сиял утешительно. Раз уж начало положено, то и конец не за горами. Это очень вдохновило размечтавшегося Мартина.

– Вот заполучу всю коллекцию, положу на полку, надерусь в стельку, как никогда в жизни. Это будет исторический звездный час! И недостает до него всего лишь семисот девяноста четырех тысяч шестисот долларов...

– Меньше, – поправил Донат. – Злотые, сорок с чем-то тысяч, тоже в счет идут.

– Вот именно, – возмутился Павел. – Речь шла только о долларах. Зачем забрала злотые?

– Их тоже надо брать, – назидательно возразила Баська. – А вдруг придется часть зеленых покупать на черном рынке или еще что? Кроме того, у меня новая идея. В общем, берем любую валюту, какая попадет под руку. И давайте за работу, я одна, что ли, должна отдуваться!

Согласно выработанной концепции, Мартин поехал в Свиноустье и просидел там десять дней. Энергичная вдохновительница троих оставшихся сообщников приглядела, кроме

контрабандиста из Фаленицы, еще несколько кандидатов, в число которых вошел некто Ленарчик. Слухи о пане Ленарчике, владельце многочисленных авторемонтных мастерских, бурно циркулировали и среди водителей и механиков. Баська принялась осторожно навещать валютные магазины, изучая не столько товары, сколько постоянных посетителей. Павел и Донат пустили слух среди знакомых: мол, некто желает купить по любой цене доллары, и в немалом количестве. Акция развивалась по плану.

Мартин вернулся в Варшаву в страшном похмелье, но с видом триумфатора.

– Убил двух зайцев враз, – известил он сообщников. – Капитально поработал мозгами, и полный порядок.

– Нашел моряка? – заинтересовался Павел.

– Даже двух.

– Зачем столько?

– А вот зачем: положиться на одного – дрянь дело. Регулярные контакты с одним моряком в конце концов вызовут подозрения, моряк может вдрызг упиться и намолоть лишнего. Рискованно.

– Но ведь он так или иначе тебя знает. Оба знают...

– Ничего подобного, меня не знает ни один. Зовут меня Михал Ковальский, выгляжу обычно. Один взял письмо и бросил в почтовый ящик в каком-то порту в Норвегии, а второй привез ответ. Первый привезет еще одно письмо для Михала Ковальского, главпочтамт, до востребования, приклеит марку и опустит в ящик в Свиноустье. И привет! Могу с одним из них увидеться в случае особой надобности еще разок. Или вообще не увидеться.

– Хорошо, а в письме что?

– В письме будет список фамилий и адресов посторонних людей, на которых отправим начиненные долларами думки.

– Значит, твой приятель согласился?

– И даже весьма охотно.

– А все понял?

– Он парень смекалистый, мало того, кой-какие творческие замыслы подкинул.

– Какие замыслы?

– А про банковские счета. Я сообразил, что проблемы начнутся с получением денег со счета, ведь неизвестно, кто и когда будет покупать марки. С такими марками отнюдь не легко даже на Западе, придется использовать разные оказии, просить знакомых. Да и он тоже должен этим счетом распоряжаться. Вот и предложил счет на пароль. Без фамилии. Пароль надо придумать.

– Здорово, – похвалила Баська. – Без фамилии даже лучше, никто ничего не докажет.

— Так ведь пароль надо сообщить, — забеспокоился Павел. — Придется его извещать, когда вышлется очередная подушка. А как? Без моряков не обойтись...

— Обойдемся. Пароль пройдет в письме — кличка кошки или собаки. А очередные посылки — по адресам посторонних людей, они все будут пронумерованы. Первый, второй, третий... Приятель оставит себе копию, а я пишу поэму, думаю начать историческую, работаю с трудом и торжественно оповещаю друга: удалась наконец первая строфа, вторая, седьмая... Некоторые строфы случится переделать и по два раза. Таким образом, обойдемся без рискованного посредничества разных сомнительных субъектов и сводим к минимуму опасность.

Вся компания выразила Мартину признание и восторг.

— Прекрасно, — воодушевился Донат. — Покупаем подушки и ждем письма со списком разных адресов и людей, так?

— А тем временем основательно шпигуем подушку...

— Минутку, минутку, — безжалостно прервал Павел. — Двадцать процентов отчисляйте сразу. Чтобы после не ломали голову — что-то, мол, не сходится...

— Уж не знаю, стоит ли высылать подушку черт-те с чем, — недовольно скривилась Баська. — И пяти тысяч не наберется.

— Никакой мелочи! Высылаем только в крупных купюрах. Мелкие пойдут в казначейство.

— И мелкие, и крупные сперва раздобыть надо. Снотворного до сих пор не достали...

— Верно, — оживился Мартин. — А про двух зайцев забыли?

— Я думал, два зайца — два моряка, — удивился Павел.

— Неужели привез снотворное? — обрадовалась Баська.

— Привез. Отрабатывал выданную на курорт сумму и не тратил времени даром. Пожалуйста!

Все с интересом рассматривали шесть больших ампул в коробке, их содержимое напоминало физиологический раствор — бесцветный и прозрачный.

— Что это такое? — спросила Баська. — И откуда?

— От моряка, разумеется. Иностранные моряки — настоящий клад для ловкого человека. Привез для меня по случаю, из сочувствия, ибо страдаю хронической бессонницей, наши препараты не помогают. Новейшая швейцарская продукция.

— И что с этим делать?

— Нюхать. Чуть-чуть накапать на ватку и вдыхать перед сном. Кажется, в принципе помогает заснуть, а после человек спит уже собственным промыслом и довольно крепко.

— А крепко с самого начала?

— Кажется, да.

Павел отобрал у Баськи ампулу и недоверчиво осмотрел.

– А не мало?.. И как ты рассчитываешь убедить этих прохиндеев понюхать ватку?

– Весьма деликатно. В одну руку берем ватку, в другую – ломик, этой другой замахиваемся...

– Тут уж и ватка ни к чему. Хороший ломик подействует сам.

– Другой вариант: берем обыкновенный шприц и – пуфф! – в воздух, к примеру, в замочную скважину. Препарат, распыленный в воздухе, действует аналогично. У меня есть еще одна коробка этой штуки. Проверил на себе, полный порядок.

– Ладно, – согласился Донат. – Делаем пуфф, распыляем в воздухе, вдыхаем и валимся замертво прямо на месте действия. Оч-чень мило... Я лично могу заснуть и без этого...

– Погоди, не мешай лектору. Мы натягиваем себе на носы какие-нибудь там масочки или просто затыкаем ноздри ватой, пропитанной чем-то совсем наоборот. Забыл чем, но у меня записано. Клиенты сладко спят, а мы себе бодрствуем вовсю.

– И долго это действует?

– С полчаса в полную силу, потом ослабевает. Следов никаких, запах приятный, даже сны иногда приятные. Противопоказано наркоманам и душевнобольным.

– Гениально, – выдохнула Баська. – Начхать на противопоказания – наркоманы и психи редко всерьез берутся за темные делишки такого пошиба, как наши клиенты.

– Если даже и берутся, то от случая к случаю, и барыш, как правило, пустяковый. Это люди не для нас. Ну и что теперь?

– Как – что? Приятные сны гарантируем всяким мошенникам.

И снова обычный тупик: легко сказать, труднее выполнить. Баська, сходив в разведку, положила геройский почин, Мартин откопал моряков и снотворное, настала очередь Павла и Доната. Однажды холодной дождливой ночью пес в Фаленице сожрал аппетитный кусочек говядины с таблеткой, после чего влез в свою будку и уснул. Но увы... только пес оправдал надежды. Донат и Павел вместо энергии и собранности проявили просто паническую растерянность. Разъяренная Баська силком дотащила их до ограды, которую надлежало форсировать, перелезая по замкам и перекладинам на воротах. Донат молча упирался, Павел боязливо и торопливо шептал:

– Это... это ведь воровство... Давай как-нибудь по-другому! Ни черта не видно! Господи боже, сколько живу, еще никогда... Еще никого не обокрал...

– Надо же когда-нибудь начинать! – яростно шипела

Баська. – А ну марш, недотепы! Лестница лежит у правой стены. Вы что, задумали Мартина доконать, вешаться, что ли, ему по вашей милости! Вот поганцы! За работу! И чтоб все-таки знали: это кража со взломом...

С беспрерывными стонами, охами и ахами Донат и Павел наконец перелезли. Баська, боясь ослабления своего психологического нажима, то бишь бегства компаньонов, протянула им четвертинку, припасенную на всякий случай.

– Выпить! Тару вернуть! – приказала она. – Лестницу не забудьте на место! И морды себе завяжите!

Выпитая на пустой желудок четвертинка возымела полезное действие. Пока взломщики налаживали лестницу под окном ванной, даже оценили смешную сторону авантюры. Более того: нашли в темноте нужное место, шлепнулись только дважды, не выбили стекол, бесшумно прокрались через ванную и холл и нашли спальню на первом этаже. Чудесное Мартиново средство распылили пульверизатором над головами почивающих обитателей виллы. Между окнами стоял антикварный сервант. В серванте, осененные не иначе как сверхъестественным вдохновением, налетчики нашли тайник.

– Ну и рожу скорчит этот парень завтра! – хихикал Павел.

– Давай вытрем пол, – в деловитом кураже шепнул Донат. – Чтоб никаких следов...

Вылезли через узкое окошко в ванной, не свалились с лестницы, отнесли ее на место и добрались до ворот грязные донельзя.

– Смеху-то, спятить можно! – заливался Павел. – Не знаю, не потерял ли чего...

Баська с Мартином ждали в машине, тряслись от страха. Баська сидела за рулем, решив не подпускать к нему Доната – как-никак водки хлебнул. Мартин сверлил глазами темень – ему все чудилось, что идет кто-то чужой. Боже, а вдруг да придется оглушить непрошеного гостя – от одной мысли об этом Мартин холодел.

Два черных силуэта появились около "трабанта" абсолютно неожиданно. Баська вскрикнула:

– Наконец-то! Это, надеюсь, вы?

– Осторожно, – шепнул Павел, садясь в машину. – Я весь в грязи. Он тоже.

– Вы на четвереньках ползали или как? Послушайте, а с псом ничего не будет? Не слишком ему влепили?

– Минимальная доза, – прошептал Донат. – Ну как для ребенка или для щенка.

Павел зашептал совсем еле слышно:

– Все удалось на славу.

– Да что вы шепчетесь, не пойму?

Донат и Павел взглянули друг на друга и захохотали. Наконец Донат сказал обычным голосом:

– Ерунда. В привычку уже вошло. Я трезв как стеклышко, но на всякий случай веди ты...

– А в мебели, там, между окнами, что было? – заерзал Мартин. Невинный сей вопрос спровоцировал новый приступ веселья у обоих преступников. Баська перестала наконец буксовать и выехала на улицу.

– Это с одной-единственной четвертинки! – бросила она с негодованием.

– Да нет, – ответил Павел, вытирая слезы. – Только там было столько всякого добра, что можно набить целую перину. Представляете физиономию этого типа, когда он увидит в целости и сохранности золото и бриллианты, а валюты нет?.. Глаза на лоб полезут.

Следующим очередником был пан Ленарчик. Его обчистили легко и просто, после чего операции перенесли на Жолибож. Там в собственной вилле проживал некий деляга, по проверенным данным – большой дока в валютных махинациях. Главные хлопоты доставил шустрый пуделек; песик был требовательный и абы чего не ел. Таблетку пришлось растереть в порошок и умять в котлету. Взлом сам по себе оказался плевым делом – окна на первом этаже без решеток и стекло из балконной двери вынималось запросто. Хозяин, к счастью, не имел сейфа, все свои капиталы держал в ящике комода и даже не закрывал его на ключ.

Вся компания испереживалась из-за отправки первой подушки в наволочке с народной вышивкой. Подвиг взял на себя Донат, твердо решив, что после этой процедуры ноги его не будет на главпочтамте. Подушка прошла без сучка без задоринки; на следующий день Баська отослала конверт для новорожденного.

Через три недели от Мартинова приятеля пришло радостное известие: получил, дескать, высокооплачиваемую работу и уже удалось накопить пятнадцать тысяч долларов. Надеется на большее.

– Ну вот, – умозаключила Баська. – Видите, как все просто? К чему есть себя поедом, психовать либо в петлю лезть? Лучшее средство – простая хорошая работа. Запасов у нас пока что на три подушки; Павел, твоя очередь!

– И давайте ускорим дело, завещатель в больнице чувствует себя препаршиво, – добавил Мартин. – Ему грозит операция.

– Тем более. Я уже подобрала нескольких серьезных клиентов...

Выслеживание валютных комбинаторов Баська добровольно взяла на себя, лишь изредка обращаясь за помощью

к сообщникам. Узнать ее не было никакой возможности: в блонд-парике, в темных очках и в брюках, совершенно менявших ее фигуру, она часами просиживала в разных странных местах. Результаты говорили сами за себя.

– Порядок, – услышали компаньоны на очередном производственном совещании. – Есть один долгоносый наводчик – точь-в-точь легавая. И одна баба с поросячьей рожей. У нее почему-то всегда юбка хвостом отвисает – чудеса, да и только, что бы ни напялила, всегда сзади хвост. Долгоносый варит с одним плешивым и с одним рябым, плешивый крутит гешефты с этим, с Жолибожа, а с кем рябой, не знаю.

– А баба с кем? – заинтересовался Павел.

– У бабы есть шеф, который обычно принимает клиентуру в "Швейцарском". Красавец – сил нет, у меня челюсть отвалилась, как его увидела. Чистая обезьяна, черные космы на глаза лезут, рожа красная, сальная, золотой зуб сияет факелом. У бабы гешефт средненький, а у него всерьез, и как ударит по крупной – с кем-нибудь едет куда-то в южном направлении. Наверняка где-то там у него малина, но где, пешком-то не догонишь. Ездит на вишневом "таунусе".

– Такси не могла взять?..

– Спятил? Еще чего! У таксистов память фотографическая.

– Надо узнать, где машина.

– Ясно, надо. Только присматривать за ними тоже надо. Плешивый и красавец-шимпанзе постоянно заключают сделки, и будьте уверены, всякий раз имеют при себе товара по меньшей мере на одну подушку. Надо организовать нападение.

– То есть как это организовать? Где они заключают свои сделки?

– Да где угодно. Шимпанзе с золотым зубом чаще всего в машине, Рябой тоже. Повсюду – в подворотнях, в забегаловках, на лестничных клетках, в Саксонском саду... Уловить бы подходящее время и место – и хвать!

– А ихние молодчики, охрана то бишь? – резонно спросил Мартин.

– Есть, почему бы нет? Шатается там несколько мордоворотов, но втихую – клиентов боятся спугнуть. Крутятся сбоку да вокруг. Если действовать в темпе, они и не подоспеют, а крик никто не поднимет, потому как милиция тоже там ошивается.

– Уж лучше кража со взломом, – размечтался Павел. – Хоть навык есть.

– А куда ломиться, если уже дефицит объектов?

– Необходимо отыскать малину, – твердил Донат. – В малине больше товара.

– Ну и что? Малина само собой, нападение само собой...

В результате Донат начал разъезжать на машине в шпионских целях. Золотозубого Адониса с его сальной мордой он выследил уже через несколько дней и выяснил: шимпанзе частенько навещает элегантную виллу на улице Гощинского. С Рябым все оказалось куда сложнее. Рябой ездил на "фольксвагене-1300". Мощный мотор с места развивал бешеную скорость и молниеносно исчезал с глаз "трабанта" в разных направлениях, но в основном к югу. Донат помаленьку фиксировал короткие этапы его пробега. Был шанс через несколько лет проследить маршрут проклятого "фольксвагена".

Вилла на Гощинского оказалась почти недоступной. Перелезть через ворота с улицы исключено – фонарь светил так ярко, что любоваться грабителями, сыщись таковые, могли все кому не лень. Виллу окружала замечательная изгородь: даже легкое прикосновение вызывало где-то в доме страшный вой, бряцание и прочие сигналы тревоги. Необычайно заманчивый объект, надо полагать, усиленно охранялся. Сидя за живой изгородью с биноклем, Баська после досконального наблюдения убедилась, что святая святых находится на первом этаже. Это был скрытый за книжной полкой сейф. Хозяин дома, правда, очень заботился о маскировке окон, но все-таки однажды затянул шторы неаккуратно – через щель удалось подсмотреть его манипуляции. Он нажал какую-то кнопку, книжная полка отодвинулась, обнажилась стальная дверца с диском посередине, и он набрал на диске шестизначный номер. Пять цифр из шести Баське удалось разглядеть.

Недоступность виллы крайне раздосадовала Баську: она все настойчивее требовала насилия над этой недоступной личностью. Донат и Павел в конце концов уступили. Согласились и прибыли по вызову с двумя мешками, дабы накинуть их на головы деляг-лихоимцев, в случае чего врезать по уху и обчистить. В конце концов они оказались в Саксонском саду, где на скамейке мирно сидел плешивый с каким-то субъектом...

Когда они уже в четвертый раз энергично продефилировали мимо скамейки, упорно глядя в другую сторону, Баська просто озверела и непременно выпихнула бы их и в пятый, но тут собеседники сорвались с места и поспешно удалились. После грандиозного скандала она вырвала у компаньонов клятвенное обещание более успешно провести следующий раунд, затем выявила время и место встречи долгоносого наводчика, похожего на легавую, с клиентом.

На сей раз сцена смотрелась так: долгоносый с клиентом вошли в дом на площади Домбровского, задержались на

площадке между вторым и третьим этажами и принялись пересчитывать на подоконнике пачки банкнотов. Баська неслышно прокралась на второй этаж и, увидав увлеченных сделкой барыг, настойчиво замахала руками ожидающим внизу компаньонам. Донат сунул Павлу мешок, сам взял другой и с отчаянием прошептал:

– Эх, была не была, ноги в руки, пока эти не закончили...

Павел было о чем-то заикнулся, но сходящая по лестнице Баська зашипела не хуже разъяренной змеи. Донат легонько подтолкнул его, и Павел ринулся наверх, Донат поспешал следом.

Барыги у подоконника, скосив глаза, увидели прыгающего через три ступеньки человека и согласно повернулись тылом, стараясь заслонить свои банкноты. Прыгун бешено промчался мимо них наверх, наращивая темп. За ним, стараясь не отставать, летел другой, топоча и спотыкаясь поминутно. Он, похоже, гнался за первым с кровожадными намерениями. Топот и грохот отдавался на каждом этаже, постепенно удаляясь все выше.

Господа финансисты быстренько рассчитались и поспешили покинуть суматошный подъезд, миновав внизу блондинку, внимательно изучавшую список жильцов.

Павел и Донат остановились на последнем этаже, увы – дальше бежать было некуда. Некоторое время тяжело дышали и смотрели друг на друга, потом уселись на ступеньке. После длительной паузы Донат наконец обрел дар речи:

– Ну и что теперь? Спускаемся или еще подождем?..

– Если бы ты напал, я бы тоже напал, – смущенно пробормотал Павел. – Как-то что-то не вышло...

– Да ведь ты первым бежал!

– Ну и что? Ты себе представил, что я с верхнего этажа на них прыгать стану?

– Не догадался. Что делать будем?

Павел помолчал, потом обеспокоенно буркнул:

– Давай лучше спустимся, а то она сама примчится.

Баська стояла внизу только потому, что не знала, сойдут они или спустятся в лифте. Гром грянул с ходу. На обоих налетчиков обрушился град ругани, поношений и упреков.

– Да пойми ты, надо иметь хоть какой-нибудь хулиганский опыт, – оправдывался Павел. – А так вот запросто подойти и двинуть по башке незнакомого человека?

– А кто тебе велел двигать по башке?! Мешок на голову – и деньги в руки! А вы, голубчики, решили: налет сам по себе, а вы сами по себе? Дураки, растяпы, идиоты!!!

– Извини, но ты вроде говорила, этот работает так себе, не по крупной, – вилял Донат. – Ну чего из-за пустяков так уж...

– Господи, и ты слышишь!!! – возопила Баська. – Хорошо, будет вам дело покрупнее! Но только попробуйте выкинуть такой фортель еще раз...

Очередная, третья, акция свершилась на Театральной площади. Ошалелые от волнения Донат и Павел послушно явились по телефонному Баськиному приказу – Баська уже здорово ориентировалась в подпольном бизнесе. Немного подождали на Кредитовой около валютного магазина, потом все вместе поехали на Театральную площадь следом за "пежо", в котором сидел плешивый. "Пежо" припарковался около Вежбовой, "трабант" проехал дальше и свернул в Нецалую.

– Быстрей! – погоняла Баська. – Они как раз считают деньги. Скорей, а то закончат, и поминай как звали!

Она вышла вместе с компаньонами, чтоб издали проследить за операцией. Павел и Донат приблизились к "пежо" с двух сторон – Донат справа, Павел слева. Павел четким шагом подошел к дверце, но вместо того, чтобы резко открыть и атаковать, вежливо постучал в стекло. Водитель поднял голову и, предварительно спрятав в карман пачку банкнотов, опустил стекло.

– Что вам угодно? – спросил он холодно.

Павел крайне смутился – ведь хочешь не хочешь, а надо заговорить. Сказать, к примеру: позвольте вам двинуть по черепушке и забрать ваши деньжата... но ведь это ужасно бестактно и не к месту. А посему Павел, вконец смущенный, изрек:

– Извините, пожалуйста, где улица Вилловая?

Водитель помолчал. Его пассажир сидел с напряженно-безразличным видом. Донат, подойдя к другой дверце, так заинтересовался подъезжающим автобусом сто одиннадцать, словно ничего подобного в жизни не видывал. Павел в почтительном полупоклоне торчал у опущенного стекла.

– Улица Вилловая совсем в другой стороне, – сказал водитель "пежо" и вышел. – Не здесь, а на Мокотуве. Вам лучше всего добраться на такси.

Взял офонаревшего Павла под руку, подвел к стоянке такси и посадил в единственную свободную машину:

– Этому пану нужно на Мокотув, улица Вилловая, – после чего вернулся к своему "пежо".

Потрясенный Павел, не пикнув, поехал с Театральной площади. У Баськи потемнело в глазах, она даже не шевельнулась, когда такси с ее муженьком промчалось мимо. Донат энергично двинул на автобусную остановку и сел в сотый номер. "Пежо" свернул на Белянскую. На месте действа остался "трабант", но Баська не могла в него попасть, ибо Донат увез ключи в голубую даль.

Окончательно одуревший Павел проехал в такси мимо

12–1616

своей работы и вышел без всякой на то надобности только на Билловой. Донат прокатил в сотом автобусе полный круг, что обошлось ему в пятьдесят злотых штрафа – про билет он, разумеется, забыл. Баське тоже пришлось ехать автобусом. Короче, все собрались у нее лишь к вечеру.

– Все. Хватит! – исступленно орал Павел. – Пусть леший с твоим мешком шляется, я ни на кого бросаться на стану!

– Ну еще бы! – презрительно цедила Баська. – Ты теперь у нас специалист, пора и на покой! Молчи уж! На пустяковом налете и то срезался...

– Подумать только, у хулиганья и всякой шпаны это все само собой выходит! – дивился Мартин.

– Надо продолжать знакомое дело, – рассудил Донат. – Все-таки кража со взломом занятие поспокойнее: присмотрю за Рябым, у него наверняка где-то машина. А с этими налетами пора кончать.

Мартин беспокойно заерзал, даже рот раскрыл, но говорить раздумал. Баська посмотрела на него выжидательно, потом сказала:

– Итак, хана, пойдем на попятный? Учтите, кражи со взломом – такая волынка, дай бог лет через десять набрать нужную сумму. Думаете, все такие дураки, чтобы двери настежь оставлять? Да пораскиньте вы мозгами: коллекционер – трижды плюю через левое плечо – вдруг да помрет, и все, поймите, все выплывет. Проще говоря, с нами полный ажур, один Мартин пусть себе выкручивается. А я, что я – ну дура баба и свинья легкомысленная...

– В Залесье живет один частник, – залепетал Павел. – Ворует или нет – не знаю, но богат...

– Богатство само по себе ни о чем не говорит, – заметил умный Донат. – Может, он вполне порядочный человек.

– Вломиться к нему – тьфу... – слегка оживился Павел. – Он, пожалуй, слишком богат для честного труженика. Как пить дать ворует!

– Подъехать можно, почему нет, – сказала Баська без особого энтузиазма. – Поглядим, что и как. Если жулик – отлично. Только это все равно не спасет положения!

Мартин снова заерзал:

– Несколько моих приятелей довольно лихие ребята, сильные и поразвлечься не прочь. Может, их как-нибудь уговорить?..

– Вот-вот, – подхватил Павел. – Лихой характер – великое дело!..

Донат возмутился:

– Чушь. Во-первых, нельзя подвергать такому риску посторонних, а во-вторых, пойдут сплетни. Твои приятели как-никак с тобой знакомы.

– Тогда надо поискать незнакомых хулиганов...

– Да заткнитесь же! – вскинулась Баська. – Я подозревала, да что там, знала, что так все и будет, и одна идейка у меня про запас давно есть. Найдем дельных парней, только надо все хорошенько продумать. Устроить так, чтобы нас вообще никто не знал и не смог зацепить. Раскошелиться, само собой, придется. Я хочу сказать...

Но вопреки нетерпеливой настойчивости своих друзей она больше ничего не сказала. Оперативная деятельность на какое-то время притормозилась. Законный владелец утраченного сокровища чувствовал себя в больнице все хуже, и настроение компаньонов соответственно ухудшалось. На Мартина прямо-таки жутко было смотреть. Без его ведома обокрали небезызвестного Лёлика – он, правда, не был мошенником, но милиции почему-то страшился. Донат без отдыха катал за Рябым, у Павла засело в мозгу Залесье, и он тоскующим взором поглядывал на виллу богатого частника. Его останавливало только одно соображение: а вдруг он порядочный – поднимет шум и помчится в милицию.

Наконец Баська пустила в ход свой запасной вариант. Идея заключалась в следующем: умелых исполнителей должен некто нанять. Этот некто, во-первых, должен быть далеким от валютчиков, но деловым человеком, которому всяческие препоны и законы не мешают спокойно спать. Во-вторых, предполагаемый кандидат должен твердой рукой держать подчиненных и хранить верность своим компаньонам. И, разумеется, он должен любить неординарные, рискованные предприятия и держать язык за зубами, даже если выйдет из дела.

Такого уникального индивида, Гавела, Баська знала уже много лет. Она легко возобновила прерванные некогда контакты.

– Умора, да и только! – развеселясь, хохотнул Гавел. – Кретинка. Такой ерунды осилить не могут. Тоже мне, деляги. Хи, хи!

– Для кого ерунда, а для кого и нет, – парировала Баська. – Ты бы тоже по веревочной лестнице не полез – дружка бы подослал.

– А на кой шут мне лазать по веревочной лестнице?!

– А я знаю? Не хочешь, не лазай. Умничать всякий умеет. А мне рыдать охота – во какой кус у нас мимо рта уплывает.

Гавел задумался. Баська взирала на него с надеждой – идея его явно заинтересовала.

– Мне с такого дела кое-что причитается, – отчеканил он без обиняков. – Я еще не рехнулся, чтоб ради какого-то раззявы за спасибо суетиться. Вас четверо, говоришь? Лады. Пятая доля мне. Идет?

Баська согласно кивнула. Насчет казначейских двадцати процентов даже не заикнулась, не без оснований опасаясь, что Гавела просто хватит удар. Потом подробно изложила ситуацию, детали, мелочи, справедливо решив, что без точной информации Гавел рисковать не станет. Он любил риск, но риск обоснованный.

— Они обо мне знают? — спросил он деловито.

Баська пожала плечами:

— Могли слышать про тебя от Иоанны, но понятия не имеют, что мы с тобой знакомы. Думают, мне тоже про тебя Иоанна натрепала.

— Кстати! Одно условие. Иоанна ничего не должна знать о моем участии. Понимаешь, в случае чего кто-нибудь кому-нибудь подложит свинью, либо мы ей, либо наоборот. Она там со своими ментами попала в дурацкое положение, и с ней — полный молчок. Уяснила?

— Да всем все понятно. Ничего она не знает, хотя баба толковая и был бы прок. Ничего не знает и не будет знать.

— Само собой. А своим чего про меня наговорила?

— Ноль. Сама, мол, справлюсь, и не их собачье дело, как... Проглотят как миленькие — им ничего другого не остается.

— Лады, — с удовольствием повторил Гавел. — Давай рассказывай, что к чему и твои планы. Конкретно: как выйти на этих валютных фрайеров.

Баська облегченно вздохнула, закурила и поудобнее устроилась на шикарном финском диване. Еще раз вздохнула при мысли, что за проклятое Мартиново наследство могла бы заполучить и себе кучу таких диванов.

— Все элементарно. Вальдемар — железобетон, влюблен в меня с пеленок, и в башку ему ничего подозрительного не придет — чуток наивен для этого. Велю ему найти фрайера с долларами. Вальдемар находит. Скажу, хочу купить две тысячи. Дам ему в лапу триста тысяч злотых...

— И у тебя есть триста тысяч? — слегка удивился Гавел.

— А что? Не с пустыми же руками решаемся на такое, грунт обеспечен... Вальдемар договаривается с валютчиком и покупает зелененькие...

— А как с ценой? Торгуются?

— Наплевать. Вальдемар может уступить и купить дороже. Совершают сделку, обмениваются деньгами, прячут, и тут вмешиваешься ты. Деньги отбираются у обоих. Вальдемар ни о чем не догадывается, гарантирую, трясется от ужаса. У него такой вид — ему любой с ходу поверит. Никому и в голову не придет, чтоб этакий недотепа задумал хитроумную каверзу, поглядишь на него при случае, сам убедишься. Вальдемар со слезами летит ко мне, а я спокойно говорю: ничего страшного, найди другого клиента, но эти две тысячи

купи. Даже лучше три. Вальдемар находит следующего...

– А твой Вальдемар не призадумается наконец, откуда у тебя столько денег?

– Вальдемар золото, а не человек – он вообще не любит задумываться. Потом, я покупаю не для себя, а, допустим, для миллионера – владельца пригородного хозяйства. Вальдемар и под пыткой поклянется, что действует в интересах абсолютно чужого человека, а я только посредница... Погоди, чушь я несу! Из Вальдемара никакой пыткой не выжмешь моего имени!

– Допустим. Но валютчики не полные кретины, начнут подозревать...

– Только на второй раз. А третьего раза не будет, то есть будет, но уже в других городах. Есть ведь Гданьск, Щецин, Краков, Закопане... Обработает другие города, снова вернется в Варшаву. Он часто ездит в командировки. Естественно, уведомит меня, где и когда договорился с очередным валютным прохвостом. А найди мне такого субчика с долларами, который помчится с криками в милицию.

– Кстати, у этих огородников тоже долларов хватает, – сообщил задумчиво Гавел. – Дать хорошую цену, продадут.

– Ну видишь...

Гавел засмотрелся в окно. Очнувшись от размышлений, решительно объявил:

– Ладно, согласен! Ну и потеха, хи-хи! Я даже покажу кое-кого твоему Вальдемару. Есть парочка прохиндеев. Наступили мне на любимую мозоль, хи-хи-и-и! Нападение разыграем в лучшем виде. Хи-хи-и-и! Только сначала покажи мне его...

Таинственно заполученная Баськой новая солидная начинка для подушек вызвала, с одной стороны, великое облегчение, а с другой – беспокойство. Донат и Павел с сомнением помалкивали. Мартин и оживился, и помрачнел, зловеще объявив:

– Не нравится мне все это. Паника началась. Того и гляди пресса за нас примется.

– Не трясись, никто ничего не пронюхал, – утешала Баська. – Эти громилы меня не знают, а про тебя слыхом не слыхивали. И понятия не имеют, что за этим стоит. Получают гонорар, остальное им до фени.

– Всю черную работу за нас отваливают, – заметил Павел. – Расчеты, правда, несколько усложнились: двадцать процентов высылаем от суммы брутто, сюда же их гонорар... Скоро, глядишь, и бухгалтера придется нанять.

– Ничего не попишешь, предприятие разрастается, себестоимость тоже...

– То-то и оно, – вмешался Донат. – Надо больше нам

самим поработать. Рябого я на себя возьму, только на две недели в ГДР сгоняю.

– Самое подходящее время на зарубежные экскурсии...

– Я же в командировку. Вот бы его до поездки накрыть. В случае чего разделаетесь с ним сами.

– Попробуем, – согласилась Баська, скрывшая от союзников участие Гавела в прибылях и мечтавшая о самостоятельной добыче. – Прихватишь его в последний момент – найди способ сообщить. Позвони или открыткой. К тому же из Берлина подушку вышлешь...

– Исключено! – запротестовал Мартин. – Черт знает, что там за контроль, большой риск.

– Не все же время из Варшавы посылать, того и гляди сядут на хвост!

– Есть и другие города, поезда ходят, самолеты летают. Давненько не бывал в Кракове, охотно прокачусь...

– Я еду машиной, могу по дороге из Познани отправить, – предложил услуги Донат, одолеваемый больной совестью: и с нападением напортачил, и Рябого не выследил... Истерзанный мыслью о своей бездарности – ведь из-за него друзья попали в зависимость к неизвестным бандитам, того и гляди нагрянет расплата, – Донат все свои силы бросил на Рябого и в последний вечер перед отъездом открыл его бесспорные шашни с богатым частником из Залесья. Вскоре Донату сообщили о том, что Павел подвернул ногу и что все отправляются на бридж. В спешке Доната осенила блистательная идея оставить бесценную информацию в записке, подсунув ее под "дворник" в моей машине, которой компания наверняка отправится домой...

Баська упорствовала с виллой на Гощинского. Трехмесячные наблюдения принесли блистательный результат. Просиживая поблизости целыми днями, однажды она увидела неповторимую сцену: пан Кароль вместе с домработницей, нагруженные всевозможными постельными принадлежностями, перепуганные, в спешке бежали из дому. Баська позвонила из ближайшего автомата, и через пятнадцать минут трое заговорщиков были на месте.

– Вынесли все постели и уехали, – известила их Баська. – Калитка открыта, в доме никого, единственная оказия. Не понимаю, что стряслось – пожар, что ли? Случаем дом не минирован?

– И что же стряслось? – заинтересовался Мартин. – От катаклизма решили спасти исключительно постели и больше ничего?

– В чистку пера и пуха повезли, – предположил Павел.

Баська завелась с пол-оборота:

– Да скорей же, растяпы, горе-разбойники! Сбежали на

дикой скорости, так же и вернутся, вспомнят про открытую калитку! Да не летите все вместе – тут вам не первомайская демонстрация!

– Ты останься, – велел Мартин Павлу. – Может, техническое образование пригодится.

Баська встала на стреме у калитки.

– У тебя свисток, увидишь их издалека, свистни. Сматываемся через сад. Застанет в своем доме – всех передушит.

Толкнули калитку, вошли в сад. Мартин отправился в обход виллы, Донат подошел к двери. Позвонил, начал осматривать замок. Мартин, обойдя дом, явился с другой стороны.

– Оставь, – сказал он на всякий случай вполголоса. – Дверь на веранду открыта. Тут какое-то крупное чэпэ, боюсь, не рванет ли все это к чертям собачьим.

Без осложнений, осторожно вошли в дом через веранду, отыскали кабинет пана Кароля и осмотрели полку. Мартин быстро обнаружил механизм.

– Я в последнее время специально занимался тайниками, – признался он. – В голове вертелось, вдруг пригодится...

Набрали на диске подсмотренный Баськой номер, с третьей попытки попали на нужную последнюю цифру, и сейф открылся.

– Боже праведный!!! – задохнулся Донат при виде сокровищ.

– Денежки-то тяжелые, – заметил Мартин недовольно. – Зря Павла не взяли.

– Давай немного хозяину отложим, а то обанкротится – и лишимся клиента...

Дверь на веранде оставили открытой – все как было, сняли с поста Баську, захлопнули калитку и, сгибаясь под тяжестью нового улова, добрались до "трабанта", вокруг которого нервно бегал Павел.

– Никогда бы не поверил, до чего просто! – дивился Донат, запихивая в машину большую, до отказа набитую туристскую сумку. – А я-то жалел Баську – проведет без толку всю оставшуюся жизнь здесь на Гощинского.

– То-то и оно, – торжествовала Баська. – Караулила, караулила – и вот вам. Таков уж закон жизни – человеку в чем-нибудь да повезет!..

Все шло прекрасно, не потребуй Гавел у Баськи сразу после первых успехов пароль на счет в Швеции. Без пароля он отказывался от всякого участия в деле, хотя причитающийся ему гонорар получал систематически и без опозданий.

– Мне деньги нужны безотлагательно, – пояснил он. – Что мое, то мое, и никаких гвоздей. У меня, знаешь ли, день-

ги без движения не залеживаются. Капитал, он оборот любит. Вашего не трону, не волнуйся, разве что одолжу взаймы, а тогда уж верну с процентами.

Баська испугалась: возьми Гавел часть суммы со счета, и ее компаньоны откроют, что деньгами кто-то пользуется для личного обогащения. Приятель Мартина ежемесячно слал до востребования ликующие известия о своих растущих заработках. Превращение общественно полезной деятельности в обыкновенное стяжательство и преступление непременно приведет к непредсказуемым последствиям. Такого Баська допустить не могла.

– Погоди немного, – забеспокоилась она. – Скажу тебе пароль, только не бери пока денег. Они узнают, допекут меня насчет твоего участия, на кой черт всякие осложнения? У меня не жизнь, а каторга начнется, подожди пока, хоть ради меня.

Гавел уступил неохотно, обещал переждать, но пароль записал. Баська нервничала, все ее аргументы для Гавела тьфу, и, подвернись ему выгодная сделка, тут же распотрошит счет... Баська не желала ему худа, но взмолилась про себя, чтобы в его операциях наступил полный застой.

На всякий случай Баська в глубокой тайне решила понаблюдать за налетами. Не все ей удалось обозреть, ибо Вальдемар с условленного места часто уезжал в машине партнера. Нанятые Гавелом прохвосты, ясное дело, отправлялись за ним, используя разные виды транспорта. Баське оставалось такси, а прибегать к такси она считала великой неосторожностью – ведь таксисты имеют глаза и натренированную профессиональную память...

Однако, проследив за налетами, она узнала нападающих. Хотя они обросли и походили больше на обезьян, чем на людей, Баська без труда распознала своих давних знакомцев. Пока неизвестно, пригодится ли это знакомство, и она похохатывала, что нанятые Гавелом налетчики про нее ведать не ведают.

Через некоторое время возникли осложнения.

– У тебя, кроме этого Вальдемара, на примете нет никого? – осведомился Гавел при очередной встрече. – Надо бы неразбериху на полную катушку пустить. Валютчики нервничают. Хи-хи-и-и!

Баська забеспокоилась:

– А что? Вальдемара заприметили?

– Пока нет, но того и гляди приметят. Сущее пекло разверзлось, хи-хи! Ихние мордовороты-охранники уже дважды схлопотали по роже от работодателей, о господи, ну и кино! Хи-хи-и-и! До моих парней не доберутся, но чем черт не шутит – надо бы всех этих гешефтмахеров запутать. Есть у тебя кто?

— Троих по одному разу хватит?

— Хватит. Эти трое верняк?

— Абсолютно.

— Каждого по очереди покажешь...

— Зачем? Скажу, с кем будут заключать сделку, и хватит. А чернорыночных заправил твои люди знают?

Гавел подумал, захихикал и кивнул.

— Пожалуй, ты и права. Даже лучше, если нарвутся на чужака. Договорились: три сделки без Вальдемара и всякий раз клиенты разные. Только пускай орут поаккуратнее. Хи-хи-и-и!..

После этой конференции Баська вручила Павлу полмиллиона злотых.

— Держи. Повертишься в Иерусалимских аллеях, около валютного магазина, увидишь плюгавенького косоглазого... Впрочем, покажу пальцем, иначе все равно перепутаешь. Подождешь, пока не заговорит, предложишь купить у него четыре тысячи долларов.

Павел недоверчиво смотрел на толстую пачку злотых.

— И что?

— И ничего. Вы договоритесь. Ты поедешь за злотыми, а он за долларами. И боже упаси брякнуть, что деньги у тебя с собой. Сообщишь мне, когда и где встреча.

— А потом?

— Ничего. Встретишься с ним, он тебя куда-нибудь отвезет...

— Двинет мне по роже и отнимет деньги.

— Дурак. По морде, конечно, получишь слегка. Нападут бандиты и заберут все. У него тоже. Особенно не сопротивляйся.

— Это еще почему? — возмутился Павел. — Мне же еще и бандитам потакать?!

— Ты же сам не хочешь разбоем заниматься, значит, будешь пострадавшим. Никуда не денешься, придется принять участие во всей этой катавасии.

— Ну ладно, только почему я?!

— Не нуди, Мартин и Донат в очереди за тобой...

Павел отправился на дело неохотно. Разбойники напали в одной из безлюдных улочек на Чернякове. Увечья не получил, даже по морде не заработал, ибо сохранил полное спокойствие и поднял руки вверх, хотя никто этого не предлагал. А после к тому же донимал всякими подозрениями ошалевшего с перепугу валютчика: что тот сам организовал нападение, обманом завлек своего доверчивого клиента, подло использовал в гнусных целях, а посему он, клиент, порывает с ним всякие отношения. Возможно, и в милицию обратится.

— Было даже смешно, и ничего со мной, как видите, не случилось, — рассказывал позднее Павел.

Подбодренные его рассказом, Донат и Мартин не протестовали и согласились подвергнуться насилию. И того и другого обобрали по очереди в разных пунктах города; кроме того, Донат использовал командировку в Щецин, дабы его ограбили и там.

– Слушай-ка, эти двое везде и грабят? – заинтересовался он, вернувшись из поездки. – Рожи обросли бородищей, узнать трудно. А вообще-то кто такие?

– Работники физического труда, – объявила очень довольная Баська. – Специально нанятые, чтобы за вас провернуть грязную работу. Не знаю, кто такие, они про нас тоже не догадываются, и нам нечего совать нос куда не надо. Лучше знать поменьше.

Веселая идейка Гавела окончательно сбила с толку стражей черного рынка. Операция развивалась. Мартин послал приятелю письмо со списком марок, подлежащих покупке, и начал заполнять анкету на выезд, одновременно через зарубежных знакомых разыскивая обладателей "Маврикиев". Заговорщики радовались близкому концу преступных своих деяний.

Тут-то и разразилась катастрофа...

Десять дней Баське удавалось скрывать от сообщников связь аферы со смертью Вальдемара Дуткевича. Сначала Павел, а за ним Мартин и Донат догадались о правде. Случившееся оглушило словно дубиной, все сникли.

Дня через два, с трудом оправившись, обрели способность рассуждать. Невинная, казалось бы, афера вдруг резко изменилась, приняла угрожающий характер, заставила взглянуть на всю затею другими глазами... Кто-то в ответе, но кто и в какой степени, никто не знал...

– Я выхожу из игры, – сухо заявил Мартин. – Не знаю погибшего, но это на моей совести. Да и вообще отсижу за проклятые марки, и дело с концом.

– Ясно, такого рода дела добром не кончаются, – хмуро буркнул Павел. – Давно пора было кончить...

– Раньше никак не выходило, – по-деловому заметил Донат. – У нас на счету пятьсот семьдесят девять тысяч шестьсот двадцать долларов. Еще бы немного, и порядок. А так не все марки удастся выкупить...

– Ничего выкупать не собираюсь, заграничный паспорт оформлять отказываюсь.

– Послушай, утихомирься. Кто спорит – мы виноваты, нельзя было вовлекать постороннего человека, а насчет убийства кто мог подумать. Побить еще куда ни шло, но убить... На мой взгляд, что-то тут чертовски неладно. Меня тоже совесть грызет.

– Смерть Вальдемара целиком на моей совести, кругом виновата я одна, – решительно заявила Баська. – Я втянула

его!.. А не пристрой я его к этому делу, кто-нибудь из вас оказался бы на его месте. Тоже ничего хорошего.

– Убили валютчики, сомневаться не приходится, – совсем помрачнел Павел. – Сволочи... Я рад, что этих негодяев хоть на валюте нагрели. И богом клянусь, готов нападать и обирать их как липку.

– Быстро же твоя готовность созрела, и главное – ко времени, – съязвила Баська.

– Ясно, валютчики действовали и не своими руками, у них на то спецмолодчики имеются. Всякие наемные гориллы. А хуже всего, что мы же должны желать им доброго здравия – если милиция засечет, через них выйдут на нас...

– А мне без разницы, – совсем сник Мартин. – Я, пожалуй, все деньги отошлю...

– И что? Вальдемара воскресишь?

– Не знаю. Марок нету и не будет, а сидеть придется. Государственное имущество на сумму свыше полумиллиона – пожизненное заключение обеспечено. И вообще ничего больше не понимаю.

– Может, обойдется, милиция их найдет, а нас нет? – уныло пробормотал Павел.

– Совсем свихнулись! – рассердилась Баська. – Что только у вас в башке делается? Вы Вальдемара не знали, ведь не вы же его кокнули! Убили беднягу бандиты, нанятые мерзавцами, о которых и представления не имеем. Мы ведь даже не в курсе, кто мерзавцев обирал!

– Зато знаем, кого обирал. И для нас обирал...

– Как ни крути, а убили из-за нас. Мы его уговорили, из-за нас все.

– Не вы, а я...

– А Дуткевич ни про нас не знал, ни про аферу. Убийцу найти – значит раскопать все наше предприятие. А так все останется шито-крыто.

– Боже праведный, ну и кашу мы заварили...

– Давайте потолкуем логично, – вступил Донат. – Прежде всего, надо отдать себе полный отчет в нашем положении. Во-первых, кто убил Дуткевича?

– А черт его знает...

– Какие-то двое. Не поручусь, что не наша парочка, – съехидничал Мартин. – Ведь сказал же он по телефону: "Те самые двое". Что бы это значило?

Все молча уставились на него, Баська похолодела.

– И что же это значит? – растерянно переспросил Донат.

– Не знаю. Естественное соображение: узнал неких двоих, с кем уже имел дело. Далеко идущие выводы ни к чему, но сами собой напрашиваются – постоянно нападавшая пара...

– Совсем сдурел! – завопила Баська. – Эти парни с прихвостнями валютчиков ничего общего не имеют!

Из всей компании один Донат умудрился сохранить трезвость ума.

– Да, не похоже. Скорее всего, Вальдемар обратил на них внимание при сделках: либо они выполняли функции телохранителей, либо за ним следили и преследовали... Предположим, обстояло именно так. Предположим, охранников схватят, они признаются – наняты валютчиками. Валютчики свалят на Вальдемара – дескать, наводчик, повязан с бандитами. Вальдемар умер, круг замкнулся, и мы ни при чем.

– А если его убили не гориллы, а наш, так сказать, персонал...

– Тогда возникает полная бессмыслица. Я отказываюсь понимать. Разве что Баська распорядилась его убрать, в чем сомневаюсь.

Баська пожала плечами, подумав, постучала еще и пальцем по лбу. Павел взглянул на нее, потом на Доната.

– Сдается, все так и произошло, как он говорит, – показал он трубкой на Доната. – Если наши махинации не откроют, до нас не доберутся. Но все равно Вальдемар на моей совести. Мартин, поступай как хочешь, только выкупи марки, хоть какой-то толк будет из этой заварухи.

– А как? Отсюда?

– Через своего приятеля. За деньги последний болван купит. На счету пятьсот семьдесят с чем-то тысяч, не хватает всего ничего, какой-то пустяковины...

– У моего шурина в Лондоне знакомые филателисты, – сообщил Донат. – Возьму адреса, а твой приятель попытается с их помощью...

Началось обсуждение покупки марок на расстоянии. Баська молчала. Она одна знала – сумма на счету значительно меньше, ведь следует учесть и долю Гавела. А Гавел своего ни за какие коврижки не упустит...

Гавел не только не упустил своего, но и повысил требования.

– Кто-то наследил, – разразился он, как только Баська вошла. – Больно уж быстро вычислили Вальдемара. И ко мне больше не шляйся, легавые и так повсюду околачиваются, а из-за ваших глупостей я не собираюсь нести убытки. Значит, так: или мне половина прибыли, или взаймы все деньги на полгода, потом получаете свою половину с процентами. Скажем, шесть процентов. Что предпочитаешь?

– С ума сошел? – Баська была вне себя. – За какие это заслуги – половину?

– А за такие, что мои расчеты того требуют, и баста. Вы отправили двести восемьдесят тысяч, для моих целей необ-

ходимо сто пятьдесят. И за несколько недель я сто пятьдесят заполучил бы, не подложи какой-то стервец свинью. Опять же чем черт не шутит – вдруг Вальдемар сам проговорился...

– Да не мог он проговориться, ничего не знал. Был жертвой грабителей, и только.

– Ну, тебе видней. Может, ты сама где-нибудь трепанула. Или кто из твоих дружков. Подпортили мне дело, и, хочешь не хочешь, я убытки себе возмещу. Выбирай: или половина, или все взаймы, мне без разницы.

– Ничего ты не получишь, понятно? – осатанела Баська.

Гавел смерил ее странноватым взглядом.

– Понятно-то понятно, только ведь нехорошо получится... – несвойственно вежливым тоном протянул Гавел. – И отчего бы это вдруг ничего?

Тон Баську образумил: не то время выбрала для войны с Гавелом. Тяжело вздохнув, она откровенно призналась, в чем беда. С покупкой марок тянуть нельзя – и так все осложнилось, а денег не хватает, вот она и понадеялась на Гавела, мол, поймет и откажется от своей доли. Иначе все их подвиги насмарку.

Гавел спокойно выслушал, не высмеял, не придушил, даже заинтересовался и ответил уже в своей обычной манере:

– Ваши идиотские заботы мне до лампочки. Идиотов надо топить смолоду. Но ты баба хорошая, и потому предлагаю скомбинировать. Меня не проведете – кое-что без меня сколотили, и я не совался. Давай всю сумму на полгода. Через полгода, максимум через три квартала будете иметь нужные деньжата на вашу священную макулатуру, да еще и останется. Прибыль с вашего без моего участия заполученного капитала – фифти-фифти.

– До тебя не доходит, что ли, ведь по-польски объясняю! Через полгода наша афера выплывет на свет божий – и все полетит к чертовой бабушке.

– Подумаешь, эка важность, выкупите с опозданием. У меня свои интересы, я от них не отступлюсь. Ну, хватит, решай.

Баська начала лихорадочно соображать в поисках выхода... Гавелу, как и Мартину, за границу не выехать. В ближайшее время уж точно. Значит, главное – выиграть время, а позже поставить Гавела перед свершившимся фактом, и все тут. Не передушит же он их, а уж с голоду наверняка не помрет...

– Надо посоветоваться с моими, может, согласятся на твой вариант. Сообщу через день-два.

– Обжулить меня собралась, – тут же сообразил Гавел. – Хи-хи-и-и! Не пройдет, у меня свои ходы, ты уж не старайся. Ну и дурака же вы сваляли с этим Вальдемаром!..

Заботы сыпались как из рога изобилия. Старого пана в больнице опять готовили к операции, от которой однажды уже отказались: выдержит ли пациент, сомнительно. Мартинов приятель сообщил, что покамест отыскал "Маврикиев" в количестве шести штук, владелец согласен продать оптом – разрознить серию считает просто варварством. Или все шесть, или ничего, а в комплекте, само собой, марки стоят значительно дороже. Мартин рвал на себе волосы. Баська грызлась с Гавелом, насчет которого все еще не решалась признаться компаньонам. Павел и Донат пребывали в полном унынии – никак не могли отойти после смерти Дуткевича и до глубины души возмущались тем, что сукины сыны валютчики снова безнаказанно занимаются махинациями. Милиция раскопала, как шла контрабанда валюты, и добралась до адресатов в Швеции и Норвегии. Смекалистый приятель Мартина довольно изворотливо ответил на письмо из Польши, знать-де ничего не знает, но тут же просигналил им насчет сделанных милицией открытий. Если что и утешало друзей, так это его сообразительность.

В такой ситуации болтовня Фелюся с Иоанной переполнила Баськину чашу забот – она вдруг осознала, что Гавел, зная пароль, в любую минуту может снять со счета все накопления. Трясущейся рукой она набрала номер Мартина.

Мартин явился на зов, полный наихудших предчувствий, а потому потрясение не свалило его с ног.

– Я выболтала наш пароль одному типу, – выпалила Баська без объяснений – на дипломатию не было времени. – Очень надеюсь, капитал он пока не успел свистнуть, но может все забрать хоть завтра утром. Что делать? Объяснения потом.

– Снять и перевести на другой счет, – не раздумывал Мартин, соглашаясь на объяснения потом.

– А есть другой счет?

– Нету. Есть у Иоанны. И еще у кого-нибудь есть, но только она сейчас же даст номер...

– И что дальше? Звонить приятелю?

– Отпадает. Ночным поездом выезжаю в Щецин, перехвачу любого моряка со шведского судна. Вообще любого иностранца, переправляющегося в Юстад. Всучу безобидную записку, он позвонит. Может, успеет...

– Беги, опоздаешь на поезд...

Учитывая темпы работы почты, эффект операции остался неизвестен. Баська исповедалась Мартину насчет Гавела, и оба напряженно ожидали вестей от приятеля. Павел и Донат пребывали в блаженном неведении.

Баська, неспособная к бездеятельности, маялась неясными подозрениями – трагические слова Дуткевича и ехидные инсинуации Мартина не давали ей покоя. "Те самые двое"...

Какие двое? Разведывая на ощупь и осторожно обследуя разные версии, Баська попала в ресторан "Славянский". Пригласили ее давние знакомцы – автомеханик и торговец автомобильными запчастями. Встретились после долгого перерыва, начались воспоминания, выплыли общие знакомые, тут-то и зашел разговор о Франеке и Весеке. Еще щенками, несколько лет назад, Франек и Весек подавали большие надежды вырасти бандитами и головорезами, но – о диво! – ничего подобного не произошло. Хоть и бывали в их карьере с год, а может, и два сомнительные шалости, однако образумились, устроились на работу. Оба стали прекрасными автомеханиками, в свое время помогали Баське справиться с ее грузовиками. А недавно вдруг исчезли с горизонта, будто камень в воду или сквозь землю провалились, никто не знает, где они. И впрямь интересно, куда вдруг подевались...

Баська осторожненько поинтересовалась, где трудились в последнее время. Оказалось, в автомастерских: один в частной, где-то на Садыбе, другой в государственной, в центре. Не отказывались и от халтуры – золотые руки, зарабатывали неплохо, только вот прошлое за ними тянулось...

– Да ведь они не сидели, – еще осторожнее закинула удочку Баська. – Я все удивлялась, как это им удалось...

– Ловкие парни, факт, – согласился один из собеседников. – А знаешь, почему не сели? Работали на Пежачека.

– Что такое Пежачек?

Знакомцы конфиденциально наклонились к ней.

– Пежачек – шеф чернорыночных телохранителей. Из его людей никто не сидит, умеет, холера, вытащить. Все шито-крыто, никаких улик. Парни на него работали уже давненько, поножовщина случалась не раз, но все сходило с рук. Пежачек до сих пор, как понадобится, подряжает на работу таких людей, что давно от темных дел откололись и в милиции не числятся. Держит их в кулаке, из прошлого много чего знает...

– Перестань молоть языком, гляди нарвешься, – предостерег второй знакомец. – Больно нужен Басе этот Пежачек!

– Ну почему же, – запротестовала Баська. – Интересный тип. Шеф охраны, говорите? А что это такое?

– Как что такое – шеф и есть шеф. Он всему голова: блюдет порядок, учиняет при надобности мордобой, не лично, конечно, всю братву держит в руках. Без него ни тпру ни ну. Может, Франека и Весека куда отослал...

Этих сообщений хватило. В мгновение ока Баська уразумела, каким чудом выследили Вальдемара Дуткевича, и сделалось ей как-то не по себе.

На следующий день утром помчалась к Гавелу. Гавел куда-то собирался и садился в машину.

— Тебе сказано было не шляться ко мне, — раздраженно приветствовал он Баську. — Садись, не мозоль людям глаза!

Баська игнорировала упрек.

— А где Франек и Весек? — с ходу брякнула она, усаживаясь в "мерседес".

Гавел, собиравшийся включить мотор, повернулся к ней.

— Какой еще Франек, какой Весек?

— Наши помощники. Нанятый тобой персонал. Где они?

— А ты откуда дозналась про них?

— Не твое дело! Ладно, скажу, не станем же препираться попусту. Я их давно знаю. И узнала, когда выступали налетчиками. Где они?

Гавел повернул ключ и медленно тронулся.

— Кому про них натрепала?

— Сдурел? Чтоб я еще на такие темы рассусоливала? Да никому!

— И впредь держи язык за зубами... Не видывал ни Франеков, ни Весеков.

— Не видывай себе. Скажи только, где они. Кстати, я еду в Виланов.

— Куда?

— В Виланов. Подбрось меня, тебе один черт. По дороге поговорим. Ты их не видел, я тоже. Где они?

— А мне откуда знать, — окрысился, помолчав, Гавел. — На кой они тебе сдались?

— Если милиция их разыщет, догадываешься, чем может кончиться?

— Зачем они милиции? Милиции делать больше нечего, только этих дурней искать? Или шельмы валютные донесли?

Баська оторопела. Гавел проявлял непонятную тупость.

— Тебе, недоумку, все еще невдомек, что они убрали Вальдемара? Чей-то приказ выполняли! Вальдемар их узнал! Ты отослал бандитов подальше или утопил в глиняном карьере?

Гавел едва не проехал на красный свет, с визгом затормозил в последнюю минуту.

— Совсем ума лишилась?!

— А ты что, не знал? Не допер? Плетешь мне тут ерунду, Вальдемар, мол, подкачал, больно скоро его обнаружили! Уж не знаю, кто тут подкачал!..

Гавел отмалчивался довольно долго.

— Да говори же! — злилась Баська. — Надо что-то делать! Где они?!!

Гавел продолжал молчать.

— Сам хотел бы знать, — буркнул он наконец. — Я все диву давался, куда парни смылись. А ты откуда такая осведомленная?

— Прикинула так и сяк. И нанимателя обнаружила.

— Ну и кто?

— Я про такие дела молчок. От тебя бы услышать хоть что. Ты их знаешь, а я несколько лет не видела. Если милиция найдет...

— Перестань со своей милицией! — разозлился Гавел. — Зачем тебе знать, где они, башку им свернешь или как? Мне сдается, в этом деле они рук не пачкали, и тебе мой добрый совет — закрыть тему! Была там?! Видела их?! Ну так вот, заткнись, сиди тихо и помалкивай!

— Я-то могу и помолчать, почему бы нет. А тебе советую поразмыслить.

— Поразмыслю, не твоего ума дело. И сделаю как надо. Вылезай, твой Виланов, мне прямо, спешу...

* *
*

Я молча обдумывала эту жутковатую исповедь. Усталая Баська закурила очередную сигарету, прислонилась головой к стеклу и понуро уставилась на асфальтовый каток, который одиноко торчал на обочине мостовой. История выглядела безнадежной.

— Ничего не поделаешь, без майора теперь не обойтись, — объявила я после долгого молчания. — Тетка Павла даст показания, и он разберется, что дело в тебе, а не в этой ненормальной бабке. Взбрело же такое Гавелу, зачем только, ума не приложу! Просто чокнулся или как?

— Месть, — пробормотала Баська, не отрывая взгляда от катка. — Видно, приятель Мартина успел снять деньги. И Гавел укокошил единственного человека, догадавшегося, что он приложил руку к убийству Дуткевича. Вероятно, велел убрать Вальдемара, который что-то узнал, увидел, вычислил... Кокнуть Вальдемара, кокнуть меня, и концы в воду — больше-то никто ничего не знает.

— Остаются еще те двое.

— Да ты что! Если они убили Вальдемара, у них рот, понятно, на замке.

Я задумалась. Все это имело резон при условии, что Баська никому не проговорилась об участии Гавела в деле. Допустим, Баська устранена. В таком случае никто о Гавеле, кроме его двух парней, ничего не знает. De facto, однако, о Гавеле слышал Мартин, теперь знаю и я, возможно, Баська протрепалась, и Павел и Донат тоже в курсе. И что? Гавел намеревался устранить всех или с невероятным легкомыслием решил их просто не учитывать? А может, его беспокоило не столько участие в ограблении валютчиков, сколько связь его молодцов с преступлением? Баська открыла эту связь только вчера...

Я изложила ей свою версию.

– Наверняка так оно и есть, – подтвердила Баська. – Я, дура, сама ему все выложила. Как пить дать переговорил с Пежачеком, понял, что я знаю либо догадываюсь, и, естественно, решил со мной покончить. Логично.

– Чушь, никакой логики. Ты элементарно могла комунибудь проболтаться.

– Нет и нет. Он отлично все рассчитал: я держала язык за зубами, пока не поговорила с ним. А сразу после уехала в Виланов, а там, скажи на милость, с кем разговаривать? С теткой или с детьми? Телефон, сама понимаешь, исключен, кто ж по телефону такое скажет. Он был уверен, до вечера – полный ажур.

Я покачала головой – сомнительно, ох, сомнительно.

– Погоди. Положим, он ясновидящий и гениально предвидел, кому ты скажешь. Положим, ты уже на том свете. Что знает Павел?

– Абсолютно ничего. О Гавеле слышал от тебя.

– Мартин?

– Только одно: Гавел кого-то нанимал и был весьма заинтересован в деньгах. Зачем ему убивать Вальдемара, пока операция не закончена, а для Гавела это лишь половина задуманного дела? А раз Вальдемара не убивал, то и меня тоже не убивал. Повода нет. Вот что может предполагать Мартин.

– Теперь я. Постой, у меня в голове полный кавардак. Вчера я поняла, что услышала про Пежачека нечто страшное, и догадалась, кто убил Дуткевича. Я, конечно, сообщила бы об этом. И майор вычислил бы Пежачека...

– Вот именно, – вздохнула Баська. – А что дальше, не знаю...

– Дальше? Пойми, я видела машину Гавела. Легко сообразить, что кто-нибудь заметит машину. Я там торчала как дура с полчаса, а то и больше. Если охотился за тобой, вполне мог видеть и меня.

– Откуда ему могло взбрести в голову, будто ты помнишь эту его рухлядь, "пежо" в смысле? Опять же было темно. И вообще не так просто было тебя заприметить...

– Подожди! – припомнила я вдруг. – Он мог решить, что меня вообще нет в машине! Вышла и куда-то двинула! Тем более так грохнула дверцей...

Мы попытались проанализировать мое пребывание на улице Ротмистровской минута за минутой. Конечно, Гавел подумал, что я куда-то пошла. Он не ожидал, что я схвачу фонарь и начну его освещать. Развернулась я багажником к дороге. В темноте не узнала бы никакой машины...

– Ты что, настолько наивна и считаешь – на этом "пежо" все еще красуется блямба? – съехидничала Баська. – Может,

у него новое крыло и старые прокладки. За одну ночь с машиной можно о-го-го чего натворить.

– Похоже, в покушении на убийство его удастся обвинить только после второго нападения. А согласится майор или нет на второе нападение, чтоб его заманить? Честно говоря, вообще не представляю, что делать с майором.

Баська наконец перестала сосредоточенно разглядывать асфальтовый каток, отвернулась, резко выпрямилась и начала обретать свою обычную энергичность.

– Все, я решилась, – вздохнула она. – Мартину уже не помочь, как ни крути, другого выхода нет. Все мои домыслы да замыслы – к чертям собачьим. Придется срочно вернуть все деньги!

Я понимала, что Баська права, но сердце заныло – ужас как противно просто так примириться с утратой роскошной коллекции чудо-марок. Увы, логика – одно, душа – другое. Я молчала.

– Или весь наш номер вылезет наружу, или Гавел всех нас поубивает, – продолжала Баська. – Боюсь, второй вариант вероятнее. В конце концов, как ни копай, нас можно обвинить только в контрабанде, все остальное бездоказательно. Скорей у меня на голове кактус вырастет, чем хоть один валютчик поднимет шум насчет убытков. Этому паршивцу Лёлику уже вернули деньги, придется отослать все остальное, и... ну, найдутся ведь смягчающие обстоятельства. Что касается марок, в тайне все едино не сохранить, Мартин теперь ни за что не поедет их выкупать. Все пошло-полетело к чертям. Столько работы псу под хвост!..

Баськины сетования были более чем понятны. Я, правда, съязвила насчет паршивой организации авантюры с валютой. Ведь кто-нибудь мог поехать раньше и выкупать марки отдельными партиями. Надо было выйти на контакт с солидным филателистом или даже с фирмой. Я сама бы это сделала...

– Кто же спорит! С тобой, конечно, дело пошло бы куда лучше, – признала Баська. – Только понимаешь... эти твои пылкие чувства к милиции... К тому же ты все время занималась каким-то дном. Чего теперь охать да ахать, надо спасать положение, делай что хочешь, только организуй эту отсылку. Может, тебе лучше сбежать, скрыться, уехать куданибудь, например в СССР...

– Спятила? На кой черт мне ехать в СССР?

– Чтобы майор тебя не нашел. Сама понимаешь: сперва деньги надо вернуть, а потом уже кое-что и порассказать. А то получится, возвращаем денежки, потому как в тупике оказались.

– Правильно рассуждаешь, только затягивать нельзя – сыграете на руку убийце.

– Ну и что? И так знаем, кто это. А если майор за тебя возьмется всерьез, придется, хошь не хошь, отвечать на всякие дурацкие вопросы. Мне врать – хлебом не корми, а ты должна говорить правду.

Мне вдруг кое-что пришло в голову. Я с самого начала вызывала самые большие подозрения. Ну и на здоровье, пусть и дальше подозревают. Взять на себя чужую вину из одного благородства – такое законом не карается. Зато майору можно кое-что сообщить, а когда найдут истинного виновника и выяснятся все перипетии, связанные с потерей марок, какой от этого будет вред! Все равно никто никуда не сбежит.

Баська выслушала мои соображения очень одобрительно.

– Посадить он тебя не посадит, побоится, что потом получишь условно, – воодушевилась она.

– Даже если и посадит, то в сумасшедший дом в Творки, чему я особенно и не удивлюсь.

– Кстати, – вспомнила Баська. – Я все удивлялась, отчего они так просто управлялись с охраной этих каналий валютчиков? Сейчас пришло на ум – Гавел действовал заодно с Пежачеком с самого начала.

Если заодно, подумала я, то концы с концами не сходятся, но эту мысль тут же вытеснило внезапное воспоминание.

– В Саксонском саду плешивый сидел вовсе не с клиентом. Он сидел с Пежачеком. И слава тебе господи, что Павел с Донатом на них не накинулись.

– Шутишь!..

– Понимаешь, я хорошо его рассмотрела – он прошел с плешивым совсем близко. Звонила вам после узнать, что означают эти странные демарши Павла и Доната – тут ведь голову было недолго сломать, – но никого не застала. Кстати говоря, я в курсе насчет виллы на Гощинского. Могу выдать секрет.

Я рассказала перипетии пана Кароля с Касей, и у Баськи поднялось настроение.

– Узнать еще бы, каким чудом докопались до нашей контрабанды, и мне бы совсем полегчало, – вздохнула Баська. – Кабы не это окаянное чудо, мы были бы в полной безопасности, никто бы ничего не пронюхал и деньги не пришлось бы возвращать. Попробуй попытать как-нибудь майора!

Тут уж я схватилась за голову. Только сейчас до меня дошло, какую роль я сыграла в катастрофе. Рольмопсы!.. Проклятые рольмопсы – этакий пустяк, а вызвал подозрение, помог майору найти ключ ко всему делу!.. Я простонала:

– Пресвятая Богородица, это я... Нет, Зося!.. Нет, проклятый пан Соколовский... Да нет, какой там пан Соколовский, все из-за Алиции! Алиция со своей чертовой селедкой!..

Баська насмерть перепугалась.

– Господи боже, спятила, эта кутерьма из тебя последние мозги вышибла! Опомнись, какая селедка?! Может, тебе воды дать?!

– Иди ты к лешему с водой, чтоб ей пусто было с этим юбилеем! Это селедка! Рольмопсы для Алиции – весь рассол вылился из банки на ваши доллары!!!

Времени ушло немало, пока Баська поняла, в чем дело. Теперь уже она чуть не спятила с этими рольмопсами, и настал мой черед приводить ее в чувство. Очнувшись, она отреагировала бурно:

– Алиция хоть понимает, что они там сожрали? Самую дорогую селедку во вселенной! Как-никак – полмиллиона долларов! Она знает, что сожрала полмиллиона долларов?!!

– Да уж будь уверена, узнает. Сама ей расскажу при первом же удобном случае. Успокойся, и умоляю, объясни мне еще одну вещь. Как все произошло? Почему Дуткевич позвонил именно мне?

Баська вздохнула, рольмопсам досталась еще пара проклятий, потом она закурила.

– Звонил он мне. Соседка возьми и скажи, что мы на бридже. На самом деле были в Виланове, но она перепутала – спросонья сболтнула первое, что пришло в голову. Мы, мол, на бридже у моей подруги. Видимо, Вальдемар сразу подумал про тебя и позвонил. Представляешь: они ломились к Вальдемару, а он, вместо того чтобы встать за дверью с увесистым молотком, пытался дозвониться ко мне. Вероятно, увидел их в дверной глазок. Такой человек...

Я печально кивнула. Баськины предположения совпадали с моими. Верный до конца Баське, Вальдемар в минуту смертельной опасности не звал на помощь милицию, а попытался прежде всего предостеречь свое божество. Увы, получилось не очень-то удачно – вместо божества он нарвался на меня, а я на роль божества не потянула.

– Пора кончать разговоры, – решила я, включая мотор. – Куда ехать? Домой не стоит, факт.

– Постой! – прервала Баська. – Ты случайно не знаешь, что такое Адрианампоинимерина?

– Что?!

– Адрианампоинимерина. Я от тебя слышала. Лекарство, что ли, какое?

– О боже! Баська, пощади, не добивай до конца! Был такой король на Мадагаскаре. Его так звали. Не помню, где вычитала, и когда правил – тоже не помню. Во всяком случае, вроде бы историческая личность. А что?

– Да ничего. Просто из любопытства спрашиваю. Это был наш пароль в шведском банке...

Медленно двигаясь по улице Гагарина, я размышляла о безопасном месте. Почем знать, вполне возможно, майор нас уже разыскивает. Баську следовало высадить на площади Унии, не подъезжая близко к ее дому, потом найти телефон, откуда я могла бы позвонить Алиции. Мой отпадал, Баськин тоже, Мартин и Янка не в счет, с Зосей на всякий случай тоже пока что лучше не встречаться. Знакомых с телефонами до черта, но все отпадали – никто ничего не знал, а долго объяснять, понятно, не хотелось. Оставалась Лялька. Конечно же, Лялька! Каким-то боком участвовала в афере и единственная, кому сенсационная новость доставит удовольствие даже ночью!

И я поехала к Ляльке.

Она довольно спокойно отреагировала на мое появление в час ночи. Я вкратце ввела ее в курс дела. Она выдворила меня с телефоном в другую комнату и снова отправилась спать, приказав захлопнуть потом за собой дверь. Я ждала связи с Копенгагеном в обществе Самсона, который по-хозяйски развалился на письменном столе.

Алиция ужасно обрадовалась моему звонку.

– Молодчина, что позвонила. Слушай, кактусы при посадке поливают или они принимаются в сухой земле?

Алиция меня уже давно ничем не могла удивить.

– Я тебя что, пробудила из ботанического сна? – вежливо полюбопытствовала я.

– Какое там, еще и не ложилась. Пересаживаю цветы. С кактусами у меня никакого опыта, надо искать в справочнике.

Не вникая в причины, почему это цветы пересаживаются в половине второго ночи, я просветила ее насчет кактусов, после чего перешла к делу:

– У тебя где-то есть мой чек, подписанный in blanco?

– Есть, а что?

– Слушай внимательно, эмоции оставь при себе, комментарии тоже. Возьми этот чек и завтра спозаранку иди в банк. Узнай, не поступили ли деньги на мой счет...

– Наверное, поступили, сегодня пришло извещение. Я, правда, не прочла, где-то тут лежит.

– Очень хорошо. Заполни чек на всю, слышишь, всю поступившую сумму. Не знаю, сколько точно будет крон, в долларах около пятисот семидесяти девяти тысяч...

– Сколько? – недоверчиво переспросила Алиция.

– Около пятисот семидесяти девяти тысяч долларов. В кронах это будет примерно три с половиной миллиона. Сними все.

– Что-нибудь случилось? – явно встревожилась Алиция.

– Нет, говорю тебе – сними все...

– Боже правый, что с тобой?! Ведь раньше ты как будто почти не пила!

– Я же тебя просила: не комментируй! Пойди и посмотри извещение...

– Не могу. Оно лежит на столе, а стол заставлен цветами.

– Ладно, завтра посмотришь. Заполни чек и сними все.

– Скажи, дорогая, а как всего лучше распорядиться тремя с половиной миллионами в наличных? – очень мягко спросила Алиция. – Поставить на скачках или турнюр себе набить?

– Нет, все выслать в Польшу. Польский национальный банк, государственное казначейство. Повторяю: ПНБ, государственное казначейство. Упаси тебя боже, только не на мой адрес. Поняла? Отправитель некий Станислав Вишневский, повторяю, Станислав Вишневский, адрес отправителя любой. Лучше фиктивный.

Алиция быстро сообразила, что за всем этим кроется страшная государственная тайна. Ведь в пересылке любой суммы в польское казначейство она при всем желании не могла усмотреть никакого криминала и потому спокойно согласилась удовлетворить мою безобидную прихоть. Кроме того, известно – сумасшедших нельзя раздражать.

– Лучше всего завтра пораньше, как только откроется банк. Потом позвони мне и сообщи, как прошло. Да, позаботься, чтобы в переводе не оказалось случайно моего имени или номера счета, вообще ничего моего. Исключительно Станислав Вишневский, и только!

Алиция, как всегда, не подвела. Позвонила в одиннадцать утра и сообщила, что участие в такой финансовой операции доставило ей огромное удовлетворение. Все было сделано как надо.

– Адрес отправителя Амалиенборг, – посмеиваясь, сообщила она.

Этот Вишневский недурно устроился, чуть не сорвалось у меня с языка. С улицы Олькусской переехал прямо в королевскую резиденцию в Копенгагене. Ай да Алиция – нашла адресок что надо.

– Послушай, между нами, кто этот...

– Без имен, – прервала я. – Понятия не имею, кто такой. То есть, точнее говоря, он вообще не существует, но это не имеет значения.

– Ну ладно. Но послушай, там больше четырех миллионов...

Вероятно, курс кроны по отношению к доллару изменился. Но надо было замять тему:

– Какая разница, я ненамного ошиблась... Ты выручила нескольких людей, да что говорить, прямо-таки спасла. Подробности после, и такие – глаза на лоб полезут...

Я сидела дома и безрезультатно ловила майора по телефону: как ни крути, надо проявлять инициативу. Почему он меня не разыскивает? Вероятно, подозрений на меня уйма, а как известно – самого подозрительного забирают под конец. Вместо майора позвонила Лялька.

– Знаешь, я чего-то не разобрала, что ты вчера наговорила, – заявила она недоуменно. – Расскажи еще разок, ужасно интересно. Кто кого убил, как и зачем. Я тебе тоже кое-что скажу. Только выкладывай вразумительно и по порядку.

– По порядку? Ну слушай: сначала двое убили одного. Тут, недалеко от меня. Эти двое уже раньше несколько раз нападали на него, и он их узнал. Этих двоих нанял третий...

– Четвертый, – уточнила Лялька. – Убийцы и жертва – уже трое, а этот четвертый. Считаю на пальцах, чтобы не запутаться.

– Ладно, четвертый. Ну а потом этот четвертый, наниматель, велел его убить.

– Зачем?

– Сама думаю – зачем. Неизвестно. Может, покойный что-то узнал, может, другие какие причины, пока понять не могу. Во всяком случае, некто догадался...

– Пятый получается...

– Пятый, вернее, пятая. Так вот, она догадалась, что он велел его убить. Дальше: он про ее догадку проведал. Решил ее тоже убить, хотел задавить машиной, устроив засаду в нужном месте. Однако вышел промах – он задавил совсем постороннего человека.

– Шестого!..

– Да. А она – пятая то есть – не погибла. Теперь надо просто-напросто арестовать убийцу. Вот и все.

– А почему его еще не арестовали?

– Потому что я одна знаю, кто это. А милиция еще со мной не беседовала.

– По логике вещей он должен срочно и тебя убить. Ты была бы седьмой.

– Естественно, и я удивляюсь, что он еще не попытался этого сделать. Пятая тоже знает его имя, но мы договорились, показания буду давать я. Вообще чувствую себя дурой набитой – ведь я до сих пор не понимаю, какого дьявола ему понадобилось убивать того первого.

– А зачем этот четвертый – убийца то есть – велел на него нападать?

– Понимаешь, все это было направлено против дельцов черного рынка. Когда первый с аферистами заключал сделки – на него нападали и отнимали деньги. Он был вроде приманки. Или мышеловки – черт его знает, как точнее сказать. Во всяком случае, все налеты крутились вокруг него.

— А кто забирал деньги?

— Шеф, конечно. Наниматель.

— Тот, четвертый?

— Да, четвертый, убийца.

— Ерунда, и все тут, — решительно отрезала Лялька. — Не сбрендил же он — убивать куру, которая несет золотые яйца. Ведь не окончательный он идиот. Не верю. У тебя концы с концами не сходятся.

— Против фактов не попрешь.

— Продумай все еще раз. Должен быть кто-то седьмой. А что до налетов, сразу тебе скажу — их не было.

— Что? — удивилась я. — Как это — не было?

— Слушай внимательно. — Лялька вдруг начала хохотать. — Погоди, ой, не могу, чистое кино!.. Понимаешь, не было налетов, грабежей, абсолютно ничего не было! О господи, лопну со смеху!..

— Перестань сию минуту, — заорала я. — С ума с тобой сойти! Что ты имеешь в виду, говори!

— Значит, мне звонила Мальвина. Ну знаешь, свекровь Самсона. Жена пана Кароля. Очень убедительно просила меня запомнить следующее: их никто не грабил. Муж просто-напросто потерял сто злотых, решил — украли, а она потом в разговоре со мной просто пошутила. А все эти его знакомые по пьянке навоображали себе бог весть чего, ну там ошибались при пересчете денег, забыли о каких-то издержках и вообще тоже шутили, а на самом деле полный порядок. Никаких потерь. Никто никого не грабил. Никогда в жизни о грабежах даже и не слыхивали.

Я не верила собственным ушам — дурака она валяет, что ли?

— Чепуха! Бредни! — воспротивилась я в полном изумлении.

— Какие там бредни! Голые факты. Я тебе ручаюсь — никто ни за какие пряники не признается ни в одном пропавшем злотом. Все отлично, и ни одного потерпевшего. На том и стоять. А теперь подумай, о чем думали те двое, убившие первого.

— Ну знаешь... При таком раскладе мне остается только руками развести... — сказала я подавленно. — Может, им тоже что-нибудь показалось...

— Разве что. А может, и преступления не было?

— Да нет, преступление — факт. Труп видели все собственными глазами...

— А второе преступление? Ну с тем, под номером шестым? По-моему, шестой номер просто случайно попал под машину...

— Брось, я своими глазами видела! Постой-ка... Боже!!!

В моей памяти вдруг ожили все статьи и законы, какие я когда-либо знала. Что я наделала и в каком свете теперь представляюсь! Ведь я сообщила майору о грабежах и налетах! И если обворованные отопрутся и никаких вещественных доказательств нет? Значит, все это – плоды моей фантазии, благо воображение у меня буйное. И делать мне было нечего, как беспокоить милицию и вводить ее в заблуждение! Ведь я, только я одна утверждала насчет краж и налетов! Получается, водила за нос милицию, отвлекала сотрудников майора на пустую работу. Вот за это действительно могут посадить. И прилично посадить...

– Лялька, я ума не приложу, что делать. Тоже отопрусь от всего. Чтоб им сдохнуть, всем этим аферистам и подонкам. Ты мне раньше не могла сказать?

– А я ничего не знала. Конечно, хорошо бы всегда все знать заранее. Догадайся я, скажем, насчет твоего вчерашнего визита, договорилась бы встретиться у моих знакомых и не пришлось бы пешком домой топать – у меня машина в ремонте, обивку меняю. А была недалеко от тебя, на Платовцовой.

– Недалеко от квартиры убийцы, – сказала я машинально, припомнив, что на Платовцовой живет Гавел.

– Какого убийцы?.. А! Я никакого убийцы не видела, видела только придурка.

– Какого еще придурка? – спросила я рассеянно – голова была занята одним: как выбраться из чертова клубка, в который я себя впутала.

– Горластого какого-то дурачка. Мы сидели на веранде, а разговаривать было никак нельзя из-за хохота этого психа. Не знаю, что он там смотрел по телевизору, но визжал – чертям тошно. Такой пронзительный хохоток – хи-хи-и-и! Его было видно в открытое окно в соседнем доме, сидел один перед телевизором при свете, попивал коньячок и визжал. Ясно, психопат!

Я вздохнула. Весь телефонный разговор – сплошные потрясения – одно за другим.

– Стой! Толстый такой?

– Кто? Чокнутый? Толстый. Почти лысый. С такой веселой красной рожей.

Гавел!.. Больше некому! Не мог же на Платовцовой жить его двойник!..

– Погоди! А не заметила на столике против окна большую красную вазу китайской лакировки?

– Китайской или нет – не знаю, а красная ваза сразу бросалась в глаза. А в чем дело? Ты его знаешь?

– Та-а-к! В котором часу? Ну, когда именно ты видела этого хихикающего придурка?

– Надо полагать, речь идет либо об очередной жертве, либо налицо еще один преступник, – ответила довольная Лялька. – Дай вспомню. С семи... Нет, с половины восьмого. В четверть одиннадцатого мы стали поговаривать, надо, мол, расходиться, и все смотрели на часы. До половины одиннадцатого он и сидел, может, и дольше, только в это время я умотала. Он, похоже, прохихикал все подряд: новости, спортивные известия, погоду... И что нашел смешного?

– А у него феноменальное чувство юмора. Боже праведный! Теперь уж совсем ничего не понимаю, все перепуталось. Знаешь, ты права, надо все заново продумать...

– Давай, – отозвалась Лялька. – И заруби себе на носу – никаких ограблений не было!..

Я перестала искать майора. Разговор с Лялькой меня полностью оглушил и дезориентировал. Конечно, Гавел мог кому-нибудь поручить разделаться с Баськой, но вряд ли бы он при этом прохихикал весь вечер! Знать, что твою приятельницу убивают, и хохотать от этой мысли? В довершение всего Лялька, пожалуй, права: убивать Дуткевича ему по меньшей мере незачем – или он не имеет отношения к убийству, или полный кретин...

Звонок майора прервал мои мучительные раздумья: Гавел и валютчики, валютчики и Гавел. Я пыталась комбинировать любые варианты и добилась только одного – в мозгах закрутилась дикая карусель. Я покорно согласилась явиться через полчаса – самого глупейшего предлога не смогла сыскать, чтобы оттянуть встречу. Только по пути мне пришло в голову: мог же случиться приступ чего угодно, хотя бы печени.

Майор посмотрел на меня столь красноречиво, что фразы посыпались сами собой.

– Это не пан Ракевич, – затараторила я. – Пан Ракевич весь вечер просидел за телевизором и весь вечер хихикал. По-моему, надо найти Франека и Весека. Наверняка во всем замешан этот Пежачек. Сговор между ними исключен, если бы действовали сообща, не цеплялись бы к моим баллонам...

Майор приподнялся, отодвинул стул, жестом пригласил сесть, потом сел сам и качнулся назад.

– Объясните, пожалуйста, о чем, собственно, вы говорите? – спросил он мягко, хотя взгляд его оставался довольно отчужденным.

Я немного пришла в себя:

– Хотела выложить все разом, но вот беда – сама ничего не понимаю.

– И стараетесь вовсю, чтобы я заодно с вами ничего не понял. Как прикажете понимать пана Ракевича перед телевизором?

— Да вся штука вот в чем: не мог он находиться вчера в Виланове, раз сидел у телевизора.

— А поначалу вы решили, что он там был?

— Ну конечно! Я узнала его "пежо"!

Майор перестал качаться на стуле.

— А-а-а-а!.. Значит, без вас не обошлось! Я так и предполагал, хотя свидетели не рассмотрели цвет и марку вашего автомобиля. Вы присутствовали при том происшествии?

Я поперхнулась. Хорошенькое происшествие!.. Или Лялька как в воду глядела?.. Не было ограблений, не было и второго преступления...

— Вы называете это происшествием? – осторожно спросила я.

— А как по-вашему?

Я выжидательно молчала. Майор снова принялся качаться.

— Многочисленные свидетели утверждают следующее: жившая неподалеку весьма неуравновешенная пожилая особа упала на дороге, прямо под колеса проезжающей машины, – сообщил он, глядя уже не на меня, а куда-то в голубую даль. – Возможно, споткнулась. Скончалась сразу же. Водитель скрылся. Неподалеку от места происшествия стояла другая машина, на какой-то момент ослепившая сбегающихся людей. Машина уехала до прибытия милиции. Я охотно выслушаю ваши соображения на сей счет.

Я продолжала молчать. Майор, конечно, знал, что Баська была в Виланове, я сама ему об этом сказала. Разумеется, навестил ее тетку и проверил, откуда взялась ненормальная старуха на дороге, и, разумеется, ему рассказали про шляпу и шаль. И уж наверняка у него есть собственные соображения на сей счет!

Майор вернулся из голубой дали, посмотрел на меня и холодно проговорил:

— Я вам помогу. Вы никак не могли быть виновницей происшествия. Это исключено. При желании вас можно назвать соучастницей, поскольку ваши фары основательно ухудшили видимость на дороге.

От нервного напряжения мой блистательный интеллект наконец заработал.

— Перестаньте делать из меня идиотку, – рассердилась я. – Чушь какая-то! Если бы вы не соотнесли этот случай с тем делом, которым занимаетесь, вообще не узнали бы об этом! Вы что – интересуетесь всеми дорожными происшествиями в городе и предместьях? Раз уж вы об этом случае знаете, то и все остальное вам известно!

— Например?

— Например, следующие факты: во-первых, я поехала за Баськой, пардон, за пани Маковецкой и простояла там сорок

пять минут багажником к дороге; во-вторых, вы знаете – ненормальная старуха украла у нее шляпу. Вы должны знать, что я высветила "пежо"! Или все ваши свидетели ослепли, или они все с приветом! Да, я уехала, не дожидаясь милиции, понятно, перетрухнула из-за Гавела! И теперь чувствую – не без оснований.

– А сейчас, пожалуйста, повторите все спокойно, по порядку. Допустим, я ничего не знаю. Допустим, кой-какие соображения у меня есть. Слушаю вас.

Я все рассказала последовательно, точно придерживаясь фактов, особенно в описании старого "пежо". В заключение категорически заявила – Гавел весь вечер не выходил из квартиры.

– Вы считаете, водитель специально выжидал пани Маковецкую? – спросил майор. – То есть это не случайность, а преднамеренное убийство?

– Точно не могу сказать, – ответила я, твердо решив избегать подводных камней. – Слава богу, было темно. Старуха была невменяемая, это факт. А вообще пусть думают присяжные, а не я.

– А вы решили, что это Маковецкая, не так ли? Из-за шляпы?

– И еще из-за шали. Баська невысокая и худенькая, и старуха точно такая. Опять же шла со стороны теткиного дома, любой подумал бы то же самое.

– И поэтому вы решили, что пан Ракевич пытался убить пани Маковецкую? А зачем?

– Сама удивляюсь. То есть... Я хотела сказать, ничего подобного, я никакого вывода не сделала! И вообще не обращайте внимания на мои выводы!

– Напротив, ваши выводы удивительно интересны...

– Нет у меня никаких выводов! Одни химеры! У меня, боюсь, что-то с головой не в порядке! И нельзя всерьез принимать мою болтовню!

Майор качнулся назад и прислонился к стене между окнами.

– Вы правы. Так. А что вы знаете о грабеже в доме некоего Ленарчика и в доме некоего Дромадера?

Я пришла в полное отчаяние.

– Ничего не знаю. Слышала разные сплетни, нелепые россказни и в результате состряпала какую-то махровую дедукцию. Может, и не было никакого ограбления. Лучше посадите меня прямо сейчас, за ложные показания полагается до пяти лет.

– Вот именно, полагается. А как насчет махинаций с награбленными деньгами?

– Я вообще не уверена, были ли украдены какие-то деньги...

— Кто набивал долларами подушки, медвежат и матрасы? Кто адресовал посылки от Вишневского? Кто нанял Франека и Весека? Кто нанял Дуткевича наводчиком?

Похоже, майор в полном курсе дел. Я отчаянно пыталась увильнуть, скомбинировать что-нибудь. Главное — дождаться денег от Алиции. Чтоб уж эта чертова государственная казна все получила, тогда можно и поговорить!

— А если все это я одна организовала, как тогда? — спросила я осторожно.

— Ничего особенного, — небрежно ответил майор. — Ордер на арест давно оформлен, осталось вписать имена. Я пока воздерживаюсь, ибо...

Он снова качнулся вперед, положил руки на стол, наклонился ко мне и совсем другим тоном сказал:

— Кое-что вам объясню. В моей карьере лишь однажды, и то еще в начале службы, такой казус вышел, что я посадил человека, а суд его оправдал. Мое твердое решение: больше подобного не повторится. Вот такой у меня странный принцип, понимаете, хобби в своем роде... Только потому уважаемая компания ваших друзей еще на свободе, не стану задерживать и вас, даже поклянись вы, что собственноручно убили Дуткевича. Даже больше. Благодаря вашей авантюре надеюсь изловить наконец одного субчика — в сущности, профессионального убийцу, которого до сих пор не мог изловить на месте преступления. Пожалуй, на этот раз он не вывернется. Потому весьма буду обязан, если вы прекратите говорить чушь и расскажете все как есть. Кто затеял весь этот бедлам? Что происходило, подробно и последовательно!

Я смутилась — так хотелось помочь майору, но как же тогда спасти мою драгоценную четверку? Мысль о Гавеле вогнала меня в полную панику.

— А убийца не пан Ракевич?.. — заикнулась я слегка дрожащим голосом.

Майор не ответил. Я задумалась.

— Полагаю, Франек и Весек уже у вас, — прикинула я вслух. — Они лучше знают. Пускай выкладывают, кто их нанял и для чего. Я клянусь все рассказать, но умоляю вас, не сегодня! Через неделю!

— Почему через неделю? — спросил раздраженно майор.

— Через неделю будут доказательства... Как бы это сказать... Реабилитация виновников...

— Какая еще к черту реабилитация, убитые, что ли, воскреснут?!

— Да нет. Не в этом дело. Про убийства вы сами знаете — я не в курсе и ни при чем. Тут разные сопутствующие обстоятельства...

Майор, закрыв глаза, с трудом взял себя в руки.

– Подробнее. Какие сопутствующие обстоятельства?

– Ну, эти подушки, контрабанда... Она не во вред государству, а наоборот... Деятельность в пользу государства... О боже, у меня больше нет сил, а потому отказываюсь от показаний, и все тут, сажайте меня на неделю! Санитарные условия, говорят, сносные, переживу.

Майор снова закрыл глаза:

– Выкладывайте все, что вам известно насчет Франека и Весека.

На эту тему сдерживающих мотивов не было, я выложила все полученные от Баськи сведения, равно и детали касательно Пежачека. И даже вспомнила кое-что дополнительно.

– Не уверена, есть ли какая связь, но к пану Ракевичу приезжал механик из Садыбы. Из частной мастерской. Делал профилактический ремонт, у пана Ракевича в гараже есть ремонтная яма, работал в сверхурочные часы. Этого механика, по имени Франек, я никогда не видела, однажды, правда, слышала, как они орали друг на друга. Не знаю, тот Франек или нет.

Майор слегка оживился и посмотрел на меня с меньшим отвращением.

– Когда это было?

– Года два назад.

– А контрабанда, вы утверждаете, шла на благо государства?

– Именно так.

– Прекрасно. Потрясающе! Удивительно, что вы не желаете рассказать о столь благородной деятельности. А мы тут сдуру воображаем, вдруг да нарушается законность...

– А мне удивительно, почему вы спрашиваете насчет Франека и Весека меня. – На сей раз я не скрывала своего неудовольствия. – Спросите у пани Маковецкой. Они знала их лично.

– В свое время пани Маковецкая ответит. Вернемся к нашей теме... Как выглядел человек, подслушивавший в "Славянском" разговор о Пежачеке?

Полный сумбур в голове не помешал мне восхититься майором. Точно запомнил мою болтовню, на которую, казалось, не обратил внимания!..

– Среднего роста, тщедушный, редкие светлые волосенки, разделенные прямым пробором. И красный шейный платок. Рассмотрела его во всей красе, когда вышагивал через зал в мою сторону. Приплюснутый нос и голубенькие глазки. Больше, пожалуй, ничего.

– Вы узнали бы его?

– Думаю, да. Особенно в красном шарфике...

– Что общего имеют ваши баллоны с шайкой? И что за шайка?

И, позабыв про свой отказ давать показания, я выложила ему все.

– Давно догадывалась, кто прокалывал баллоны. Подозревала в последнее время шайку пана Ракевича с Пежачеком. Отпадает. Пан Ракевич меня знает: из-за любого пустяка могу устроить черт-те какой переполох. Будь он заодно с Пежачеком, посоветовал бы обходить меня подальше.

– А в чем мог быть заодно?

– Да в чем угодно. В найме Франека и Весека. В этих воображаемых ограблениях. Откуда мне знать в чем.

– Пан Ракевич тоже участвовал в деятельности на благо государства?

– О боже... Не знаю. Не уверена, можно ли назвать... То есть... Ага, так ведь я же отказалась от показаний!

На этом закончили. Майор, от которого всего можно было ожидать, меня не придушил, даже в предварительное заключение не отправил, не получил апоплексический удар, напротив, неожиданно пришел в прекрасное расположение духа. И не настаивал, чтобы я изменила свое решение.

Я сразу позвонила Баське уже без всякой конспирации и потребовала объяснений, почему майор спрашивает меня про то, что ей известно лучше.

– Ну, от меня он ничего не добился. Я отказалась отвечать.

– Рехнулась?! Почему?

– А все никак не разберусь, в чем признаваться, а в чем нет. И вовсе неохота сваливать вину на этих двух парней.

– На Франека и Весека?

– Ну да. Я их хорошо знала, быть того не может, чтоб за просто так, с кондачка, пошли и убили Вальдемара. Парни не того пошиба. Вот сижу и думаю, сижу и думаю. По морде двинуть, устроить суматоху, симулировать нападение, обобрать валютчика или гангстера – это всегда пожалуйста! Да и и то с гарантией, что ограбленный мошенник не побежит в милицию. А Вальдемар порядочный человек, и вдруг убийство! Тут что-то не так – не пошли бы они на это даже по пьянке!

– А вдруг приняли Вальдемара за афериста? – заметила я. – Ведь постоянно видели его в обществе разного жулья...

– Нет, единственный возможный вариант – отправились намылить ему шею. Но не убивать!

Я вдруг вспомнила откровения майора. Открыла рот, но вовремя поймала себя за язык. Мне многое сходило с рук, но выболтай я конфиденциальный разговор, не простил бы.

– Знаешь, очень советую, брось валять дурака. Иди и скажи обо всем майору.

– Я и так выложила про них все, что знала когда-то. Они уже перестали дурить, работали как люди, никакого хулиган-

ства за ними не числилось – дожили до совершеннолетия и не имели ни малейшей охоты сидеть. Ей-богу, все чистая правда – порядочные парни. А на все другие темы отказалась давать показания.

Я покачала головой, хоть Баська не видела меня.

– Сейчас уже мало рассказать о прошлом, иди и выложи все свои соображения, если не хочешь их угробить. Я тебе очень советую.

– Ты что-то знаешь?

– Догадываюсь. И очень советую тебе это сделать. Иди к майору.

– Скоро шесть. Думаешь, он все еще у себя?

– Возможно. Позвони и спроси.

Баська колебалась и решилась неохотно.

– Ладно. Отправлюсь прямо ко льву в пасть. Под твою ответственность. А на все другие темы по-прежнему откажусь отвечать...

Майор вовсе не отчитывался передо мной в своих действиях, поэтому я не имела понятия, что происходит. Мартин, Павел и Донат, почему-то допрошенные весьма снисходительно, единодушно отказались отвечать на некоторые вопросы. Через два дня после разговора с майором ко мне нежданно-негаданно влетел Гавел. О моих эмоциях при виде Гавела лучше не говорить.

– Слушай, кто наклепал в милицию про мою машину? – начал он уже в прихожей. – Не ты случаем? Или твоя Баська? Будто я где-то в лугах и полях таился, чтоб задавить старую каргу. Как прикажешь понимать?

На его вопрос не так-то легко было ответить. У меня мелькнула мысль: может, вовсе и не он тот майоров убийца, раз до сих пор на свободе? Раздиравшие меня сомнения несколько поулеглись.

– Предположим, не ты, но задавил ее твой "пежо". Собственными глазами видела.

– И в башку тебе не пришло ничего лучшего, чем бежать к легавым? Не могла мне сказать?

– Еще чего? Чтобы ты и меня заодно переехал?!

Гавел с разбегу плюхнулся в кресло и уставился на меня с неописуемым выражением растерянности, шока, веселья и злобы.

– А у тебя все дома? – спросил он наконец озабоченно.

Я пожала плечами. Гавел продолжал на меня пялиться.

– Слушай, давай по-человечески. Ты точно видела мой "пежо"?

– Видела.

– Где? И как?

Настроенная решительно, я рассказала ему все. Честно

призналась – у него полное алиби на тот вечер, и я об этом знаю. Гавел слушал, нахмурившись.

– Сукин сын, – сказал с яростью и добавил обширную цветистую фразу, всесторонне характеризующую этого сукина сына. – А я, кретин, не отобрал у него ключ от гаража! Мне и в голову не пришло – этакую свинью подложить!

– Кто?

– Франек. Механик. Несколько лет у меня работал, ни одной гайки не спер. Я ему доверял, тюфяк, дубина. "Пежо" давно уже не на ходу, я даже не знал, что он починил машину, понимаешь наконец? Отремонтировал – и ни слова. Стырил тачку, чтобы переехать какую-то старушенцию!

– Думаешь, Франек переехал?

– Какой там Франек, он просто передал кому-то машину! Даже и не передавал, просто оставил кому-то ключ. Ну, попадись мне эта гадина в руки... Откуда ты взяла, что я был в машине?!

– Откуда... машину узнала, да и не постороннего же ты давил, а Баську!

– Что?!

– Ну да, Баську. На нее охотился.

Гавел растерянно моргал. На его физиономии явственно читалось: убить Баську – последнее, что могло взбрести ему на ум. В голове у меня кое-что начало проясняться.

– На кой ляд мне давить Баську?! – смертельно удивился Гавел.

Насчет убийства Дуткевича у меня возникла своя версия, и Гавела я исключила. Если не он убил Дуткевича, зачем тогда устранять Баську как свидетеля? Отпадает. Оставался лишь один мотив – месть.

– Ты просто мстил, – вздохнула я. – Открыл шахер-махер со счетом и озверел. В состоянии невменяемости и задавил ее.

– Какой такой шахер-махер со счетом?!

– Не придуривайся, я знаю. У тебя из-под носа забрали все деньги со шведского счета. Адрианампоинимерина. Ты, естественно, разозлился и решил ей отомстить.

Гавел продолжал пялиться на меня. Но в выражении физиономии начала поблескивать веселость.

– Вот шельма, она таки тебе выложила... Так, говоришь, деньги увели? В самое время сообразили – я-то свои денежки давно снял! Думали надуть меня? Хи-хи-и-и!..

Я слегка обалдела. Ведь Алиция сообщила: денег на счету больше, чем выслали четверо компаньонов...

– Ничего не понимаю. Они сняли все, что выслали, расчеты верны. Может, ты чего напутал?

– Я напутал? За кого ты меня принимаешь? Слушай-ка,

предупреждаю, мы с тобой шепчем с глазу на глаз, в случае чего ото всего отопрусь. Свидетелей нет, хи-хи! Так, говоришь, хотел раскатать Баську по асфальту, потому как увели мою долю? Хи-и-и, хи-и-и!

– Не по асфальту, а по песчаной дороге...

– Ой, помру с тобой, хи-хи-хи-и-и! Дура! Да ни в жизнь бы на такую глупость не сорвался! Не очень-то понимаю, откуда у них там капитал размножился, а уж моего не получили, будь спокойна! Хи-хи-и-и!

Теперь я обалдела окончательно. Усилием воли постаралась отключиться от финансовой темы: все равно сейчас ничего не выяснить. Чудеса, да и только. О Франеке, может, что узнаю.

Гавел дискуссию о Франеке не поддержал и решительно объявил:

– Ни о каких ограблениях знать не знаю, ведать не ведаю. Хи-хи! Франек у меня работал с авто, и только. Ничего больше. Приснились тебе какие-то налеты, видела хоть одного ограбленного?! Что ты?! Совсем баба спятила, хи-и-и, хи-и-и!

– Но Дуткевича-то убили?! – потеряла я всякое терпение. – Убили! Почему убили?!

– Кто его знает. Может, кому лицом не понравился?

– А твой "пежо"? Кто его взял? Ты сидел дома пень пнем, ничего не видел, не слышал?! Оглох, что ли?!

– Знаешь, сам голову ломаю. Слышать не слышал – у меня орал телевизор, а в машине хороший глушитель. Мотор работал бесшумно, вот и не слышал. Выезд из гаража с другой стороны. Видел какую-то каналью, когда выходил в кухню, только пораньше, около пяти, вроде того. Болтался около гаража пьяный в стельку, я было хотел завести "мерседес" в гараж, да лень взяла.

– А где стоял "мерседес"?

– На улице, под окнами. Неохота мне открывать да закрывать эту дверь, черт ее дери.

– А пьяный как выглядел?

– Ты чего меня тут допрашиваешь, легавые и так уже интересовались, десять раз повторять?

– Я же тебе повторила в десятый раз насчет наезда на Баську!

– Ладно, черт с тобой. Пьянь пьянью. Я и вспомнил-то, потому как допрашивали. Блондинчик, морда с куриную гузку, голодающий, хи-хи! Зато элегант – портки обтрепанные и красный платочек на шейке...

И все сложилось в логическую цепь. Майор, надо полагать, теперь знал все. Трудновато ему, никуда не денешься, с меня хватит того, о чем догадалась, а ему собирать неопровержимые улики.

* *
*

Спустя три дня Польский национальный банк передал в государственную казну более четырех миллионов датских крон, переведенных из Копенгагена Станиславом Вишневским, обитающим в апартаментах королевы Маргариты — видимо, в качестве квартиранта. В пересчете на доллары — семьсот шестнадцать тысяч.

Майор вызвал меня незамедлительно, принял сухо.

— Если вы ничего не знаете об этом, с позволения сказать, подарке, тогда я китайский император. Послезавтра истекает срок недельной проволочки, не начнете ли говорить сегодня?

Мое облегчение тут же сменилось полным недоумением.

— Сколько, простите, вы сказали? Семьсот шестнадцать тысяч?

— Точнее, семьсот шестнадцать тысяч двести восемьдесят шесть долларов и двадцать четыре цента.

— Какова прибыль! Народное государство заработало на этом деле почти сто сорок тысяч долларов! Можно сказать, чистоганом. Согласитесь, отнюдь неплохо?

— Народное государство заработало... О чем вы говорите? И вообще объясните наконец, что все это значит?

Я начала вдохновенную речь:

— Это все — неопровержимые доказательства деятельности в пользу государства. Доллары были отправлены контрабандой на Запад с целью приумножить национальное достояние — вы же знаете, у этих капиталистов деньги всегда пускаются в оборот и дают прибыль. Вот теперь и вернулись с прибылью к нам. Контрабандой выслано пятьсот семьдесят девять тысяч, а вернулось семьсот шестнадцать, то есть прибыль в сто с чем-то там... Вы сами посчитайте...

Майор онемел. Хотел что-то сказать, но голос не повиновался ему. Сама абсолютно сбитая с толку (каким это чудом счет вырос на сто с лишним тысяч), я тем не менее, не смущаясь, агитировала дальше.

— Вы можете их посадить — контрабанда, конечно, преступление, никто не спорит, но где здесь вы усмотрите нанесенный обществу вред? Совершайся лишь такие преступления, то-то оперилась бы Народная Польша! Обратите, пожалуйста, внимание, контрабанда велась исключительно для приумножения материального благосостояния отчизны, пострадавших не имеется, а виновники не сознались только из скромности. Если вам очень необходимо, они сознаются. Экономическая выгода предприятия не вызывает сомнений, и на вашем месте я бы ничего капиталистам обратно не отсылала, валюта нам нужна...

К майору наконец вернулся голос.

– Помолчите, ради бога!!! С вами с ума можно сойти! И вы еще меня убеждаете, что они...

Я послушно замолкла. Майор явно пришел в себя.

– Итак, вас нужно понимать следующим образом: контрабанда валюты в количестве свыше полумиллиона долларов произведена для увеличения капитала путем финансовых операций и пересылки всего капитала с прибылью обратно?

– Ну конечно же! Что-то в таком роде.

– И мне следует всему этому верить?

– Можете не верить, ваше право. Но доказательства черным по белому: семьсот шестнадцать миллионов... прошу прощения, тысяч. Кроме того, вы осведомлены, что частями в государственную казну пересылались более мелкие суммы, дабы не возникло недоразумений и сразу было понятно: речь идет о благе отечества.

– Вишневский... – глухо произнес майор.

– Именно, Вишневский. Обращаю ваше внимание также на одну мелочь. Перевели в Национальный банк всю сумму. Могли переслать меньше, ведь ни вы, никто иной не знаете, сколько пошло контрабандой. И доказательств никаких.

– А каковы же доказательства, что выслано все?..

– Если сомневаетесь, можете проверить. Вам охотно сообщат номер счета... пардон, не номер, а пароль. Пошлите кого-нибудь в Швецию узнать, не осталось ли чего...

Майор глубоко вздохнул, помолчал, оттолкнулся от стола и начал качаться на стуле. Видимо, потрясение миновало, он окончательно пришел в себя.

– Порядок. Признаюсь – вторая половина преступления действительно несколько необычна. Хотелось бы, правда, знать, откуда извлекались доллары для контрабанды. Быть может, соблаговолите объяснить?

– Не могу.

– Почему?

– Не знаю. Мне казалось, знаю, а выяснилось, нет. Они сами все объяснят.

– Они – это кто?

– Пани Маковецкая, к примеру.

– А не пан Тарчинский?

– И пан Тарчинский тоже. Мне все равно кто.

– И пан Ракевич?

– Нет, пан Ракевич не занимался контрабандой...

– Ага, пан Ракевич не занимался... А что делал пан Ракевич?

– Не знаю. Возможно, помогал ценными советами? Пан Ракевич – человек деловой...

— А вы и в самом деле задались целью всячески затруднять следствие? Нормально поговорить уже не в состоянии?

Я поколебалась, подумала и решила говорить правду.

— Не в состоянии. То есть охотно поговорю с вами, а показания давать отказываюсь. Я невиновна прямо-таки до омерзения, мне не вменить даже пустяка, могу вообще не отвечать. Свидетелем ни разу не была, собственными глазами ничего не видела и до конца всей аферы знала меньше, чем вы. Придумывала всякие глупости, одно время подозревала, что пан Ракевич убийца. И каюсь — не раз своими домыслами ввела вас в заблуждение. Скрывать было нечего, доказательств никаких не имела. Короче говоря, от показаний отказываюсь. Но с глазу на глаз могу вас заверить: источник контрабандного дохода ни за что в мире не сознается в том, что пострадал, а следовательно, контрабандисты тоже не признаются. И что дальше? Предположим, я скажу, валюта украдена у пана Дромадера, проживающего на улице Гощинского. Пан Дромадер категорически откажется, грабители тоже, меня там не было, дошли слухи, слухи, как всегда, вилами на воде пишутся. И что вам даст мое пылкое воображение?

— Ничего, — признал майор. — Насчет контрабанды... Меня вообще эта дурацкая контрабанда абсолютно не касается — не по моему ведомству. Меня интересуют все, причастные к преступлению. Непосредственно и косвенно, все равно. Вам разъяснить или сами понимаете?

— Хорошо бы... — заколебалась я, — у меня предложение...

Майор перестал качаться и посмотрел вопросительно.

— Во всех детективных романах под развязку ведущий следствие герой собирает всех подозреваемых, порой и преступника приглашает, и рассказывает всю историю. Преступник бледнеет, падает замертво или выпрыгивает в окно и тому подобное. Я предлагаю сделать наоборот.

— То есть? Падать замертво или выпрыгивать в окно придется мне?

— Нет, я изложу, как, на мой взгляд, все произошло. А вы меня поправите. Тут и разные люди выявятся...

Майор посмотрел на меня с большим интересом.

— Согласен. Попробуем.

— Только одна мелочь... — Я снова заколебалась. — Убийцу вы поймали?

— Это, значит, кого?

— Ну, Пежачека...

Майор помолчал.

— Вы догадались?

— Догадалась...

Он о чем-то поразмышлял. Глаза у него заблестели, поднял телефонную трубку.

– Сделаем уж совсем все наоборот. Вместо подозреваемых соберем всю группу, которая вела расследование. Сейчас справлюсь, все ли заинтересованные на месте, они охотно послушают...

Капитана Ружевича и поручика Петшака я знала хорошо, с поручиком Вильчевским познакомилась в связи с рольмопсами, поручика Гумовского мне галантно представили.

– Боюсь, мое выступление не представит большого интереса, – сожалела я. – Вы знаете все лучше меня...

– Не все, – отозвался поручик Вильчевский.

– Мы очень любим, – съехидничал капитан Ружевич, – слушать всякие истории по нескольку раз.

– Не станем терять времени, – распорядился майор.

Я смешалась и вместо запланированного пролога неуверенно забормотала:

– По-моему, все пошло с Франека и Весека. Пежачек когда-то использовал их, еще несовершеннолетних парнишек. Позже они остепенились и отказались сотрудничать – ремесло бандитов не очень-то привлекало их. Пежачек оставил их в покое, нанимал изредка и то для целей скромных – в солидных операциях, видимо, не соглашались участвовать. Наверняка шантажировал их хулиганским прошлым, о котором они хотели бы забыть. В милиции на заметке не состояли. Стоит ли говорить дальше?

– Стоит. Едем дальше.

– Нравом веселые парни любили поразвлечься и малость скучали в своей законопослушной жизни. Поэтому охотно согласились на безопасное предложение...

– Уточните, пожалуйста, что за предложение, – вежливо попросил поручик Гумовский.

– Как бы сказать... Вы, разумеется, понимаете, все это – лишь мои домыслы?

– Конечно, понимаем! Исключительно ваши домыслы...

– Так вот, они приняли предложение поразвлечься за счет разных мошенников. А почему бы нет? Попугать немного того или другого валютчика, вора, еще какую-нибудь особь такого же рода, забрать у них бабки. Тихо-спокойно, жулье в милицию не побежит, большого убытку не понесет, чистая прибыль и развлечение. Издавна зная всех наймитов и их методы – ведь работали же у Пежачека, – отлично справлялись со своей ролью. Быстренько сориентировались, что существует наводчик, потому как в жертвах почти всегда ходит один индивид. Предполагаю – из чистого любопытства захотели узнать, кто таков... Ну, вот так и поживали, приятно и весело, вплоть до того момента, когда Пежачек

получил по морде около газетного киоска...

– Нет, не до того момента, – живо вмешался поручик Гумовский. – Это когда валютчики пригрозили Пежачеку расправой.

– Перестань! – прервал его майор. – Не мешай свидетелю, выскажешься позже.

– И в самом деле, около киоска я оказалась свидетелем, – согласилась я. – Так вы говорите, расправой... Да, Пежачека тогда, наверное, чуть удар не хватил. Ну так вот, в конце концов он распознал Франека с Весеком и великое облегчение испытал. Мог их прищучить и вернуть доверие работодателей. А Дуткевича он, видно, смертельно возненавидел за то, что так долго не мог напасть на его след: Дуткевич с его наивной физиономией никак не вязался с жульнической средой. Не знаю подробностей, во всяком случае, Дуткевич стал для Пежачека врагом номер один. А этих двух парней припугнул, благо материала поднакопил, мог и милицией пригрозить, и разгневанными валютчиками. Парни, верно, перепугались, согласились избить Дуткевича. Убийство исключено, а намылить шею – всегда можно. А вот почему искали у Дуткевича деньги, по собственной инициативе или Пежачек велел...

– Велел... – пробурчал поручик Петшак.

– Велел? Полный идиот. Ведь убивать пошел, должен был наказать Франеку с Весеком тут же убираться!

– Перестаньте вмешиваться! – приказал майор коллегам. – Пежачек жадюга...

– А, понимаю! Денег хотел, только чужими руками, сам задержаться боялся... Они, видно, явились с отмычкой, не иначе. Дуткевич через глазок в двери узнал их, перепугался, в панике кинулся звонить Баське Маковецкой. Ее не застал, соседка сказала, что пошла ко мне.

– Ну, наконец-то... – вздохнул с облегчением майор.

– А те вломились, оглушили его, долго искали деньги. Пежачек ждал где-то выше – скорей всего, на чердаке; как только Франек с Весеком ушли, спустился и прикончил ненавистного Дуткевича, рассчитав, что подозрение падет на парней. Едва ли успел уйти, я приехала тотчас же, он, конечно, слышал, как поднималась по лестнице – была в туфлях на высоких каблуках... Удивляюсь одному, почему меня тоже не прикончил...

– Весьма сожалею, – вежливо заметил майор.

– Ясно, имея дело со мной, каждый бы сожалел... Франека и Весека он перепугал насмерть известием насчет убийства Дуткевича – оба исчезли. Возможно, сам же и помог им смыться. Во всяком случае, дознался, где они. У Франека выпросил ключи от гаража пана Ракевича. Что ведется след-

ствие, сообразить нетрудно, сведения получал, следил, чтоб о нем нигде ни гугу. И тут-то Баську дернуло учинить доверительную беседу в "Славянском". Пежачеков подлипала, тот, в красном шарфике, подслушал и сломя голову помчался звонить шефу, возможно не представляя себе, насколько это известие для него важно. Шеф всполошился: Баська знакома с Дуткевичем и с Гавелом, Франек у Гавела работал, Баська все сопоставит... словом, нависла серьезная угроза. Пежачек не медлил, выследил Баську, прилип к ней, как банный лист, на весь следующий день. Тип в красном платке, симулируя пьяного, увел машину у Гавела, оставил ее где-то в окрестностях Виланова, в курсе ли был красавчик в красном, зачем нужна машина, мне неизвестно...

– Мы полагаем, не был в курсе. – Майор становился все доброжелательнее.

– Пежачек сбил Баську, уверенный в полной безопасности: машина приведет к Гавелу, а его в темноте никто не узнает. Рассчитал точно – на месте происшествия, кроме меня, никого не было... На мотивы ему наплевать – пусть милиция ломает голову насчет причин, по которым пан Ракевич устранил из сей юдоли пани Маковецкую. Удивляюсь, как вы не попались на удочку.

– Порой случается поразмышлять и нам...

– Допускаю, что Франек и Весек доставили вам немало хлопот. На них трудно выйти – никогда не сидели, в милиции не числились. Не так ли?

– Все правильно, – похвалил майор. – И вообще ваши предположения довольно точны и заслуживают большого внимания. Пожалуйста, предполагайте дальше.

Это замечание несколько умерило мой пыл.

– Больше предполагать нечего. Ума не приложу, как вы докажете виновность Пежачека. Он и в самом деле сидел на чердаке у Дуткевича?

– Да, сидел.

– И, конечно, ни одна живая душа его не видела. Боюсь, мои смутные ощущения насчет зловещей атмосферы на лестнице еще не доказательство. Пан майор, что вы собираетесь делать?

Видно, на моем лице выразилась столь глубокая озабоченность, что майор сжалился.

– Представьте, Пежачек не сдал брюки в чистку, – конфиденциально сообщил он.

Поручик Гумовский хихикнул. Капитан Ружевич гневно фыркнул. А у меня забрезжила надежда.

– И что же? На брюках остались улики?

– Следствие почти закончено, преступники арестованы, протоколы вскорости отправим в прокуратуру. Официально

ставлю вас об этом в известность, ну а если говорить в частном порядке, то не думаю, чтобы вы прямиком отсюда побежали к Пежачековой конкубине. Подбросим вам пищу для новых предположений. У нас, сами понимаете, есть лаборатория...

– Все ясно! На брюках что-то оказалось? Чердачная пыль?

– Не только, едва различимые частицы краски с двери и кошачья шерсть.

– И на Дуткевиче шерсть оставил?.. А следы? Я их не затоптала?

– К счастью, нет. За походку на месте преступления моя вам горячая признательность. Вы пролетели туда и обратно, как балерина на конкурсе. Специально старались?

– Не помню. Просто пол горел у меня под ногами. Ладно, это доказательство того, что он там побывал, а как насчет убийства? Только дедукция?

– Какая там дедукция. Прямая улика. Дело в том, что Пежачек Дуткевича задушил, такие следы не сотрешь, лаборатория выдала однозначное заключение. Второго мнения быть не может.

Я вздохнула с огромным облегчением: Пежачек со своей свирепой рожей с самой первой встречи вызывал у меня глубочайшее отвращение. Майор восстановил кое-какие недостающие звенья. Франека и Весека задержали гораздо позже и совершенно случайно. Когда проверяли подозрительных лиц, внезапно сменивших место работы или жительства, получили сведения, что из авторемонтной мастерской на днях уволился порядочный парень, прекрасный работник. Весек на заметке не был, но ушел неожиданно. Обнаружили его быстро, а добраться до его дружка Франека и вовсе не составило труда. Спервоначалу оба отрицали все и вся, потом, однако, резко сменили тактику и разоткровенничались – полные рвения, в один голос во всем обвиняли Пежачека. Развернули свои показания на сто восемьдесят градусов, узнав об аресте Пежачека. Псевдоалкоголика в красном платке тоже задержали быстро, он повел себя аналогично, с той лишь разницей, что разговорчивым сделался, когда услышал о гибели человека под колесами украденной им у Гавела машины.

– Иначе говоря, Пежачек сам себя перехитрил, – суммировала я. – Туда ему и дорога. Интересно, зачем ему понадобился Дуткевич, неужели из ненависти?

– Ничего подобного, – оживился майор. – На Дуткевича ему было наплевать. Всю операцию задумал совсем из других соображений: хотел раз и навсегда подчинить себе этих парней, Франека с Весеком. Ни в чем не были замешаны – настоящий клад для Пежачека. А связанные убийством, по-

падали к нему в полную зависимость.

– Зачем?!

– Чтобы и дальше использовать их для расправ с неугодными людьми. До сих пор ничем не мог запугать, а добровольно на бандитизм не соглашались. Пежачек пошел ва-банк: парни позарез ему понадобились да и амбиция взыграла. Таков обычный метод преступников всех мастей, набирающих себе послушных клевретов.

– Кошмар. Откуда вам известно? Он признался?

– Нет, не признался, но это не важно. Все подтвердил этот, как его... С красным шарфом. Прихлебатель Пежачека. Пежачек от него не скрывал своих замыслов, похвалился, дескать, охомутает парней – не отвертятся.

– Надеюсь, найдутся для них смягчающие обстоятельства... Несколько лет честного труда...

– Мне бы хотелось, чтобы вы еще попредполагали, – попросил поручик Вильчевский. – Например, о контрабанде. Может, разовьете немного эту тему?..

– А ваши предположения насчет Рокоша? – съехидничал капитан Ружевич. – Что это за странная кража и почему, черт возьми, он все получил обратно?

– Предполагаю, что, осуществляя операцию по обогащению нашего отечества, компания включила его в число жертвователей ошибочно, – сообщила я с достоинством. – Он протестовал, ему все вернули. В успехе акции нет никакой его заслуги, несознательный элемент.

Капитана передернуло. Майор похохатывал. Поручик Гумовский обалдело воззрился на меня.

– То есть, значит, все... Как, простите?.. Жертвователи?.. Следует понимать, вся банда деятелей с черного рынка – элементы сознательные, имеющие заслуги?..

– Ну, если добровольно содействовали обогащению...

– Ага, как видите, добровольно! – с живостью подхватил майор. – Итак, вы утверждаете, что они добровольно передавали энные суммы для контрабанды, а признаться в своих добровольных деяниях не хотят, надо полагать, из скромности?

– Позвольте, я ничего не утверждаю, а всего лишь предполагаю. Но почему бы нет? Эффект, вы сами убедились, весьма впечатляющий!

Поручик Вильчевский охнул и схватился за голову:

– Сколько всего ушло контрабанды, хоть это скажите!!!

– Пятьсот семьдесят девять тысяч долларов...

– Только и всего! – разочарованно заключил капитан Ружевич, опомнясь наконец от шока. – Дело об убийстве у нас застегнуто на последнюю пуговицу, ведь убийство совершили обыкновенные, приличные, можно сказать, нормальные пре-

ступники. А все остальное – какое-то безумие и еще раз безумие, и тут ничего не поймешь, хоть головой об стенку бейся. Да уж, когда за преступление берутся порядочные люди, то выдумывают этакие комбинации – сам черт ногу сломит. Для меня это уже слишком.

– Ну уж нет, – не согласился майор. – Хуже всего, когда порядочные люди вступают в контакт с преступной средой. Вот вам наглядный пример... Представьте себе, кое-что мы здесь в милиции тоже предполагаем...

– Мы предполагаем, – начал, жалобно вздохнув, поручик Вильчевский. – Извините, предполагали... Некто контрабандой пересылает на Запад крупные суммы в прозаических, обыкновенных, так сказать, деловых целях – иначе говоря, для себя лично. Суммы эти где-то необходимо было взять. И некто взялся за разбои и грабежи...

– Да никаких грабежей, ведь объясняют же тебе – всего лишь добровольные пожертвования, – прервал его поручик Гумовский. – У нас есть версия, дорогая пани, что этот некто мягко убеждал наших черноыночных аферистов принять участие в благородной акции на благо родине.

– И еще одна версия: этот некто – на самом деле четверо ваших друзей, – включился майор. – Мы предполагаем также, что убеждения не очень подействовали, и тогда ваши друзья подключили себе заместителей. То есть Франека и Весека. Пани Маковецкая убедила своего поклонника Дуткевича потрудиться в роли наводчика, Дуткевич вступал в торговые сделки, а Франек и Весек нападали... то бишь, я хотел сказать, склоняли контрагентов к безвозмездным дарам. Растроганные мошенники не раздумывая передавали им все свое достояние. Предполагаем далее, что гонорар этим двум юношам выплачивал пан Ракевич, который в качестве благодетеля вызывает полнейшее наше почтение. Предполагаем еще, что некоторое время четверо друзей трудились на сей ниве самостоятельно и, лишь напоровшись на неприятности, а именно на сопротивление тупых и скаредных обладателей валюты, прибегли к помощи субъектов, бывших с законом несколько запанибрата. В конце концов, как видим, акция приняла нежелательный оборот. Признаюсь откровенно, до сих пор не смекнем, кто, черт бы его побрал, был шефом этой проклятой интеллигентской шайки!

– Не представляю... – смешалась я. – Кроме того, напрашивается вывод, что все испортил негодяй Пежачек. И зачем только его потянуло вмешаться в такую славную и, в общем-то, безобидную аферу...

Поручик Вильчевский скрипнул зубами. Капитан Ружевич с тихим стоном снова схватился за голову. Поручик Гумовский демонически захохотал.

– Подытожим: Пежачеку ваша славная афера явно пошла во вред, – изрек майор с каменным лицом. – Разумеется, все это лишь дедукции и предположения. А вот посылки от Вишневского – факт, таможенные декларации тоже. Не могли бы вы сообщить, кто, сил моих больше на вас не хватает, заполнял эти декларации и писал адреса?

Я удивилась.

– Понятия не имею. А разве вы не доискались? Но ведь лаборатория с легкостью определяет по почерку...

– Лаборатория определила. Только ни у одного из ваших друзей нет такого почерка, более того, и у членов их семей тоже другой. Мы надеялись, вы знаете...

С искренним огорчением пришлось признать, что и мне никто не приходит в голову. Довольно долго разговаривали мы, предполагая и допуская, в конце концов все единодушно пришли к одному мнению: милиция только ведет следствие, а дальше пусть уж решают прокуратура и суд. Из управления милиции я вышла весьма обеспокоенная, но и с надеждой на лучшее...

* *
*

Согласно Лялькиным пророчествам, о кражах и грабежах не заявил никто. Даже плешивый Виктор изменил показания: никакого ограбления не было – он просто пошутил и охотно заплатит штраф, или как это называется, за введение милиции в заблуждение. Смирившиеся четверо контрабандистов единодушно все отказались давать показания. В двусмысленном положении оказался Гавел, целиком зависевший от правдолюбия Франека и Весека, однако те Гавела проигнорировали, с большим удовлетворением все сваливая на Пежачека.

– При таком раскладе пожизненного заключения не дадут, – утешала я Баську и Павла, выходя от них. – В случае чего передачи вам обеспечу...

Мартин вышел вместе со мной.

– А по мне, так уж лучше сидеть. Завещатель после операции чувствует себя неплохо и скоро выпишется домой. Ума не приложу, что делать.

– Давай подумаем. Утраченного не вернуть, единственный способ заполучить марки вы прошляпили. Черт бы все побрал.

– И меня тоже. Хуже всего, владельца марок удар может хватить...

Я села в машину, Мартин со мной.

– Да, послушай, совсем забыла, – спросила я, включая

мотор. – Каким это манером датские кроны у вас размножились? Даже если Гавел наврал и вовсе не забрал свою часть, а только форсу напустил, все равно что-то многовато. Ну и чудеса!

Мартин ядовито хихикнул.

– Не чудеса, а кровавая ирония судьбы. Приди это нам в голову чуть пораньше, отказались бы от аферы. Наш общий приятель попросту с самого начала пускал капиталец в оборот.

– Какой общий приятель?

– Некто Юхан Гасмиа. Да ты его небось помнишь?!

Ошеломленная, я едва не врезалась в фонарный столб. Юхан Гасмиа!.. Норвежец, выигравший невероятные деньги на копенгагенских рысаках благодаря моим сумасшедшим идеям! Единственный знакомый, кого я забыла включить в список для майора!

– Опять же ирония судьбы, – ехидно заключил Мартин, когда я наконец перестала охать и ахать. – Умный мужик этот майор! Не случись тебе так глупо проворонить Юхана, он давно бы уже заполучил все нити. Я на твоем месте, пожалуй, не стал бы ему про Юхана сообщать – придушит тебя глазом не моргнув, и поделом.

– Это понятно, только я все-таки не понимаю, как они размножились? Юхан Гасмиа пустил в оборот? Тогда вы все должны были потерять!

– До краха просто еще не дошло. Помнишь, наш приятель всегда начинал блистательно, а кончал печально. Биржу он знает неплохо, только стоит ему успешно сыграть, как он зарывается и начинает рисковать. Таким манером потерял все выигранное тогда на скачках в Дании. Наши деньги пустил в оборот сразу и, как всегда спервоначалу, получил внушительные прибыли, которые делил честно: фифти-фифти. Однако постепенно прибыли все сокращались; и кажется, Юхан как раз вошел в стадию убытков, когда мы затребовали деньги. Сейчас, верно, просадит все, что заработал для себя. Приди мне вовремя в голову этот вариант, мы обошлись бы без помощников. Отослали бы ему первоначальный капитал, и он выиграл бы на бирже недостающую сумму. А ведь, стервец, не признавался, что занялся бизнесом, на днях только прислал мне расчет, и то неполный.

– Ну и как? Гавел свое забрал?

– А леший его знает. Ничего не могу сообразить: со счета постоянно что-то снимали и какие-то суммы постоянно поступали. Последняя операция – поступление, поэтому насчет Гавела ничего не могу сказать.

– Видать, правды никогда не узнаем. Слушай, а ты куда собрался?

Мартин осмотрелся, мы были уже на Пулавской.

– Если нетрудно, подбрось до больницы на Стемпинской. Надо все ж таки сориентироваться насчет самочувствия моего дамоклова меча. Давно не навещал.

Поехали в больницу, меня тоже интересовало, как обстоят дела. Вошли вместе. В холле больницы продавали сигареты. Я направилась к киоску, Мартин вежливо поклонился дежурному и пошел к лестнице.

– Послушайте, вы куда? Вашего родственника уже нет!

Я стремительно обернулась. Мартин замер на лестнице спиной к дежурному, с поднятой ногой.

– Из седьмой палаты? Его уже нет, – повторил дежурный доброжелательно.

Еще мгновение Мартин изображал живую картину. Потом, ужасно бледный, медленно повернулся.

– Умер? – спросил глухим голосом.

– Да что вы, домой поехал. Я ему и такси вызывал. Чувствует себя неплохо. Старый человек, больной, а силушка есть еще, дай бог всякому!

Мартин молча спускался с лестницы, как лунатик. Я забыла про сигареты.

– А когда этого пана выписали из больницы? Давно? – спросила я быстро.

– Да какое там давно – сегодня! Часа четыре, как уехал...

Я вышла, Мартин за мной, споткнулся о порог, сел в машину и застыл. Наконец закурил.

– И ничего страшного, – попыталась я приободрить Мартина.

Мартин не отвечал. Курил, уставившись в перспективу Стемпинской улицы. Я решила переждать. Вышла, вернулась в больницу и купила сигареты. Когда села в машину, Мартин спросил мертвым голосом:

– Ну? И что теперь?

Я попыталась его утешить.

– Из двух зол уж лучше, что жив остался. Хоть завещание не вскроют и вся авантюра не выплывет на свет божий. Возможно, удастся ему растолковать...

– Если бы тебе растолковали, что плакали все твои марки?

– Ну, я-то по крайней мере пристукнула бы тебя. Правда, у меня нет "Маврикиев". Хотя, пожалуй, апоплексический удар схлопотала бы.

– Он тоже схлопочет. И завещание вскроют, не говоря уже о гуманном отношении и прочее. Не знаю, куда податься. Бежать в Южную Америку?

– Не успеешь, нету паспорта. Послушай, давай подумаем. А вдруг умрет на месте от разрыва сердца, надо что-то предпринять... Если бы не проклятое завещание...

– Ха-ха! – Мартин скрипнул зубами. – Если бы не завещание!..

– Значит, надо убрать завещание. Разреши, подумаю вслух, лучше соображается. Вломиться к нотариусу... Чепуха. Сложно, да и времени требует. Лучше всего, чтобы сам. Надо уговорить его аннулировать завещание, новое пока не писать – любое завещание повлечет за собой разоблачение несчастной аферы. Аннулировать можно за пять минут: позвонит нотариусу, попросит привезти документ и уничтожит. Может, надо ехать самому, не представляю этой процедуры. Но к старичку должен же нотариус быть снисходительным. А попозже можно и о самой коллекции поговорить.

– Позволь узнать, каким образом уговорить его на это?

– Уговаривать не тебе! Тебя нужно всячески обругать. Предлагаю себя в жертву: пойду к старичку, очерню тебя, опорочу, оговорю, объясню, что ты скотина – какой уж из тебя наследник...

– И это даже справедливо...

– Не прерывай! Постараюсь убедить, что наследника надо выбрать осмотрительно. Прежде всего уничтожить завещание, а после спокойно обдумать.

– А после окажется, что ты совершенно права...

– Да помолчи же, наконец! Дальше тоже ехать на дипломатии, иначе он отправится в милицию. Если переживет свою потерю, разумеется... Тут уж не придется ждать снисхождения к подонку, то есть к тебе. Можно, конечно, все дело изобразить без тебя в главной роли, пожертвовать Баськой и Донатом. Беру это на себя. Баське все едино, а Донат и так выглядит лучше всех, почему-то майор его не учитывает. Видимо, сильно сомневается, принимал ли участие в авантюре, обвинить его можно разве что насчет записки о Рябом...

Бледный Мартин размышлял над моим планом.

– Нет. Сваливать на других – свинство. Я должен все сделать сам...

– Вот дурак! Ведь выплывет, что вся катавасия затеяна не ради пользы государству, а из-за частных марок!

– В эту пользу государству и так никто не верит.

– Но никто не докажет и противного. Если все выложишь, прикончишь и Баську с Павлом, и Доната! Не имеешь права! Обрати внимание, мы стоим около больницы, телефон тут рядом, внизу, начнешь выкидывать коленца, сразу вызову всех троих.

Мартин машинально взглянул на больничную дверь и снова тоскливым взглядом воззрился в пленэр улицы.

– Черт бы все побрал.

– В конце концов, они в пропаже виноваты, – злилась я.

– Ладно, – согласился Мартин через пять минут разду-

мий. – Я последняя скотина. Поехали, чем скорей, тем лучше.

Старый пан жил на втором этаже в старом доме. Я поднялась по мраморной лестнице и позвонила в дверь с двумя глазками. Мартин остался в машине.

Долго никто не отзывался, я забеспокоилась. Представила, что вот-вот опять обнаружу труп, мне сделалось плохо, и я чуть не сбежала. К счастью, за дверью раздалось шарканье.

Старый пан не задал глупого вопроса "кто там?", он открыл дверь, не снимая цепочки, и долго разглядывал меня. И в самом деле старенький, маленький, сухонький, как соломинка. Спросил, по какому делу.

Я объяснила: знакомая Мартина, кое-что хотела бы обсудить, но в квартире, а не на лестничной площадке. Старый пан колебался. Я назвала себя и протянула паспорт.

– А-а-а! – обрадовался старичок. – Так это вы? Я много о вас слышал, пан Тарчинский рассказывал! Прошу вас, пожалуйста, только разрешите – паспорт все-таки проверю...

Я чувствовала себя не в своей тарелке и, вручив старому пану паспорт, обругала про себя Мартина последними словами. Вот дурень! Распространялся про меня, а я его всячески поносить собираюсь! Другой темы для разговоров не нашел!..

Старый пан между тем проделал нечто весьма странное. Вернул мне паспорт, после чего выставил за дверь трубу с загнутым концом – нечто вроде перископа – и быстро повернул ее в обе стороны, проверяя, нет ли кого на лестнице. Я оторопела. Не обращая на меня внимания, старичок удостоверился, что на площадке разбойников нет, спрятал перископ, снял цепочку и открыл дверь. Тщательно запер ее за мной и тотчас же навесил цепочку. Я с сожалением отметила: в теперешней ситуации все его меры предосторожности нужны как рыбке зонтик.

– Прошу, прошу. Милостивая пани, позвольте дальше. Простите за скромный прием, но я только сегодня из больницы после тяжелой болезни и передвигаюсь с некоторым трудом. Прошу вас, присядьте...

Приглашая меня войти, он извлек из кармана бонжурки ключ, отпер дверь в комнату, впустил меня и жестом пригласил занять кресло возле большого довоенного письменного стола. Еще в прихожей я заметила открытую дверь в другую комнату и удивилась, почему он пригласил меня не туда, а в столь оберегаемое помещение. Я вознамерилась уже сесть в кресло, но взглянула на стол и утратила способность двигаться, так и не присев в кресло.

На черной поверхности стола в специальных прозрачных конвертах лежали две маленькие марки. Одна красная, другая голубая. На каждой – хорошо знакомая голова королевы Виктории...

— Боже праведный, что это?! — Ошеломленная, я не верила собственным глазам.

Старый пан подкатил к письменному столу столик на колесиках, на котором что-то лежало. Я не обратила внимания, загипнотизированная двумя маленькими квадратиками. Старый пан, посапывая, устраивался в кресле за столом.

— Это марки, досточтимая пани, — ответил он добродушно. — Марки с острова Маврикий.

Дипломатия, Мартин, афера — все тут же вылетело у меня из головы. Я готова была упасть перед старичком на колени, умоляя разрешить мне рассмотреть марки поближе. Оторваться от них у меня не хватало сил. Ноги подогнулись, я наконец плюхнулась в кресло и тут же вскочила снова.

— Настоящие? Настоящие "Маврикии"?.. И оба — однопенсовик и двухпенсовик?.. Чистые?..

— Все правильно, дорогая пани, чистые. Знаменитые "Маврикии" с ошибочной надпечаткой post office. Я вижу, вам не чужд интерес к маркам? Представьте себе, оба "Маврикия" со времени выхода в свет являются собственностью моей семьи. Прошу вас, хотите посмотреть?..

Кроме слов "боже милостивый", я ничего не могла произнести. Зато уж "боже милостивый" повторяла без конца. Владелец этих сокровищ, этой святыни обрадовался такой реакции непомерно, вручил мне лупу, выразил чрезвычайное удовлетворение по поводу встречи с родственной душой. И мы вместе с набожным благоговением созерцали плоды самочинной выходки губернаторши XIX века с острова Маврикий.

— Дорогая пани, вы застали меня за осмотром коллекции, я, будучи в больнице, очень соскучился по моим маркам, — сообщил конфиденциально старый пан, которому легче было оторваться от созерцания чуда, чем мне. — Очень приятно рассмотреть коллекцию в обществе столь тонкой ценительницы филателистики. Если, конечно, вы ничего не имеете против того, дабы посвятить этому занятию немного времени.

Немного!.. Не колеблясь, я посвятила бы неделю! Старый ангел в человеческом облике выдвинул ящик и начал вынимать плотные конверты. Я забыла закурить, пошла красными пятнами, начала задыхаться — под впечатлением то и дело забывала вдохнуть воздух. Передо мной лежали небывало прекрасные марки в идеальном состоянии, без подклеек и с печатями экспертов! Мир испарился из моей памяти.

— Как вам удалось не испортить марки наклейками? — спросила я ошеломленно, рассматривая пустяк — "Колумбов" стоимостью в семьсот фунтов. — Это же такая редкость!

— Мой светлой памяти покойный дед, к счастью, не свершил подобного святотатства, — с чувством ответствовал старый ангел. — Кажется, у него попросту не было кляссера.

А мой светлой памяти покойный отец мало интересовался коллекцией и продолжал хранить ее в конвертах. Я же занялся марками уже во времена, когда от наклейки марок в альбом отказались.

– Слава богу! А эти "Маврикии"? Они ведь, кажется, не учтены в каталоге?

– Совершенно справедливо изволили заметить, пока еще нет. Это единственные марки без печати экспертизы. Но их происхождение вне сомнений, и в надлежащее время марки вызовут сенсацию.

– Представляю себе!.. И вы не боитесь хранить дома коллекцию, да еще на виду, и впускаете чужих людей!

– Каких чужих людей?

– Как – каких? Меня же вы впустили?!

– Милостивая пани, вы особа не посторонняя! Вы сами видели, я весьма осторожен и человека чужого не впущу. К тому же мне столь недолго осталось жить... хотелось бы натешиться моими марками, а показать их особе, коей я доверяю, исключительно приятно! Одно из немногих удовольствий, еще оставшихся мне, и, верно, уже последнее, – созерцать эти великолепные марки вместе с человеком, умеющим их оценить!

– Мне вы доставляете поистине огромное удовольствие! Так приятно ваше доверие, не понимаю только, откуда вам известно...

– Я очень стар и знаю людей. Прошу лишь об одном: не рассказывайте о моих сокровищах.

– Ну конечно же, боже праведный! Ведь любой мошенник может обокрасть вас!

– Все может статься. Уже не раз пытались... Пока что я в безопасности, все уверены, что коллекция сохраняется в другом месте. В мое отсутствие кто-то проник в мой дом и все обыскал. Ничего не нашел.

– А где же были марки? – спросила я с интересом, уставившись в многочисленные варианты первой польской марки, и вдруг до меня дошло, о чем спрашиваю и на что смотрю. Я поперхнулась, онемела, мне сделалось нестерпимо жарко.

Старый пан лукаво посмотрел на меня.

– С собой в больницу не брал. Любителей марок, дорогая пани, много, очень много. За мной постоянно следили. В больнице скрупулезно обыскали все мои вещи. На следующий же день. Но я это предвидел – хе-хе! – старый воробей, меня на мякине не проведешь: известно, на что люди способны из-за денег...

Я глазела на него, все еще не владея ни одним из пяти органов чувств. Старый пан прямо-таки лучился гордостью.

– Так вот, я сделал вид, что передаю коллекцию в другие

руки, – продолжал он конфиденциально. – Разработал два варианта. Мне сообщили, что делалась попытка подкупить секретаршу нотариуса, хитростью, кажется, добрались даже до семейных драгоценностей, хранящихся у него. Это был первый вариант. А вторая ложная тропа вела к нашему молодому приятелю. Рассказываю об этом, потому что оба варианта не актуальны. А на самом деле я тщательно запаковал все в большую пачку и отослал на свое имя по адресу больницы. Заказной бандеролью.

Ко мне наконец вернулся голос.

– Господи Иисусе!.. – хрипло простонала я. – И вы не побоялись, что потеряется?! Пропадет где-нибудь в больнице?!

– Я надеялся на то, что на почте в это время не случится пожар, – ответил лукаво старый пан. – В больнице, получив посылку, я попросил главного врача положить в сейф пакет со старыми фотографиями и дневником моего друга... Больничный сейф – самое безопасное место...

У меня не было ни слов, ни голоса, ни мыслей, ни чувств. Двое убитых, схваченный преступник, чудовищная контрабандная авантюра, паника на черном рынке – все из-за выкраденного у Мартина депозита, который преспокойно лежал в больничном сейфе под наблюдением владельца!..

Когда я вышла от старого пана, был уже поздний вечер. Мартин сидел в машине совершенно зеленый. Не проронил ни слова, не взглянул на меня. Да, необходимо его подготовить и рассказать все осторожно и деликатно...

– На твоем месте я не отказывалась бы от наследства, – начала я осторожно и деликатно. – Феноменальные марки!

Мартин неподвижно смотрел прямо перед собой.

– Слышишь? Все в порядке. У старого пана к тебе ни малейших претензий за доверенную коллекцию. Он к тебе хорошо относится.

Мартин, не шевелясь, открыл рот и издал короткий хриплый звук. Я испугалась.

– Боже мой, успокойся же наконец, все в порядке! Не понимаю, что́ сперли у тебя, но коллекция вся у него. Полностью. Я и задержалась потому, что посмотрела все марки. Клянусь, оставленный у тебя пакет – просто очередной камуфляж. Не расстраивайся, я ему не сказала, что этот пакет исчез, но марок там не было.

Зеленоватая бледность на лице у Мартина для разнообразия сменилась яркой краской. Медленно, с усилием он повернулся ко мне.

– Ничего не понимаю, – выдавил хрипло. – Ты, кажется, что-то говоришь?..

С ангельским терпением я повторила всю историю трижды. Достала из багажника бутылку минеральной воды и по-

вторила в четвертый раз. Под влиянием воды и моих уверений Мартин наконец начал походить на живого человека. В пятый раз он уточнял подробности, задавая вопросы – голос к нему вернулся. В шестой раз рассказывать то же самое я отказалась.

– Совсем дошел? Ты ведь уже наизусть знаешь каждую деталь! Я сама обалдела от бесконечного повторения. Хватит, довольно!

– Это же прекраснейшая повесть на свете, – торжественно возвестил Мартин. – Хоть и завертелась из-за этих марок сумасшедшая карусель! Господи, как я упьюсь... Наконец-то меня перестанут мучить угрызения совести!

– В общем, да... Всех перестанут мучить...

– Да нет, я другое имею в виду. Меня еще страшно мучило, что я впутал в нашу аферу невинного старичка. Хорош невинный старичок!..

Я смотрела на него вопросительно – что-то тут не клеилось. Мартин пояснил.

– Ну, ты понимаешь – почерк свой человек не изменит, хоть бы встал на голову. Все эти посылки надо же было адресовать. Особенно от Вишневского. И представь себе, все адреса писал истинный виновник переполоха – наш невинный старичок, коварно обманутый мною. Большинство адресов написал гуртом. Естественно, никому не пришло в голову искать отправителя в больнице...

И в результате оказалось – я все-таки сказала майору чистую правду. Проклятое наследство вовсе не пропало, и потому не было иных причин всей этой безумной кутерьмы, кроме блага государства...

С. С. ВАН ДАЙН

ДВАДЦАТЬ ПРАВИЛ ДЛЯ ПИСАНИЯ ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНОВ

Детективный роман – это своего рода интеллектуальная игра. Больше того, это спортивное соревнование. И создаются детективные романы по строго определенным законам – пускай неписаным, но тем не менее обязательным. Каждый уважаемый и уважающий себя сочинитель детективов неукоснительно соблюдает их. Итак, ниже сформулировано своего рода кредо детективщика, основанное отчасти на практическом опыте всех больших мастеров детективного жанра, а отчасти на подсказках голоса совести честного писателя. Вот оно.

1. Читатель должен иметь равные с сыщиком возможности для разгадки тайны преступления. Все ключи к разгадке должны быть ясно обозначены и описаны.

2. Читателя нельзя умышленно обманывать или вводить в заблуждение, кроме как в тех случаях, когда его вместе с сыщиком по всем правилам честной игры обманывает преступник.

3. В романе не должно быть любовной линии. Речь ведь идет о том, чтобы отдать преступника в руки правосудия, а не о том, чтобы соединить узами Гименея тоскующих влюбленных.

4. Ни сам сыщик, ни кто-либо из официальных расследователей не должен оказаться преступником. Это равносильно откровенному обману – все равно как если бы нам подсунули блестящую медяшку вместо золотой монеты. Мошенничество есть мошенничество.

5. Преступник должен быть обнаружен дедуктивным путем – с помощью логических умозаключений, а не благодаря случайности, совпадению или немотивированному признанию. Ведь, избирая этот последний способ разгадки тайны преступления, автор вполне сознательно направляет читателя по заведомо ложному следу, а когда тот возвращается с пустыми руками, преспокойно сообщает ему, что разгадка все время лежала у него, автора, в кармане. Такой автор ничем не лучше любителя примитивных розыгрышей.

6. В детективном романе должен быть детектив, а детектив только тогда детектив, когда он выслеживает и рассле-

дует. Его задача состоит в том, чтобы собрать улики, которые послужат ключом к разгадке и в конечном счете укажут на того, кто совершил это низкое преступление в первой главе. Детектив строит цепь своих умозаключений на основе анализа собранных улик, а иначе он уподобляется нерадивому школьнику, который, не решив задачу, списывает ответ из конца задачника.

7. Без трупа в детективном романе просто не обойтись, и чем натуралистичней этот труп, тем лучше. Только убийство делает роман достаточно интересным. Кто бы стал с волнением читать три сотни страниц, если бы речь шла о преступлении менее серьезном! В конце концов, читатель должен быть вознагражден за беспокойство и потраченную энергию.

8. Тайна преступления должна быть раскрыта сугубо материалистическим путем. Совершенно недопустимы такие способы установления истины, как ворожба, спиритические сеансы, чтение чужих мыслей, гадание с помощью "магического кристалла" и т. д. и т. п. У читателя есть какой-то шанс не уступить в сообразительности детективу, рассуждающему рационалистически, но, если он вынужден состязаться с духами потустороннего мира и гоняться за преступником в четвертом измерении, он обречен на поражение ab initio*.

9. Должен быть только один детектив, то бишь только один главный герой дедукции, лишь один deus ex machina**. Мобилизовать для разгадки тайны преступления умы троих, четверых, а то и целого отряда сыщиков – значит не только рассеять читательское внимание и порвать прямую логическую нить, но и несправедливо поставить читателя в невыгодное положение. При наличии более чем одного детектива читатель не знает, с которым из них он состязается по части дедуктивных умозаключений. Это все равно что заставить читателя бежать наперегонки с эстафетной командой.

10. Преступником должен оказаться персонаж, игравший в романе более или менее заметную роль, то есть такой персонаж, который знаком и интересен читателю.

11. Автор не должен делать убийцей слугу. Это слишком легкое решение, избрать его – значит уклониться от трудностей. Преступник должен быть человеком с определенным достоинством – таким, который обычно не навлекает на себя подозрений.

12. Сколько бы ни совершалось в романе убийств, преступник должен быть только один. Конечно, преступник

*С самого начала (*лат.*).

**бог из машины (*лат.*), то есть неожиданно появляющееся в античных драмах божество, распутывающее положение, казавшееся безнадежным.

может иметь помощника или соучастника, оказывающего ему кое-какие услуги, но все бремя вины должно лежать на плечах одного человека. Надо предоставить читателю возможность сосредоточить весь пыл своего негодования на одной-единственной черной натуре.

13. В детективном романе неуместны тайные бандитские общества, всякие там каморры и мафии. Ведь захватывающее и по-настоящему красивое убийство будет непоправимо испорчено, если окажется, что вина ложится на целую преступную компанию. Разумеется, убийце в детективном романе следует дать надежду на спасение, но позволить ему прибегнуть к помощи тайного общества – это уже слишком. Ни один первоклассный, уважающий себя убийца не нуждается в подобном преимуществе.

14. Способ убийства и средства раскрытия преступления должны отвечать критериям рациональности и научности. Иначе говоря, в детективный роман нельзя вводить псевдонаучные, гипотетические и чисто фантастические приспособления. Как только автор воспаряет на манер Жюля Верна в фантастические выси, он оказывается за пределами детективного жанра и резвится на неизведанных просторах жанра приключенческого.

15. В любой момент разгадка должна быть очевидной – при условии, что читателю хватит проницательности разгадать ее. Под этим я подразумеваю следующее: если читатель, добравшись до объяснения того, как было совершено преступление, перечитает книгу, он увидит, что разгадка, так сказать, лежала на поверхности, то есть все улики в действительности указывали на виновника, и, будь он, читатель, так же сообразителен, как детектив, он сумел бы раскрыть тайну самостоятельно задолго до последней главы. Нечего и говорить, что сообразительный читатель частенько именно так и раскрывает ее.

16. В детективном романе неуместны длинные описания, литературные отступления на побочные темы, изощренно тонкий анализ характеров и воссоздание "атмосферы". Все эти вещи несущественны для повествования о преступлении и логическом его раскрытии. Они лишь задерживают действие и привносят элементы, не имеющие никакого отношения к главной цели, которая состоит в том, чтобы изложить задачу, проанализировать ее и довести до успешного решения. Разумеется, в роман следует ввести достаточно описаний и четко очерченных характеров, чтобы придать ему достоверность.

17. Вина за совершение преступления никогда не должна взваливаться в детективном романе на преступника-профессионала. Преступления, совершенные взломщиками или бандитами, расследуются управлениями полиции, а не писа-

телями-детективщиками и блестящими сыщиками-любителями. По-настоящему захватывающее преступление – это преступление, совершенное столпом церкви или старой девой, известной благотворительницей.

18. Преступление в детективном романе не должно оказаться на поверку несчастным случаем или самоубийством. Завершить одиссею выслеживания подобным спадом напряжения – значит одурачить доверчивого и доброго читателя.

19. Все преступления в детективных романах должны совершаться по личным мотивам. Международные заговоры и военная политика являются достоянием совершенно другого литературного жанра – скажем, романов о секретных разведывательных службах. А детективный роман про убийство должен оставаться, как бы это выразиться, в уютных, "домашних" рамках. Он должен отражать повседневные переживания читателя и в известном смысле давать выход его собственным подавленным желаниям и эмоциям.

20. И наконец, еще один пункт для ровного счета: перечень некоторых приемов, которыми теперь не воспользуется ни один уважающий себя автор детективных романов. Они использовались слишком часто и хорошо известны всем истинным любителям литературных преступлений. Прибегнуть к ним – значит расписаться в своей писательской несостоятельности и в отсутствии оригинальности.

а) Опознание преступника по окурку, оставленному на месте преступления.

б) Устройство мнимого спиритического сеанса с целью напугать преступника и заставить его выдать себя.

в) Подделка отпечатков пальцев.

г) Мнимое алиби, обеспечиваемое при помощи манекена.

д) Собака, которая не лает и позволяет сделать в силу этого вывод, что вторгшийся человек не был незнакомцем.

е) Возложение под занавес вины за преступление на брата-близнеца или другого родственника, как две капли воды похожего на подозреваемого, но ни в чем не повинного человека.

ж) Шприц для подкожных инъекций и наркотик, подмешанный в вино.

з) Совершение убийства в запертой команте уже после того, как в нее вломились полицейские.

и) Установление вины с помощью психологического теста на называние слов по свободной ассоциации.

к) Тайна кода или зашифрованного письма, в конце концов разгаданная сыщиком.

1928

РОНАЛЬД НОКС

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА

I. *Преступником должен быть кто-то, упомянутый в начале романа, но им не должен оказаться человек, за ходом чьих мыслей читателю было позволено следить.*

Таинственный незнакомец, который явился неизвестно откуда, например сошел, как это часто бывает, с борта корабля, и о существовании которого читатель никак бы не мог догадаться с самого начала, портит все дело. Вторую половину этой заповеди труднее сформулировать в точных выражениях, особенно в свете некоторых замечательных находок Агаты Кристи. Пожалуй, вернее будет сказать так: автор не должен допускать при изображении персонажа, который окажется преступником, даже намека на мистификацию читателя.

II. *Как нечто само собой разумеющееся исключается действие сверхъестественных или потусторонних сил.*

Разгадать детективную тайну при помощи подобных средств– это все равно что выиграть гребную гонку на реке с помощью спрятанного мотора. И в этой связи я позволю себе высказать мнение, что рассказам Честертона об отце Брауне присущ один общий недостаток. Автор почти всегда пытается направить читателя по ложному следу, внушая ему мысль, что преступление, должно быть, совершено каким-то магическим способом, но мы-то знаем, что он неизменно верен правилам честной игры и никогда не опустится до подобной разгадки. Поэтому, хотя нам редко удается угадать настоящего преступника, мы обычно лишены возможности пощекотать себе нервы, подозревая не того, кто совершил преступление.

III. *Не допускается использование более чем одного потайного помещения или тайного хода.*

Я бы добавил к этому, что автору вообще не следует вводить в повествование потайную дверь, если только действие не происходит в таком доме, в каком можно предположить существование подобных вещей. Когда мне случилось прибегнуть в одной книжке к тайному ходу, я позаботился о том, чтобы заранее сообщить читателю, что дом принадлежал католикам в эпоху гонений на них. Потайной ход в "Загадке Редхауза" Милна вряд ли отвечает правилам честной игры: если бы в доме современной постройки был сделан потайной ход – невероятно дорогое, между прочим, удовольствие, – об этом наверняка знала бы вся округа.

IV. *Недопустимо использовать доселе неизвестные яды, а также устройства, требующие длинного научного объяснения в конце книги.*

Может быть, и существуют неизвестные яды, оказываю-

щие совершенно неожиданное действие на человеческий организм, но пока-то они еще не обнаружены, и, покуда они не будут открыты, нельзя использовать их в произведениях литературы – это не по правилам! Почти все вещи Остина Фримена, написанные как отчеты о делах, раскрытых доктором Торндайком, имеют небольшой изъян по части медицины: для того чтобы оценить, до чего хитроумной была разгаданная загадка, нам приходится выслушать под занавес длинную научную лекцию.

V. *В произведении не должен фигурировать китаец.*

Чем вызван этот запрет, я не знаю; наверное, причину надо искать в привычном для Запада представлении о жителе Небесной империи как о существе чересчур умном и недостаточно нравственном. Могу лишь поделиться собственным опытом: если вы, перелистывая книгу, натолкнетесь на упоминание о "глазах-щелочках китайца Лу", лучше сразу отложите ее в сторону – это плохая вещь. Единственное исключение, которое приходит мне на ум, – возможно, есть и другие – это "Четыре трагедии Мемуорта" лорда Эрнеста Гамильтона.

VI. *Детективу никогда не должен помогать счастливый случай; он не должен также руководствоваться безотчетной, но верной интуицией.*

Может быть, это слишком сильно сказано; детективу позволительно испытывать озарения, строить догадки по наитию, но, прежде чем начать действовать, он обязан проверить их в ходе подлинного расследования. И опять-таки вполне естественно, что у него будут моменты прозрения, когда ему внезапно откроется смысл предшествовавших наблюдений. Но недопустимо, например, чтобы он обнаружил пропавшее завещание в механизме высоких стоячих часов, поскольку-де необъяснимый инстинкт подсказал ему, что искать нужно именно там. Он должен заглянуть в часы потому, что именно там спрятал бы завещание он сам на месте преступника. И вообще, необходимо проследить за тем, чтобы не только общий ход рассуждений детектива, но и каждое частное умозаключение были добросовестно выверены, когда дело дойдет до объяснения в конце.

VII. *Детектив не должен сам оказаться преступником.*

Это правило применимо только в том случае, если автор лично засвидетельствует, что его детектив – действительно детектив; преступник может на законном основании выдать себя за детектива, как это случилось в "Тайне дымовых труб", и ввести в заблуждение других персонажей, подсунув им ложную информацию.

VIII. *Натолкнувшись на тот или иной ключ к разгадке, детектив обязан немедленно представить его для изу-*

чения читателю.

Любой писатель способен набросить на повествование покров таинственности, поведав нам, что в этот самый миг великий Пиклок Холс вдруг нагнулся и поднял с земли предмет, который не пожелал показать сопровождавшему его другу. Он лишь прошептал: "Ага!" – и лицо у него стало серьезным. Все это – неправомерный способ разгадывания детективной тайны. Мастерство писателя-детективщика состоит в том, чтобы суметь выставить свои ключи к разгадке напоказ и с вызовом сунуть их нам прямо под нос. "Вот, смотрите! – говорит он. – Что, по-вашему, из этого следует?" А мы только глазами хлопаем.

IX. *Глуповатый друг детектива, Уотсон в том или ином облике, не должен скрывать ни одного из соображений, приходящих ему в голову; по своим умственным способностям он должен немного уступать – но только совсем чуть-чуть – среднему читателю.*

Это правило адресовано тем, кто хочет совершенствоваться; вообще-то, в детективном романе вполне можно обойтись без Уотсона. Но если уж он там есть, то существует он для того, чтобы дать читателю возможность помериться интеллектуальными силами со спарринг-партнером. "Может быть, я рассуждал и не очень умно, – говорит он себе, закрывая книгу, – но по крайней мере я не был таким слабоумным тупицей, как бедный старина Уотсон".

X. *Неразличимые братья-близнецы и вообще двойники не могут появляться в романе, если читатель должным образом не подготовлен к этому.*

Это слишком простой прием, и основан он на слишком маловероятном предположении. Добавлю в заключение, что никакому преступнику не следует приписывать исключительные способности по части изменения своего внешнего вида, если только автор честно не предупредит нас, что этот человек, будь то мужчина или женщина, привык гримироваться для сцены. Как восхитительно, например, упомянуто об этом в "Последнем деле Трента"!

1929

ПРИСЯГА ДЕТЕКТИВНОГО КЛУБА

Председательствующий обращается к Кандидату:

Имярек, есть ли у вас твердое желание стать Членом Детективного Клуба?

Кандидат громким голосом отвечает:

Да, у меня есть такое желание.

Председательствующий:

Обещаете ли вы, что ваши детективы будут старательно и честно расследовать преступления, которые вы предложите им раскрыть, используя ту сообразительность, какою вам заблагорассудится их наделить, и не полагаясь на божественное откровение, женскую интуицию, колдовство, действие тайных сил, совпадение или провидение?

Кандидат:

Обещаю.

Председательствующий:

Клянетесь ли вы никогда не скрывать от читателя важного ключа к разгадке?

Кандидат:

Клянусь.

Председательствующий:

Обещаете ли вы соблюдать приличествующую сдержанность и не слишком увлекаться бандами, преступными сговорами, лучами смерти, призраками, гипнозом, люками-ловушками, китайцами, архипреступниками и сумасшедшими, а также никогда и ни при каких обстоятельствах не прибегать к загадочным ядам, неизвестным науке?

Кандидат:

Обещаю.

Председательствующий:

Будете ли вы блюсти нормы правильного литературного английского языка?

Кандидат:

Да.

Далее Председательствующий спрашивает:

Имярек, есть у вас нечто такое, что вы чтите как святыню? *После того как Кандидат назовет ту вещь, которую он считает для себя особо священной, Председательствующий спрашивает у него:*

Имярек, клянетесь ли вы тем-то *(здесь Председательствующий называет вещь, которую Кандидат объявил особо для него священной)*, что станете добросовестно соблюдать все эти обещания, которые вы дали, покуда являетесь Членом Клуба? *Если же Кандидат не сможет назвать вещь, которую он чтит как святыню, Председательствующий предлагает ему поклясться следующим образом:*

Имярек, клянетесь ли вы надеждой на повышение поступлений от продажи ваших книг, что станете добросовестно соблюдать все эти обещания, которые вы дали, покуда являетесь Членом Клуба?

На что Кандидат отвечает так:

Торжественно клянусь. И, кроме того, обещаю и обязуюсь, храня верность Клубу, не красть и не разглашать ни-

каких сюжетов или секретов, сообщенных мне до публикации кем-либо из Членов, будь то под влиянием спиртного или по какой-либо другой причине.

Тогда Председательствующий обращается к Собранию:

Если кто-либо из присутствующих Членов возражает против Предложения о принятии, пусть он или она заявит об этом. *В случае, если возражение будет высказано, Председательствующий назначает время и место для подобающего обсуждения данного вопроса и объявляет Кандидату и Собранию:*

Поскольку мы проголодались и дабы избежать неподобающе ожесточенных споров между нами, я приглашаю вас, Имярек, быть сегодня нашим Гостем и напоминаю вам о вашем торжественном обещании касательно кражи или разглашения сюжетов и секретов.

Если же возражений высказано не будет, Председательствующий говорит, обращаясь к Членам:

Итак, провозглашаете вы Имярека Членом нашего Клуба? *Тогда под руководством Церемониймейстера Собрания или Члена, назначенного Секретарем исполнять церемониймейстерские обязанности, собравшиеся выражают единодушное одобрение громкими возгласами в полную меру своих способностей и возможностей. После того как клики прекращаются, будь то из-за необходимости перевести дух или по какой-либо другой причине, Председательствующий делает следующее объявление:*

Имярек, вы по всем правилам приняты в Члены Детективного Клуба, и если вы нарушите данное вами обещание, то пусть другие писатели раньше вас используют ваши сюжеты, пусть ваши издатели околпачат вас при заключении договоров, пусть незнакомые люди притянут вас к суду за клевету, пусть страницы ваших книг будут кишеть опечатками и пусть тиражи ваших книг станут неуклонно сокращаться. Аминь.

Кандидат, а вслед за ним и все присутствующие Члены произносят:

Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

Агата Кристи
ПЯТЬ ПОРОСЯТ
Роман

Иоанна Хмелевская
ПРОКЛЯТОЕ НАСЛЕДСТВО
Роман

ИБ № 5598

Редакторы русского текста С. Белов, Л. Ермилова
Художник Е. Шешенин
Художественный редактор В. Тихомиров
Технический редактор Е Макарова
Корректор Н. Лукахина

Сдано в набор 26.10.89. Подписано в печать 18.01.90.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Пресс-Роман
Печать офсетная. Усл.печ.л. 21,0. Усл.кр.-отт. 21,42.
Уч.-изд.л. 24,78. Тираж 500000 экз. Заказ № 1616. Цена 2р.60к.
Изд. № 6840

Издательство "Радуга" Государственного комитета СССР
по печати
119859, Москва, ГСП-3, Зубовский бульвар, 17.

Отпечатано с оригинал-макета способом фотоофсет на
Можайском полиграфкомбинате В/О Совэкспорткнига
Государственного комитета СССР по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93

2 р. 60 к.

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Став обладателем этой книги, Вы
— обеспечили себе увлекательное чтение,
— внесли посильный вклад в улучшение экологической обстановки на планете.
Совместные издания ''Радуги'' и кооператива ''Гамма-Втор'' печатаются на бумаге, изготовленной из вторичного сырья, и реализуются только в обмен на макулатуру.

Сохраним леса для наших детей!

''Радуга''
''Гамма-Втор''

Агата Кристи Пять поросят

Иоанна Хмелевская Проклятое наследство